

МИРОНОВ

Евгений
Лосев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В книге писателя Евгения Лосева рассказывается о трагической судьбе легендарного командарма Второй Конной армии Филиппа Козьмича Миронова. Книга основана на архивных документах.

- [Евгений Лосев](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [Часть вторая](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [Часть третья](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- notes
 - 1
 - 2

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК

715

Евгений Лосев

МИРОНОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Рецензенты:

кандидат исторических наук

А. В. ШИШОВ

кандидат исторических наук

И. А. ГАРАЕВСКАЯ

© Лосев Е. Ф. 1991 г.

*Светлой памяти моей мамы Пелагеи Ивановны,
папы Федора Стефановича и бабунюшки Натальи
Георгиевны Лосевых.*

Часть первая

Судьба бывает трагична и немилосердна к человеку... Всю жизнь сражаться за Родину, любить ее до самопожертвования и быть трижды приговоренным к смертной казни... Как же так? Что же это такое? Где же справедливость?!

Филипп Козьмич Миронов, командующий Второй Конной армии, после победы над Врангелем следовал в Москву, к месту нового назначения. Его ждал высокий пост главного инспектора кавалерии Красной Армии.

Победоносные артиллерийские залпы Второй Конной армии возвестили миру о конце гражданской войны в России. Революция была спасена. Огромная страна обрела долгожданный покой. Имя Миронова предполагалось запечатлеть навечно в списке национальных героев России.

Позади страшные кровавые кавалерийские атаки и злобно-торжествующие крики войны. Повезло казаку и на этот раз: смертельная опасность миновала — шальная пуля не задела, не настиг удар вражеской шашки.

Тревожно-радостный покой и в душе Филиппа Козьмича Миронова. Мир. Умиротворенно и сонно постукивают колеса отдельного классного вагона, специально выделенного для командарма. Рядом красавица жена. Надо ли объяснять, как он счастлив! Молодой, блестящий кавалерист. Талантливый и честлюбивый донской казак. Любуясь Наденькой-Надюшей, он тихонько напевает:

А ты, разродимая моя маманюшка,
Не печалься дюжа обо мне.
Ведь не все же, моя дорогая,
Умирают на войне.

Голосом красивым бог наделил — баритон. В ранней молодости по большим праздникам пел на клиросе. Бывало, только молва пронесется — Миронов будет петь, — народ валом валит в церковь...

Разродимая моя сторонюшка,
Не увижу больше я тебя,

Не увижу, голос не услышу
На утренней зорьке в саду соловья...

Тихая, счастливая грусть расслабляет сердце, затуманивает взор. Нужно, вероятно, быть потомственным донским казаком, чтобы понять эту крутую, необыкновенную любовь к родимой сторонушке и задушевность песни, в которой заключалась вся духовная жизнь казака. В нее он вкладывал всю свою мятежную душу и сердце, по-юношески влюбленное в родимый край. Песенники, особенно дисканты в донских степных хуторах и станицах, без которых не слагалась казачья песня, особо почитались, уверовав, что этот дар им дается от Бога. Так, по крайней мере, считали набожные старики и старушки. А послушать хорошую песню, по обычаю, сбегались отовсюду на прогон, куда по-настоящему стекался весь хутор, молодые и старые. И прогон тогда пестрел всеми цветами празднично разодетой толпы. Играют на балалайках парни — девушки подпевают. Частит тальянка — рвутся в пляске чирики¹.

Отдельно собираются песенники в круг. Песни поют все больше старинные, казачьи, полные тягучей печали и грусти: «Поехал казак во чужбину на своем добром коне вороном... Ему не вернуться в отеческий дом...» Бабы, привычно подперев ладонью щеку, тоскуют о своем коротком, зыбком бабьем счастье. Казаки, вскинув чубатые головы с заломленными набекрень фуражками, внешне ничем своего волнения не выдают, но если внимательно всмотреться в их суровые лица, то покажется, будто еще чуток, и из затуманенных глаз вот-вот брызнет жгучая казачья слеза.

Донской казак... Каков он? Разве обойдешься малым количеством слов, чтобы объяснить его непростую натуру? В донском казаке одновременно уживались грубая сила, бесстрашие в бою, отвага, подчас ненужная свирепость, жестокость — и печаль и нежность отзывчивого сердца, широта и щедрость натуры как безбрежные, пырейные отводные степи. Обостренное чувство товарищества.

А песня наливается силой, будит воспоминания о былых походах, погибших товарищах, канувших в вечность годах. И чей-то дискант вдруг высоко вскинется над гудящими басами, словно с высоты захочет в последний раз окинуть удалую юность свою.

Призадумавшись, сидят поодаль дородные, пожилые казаки. Они не в силах стряхнуть нахлынувшее очарование и оцепенение. Наконец, откашлявшись, кто-нибудь из них с наигранной насмешливостью молвит:

— Ну и жалостливо дишканит, поганец, чисто по-бабьи... Давай закурим, что ли, полчанин...

Скованный памятью, Миронов уже ничего и никого вокруг себя не замечал. Где он был сейчас? Далеко-далече, в родной степи... Пересохшими от волнения губами повторял: «Ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы...» Казалось, в напеве этом чудилось буйство, разудалость. А повнимательнее прислушаться — возникнет ощущение еле уловимой, но глубокой печали. И еще ярче — невысказанной тоски.

Молодая жена? Она не сводила с него преданных, замороженных глаз. Нет на свете другого такого Миронова, и этот, единственный, неповторимый — здесь рядом, ее, только ее. И даже колеса вагона пели юной, пылкой, любящей душе: «Какое счастье!.. Счастье какое. Боже мой...»

Филиппа Козьмича с молодой красавицей женой встречали в Михайловке торжественно. Наде-Надюше отвели чистую, пропахшую высохшим чабрецом хату. А сам Миронов начал принимать многочисленные делегации. Все поздравляли его душевно и уважительно с прибытием в родные края. Вернее, с кратковременной побывкой. Старики казаки особо отмечают — несмотря на высокое звание, не зазнается Миронов, помнит всех и привечает. Добрый, толковый казак. Он ведь их герой, гордость и слава северных донских станиц...

Парад войск Михайловского гарнизона в честь приезда легендарного командарма Второй Конной. Густой топот сотен копыт. Блеск молодых глаз... Что ни казак, то как впаянный в седло... Филипп Козьмич любит парадом. У него на груди алый бант. То и дело он салютует золотым оружием. В эфесе шашки — орден Красного Знамени — высшая награда того времени. Боевой конь, чуя радость седока, пляшет под ним. И будто разверзлось синее небо от колокольного набата всех церквей в честь героя Дона, и огненной масти донской скакун нес горделивого седока в солдатской шинели мимо ликующей толпы земляков. Стальной, как удар клинка, взгляд теплел. Губы после бешеных, злобно-отчаянных и Злобно-торжествующих криков войны, кажется, впервые раздвинулись в подобие улыбки. И, может быть, хоть на миг он почувствовал на них аромат лазоревых цветов вместе с раннею росистой дрожью — будто седовласый пастушонок вернулся под крышу родимого куреня в хуторе Буерак-Сенюткин. Вдруг защемившее сердце толкнуло память с такой силой, что невольно на затвердевшие, как кора старого дуба, щеки из уголков глаз поползли тяжелые, как свинец, слезы. Не облегчающие и не очищающие

душу. Последние в его детско-молитвенном сне жизни... Ровно девять долгих смертельно опасных лет он играл со смертью и сотни раз мог, как подобает воину, с честью погибнуть на поле боя, но то, что с ним произошло, нельзя было увидеть даже в страшном сне...

Ярко сияет февральское солнце. Пахнет сухой чабрец... На окраине Михайловки в снежной степи колышутся былинки с сиреневыми головками удивительных цветов — бессмертников... «Ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы...» Родина... Здесь и воздух особенный... Надя-Надюша, любимая... Пусть будет сын... Казак...

Надя-Надюша радостно встретила промерзшего, заиндевелого на вечернем морозце мужа. Помогла раздеться, умыться и усталого уложить в чистую постель. Принесла душистого, заваренного мятой чаю. Присев на койку, наклонилась над ним. Волосы, только что вымытые, волнами упали ему на лицо, и он, вдыхая их аромат, прерывисто начал дышать, чувствуя молодое и желанное тело... Надя-Надюша как бы замерла, с восторгом и удивлением ожидая трепетного единения...

Внезапно дверь кто-то рванул с такой силой, что крючок выскочил из притолоки и звякнулся о деревянный пол.

— Миронов! — вскрикнула Надя.

Пусть бы раскололись небо и земля — не так изумился бы Миронов и не дрогнул бы он, не знавший страха в бою, но то, что произошло дальше...

В горницу с наганами и винтовками на изготовку ворвались чекисты. Перед глазами командарма замелькал белый листок — ордер на арест... Миронова грубо затолкали в передний угол под божницу, наставили в упор винтовки с привинченными штыками и приказали не шевелиться...

Филипп Козьмич ошеломлен. Унижен. Раздавлен. Кто посмел с ним так поступить на родной сторонushке — он даже охрану не взял с собою... Кто-то толкнул его, в этот миг обезумевшего, то ли нечаянно, то ли намеренно... Настоящего донского казака можно физически уничтожить, но он не даст себя оскорбить... Очнулся. Не открывая глаз, позвал жену и как можно спокойнее сказал: «Пожалуйста, горячего чаю. Все тело ноет, больно даже шевельнуться — наверное, в дороге простудился... Да и сон видел такой, что на душе мерзко...» Подождал. Ему никто не ответил. Вокруг тишина. Открыл глаза. Одиночный каменный мешок. Миска с похлебкой. Кусок хлеба... Рванулcя встать, но со стоном повалился на голый топчан. Вспомнил... Значит, все правда?! Значит, кто-то заранее готовил эту провокацию? Враги? Кто они? У Миронова, храброго, талантливого, да еще и правдолюбца, их было предостаточно. Это только

трусам да глупцам спокойно живется... А жена... любимая, беспомощная, ждущая в счастливый час зачатого ребенка?.. Обостренная мысль искала выход: где, когда, в чем он совершил такое, за что положена такая жестокая, оскорбительная кара? Но толстые стены Бутырской тюрьмы молчали. Иногда этому сильному, отважному человеку казалось, что он сошел с ума и все это происходит не с ним и не на самом деле...

Ночь? День? Утро? Ничего не замечал и уж ничего не ждал от злой, немой силы, которая не посчиталась ни с чем, оскорбив и унизив его и как воина, и как гражданина, и как мужа молодой беременной жены... Мятущийся, он объявил смертельную голодовку. Мысль еще больше обострилась. Ему надо выбраться на волю, туда, где он принадлежит сам себе и больше никому. Невозможно? Это слово он не любил никогда. И он ушел из камеры, пропахшей неволей, он убежал на просторы жизни.

Память очищает душу и сердце, но она и жестока, и беспощадна, и не знаешь, куда девать разбуженную совесть: то ли краснеть-бледнеть, то ли вскакивать с насиженного места, будто под тебя сыпанули раскаленных до белизны углей. Особенно когда ты остаешься один, когда никто за тобою не подсматривает, окунаешься в кажущийся сладким сон с надеждой и ясной душой. А вынырнешь — липкая тина на лице и в сознании.

Гора Пирамида... Но разве он, Миронов, виноват в том, что произошло на этой самой горе?! И почему именно она вспомнилась сейчас? А разве память выбирает события, о которых ей вдруг вздумается поведать своему собственному хозяину?.. Может быть, вспомнилась просто потому, что это самое высокое место над Доном. Вправо — станица Усть-Медведицкая, центр самого северного округа Войска Донского, влево — женский монастырь и собор Преображения, прямо — сам Дон-батюшка река, сзади — степь ковыльная, дикая и милая сердцу казака.

Вбежав на гору Пирамида, пастух Филька Миронов как бы мысленно совершил освященный веками обычай донских казаков — крестился и кланялся в пояс на все четыре стороны. Такой ритуал совершали уходящие на службу казаки, просили прощения и благословения у честного народа: «Благословите, люди добрые... Прощай, родимая моя мамашошка и батянюшка...» Возвращаясь со службы, казак тоже клал поклоны, крестился и спекшимися, жаркими от радости и волнения губами шептал: «Здравствуйте, люди добрые... Маманюшка, и ты, папашошка... Здравствуй, родимая сторонюшка и Дон-батюшка река...»

Нет, нет, Филипп Козьмич, ты не уходи от ответа, коли уж вспомнил про гору Пирамида. Да он и не уходит и вспомнил про нее не потому, что здесь открылась самая первая страница трагедии молодых казаков и он виноват в ней... А вспомнил просто потому, что отсюда, с горы Пирамида, пастушонок Филька Миронов командовал даже всеми хуторянами. Невероятно? Не верится?.. Но он же всегда любил верховодить, подчинять своей воле во всех играх, а уж сколачивать шайки подростков и атаманить в набегах на чужие сады и бахчи — ему не было равных.

...Разрывая тишину неподвижного вечернего воздуха, откуда-то — то ли из-за сторожевого кургана, то ли с горы Пирамида, сорвалось громкое хлесткое эхо, покатилося по тополям, вербам и с треском оборвалось в Дону.

Это хуторской пастух Филька Миронов хлопает огромным конопляным кнутом с конским волосом, вплетенным в нахвостник. Вихрастый, загорелый и босой, он ловко изворачивается, ударяет кнутом о землю и мгновение прислушивается, блестя большими карими глазами. Фильке особенно нравится, если звук от удара кнута получается похожим на гром, который грохочет в степи после жарких засушливых дней, когда исстрадавшаяся, потрескавшаяся земля, полыхая зноем, ждет живительной влаги.

Он уверен, что никто из подростков сильнее не хлопает кнутом, и от этого в уголках его губ дрожит горделивая улыбка.

И теперь с бесшабашной удалью, пружиня на крепких ногах, размахнувшись изо всей силы, он хлопает еще и еще, прислушиваясь, как гулкие волны накатываются на тишину, рвут ее непорочность и замирают где-то в дальних, покрытых вечерней синью садах.

Долго еще стоит над хутором ликующий перепляс, будоража оцепенение дремлющих левад, выпуклую гладь Дона, огненной лавой прокладывающего себе дорогу среди зеленых берегов.

Только Дон, освещенный заходящими лучами солнца, может отвлечь Фильку от любимого занятия. Он как бы смущается, что ли, глядеть в сторону реки, иначе zalюбуется и бросит кнут. А хлопать — это значит доказывать свою силу. Можно даже сказать, командовать людьми.

Вот Филька хлопает кнутом — выходит, стадо на подходе к хутору, и все обязаны бросить дела свои и торопиться на прогон, чтобы встретить своих коров, с пристрастием осмотреть их: не захромала ли, не укусила ли змея, полно ли вымя, накормлена ли досыта, не привела ли какая из коров бугая. Ведь для многих казачьих семей корова после матушки-землицы — вторая кормилица.

Так иногда Фильке в его пастушечьей жизни случается покомандовать хуторянами.

Но Филька недолго держит свою власть над хутором. При всей его заботливости сердце у него чувствительное. Оно восторгом наполняется при виде Дона, луга, колокольни с крестами Преображенского собора и степи, у которой нет ни конца, ни края.

Наконец Филька повесил кнут на плечо и, обернувшись, все-таки посмотрел в сторону Дона. Любуется им, а на хутор в это время из вечерней степи, стонущей от цикад, наплывает тишина.

Отсюда, с высокой горы Пирамида, хорошо виден Дон... На правом его крутолобом берегу, рукой подать, златоглавый собор Усть-Медведицкого женского монастыря, тяжело нависшего над рекой. Саму

казачью станицу Усть-Медведицкую не видно, она где-то угадывается там, за Соборной горой, по восточным склонам которой раскидала свои левады. Зато левый берег Дона равнинный, пойменными лугами уходит до самого горизонта. Филька не был в той стороне и не знал, что там скрывается за голубизной пахучих трав да темных дубрав леса, по-казачьи называемых лукой. Видел Филька перед закатом солнца только зарницами полыхающие огненные блюдца небольших озерков, прячущихся в крутой волне высокого девственного пырея.

И захотелось бы пастушонку взлететь с горы и, размахивая крыльями и унося на них лучи вечернего солнца, подниматься все выше, выше, сливаясь с таинственной лиловой далью... Да где там...

Филька еще не до конца осознал, что же его пятнадцатилетнему сердцу милей? Степь... Дон... Луг... А кони?! Кони... Это уже не любовь, а высшее ее проявление — страсть. Кони. Это неопишуемая радость. Восторг. Отрешенность от всего земного. Только кони, мчась косяком по степи, мелькают перед его глазами. А впереди чистокровный дончак огненной масти красавец-вожак. Вот бы взнуздать его и по хутору промчаться. И чтоб она тоже увидела... Это кто же она? Ну, мало ли кто...

Луч заходящего солнца ударил по златоглавым крестам монастырского собора и ослепил Фильку так, что аж глазам стало больно. Большой колокол разнес гулкий благовест вокруг, призывая хуторян к вечерней молитве.

Красив собор, но в душе пастушонка вызывает он не умиление и радость, а что-то подобное страху. Может быть, потому, что там поселился всевидящий Бог. И вечером, когда на степь падают ранние южные сумерки и все погружается в зыбкую темноту, кресты собора пылают, поневоле приковывая взгляд пастушонка и как бы строго-настрого предупреждая: не греши!.. Ох, не греши, Филька, ох, не греши...

Ранним утром тоже, когда еще ночь не успела совсем убраться из хутора и только что взошло солнце, главы собора пылают, правда, как-то мягко, умиротворенно, что ли, и будто по-доброму Фильку с табуном провожают в степь: с Богом, Филипп Козьмич. Но все равно помни о грехе, ибо ответ за все содеянное, в числе всех страждущих на этой грешной земле, придется и тебе держать перед Всемогущим... За каждый шаг. За каждый прожитый день.

Ну а чего он, Филька Миронов, скажем, сегодня такого недозволенно-греховного совершил? Только честно? Как на духу?.. А как же иначе... Стащил самый большой арбуз с бахчи аккуратно прикопанный заботливой рукой бахчевника... Еще что? Когда табун в полуденный зной стоял на

стойбище у речного переката, Филька успел обтрясти яблоню в саду у одного злого и жадного казака. Но это грех, так сказать, половинный. Как это? На спор с пацанвой дело сотворено. Ребятня подзадоривала, что, мол, не влезешь в сад к этому лютому казаку. Конечно, если откровенно признаться, то страшновато было... Значит, получается всего полгреха. Еще что? Да ты, Филька, не тяни. Грешить, так ты быстрый, а виниться — язык отсыхает?.. Ну, ладно, заругался черным словом на рябую прокудную коровенку. Да и коровенка-то если бы стоящая была, а то так — паскуда да и только. Все? Нет, постой, постой. А кто из листьев донника пытался скрутить сигарку и, кресалом высекая искры, пробовал зажечь трут и прикурить? Так не прикурил же! Ну и что, а пробовал. Все равно грех.

Да-а, соблазнов много, а ответ перед Богом держать придется ему одному. Так ведь никто же не видел и никто Ему не докажет. Рядом никого не было. Степь да бессловесная скотина. Все верно. Но Он ведь сам видит все. Неужели и затерявшегося в необозримой донской степи пастушонка?!

Что всего неприятнее для Фильки, так это Его неусыпная слежка. И еще не менее неприятно ему то, что отвечать придется не только за то, что натворил, но и за то, что подумал о греховном. Вот ведь подумал о греховном вчера, когда на прогоне повстречал Гальку, дочку богатого хуторянина. Да ничего Филька греховного не подумал. Ну а все-таки?.. Смотрел, не отрывая затуманенного взгляда?.. Смотрел, смотрел... Куда смотрел? Туда, куда грех смотреть. Будто Он так тебе и поверил, что ты смотрел на юбку, которая вылепила Галькины крепкие округлые колени. Или на то место, где груди ее вырывались из-под ситцевой кофтенки... А припухшие губы ее были алее утренней зари и, кажется, от этого весь день на его собственных губах прямо пахло то ли чабрецом, то ли горькой полынью... А то вдруг в лицо ударял запах тополевых сережек, отмытых весенним дождем... И он жадно вдыхал этот аромат, будто, запрокинув голову, пил дождемки вместе с синевой неба.

Эх, была не была! Филька чему-то улыбнулся, развернул конопляный кнут с конским нахвостником на конце и изо всех сил хлопнул: хуторяне, бросайте все дела — и на прогон. Потому что пока неизвестно, приснятся ли пастушонку среди жизненных бурь в большом и сложном мире беспамятство этих дней, душистые задонские луга, костры ночного, храп коней, полыхание грив, куда вплетается ветер с луной, и страх темноты, уходящий вместе с утренней зарей. Но уже теперь он точно знал, чувствовал, что лиловая даль приречных лугов и голубизна степных пахучих трав и лазоревых цветов, навсегда оставляющих еле уловимый аромат на губах, будут вечно звать его из-за тридевять земель... домой, в

родной хутор на берегу Дона. Домой, домой...

А пока у Фильки, кажется, еще впереди быстрая тропинка детства. И он не очень-то задумывается, куда она его выведет. Тем более что у него сегодня удачливый день — в степи убил змею гадюку. А за это, Филька точно знал, с человека Бог снимает сорок грехов. Так что на всякий непредвиденный случай нарушения церковных заповедей у него кое-какой запасец еще есть.

Подсознательно Миронов еще находился в детстве, на горе Пирамида и хлопал конопляным кнутом с конским волосом, вплетенным в нахвостник, но на самом деле он уже чувствовал и понимал, что возвратился к своему нынешнему состоянию и хочешь не хочешь, а надо начинать раскручивать клубок противоречивых событий в своей жизни, чтобы, наконец, дойти до того из них, которое прямо или косвенно укажет на его трагические ошибки и цену, которую приходилось платить. Продираясь, как в детстве сквозь колючие терны в чужом саду, спотыкаясь по ухабам, надо поведать миру и себе, что же на самом деле произошло с ним? Так это, пожалуй, придется вспомнить всю жизнь? Всю не надо. Пока... Тогда с чего начать? С того эпизода. Это можно назвать эпизодом? Начинай. И, пожалуйста, не размазывай трогательными картинками детства. Коротко, как все это было и как вообще могло такое случиться?

Но ведь он же писал белогвардейскому командованию, требовал, чтобы оно вывело из состава наступающих войск учащуюся молодежь!

«Если офицеры и их поддерживающая усть-медведицкая буржуазия объявили Советской власти войну, так не превращайте ее в кровавые игры для детей. Война несет смерть, а не развлечение. Я требую убрать учащуюся молодежь с фронта. Если этого не сделаете, то вина за убийство детей ляжет на вас, пославших их в этот чудовищный поход, и на вас — родителей, давших своих детей на фронт, где витает смерть».

А еще раньше он, Филипп Козьмич Миронов, обращался к казакам.

«Граждане казаки! Пробил час, когда мы должны исправить страшную ошибку, содеянную нашими делегатами на Войсковом Кругу... Ошибка эта стоила многих тысяч человеческих жертв, и если мы теперь же не станем на путь ее немедленного исправления, то прольются еще потоки человеческой крови и десятки тысяч человеческих тел покроют наши родные степи! И потомки наши вместо благословения пошлют нам проклятье! За кого?! За что?!

Всмотритесь вокруг: война на внешнем фронте замирает, а сыны наши и внуки стоят мобилизованными вместо того, чтобы налаживать плуги и бороны ввиду приближающейся весны. Хозяйство рушится, и страшный голод грядет в наши хаты. Бумажных денег у нас много, но какая им ценность?!. На что они нужны? Жизнь в стране замерла из-за гражданской братоубийственной войны...

Все генералы, лишившиеся власти; помещики, у которых социализм отбирает капиталы; фабриканты, у которых социализм отбирает фабрики и заводы и передает рабочему классу; все буржуи, которых социализм лишает праздной и веселой жизни, — все они сбежались к генералу Каледину и к нашему Войсковому правительству. Этот генерал-кадет, а может быть, монархист, изменил интересам трудового народа и хочет вашими головушками спасти положение помещичье-буржуазного класса. **ВОТ ГДЕ КРОЕТСЯ ПРИЧИНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ!** Довольно обмана!.. Довольно насмешек над нами — казаками!.. Почва под ногами генерала Каледина и всего Войскового правительства зашаталась. Им не удалось обмануть фронтовиков! Уже в станицах Усть-Медведицкой, Каменской и Урюпинской, и в слободе Михайловской образовались Военно-Революционные комитеты, не признающие власти генерала Каледина и требующие их полной отставки. Долой гражданскую войну с берегов Дона с ее вдохновителями генералом Калединым, его товарищем Богаевским и златоустом Агеевым!»

Да и общее собрание 32-го Донского казачьего полка, пришедшего с фронта под командованием Миронова, под его воздействием приняло резолюцию: «Мы, казаки 32-го Донского казачьего полка, вернувшись с фронта, признавая власть Народных Комиссаров, постановили не расходиться по домам и вести борьбу с контрреволюционными войсками Каледина и К° до тех пор, пока власть на Дону не будет вырвана из рук Каледина и не передана трудовому народу».

Все это архиправильно и не вызывает в деяниях Миронова ни тени осуждения. Наоборот, приветствуется. Хотя что-то остается недосказанным, что ли... Потому что какое дело матери двух шестнадцатилетних братьев Бушуевых до всех этих призывов и ультиматумов, если ее дети-гимназисты убиты в том самом бою?! И теперь в скорбной процессии в двух гробах движутся они к горе Пирамида, к своему последнему приюту. И ее, до этого дня полную сил и здоровья, цветущую женщину, несли на руках и все время оживляли лекарствами...

А погибший в том же бою пятнадцатилетний гимназист Егорушка, как его все звали в станице? Безродный. Его воспитывали две старушки, торговавшие на улицах Усть-Медведицкой семечками. Единственная радость и отрада... Вся станица оплакивала смерть этого мальчика, бессмысленную и противоестественную.

Потому что в то время на Дону пылало лето, И все вокруг стонало от ожидания счастья.

Но двести подвод с гробами вчерашних гимназистов и реалистов под

крик и плач народа везли в последний путь, везли юность казачьих хуторов и станиц на гору Пирамида. Как на Голгофу.

Но ведь, кроме письменного обращения к белогвардейскому командованию, Миронов к тому же не предпринимал никаких ответных боевых действий, тогда как по здравому размышлению нельзя было оставаться в бездействии. Даже преступно — ведь гибли от пуль этих юнцов красноармейцы. А оставшиеся пока еще в живых недоуменно и со страхом смотрели на своего командира-храбреца: уж не струсил ли?! Или еще страшнее мысль закрадывалась — не предал ли их царский казачий офицер?..

А белогвардейские офицеры, видя, что Миронов не отвечает огнем на огонь и посылает еще одного ординарца с требованием убрать с фронта учащуюся молодежь, поняли по-своему этот благородный жест, мол, Миронов в безвыходном положении, поэтому и требует и просит, чтобы оттянуть свою гибель...

На рассвете 6 июля 1918 года белогвардейцы перешли в решающее наступление под командованием офицеров Алексеева и Виноградова.

Накануне на Верхней площади станицы Усть-Медведицкой состоялась демонстрация и парад белых войск. Обширная базарная площадь была забита «благородной» публикой. Все шло по ранее разработанному плану. Торжественный парад войсковых частей и одновременный молебен в Воскресенской, Александро-Невской, Остроженской и Благовещенской церквях.

Был митинг, тут же на базарной площади, на котором особо проявлялся патриотизм верных сынов Дона, истинных защитников казачества. Войсковой старшина Лазарев горячил своего коня и, потрясая веревкой, заканчивающейся петлей, возбуждая «благородную» публику, кричал:

— Я, Роман Лазарев, клятвенно заверяю всех здесь. присутствующих в том, что не далее завтрашнего дня этой самой петлей схвачу за горло изменника Тихого Дона Фильку Миронова и приволоку его на эту самую площадь для суда и расправы. Здесь, на этой площади, будет казнен, четвертован этот мерзавец, продавшийся большевикам за деньги Лейбы Троцкого.

В ответ — крики «ура!». Все в восторге. Ну, держись, Миронов! Покажет тебе Роман Лазарев кузькину мать. С наступлением темноты начался выход войсковых частей из станицы. Перейдя Дон по деревянному наплавному мосту, белогвардейцы вступили в полосу прибрежного леса — дубняка. Преодолев шестнадцативерстовое открытое пространство, снова

вошли в лес, прилегающий к цепи так называемых семи Подгорных хуторов, по берегу реки Большой Медведицы вплоть до станицы Арчадинской. В авангарде шла пластунская сотня казаков. На рассвете лазаревцы, открыв ружейно-пулеметный огонь, с криками «ура!» и «бей красную сволочь!» кинулись на отряд Миронова, окопавшийся на небольшой высоте. Драматизм подчеркивался тем обстоятельством, что навстречу им поднялись мироновцы. Тоже с криками «ура!», но возгласы были чуточку другие: «Бей белую сволочь!..» Вчерашние друзья детства, однополчане, станичники... Сегодня чья-то невидимая, но властная рука развела их по разные стороны, поделив на «красных» и «белых». Вручила винтовки и шашки: «Убей как можно больше красных!..» «Убей как можно больше белых!..» И сразу же они забыли, что являются сынами одной Родины-матери, сынами вольного Тихого Дона. Началась его трагическая и кровавая история.

Со стороны белых впереди наступающих колонн гимназистов и реалистов на коне с обнаженной шашкой появилась усть-медведицкая юная учительница Мажарова. Белое платье. Белый шарф бился на ее шее. На фоне утренней зари она казалась розовым облаком, плывущим по небу со стороны восходящего солнца. Красивая, яркая, обаятельная в гневе и святом порыве. Мальчишки были потрясены легендой наяву. И бросились за прекрасной амазонкой. Звонким, трепещущим от трагического восторга, отваги и предчувствия голосом она звала влюбленных в нее: «Вперед, на красноармейскую сволочь!.. Смерть изменнику Миронову!.. Бей красных гадов!..»

Печаль до слез сдавливает сердце — никому в голову не пришла мысль задуматься над тем, что романтически восхитительный образ Катрин Мажаровой и слова, слетающие с прекрасных юных губ, мягко говоря, не гармонировали ни с ранним летним росистым утром, ни с убийственным ее зовом, ни с обнаженной шашкой наголо, по желобкам которой через мгновение потечет чья-то теплая кровь...

Или умирать на рассвете и в младенчестве легче, когда день и человек только что нарождаются и еще не успевают осознать все великолепие подзвездного мира?.. Умирают от хвори и старости на рассвете. Казнь совершается тоже на рассвете... Человек подчинил себя природе даже в этом злодейском деянии? Неужто ему не дана сила духа, которая бы остановила удар, занесенный над своей жертвой? Человек, останови удар!.. И сделай добро именно в этот миг. А тебе вдруг в этот миг острой казачьей шашкой отрубит голову другой взбесившийся человек?..

Над Доном плыл розовый, как платье Катрин, туман. Проникал на

поляну, на которой в ненависти и злобе разгорался бой, и мешал видеть врага. Бой без пощады и милосердия. И только потому, что один другому приказал: «Иди — и убивай!.. Чем больше убьешь своих друзей детства, соседей, станичников, подвернется под руку брат, отец... — не щади их, — тем большая хвала тебе воздастся. Будут встречать тебя как героя колокольным звоном всех церквей, с хоругвями, иконами и песнопением: «Слава... Слава... Слава...»

До какой же одичалости можно довести человека!.. Никто ведь не посмеет утверждать, что отцов, долго и упорно натаскивая, готовили, чтобы они убивали своих сыновей, как и сыновей, чтобы они убивали своих отцов. Наоборот, сыновья должны жить с единственно великой целью — воскрешать своих отцов. Но не убивать! Тогда почему они так легко согласились на противоестественное деяние — убивать друг друга? Что же произошло с человеком на вольном, гордом, казачьем Дону, где чистота девственных трав степного раздолья и незамутненные воды реки предопределяли жизнь в согласии с природой, достойную высоких дел и поступков.

Бой разгорался. В живописнейшем месте при слиянии полноводных рек — Усть-Медведицы и Дона.

Не знали, наверное, белогвардейские офицеры, да и романтическая амазонка Катрин Мажарова, что Миронов еще ни одного сражения не проиграл. И не проиграет.

В этом рассветно-зверском бою погибло двести юношей, влюбленных в Катрин Мажарову. Погибли с горящими взорами и счастливой улыбкой на устах. За вольный Дон. За казачью славу. За безумство юности своей... Погибла и кумир гимназистов — Катрин Мажарова.

На горе Пирамида воздвигли памятник из белого мрамора. Будто горем и слезами матерей выбили слова у основания двадцатиметрового дубового креста:

Нет, не рыдайте на этих могилах.
Слезы нарушат их чуткий покой.

Почему выбрали именно гору Пирамида? Ведь есть же кладбище при женском монастыре, где хоронят всю именитую казачью знать Усть-Медведицкого округа. Там парк тенистый. Скамейки. Ухоженность. Цветы. Чистота. Почему избрали дикое место на Пирамиде? Ближе к небу? К богу? Невинные души? Они и так дорогу найдут в... рай. Но ведь, по преданию,

туда попадают только погибшие в бою за Отечество от нашествия иноземного врага. А эти... попадут?

Миронов, провожавший мысленным взором медленно движущуюся скорбную процессию, вдруг озлился и чуть было не крикнул: «Люди, дайте мне побыть одному. Постоять на горе детства...» Ведь когда он с боем взял родную станицу, собрал родителей и упрекал их, стыдил — они плакали в раскаянии... Но это было вчера. А сегодня, когда их дети совершают последний путь, люди отворачиваются от Миронова, как от изверга... Но в чем же он виноват?.. Ведь выполнял наказ революции!.. Наказ убивать невинных?.. Уйди с глаз людских!.. Уйди с этого скорбного, трагического места. Но это место ж ему принадлежит, может быть, здесь он похоронил свое детство. И если бы он сам захотел его покинуть, то память не позволит. Она неподвластна человеку... Где же правда? Где настоящее место вожака? И его ли это истинное место?

Разбойный звук, рожденный пастушечьим кнутом и многократным эхом хуторских садов и левад, сигнал о приближении с пастбища табуна.

Вначале над горой Пирамида, со стороны ветряка, раскрылатившегося на самом высоком месте, на фоне темнеющего неба, появилось облако пыли. Поднимаемое копытами коров, оно отделялось от земли темными, плотными клубами. Достигнув верхушки одиноко растущего на бугре дуба, облако догоняло скрывающееся за горизонтом вечернее солнце, обрадованно кидалось в его лучи и начинало в них купаться. Оно становилось розовым, оранжевым, красным. Золотом пронизанное, как пыльца над цветущим подсолнечником. Рождало замысловатые фигуры. И каждый хуторянин в силу своего природного воображения мог видеть все, что хотел видеть. Быть может, из этих фантастических картин и пересказов виденного не одна быль переросла в легенду, в которой теперь уж, как это понимал Филька, не отличишь, где явь, где вымысел. Но он безраздельно верил в то, что род Мироновых идет именно от того донского казака...

Исстари, всем это известно, на Дону было беспокойно. Разные причины были тому. Характеры людей, не мирящихся с притеснением и несправедливостью и признающих только свою собственную силу, ловкость и отвагу. Дикое степное раздолье. Гордость за вольное житье-бытье... Но вот однажды неведомо откуда со своей дружиной в этих краях объявился казачий атаман. Был он, как и следовало ожидать, необыкновенной силы, храбрости — и доброты. И на какое-то время на Дону не то чтобы совсем прекратились воинственные споры-ссоры, а как бы приутихли страсти. Народ говорил, что все это сделал знаменитый атаман. Его все боялись и уважали, потому что он был добр и мир установил в беспокойном крае. «Мир — он дал людям...» Потом начали звать его — «Мир-он». Потом — «Мирон», «Миронов...» Вот и потянулась ниточка Мироновых от того донского казака-атамана вплоть до Фильки Миронова и на время задержалась на нем. Лично он самозабвенно верил в эту незримую связь и гордился своим родством. Только страшная жалость таилась в Филькином сердце из-за дальнейшей судьбы своего предка, в конце концов оказавшейся нестерпимо печальной. Ведь он пострадал за свою излишнюю доверчивость и... любовь. Чего, откровенно говоря, Филька ну никак не мог ни понять, ни объяснить.

Коварной оказалась донская казачка, которую полюбил бесстрашный

атаман. Да и всегда эти девчонки устраивали с казаками всякие каверзы. Он, Филька, никогда не поддастся им! Вот те крест! Филька в этом месте своих воспоминаний всегда для пущей убедительности истово крестился... А дело было так...

На одной руке атаман носил перчатку и никогда ее не снимал. Почему? Это было его тайной. Чуть ли не все пытались ее разгадать. Это же страшно, нестерпимо до коликов в животе, знать, что рядом с тобою человек с загадкой, и не отгадать ее — просто катастрофа. И люди тратят на это всю энергию изворотливого ума. Но атаман на на какие уловки любопытных не поддавался. Как-то на игрищах, накануне большого престольного праздника Преображения эта самая казачка, его возлюбленная, поспорила с подружками, что, мол, завтра при всем честном народе, перед началом конных состязаний, заставит атамана снять перчатку с руки... В день праздника она открыто, на людях, подошла к атаману, сидевшему на коне, и, дотронувшись до его перчатки, сказала тихо, чтобы никто, кроме него, не слышал: «Люблю тебя единственного... Ради меня сними перчатку... Что бы там ни было — твоя навек...» Поверил атаман, ведь люди высокой души доверчивы, как дети, и с радостью сорвал перчатку с руки. На ней оказалось... шесть пальцев. Красивая, капризная казачка зло рассмеялась в лицо атаману и громко начала кричать на всю соборную площадь: «Глядите, люди добрые, да он — шестипалый! А туда же свататься вздумал! Да кто за тебя, за такого, пойдет?!»

Потемнели глаза у атамана. Рука привычно выхватила шашку. Сверкнуло на солнце лезвие, и голова казачки... упала к ногам его коня. Атаман развернул его, дал шпоры и с крутого усть-медведицкого монастырского обрыва кинулся в Дон. Рассказывают, насмерть разбился. Хотя кое-кто утверждает, что верный конь вынес седока на противоположный берег и они вместе скрылись в дремучем лесу. Позже даже видели быстрого огненно-красного коня и всадника в казачьем темно-синем мундире, скакавшего по необозримым донским степям. А еще люди рассказывают, что даже в наши дни его можно увидеть, да только не каждому это дается, а только тем, кто чист душой и бескорыстен в помыслах своих...

— Э-э... Вечно эти бабы!.. — зло выругался Филька. Он был кровно обижен за своего прапрадеда. — Меня бы она не провела... Все — с девчонками не вожусь!.. Пошел!.. Быстрее переставляйте ноги, черти клешнятые!.. — Филька кнутом начал подстегивать самых тихих коров: — Телята ждут. Они все равно как дети, молока просят. Базы ждут. Да и подоят вас, видишь, вымя-то расперло... — Филька часто вслух

разговаривал со своим стадом. С кем же еще поговоришь в степи?

Вечернее зарево, преломляясь в высоком облаке пыли, пылает недолго, и, наверное, поэтому оно особенно дорого, словно уходящее солнце еще хоть на мгновение через маячные облака из пыли пошлет прощальный привет и надежду хуторянам, что оно будет торопиться прогнать ночь и утром снова появится на небосклоне. Этот своеобразный ореол над табуном был впечатляющим зрелищем и сопровождал его до тех пор, пока на кургане не возникал одинокий силуэт фигуры пастуха. Когда же и пастух вместе с табуном спускался с кургана, вечерняя заря так далеко уходила за горизонт, что ее уже было не догнать, оранжевые облака угасали, и на степь вместе с тревожно-печальными звуками цикад ложились ранние сумерки.

Но перед тем, как спуститься с кургана, Филька распрямлял кнут, заставляя его змеей извиваться по траве. Размахивался и, рассекая золотые облака пыли, гасил их. И тогда по левадам катился разбойный треск, будто сами сумерки ломали деревья в садах. Сигнал о приближении из степи табуна повторялся еще и еще раз. Значит, хуторяне, — все на прогон!

Здесь парни и девушки, весело перекликаясь, еще не остывшие от игр, встретят скотину и погонят ее по своим дворам.

Ребята приходят сюда рано. Солнце, падая вниз, еще только начинает касаться верхушек верб в левадах, а они уже спешат освободиться от неусыпных взоров матерей и быстрее прибежать на прогон, а то, не дай бог, игры начнутся без них, и не успеешь наиграться, как табун появится на сторожевом кургане. Будто в детстве или юношестве можно вообще когда-нибудь досыта наиграться.

А как довольны бывают подростки, да и взрослые парни и девушки, когда пастух далеко в степь уйдет с табуном и, не рассчитав время обратной дороги, в темноте пригонит в хутор коров. Тогда можно безнаказанно и припоздниться, постоять у плетня, молча глядя друг другу в глаза, беспричинно смеясь, и оттого, что руки девать некуда, держаться за колышки, расшатывая плетень.

Или, примостившись на большом стволе вербы, неизвестно как попавшем сюда, но обтертом до блеска постоянно шмыгающими в штанишках из суровины мальчишками-казачатами, дерзкими и непоседливыми, — можно заигрывать друг с другом, шутя ухаживать, присматриваясь к будущим женихам и невестам. Но открыто все равно никто никому предпочтения не будет оказывать — засмеют, проходу не дадут. Хотя и скрывать что-либо в хуторе невозможно. Осведомленность у людей обо всех событиях полнейшая. Особенно, если это касается особо

деликатных дел. Вечером, поздними сумерками сладят, бывало, любовь казак с казачкой, а ранним утром уже весь хутор оповещен об этом событии. Хотя ведь точно известно, что ни казак, ни казачка ни единым словом не обмолвились. Откуда кто что узнает — уму непостижимо. Не иначе сам хуторской воздух предательски нежен и болтлив. Хотя хутор Буерак-Сенюткин на несколько верст из конца в конец протянулся по правому берегу Дона и ручья Лог, впадающего в Дон. И по склонам горы Реуцкой. Сады большие. Левады — тоже. Дворы обнесены высокими заборами... А вот сокровенные намерения, да и дела каждого жителя чуть ли не мгновенно становятся известными всему хутору. Как это происходит — тайна, которую не могут разгадать до сих пор... Ну а пока, играя на прогоне в горелки, кто-то запыхавшись, на лету, в полумраке случайно схватит подружку свою и обожжет руки о тугие девичьи груди... И тут же, вдруг опомнившись, крикнет:

— Табун идет!

На него зашикают: зачем спугнул очарование трепетной радости. Другой с надеждой ответит:

— Еще далеко...

И в самом деле, далеко табун. Вон там; за сторожевым курганом. Видишь, пыль розовыми клубами поднимается. Нет, столбом. Да нет, как после дождя — радугой... Вон, слышишь, Филька кнутом еще не хлопает... Да нет, вроде один раз уже как будто слышалось отдаленное эхо в садах... Ну, так он же еще не раз будет хлопать кнутом.

— Ну а пока табун сойдет вниз, давайте еще разочек сыграем в горелки.

А в это время маленькие казачата, подстрекаемые взрослыми, ссорятся, дерутся, бьют друг другу носы, рвут рубашки, потом снова мирно играют, валяются в траве, заразительно по-детски хохочут, счастливые беззаботностью своей.

В праздничные дни на прогон стекался весь хутор, молодые и старые. Молодежь собиралась повеселиться, а взрослые — поделиться новостями, пощелкать семечки, вспомнить юность свою, которая была светла и прекрасна, а сейчас, мол, все не то... Да и просто посудачить, да чего греха таить, и посплетничать насчет соседушек... Играют в «мяча» — лапту... Поют старинные казачьи песни...

На хуторе из музыкальных инструментов были гармошки — двухрядки, под которые выбивали «Трепака» и «Барыню». Гармонистов нанимали больше всего для свадьбы, а уж если кто из них снизойдет прийти на — прогон или на вечеринку, то это считалось большой честью для молодежи. И уж тогда сердобольные казачки укутывают двухрядку своими шальями, чтобы, упаси господи, басы не простудились на вечерней заре. А охочие до плясок и ласк в глаза гармонисту заглядывают, упрасывая его сыграть еще разочек. А он ходит таким гоголем, поплеывая семечки и играя бахромой кушака, свысока поглядывая на покорно-умиленные лица молодых казачек. Ох и любили же поломаться хуторские гармонисты! Может быть, поэтому они и были в таком почете?

Было много балалаек, под них девчата пели свои «Страдания». Еще была одна скрипка у Ваньки Лазарева, неизвестно как к нему попавшая, на которой он исполнял единственную мелодию на мотив «Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик...». Но чтобы он сыграл, нужно было его просить всем хутором.

И только песня соединяла воедино души казаков.

И когда уйдет в прошлое безмятежность и беспамятство этих дней и откроется трагическая страница в необыкновенной судьбе бывшего пастушонка Фильки Миронова, казаки всю ночь перед расстрелом будут петь старинные казачьи песни, тягучие и грустные. Сквозь рыдания и память о родимой сторонушке.

Позже, вспоминая эти предсмертные часы, Миронов писал: «...Больше всего мы старались найти забвение в революционных и казачьих песнях. Словами из песни: «Ах ты, батюшка, славный Тихий Дон», — мы прощались с теми, кого больше жизни мы все любили, из-за кого гибли. Но слышал ли нас наш родной Дон? Понял ли он нашу любовь, наше страдание за него?..»

Этот огромный, сверкающий, мечтательный мир, настоящий на песне

и крови и теперь сжатый до мгновения, уходил из их жизни. Оставалась одна последняя огненная вспышка памяти. А дисканты в камере смертников, как и бывало у Дона, в степи, на прогоне и игрищах, высоко взлетали над гудящими басами, словно в прощальный час вечной разлуки хотели увидеть косы степного ковыля, ветром расчесанные, да Дон-батюшку реку.

Но Фильке рано об этом не то что думать, а даже и предполагать, потому что, во-первых, ему не дано было свою судьбу предугадать, во-вторых, даже самая языкастая и проницательная гадалка не могла не только предсказать, но и не посмела бы — у нее просто язык бы не повернулся наворожить блестящему казачьему офицеру, храбрецу, не знавшему страха в боях, талантливому полководцу, рожденному революцией, такую печальную участь. Может быть, только звезды могли предскавать его судьбу?

А пока у него, хуторского пастуха Фильки Миронова, впереди еще целая непочатая, бескрайняя жизнь. Мечтательная и песенная.

Но именно вот в такие праздничные дни, когда на прогоне все бурлит, клокочет, играет и поет, оставаясь с хуторским табуном среди безбрежных донских степей, Филька особенно остро чувствовал свое одиночество. Он готов был все отдать, лишь бы хоть один час, одно мгновение провести среди беспечной, смеющейся гурьбы казачек и казаков.

И ему в то время казалось, что одиночество в степи — самое большое горе в жизни человека. Кругом степь... Степь... Ни прохожего, ни проезжего... Только ветер буянит в ковыльной траве да, распластавшись, в воздухе парят гордые птицы. Издавая хищный клекот, орлы высматривают добычу, потом камнем бросаются вниз, в бурьянные заросли. Оттуда слышится хлопанье крыльев и жалобный писк. Но никто не поможет. Только ветер подхватит его и, унося в дымчатую даль, пропоет печальную песенку о загубленной жизни. И пушистый, и нежный, как волосы ребенка, и красивый, и исхлестанный буранами, ковыль снова понесет белогривые волны по необозримой степи. Натыкаясь в пути на одинокие могильные кресты, он ласкает их, покоробленные, черные, глубоко осевшие в землю, и спешит навстречу перекасти-полю, упрятывая косматые тела в свою роскошную постель.

Задумчивый, Филька ложился на жестковатую землю вверх лицом и подолгу смотрел на причудливо-фантастические узоры облаков, медленно плывущих куда-то в чужие дали. Чудились в них невероятные картины... Хотелось подняться до облаков, узнать тайну их полета. Куда они бегут? Зачем? Кто их гонит?.. Все было тайной над необъятным миром его

полудетских мечтаний, страшноватым и загадочным. Тогда Филька казался сам себе маленьким и всеми заброшенным, становилось чего-то жалко до слез, обидно до спазм в горле. Воспоминания теснились, сплетались, как огромный клубок...

Сколько себя помнит Филька, он всегда пасет чужих овец, свиней, гусей, коров. А к пастуху в казачьих хуторах было двойственное отношение. Его в какой-то мере уважали, потому что хозяева доверяли ему самое дорогое свое имущество — скотину. И в то же время это занятие считалось унижительным для подростка. Сердобольные казачки, пригорюнившись, бывало говорили: «Дай бог скотину водить, но не дай бог за нею ходить...» В пастухи нанимались самые бедные казаки, в хозяйстве которых не было ни быков, ни лошадей, а стало быть, и земельного надела. Вообще-то он был, но его нечем было обрабатывать, да и не на чем. Значит, землю отдавай в аренду, а сам выбирай одну из двух дорог — либо нанимайся в батраки к богатым казакам, либо паси их скотину... А это означало быть самым последним человеком в хуторе... Тебя на игрищах в игры не примут, хотя пастуху и некогда на них ходить — ведь пастухи раньше всех встают утром. Ни одна казачка даже не посмотрит в его сторону, а не то чтобы позволит ухаживать за собой. Пастух — это бедняк. А донскому казаку быть бедным — стыдно. А признаться в бедности еще стыднее. Это состояние духа может наблюдаться у мужиков-лапотников, но не у донских казаков... У них всегда все в порядке, и удача сопутствует во всех делах. Может быть, поэтому они и считали себя не русскими, а казаками — вольными, гордыми, разбойными. А от этого и сознание являлось, что они были не чуточку выше русских мужиков и даже не на целую голову, а вообще какое бы то ни было сравнение с «лапотниками» считали для себя оскорбительным. А оскорбление для казака — это все равно, что кровная месть у горцев...

Когда Фильке было восемь лет, он разорвал впервые надетые им чирики брата. Своих у него никогда не было, он всегда донашивал чью-нибудь рваную, не по росту обувь и одежду. А этот случай произошел накануне престольного праздника Петрова дня. Всем справляли обновки. Сшили чирики и Феофану, который уже выходил в них на проулок. Филька хорошо помнит, как он упрашивал брата и мать, чтобы они разрешили надеть чирики и выйти на проулок — уж очень ему хотелось пофорсить перед своими одноклассниками, что он тоже в обновке. Не беда, если кто-нибудь скажет из зависти, что чирики-то хоть и новые, а шились-то не ему... И вот, получив разрешение, Филька стремглав выскочил из сенцов, спрыгнул со ступенек и помчался по двору на проулок. Он не слышал

предостерегающего голоса матери: «Тише ты, оглашенный!..» Филька бежал быстро, как зверек. Побежали с ребятами наперегонки. Да разве может он уступить кому бы то ни было, да еще в новых чириках.

Да ни в жизнь!.. И откуда мог только взяться этот проклятый пенек на дороге?.. Филька зацепился за него и разорвал пополам один чирик, спотыкаясь, долго держался на ногах, но в конце концов плашмя растянулся на земле. Ободрал до крови колени и локти. Но боли он не почувствовал, только сердце вдруг похолодело от жалости к новому чирику, и вся прелесть предстоящего праздника потеряла свою остроту и цену. Мать в довершение ко всему спустила рваные штанишки, больно отхлестала хворостиной и выгнала из хаты: иди, мол, куда хочешь. Да что все это значило перед горем мальчугана — ведь чирик-то все равно не зашьешь... А потом, как это с казака спустить штаны и отхлестать по голому месту? Такую экзекуцию устраивали на хуторской площади за великие прегрешения, да и то — по приказу атамана.

Спускалась ночь. Филька не возвращался домой. Мать забеспокоилась, начала звать его, браниться, грозить. Потом голос ее дрогнул, и сквозь слезы она кликала своего сынишку, но темнота молчала и пугала.

Мария, мать Фильки, знала, что он часто бежал в сад. И сейчас он забился в глухой угол старого дедовского сада и, переживая свой позор и горе, навзрыд плакал, размазывая грязными кулачками слезы по щекам. Мать нашла его там, села возле насупленного, упирающегося Фильки, положила черноволосую голову к себе на колени и долго обливала ее своими горькими бабьими слезами. Как же она могла его побить, если любила больше всех? Ласкового, послушного — и гордого. Наверное, от горя. Раскаиваясь, она вытирала ему лицо завеской и все время приговаривала: «Мой сынушка... были бы мы богатые, разве же терпели бы такую нужду...»

Было жалко маму и себя. Кажется, с той поры он словно повзрослел и старался не огорчать маму и любил ее больше всех на свете.

Потом его отдали в подпаски. Что помнил он? Голод, холод, побои, обиды. Зимой без обуви сидел на печи, а по нужде выбегал босой на мороз. Продрогший, вскакивал в хату с красными, как у гуся, ногами. Летом ноги были черными, в цыпках, подошвы загрубелыми. Никакие полевые колючки им не были страшны. Много раз в степи голыми ногами наступал на свившуюся змею и стремительно отскакивал, чувствуя холод, отвращение и страх.

А змей в степи было много. Однажды Филька побежал заворачивать коров, которые далеко ушли от табуна. Он боялся, что они уйдут в лес,

неподалеку темневший отвесной стеной. А тут еще Филька увидел, что там, где находились теперь несколько коров, была высокая трава и делянка эта резко отличалась от остального поля: «Наверное, кто-нибудь запоздал скосить...» — подумал он и, опасаясь потравы и очередной трепки, потому что били Фильку и по поводу, а чаще всего без всякого повода, — быстро кинулся в густую траву и скрылся в ней. Колоски били по шее и подбородку. Не успел он пробежать и десяти шагов, как огромная змея кинулась под ноги. Филькины ноги на какое-то мгновение замерли на месте, а тело по инерции падало вперед, и он прыгнул через змею. Но что это? Извиваясь, поползла еще одна змея... Потом еще... еще... Фильке показалось, что вся трава зашелестела от ползущих гадов...

Филька не знает, как он оказался на чистом поле и невредимым вырвался из этого змеиного царства. Тело дрожало, по голове ползли мурашки, и казалось, что волосы становятся дыбом.

Коровы разбрелись, жадно хватая сочную пырейную траву. Как их собрать?.. А вдруг змеи покусают коров?.. Филька срывается и бежит вдоль этого страшного места и сквозь слезы кричит: «Куда-а! Куда-а-а!..» Но голоса своего не слышит — комок, подступивший к горлу, не дает выхода звуку. Споткнувшись о кочку, расслабленный, он упал на землю...

А вокруг лениво бродил тихий ветерок в некошеной траве, полевые цветы источали дурманящий аромат, вдали тревожно и глухо шумел дремучий лес. Изумрудное солнце невозмутимо и ярко горело на белогривых ковыльных волнах.

Дома Филька не признался, что так испугался змей. Ведь он же казак! А если не казак — значит, почти что неполноценный человек. Такое немудреное правило внушалось с детства.

Обидеть мог всякий. Заступиться некому. Привык молча сносить побои. Не плачь — ведь ты же казак! Но иногда насмешки сверстников пробуждали в нем дикий, необузданный нрав его предков, потомственных старожил донского казачества, и он, разъяренный, бросался на обидчиков, рвал и бил, темные глаза еще сильнее темнели, становились страшными. Исцарапанный, в синяках приходил домой. Когда мать подходила к нему и начинала рассматривать их, вспоминался давнишний поздний вечер, тот вечер в старом дедовском саду, куда он убежал оплакивать свою горе по разорванному чирику...

Теперь ему сравнялось пятнадцать лет. В нем было много детского, потому что он не знал детства. Но Филька был выносливым и сильным, словно свитым из крепких конопляных веревок.

И теперь, с бесшабашной удалью, пружиня на крепких ногах,

размахнувшись изо всей силы, он с озорством хлопал кнутом, прислушиваясь, как с треском разрывается вечерняя хрупкая тишина, рождая десятикратное эхо, и замирает где-то в дальних левадах. Но никто не знал, что лежит на сердце пастуха.

Вот и пойми и разгадай характер донского казака... Филипп Козьмич Миронов, не осознавая, где он находится и что с ним, не чувствовал или позабыл про жесткие нары и побои на своем израненном, но все еще мускулистом казачьем теле. Он лежал на спине и смотрел в потолок, но ничего там не видел. Перед глазами — только детство. Жил в нем, думал и будто со стороны наблюдал себя, старался понять свой собственный характер. Как из несмышленного казачонка вылуплялся, словно птенец из перезревшей скорлупы, взрослый казак.

Глубоко вздохнул, но не оторвался от приятных мыслей-сновидений и тихонько прошептал: «Вот и разгадай характер донского казачонка, из которого завтра-послезавтра вылупится взрослый казак. Воин. Хлебопашец. Рубака. И — жалостливая душа ко всему живому. Как это все могло вписаться не только в одного отдельно взятого человека, но во все беспокойное племя донских казаков?» Может быть, в этом и есть тайна их характеров?

Даже в самом сокровенном, в песне, находят место колючие, злые слова: «Коли! Руби! Бей!» И для этих деяний у казака всегда хватало и норова, и оружия: шашка, пика, карабин.

И тут же: «Разродимая моя сторонushка... Дон-батюшка... Хлеб-папа...» А конь!.. Это же главная любовь, забота и жалость казака. Все это переносилось на быков, коров, жеребят, телят, птицу... На все живое, копошащееся в его дворе, катухах, базах.

Вот и получался необычный человеческий сплав — беспощадный рубака с широкой и жалостливой душой нараспашку ко всему существу. А полноводная река и бескрайние донские степи — как бы аккомпанемент широте и размаху казака.

Сюда он не примешивал пока политику царствующих дворов России в отношениях с донскими казаками. Хотел понять суть выживания и существования донских казаков в невероятно трудной природной среде. Их своеобразная смелость и гордость, что именно казакам подвластна эта дикая, безбрежная степь и надо быть не робкого десятка, чтобы не только покорить ее, но и заставить служить себе. В самом деле, разве трусливый холоп, хоть и расплющенный, и низведенный до положения дворовой собаки, может кинуть хозяйскую конуру и убежать в степь, где свирепствовало зверье?..

Видно, что не всяк человек, яко наг, яко благ, ринется покорять эти земли и сталкиваться лоб в лоб с немилостивой природой. Это было по силам только отчаянным храбрецам да забубённым головушкам, для которых все трын-трава. Вот из такого народца постепенно и выкристаллизовывалось своеобразие донских казаков — храбрецов-удальцов, покорителей не только дикой степи, но и... женских сердец. Донских казаков узнавали не только по посадке на коне и одежде, но и по внешнему виду — ведь они женились на красивых девушках-невольницах, добывая их в Крымском ханстве, Синопе, Трапезунде, Константинополе...

Вот и выходили из донских казаков смуглолицые красавцы — безбоязненные, наводившие страх на врагов Отчизны и неотразимые в мужском обаянии. Даже волос с головы атамана Войска Донского Матвея Ивановича Платова английские аристократки хранили как драгоценность. А когда Платов возвращался из Лондона в Новочеркасск, то шесть светских дам испросили разрешение сопровождать его и ухаживать за ним, как простые служанки.

Дикое поле... Многие ли теперь знают, что это такое и где оно находится. Одни историки утверждают, что в XV веке, когда завершился окончательный разгром Золотой Орды, вдоль берегов Дона, особенно северных, образовалась безлюдная и пустынная полоса, названная Диким полем. Другие склонны думать, что это определение идет со времен Киевской Руси. Сюда начали стекаться и находить приют холопы, бежавшие из русских княжеств.

Выковывалась своеобразная стойкость, решительность. Мужество и храбрость... И — вольный дух, отвечающий закону казаков, который признавала даже Москва: «С Дона выдачи нет». Официальная историческая литература нашего времени утверждает, что годом создания Войска Донского считается 1570-й, когда царская власть начала выплачивать жалованье казакам в виде пороха, свинца, сукна...

Да еще об одном, кажется, самом главном нельзя забывать — о злобно распространяемом утверждении некоторых всезнающих историков, что якобы донские казаки уж дюже свирепы были в своем сверххревестном служении царю-батюшке. Это совсем не так. Совсем неправильное понимание сущности донских казаков, и он, Миронов, без труда это докажет. Потому что казаки беспощадны только к врагам Родины. Об этом хорошо сказал атаман Войска Донского Платов: «Мы должны показать врагам, что помышляем не о жизни, но о чести и славе России».

Ну а о приверженности самодержавию?.. За всю свою трехсотпятидесятилетнюю историю донские казаки всегда конфликтовали с

царями... Из донских казаков выходили отчаянной смелости атаманы, бесстрашные, которые потрясали основы самодержавия: Ермак, Болотов, Ус, Разин, Булавин, Голый, Некрасов, Пугачев, Рубцов... Атаманы ставили своей целью: «Вывести воевод на Руси и бояр на Москве, вывести также всех мирских кровопивцев и установить казацкое управление — Войсковой Круг, на котором выбирать атамана, его помощника, есаула и писаря».

Сколачивая разбойные шайки и отправляясь за «зипунами» в Синоп, Трапезунд, Константинополь, Бахчисарай, казаки грабили только богатых. Бедных не то что не трогали, а наоборот, защищали: «Заслышав приближение этих воровских шаек, чернь в городе бросалась на воевод и на приказных людей, впускала в город казаков, принимала атамана вместо воеводы, вводила казацкое устройство. Воры устами своих атаманов вольных говорили: «Мы идем бить бояр и богатых, а с бедными, как с братом, готовы всем поделиться».

Атаман Некрасов, уводя донских казаков в Турцию, завещал не возвращаться в родимый край до тех пор, пока на Руси будет царь.

Вот так донские казаки «ревностно» служили царю-батюшке. Но когда в 1812 году началась Отечественная война, донские казаки первыми встретили неприятеля. В русских войсках насчитывалось шестьдесят донских полков. В ополчение записывались все здоровые казаки в возрасте от семнадцати до пятидесяти лет. Было дополнительно создано еще 26 полков донского казачества. Их заслуги были высоко оценены не только главнокомандующим русской армии князем Михаилом Илларионовичем Кутузовым, но и вызвали неподдельный восторг у многих передовых людей того времени. Великий английский поэт Байрон, восхищенный отвагой и бесстрашием донских казаков, с гордостью причислял себя к их вольному роду-племени. А другой великий писатель Вальтер Скотт писал: «Вид истинного казака предубеждает в его пользу. Черты лица его благородны, в глазах блестит огонь мужества и целеустремленности, в оружии и одежде его, часто вышитой серебряными узорами, виден вкус уже довольно образованный...»

Ах, Миронов, Миронов, неисправимый ты романтик казачества и готов возносить хвалу до небес своему брату-казаку. И все-то восхищенные отзывы вспоминаешь, да все иностранные. А соотечественников? Так ведь вспомнил отзыв Кутузова... А ты вспомни, что сказал «вождь» Лев Давидович Троцкий (Бронштейн). Ну что ж, для объективности вспомнит и его: «Казаки — это своего рода зоологическая среда и не более того... Мы говорили и говорим: очистительное пламя должно пройти по всему Дону и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Пусть последние их

остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море!»

Ну что ты скажешь на эту уничижительную характеристику, командарм Миронов? Кажется, такое про донских казаков еще никто не говорил, даже злейшие их враги. Он, Миронов, может единственное сказать, что у Льва Давидовича, наверное, в генах заложена зоологическая ненависть к донским казакам. Тогда как у донских казаков к нему нет ничего, или почти ничего, потому что даже в противники он им негод... Даже так? Это что-то новое. Ведь с высоты своего высочайшего служебного положения Троцкий властен был казнить и миловать казаков. Все это правда в какой-то степени. Но если внимательно вчитаться в строки Троцкого, то в них ясно проглядывает... страх. Насколько же велик донской казак, если самый могущественный человек государства так боялся его. Боялся до зоологической оторопи. Велика Россия. Велики и ее сыны, донские казаки.

Губит их, правда, иногда излишняя непочтительность, особенно к высокому начальству. Может быть, потому, что привыкли ценить всякого не по словам, а по делам. Ну на кой черт им нужно было тогда устраивать этот балаган?! Вечные балагуры, желающие испытать другого на крепость. Станция Чертково — железнодорожный центр степного казачьего края. Лев Давидович Троцкий в специальном поезде, составленном из купейных вагонов, прибыл на эту станцию. Собрал казаков на митинг, начал выступать, призывая бесстрашно кинуться на белогвардейские полчища...

В это время, когда Лев Давидович, упиваясь собственным красноречием, вошел, что называется, в свою родную стихию, кто-то выстрелил из пушки, потом дал пулеметную очередь... Дурасной народ — эти казаки... А один казак дурным голосом заорал:

— Белые!.. Спасайся!..

Лев Давидович засуетился... Крутнулся. Подбежали два телохранителя, подхватили его под руки, словно он вот-вот свалится на рельсы, и торопливой пробежкой кинулись к поезду. Впереди, расчищая дорогу, такой же прыгающе-торопливой пробежкой мчался еще один телохранитель. Руки держал в карманах френча, из которых угрожающе выпячивались дула наганов... Обмякшего наркома быстренько втащили в вагон. Паровоз, всегда стоящий под парами, пыхнул, рванул, и поезд начал стремительно удаляться.

Грохнул издевательский хохот:

— Нарком драпанул!..

— Вояка!..

— Организовал оборону...

— В портки наклал!..

— Брехать горазд!..

Когда выяснилось, что паника оказалась ложной, бронированный поезд Троцкого медленно приполз на станцию, но сам он из него уже не появлялся.

— Одним словом, Лев, — кто-то прокомментировал возвращение Троцкого. — Или скорее всего Левушка... Как в той сказке: позолота стерлась, а свиная кожа со щетиной осталась.

И уж если казаки хоть один-единственный раз прилепят насмешливое словцо или кличку дадут, то от нее не отскребутся даже правнуки. «Левушка» — ласкательное, как бы приближенное родственному имени. Но сколько в интонации, ухмылке, косом взгляде, все понимающем, было заложено уничижительной иронии! И сколько бы потом ни гоняли казаков и ни наказывали, а они только Левушкой звали наркома Троцкого. Упрямо-усмешливый народец! Круто не любили казаки Левушку, труса и демагога...

Что-то в мыслях Миронова больше восхищения своими донцами, чем осуждения. Да и за что же, собственно говоря, он будет по-другому к ним относиться? Вольные, гордые, прямодушные. Ведь даже слово «казак» звучит весомо — удалец! Вольный человек!.. Ну а если его ограничить стереотипами? Да окружить полуправдой? Да вдалбливать каждому прохожему и проезжему, что донские казаки — это душители свободы и нагаечники... Живут, мол, в степных просторах, как у Христа за пазухой, да верную службу справляют царю-батюшке за счет трудового народа... Если долго и упорно вколачивать клин между различными слоями населения, то в конце концов можно достигнуть желаемого результата. Но как у страха глаза велики, так и у злых и длинных языков правды нет. Попробовал бы кто-нибудь испытать это хваленое житье-бытье: «Слава казачья, а жизнь собачья». Другое дело, что это был их образ жизни, иного они просто не знали, да и никуда от него не убегали. И не искали другой жизни. И не набивались в услужение царям. Единственным их искренним желанием было самим управлять своим казачьим краем, да иногда, правда, хотелось прогуляться за «зипунами». Причем богатыми. А с бедными по-братски поделиться.

Царское правительство всегда заигрывало с донскими казаками. Лестило. Боялось их свободолюбия. Понимало, что от малейшей искры вспыхнет пожар непокорности. А такую прекрасно организованную военную силу, ее потенциальные возможности, выпестованные в своих корыстных целях, ему невыгодно было терять.

В 1835 году царское правительство, угождая настроениям рядового казачества, приняло новое «Положение о Войске Донском». По этому законоположению казачество объявлялось «особым военным сословием», А у казаков-то и позабыли спросить, хотят ли они состоять в этом самом «сословии»?

Филька Миронов сошел в хутор, когда уже почти весь табун разобрали по дворам и загнали на базы. Тихий летний вечер угасал в мягких сгущающихся сумерках наступающей ночи. Смолкли людские голоса и приглушенное мычание скотины. Хутор, ненадолго взбудораженный табуном, укладывался на отдых. Где-то беспокойная корова толкнула ногой цибарку, она зазвенела... Запоздавшая казачка, сердито покрикивая, торопливо доит, и слышно, как молочные тугие струйки бьются в белую пену ведра. Распластавшись, снуют летучие мыши, и шелест их полета падает в ночную тишину и замирает сразу же за спиной Фильки. Тявкнет собака и умолкнет, лениво потрусив к своей конуре. И опять тишина. Теплый недвижимый воздух касается Филькиного загорелого лица, как ласка.

Бывают в донских хуторах минуты полной тишины, когда звуки натруженного дня умолкли, заглохли, а ночь еще не успела родить своих. Но вот сначала несмело щелкнет соловей в тернах, за ним другой, третий... и зазвенит ошалелый хор над притихшими садами. Соловьи словно чумеют в такие вечера. Из-за старинного кургана взойдет луна, зальет округу призрачным светом, посеребрит в садах листву и медленно, величаво поплывет над хутором. И он вновь оживится. Зазвенит трехструнка какой-то нежностью и печалью страдания. Подпоет ей молодая казачка высоким голосом и вдруг круто оборвет. Ей ответит другой голос — ласковый, зовущий. Подхватит песню, и два голоса, тесно сплетаясь, поведут ее за собой по безлюдным проулкам. За ними потянутся другие. И вот уже звенит, ликует игрище — смех, песни, шутки, игры не стихают до зари.

К рассвету умолкают и они, лишь где-то послышится торопливый шепот, звук поцелуя я счастливый, напоенный страстью, ласкающий смех...

Возвращающийся молодой казак затынет песню и умолкнет. Одинокий соловей пропоет свою прощальную грустную песню на утренней заре, щелкнет и... тишина, глубокая, необъятная. Воздух прозрачен и чист. Звезды мерцают в вышине.

Каким очарованием дышат ночи донских хуторов! Сколько в них непередаваемой, истинной красоты! Особенно когда цветут яблони, груши, вишни. Как невесты в подвенечных платьях стоят они при лунном свете, стыдливо пряча свою красоту. А белые купола цветущих тернов, словно

огромные букеты роз, воткнутые в новобрачный, весенний наряд кормилицы-земли. От аромата задохнуться можно. Молодежь тогда ходит хмельная, а пожилые становятся юными. И кажется, что в пьянящем воздухе трепетными волнами переливается молодое, здоровое, горячее чувство любви.

Филька чуть ли не со страхом оглянулся на Дот. Ему показалось, что, залюбовавшись хутором, он как бы забыл, предал свою любовь... Дон, будто ртутью наполненный, будто вокруг своей оси медленно и могуче вращаясь, прокладывал себе дорогу в дальние хутора и станицы.

Филька обычно приходит в хутор, когда солнце уходит за горизонт. Краски бледнеют, и Дон становится розовым, словно на дне его зажигают огромный светильник. А когда солнце совсем заходит, Дон по-мужски бережно продолжает хранить в своих волнах вечернюю зарю: в одном месте вода лазоревая, в другом — розоватая, в третьем — бледно-голубая. А там, где сады распластали свои тени, — черная, как пасхальная ночь.

На правом крутом берегу Дона, изрытом морщинами оврагов и буераков, прилепился Филькин хутор Буерак-Сенюткин. Тянется он над рекой лентой садов и левад. Тополя и вербы свешивают ветки к воде. Листья пьют донскую воду и как бы по цепочке передают всему хутору, утопающему в буйных левадных зарослях. Питают муравную зелень, плотно вросшую в меловые плешины крутолобого берега.

Перед Буераком Дон натывается на бугриную, поросшую лесом, и, не в силах подмять ее под себя, резко поворачивает вправо, образуя сагайдачную дугу. Опершись о Буерачные кручи, как о тетиву, Дон выпрямляется и гигантской стрелой несется мимо хутора. Под его крутояром подхватывает небольшой ручеек Лог-Буерак и продолжает молодо и величаво течь мимо меловых правобережных подгорий и дремучих лесов левой стороны.

Филька шел по проулку. Ветки садов с обеих сторон сплетались Над его головой. Перекинутый через плечо кнут извивался за ним, оставляя глубокий след на пыльной дороге.

— Тю!.. Бешеный!.. — Галя кинулась за выскочившим на проулок телком и столкнулась с Филькой. — Ах!.. — Она остановилась и опустила черные, как угли, глаза, лицо ее пылало, пышные, волнистые волосы в беспорядке разметались по плечам, небольшие выпуклости груди поднимались и опускались под туго натянутой кофточкой. Встреча была настолько неожиданной, что оба вдруг остановились и смущенно молчали...

Филька злобно метнул взгляд на Галю, невольно в то место, куда

смотреть было... грех, и угнул голову, словно в сумерках хотел повнимательнее рассмотреть цыпки на своих грязных босых ногах.

Фильку, хуторского пастуха, кормили миром, по очереди. Сегодня завтракает и вечеряет в одном доме. Здесь же ему давали харчи на обед. Завтра — в другом доме, послезавтра — в третьем. Так и ходил с ранней весны до поздней осени, до первого снега по всему хутору из одного двора в другой. Как постылы и горьки бывали Фильке чужие харчи! Они застревали в горле. Но голод гнал его, и он садился за хозяйский стол, стеснительный и пристыженный, боясь съесть лишний кусок. Его душили слезы, и обида жгла за свою нищенскую жизнь. Филька никогда не наедался. Поймав на себе косой взгляд хозяйки, он вскакивал из-за стола, торопливо благодарил и уходил полуголодным...

Сегодня была очередь кормить пастуха хуторскому богачу Глебу Ивановичу Кушнареву. Утром Филька прошел мимо его подворья. Он побаивался этого большого, тяжелого на руку казака. Глаза Глеба Ивановича под рыжими щетинистыми бровями были жестки, холодны, от них, кажется, ничего не укрывалось. У Кушнарева была собственная паровая мельница, круглый курень под жестью, крепкие добротные амбары, катухи и базы. Высокий забор многое скрывал от любопытных глаз. Огромные волкодавы стерегли добро Кушнарева.

— И удачлив же ты, Глеб Иванович, — говорил ему кто-нибудь из хуторян.

— А ты берись за работу с молитвой да с богом, повезет и тебе... — скажет и недобро блеснет глазами. И скажет-то вроде приличествующее к разговору слово, а у собеседника мурашки вдруг поползут по спине: «Видно, сам дьявол у тебя на службе», — подумает тот и уж больше никогда не заводит разговора об удаче.

Ходили темные слухи, будто бы он связан с какой-то бандой, гулявшей по Дону... Да, завистливые языки многое наговорят. Но одно было правдой: Кушнарев был одним из первых богачей и крепко держал хутор в своих руках. Семья у Кушнарева невелика: жена Пелагея Никитична, тихая, набожная, дочь Катя, невеста на выданье, да пятнадцатилетняя Галя.

Вот ее-то, младшую дочь хуторского богача, больше всего и боялся встретить Филька. Почему? Он и сам еще не знал.

Теперь они стояли друг перед другом. У Фильки мгновенно вспыхнула догадка, краской обожгла лицо: «Еще подумает, еды дожидаясь...»

Галя вдруг сказала:

— Заходи, чего же ты?

«Так и знал», — подумал Филька, а сам в замешательстве спросил:

— Куда?.. Зачем?..

— А почему ты утром не зашел?

— Знаешь, Галя... — перебил ее Филька... Он хотел бросить ей в лицо что-то резкое, гордое, даже обидное, но только желваки заходили под туго натянутой кожей, и он, махнув рукой, опрометью бросился мимо нее.

— Филька!.. Филипп!.. — позвала Галя, но опустевший проулок, зияя темнотой, молчал. Она стояла растерянная, готовая броситься ему вослед. — Филька... — тихо прошептала Галя. — Бедный Филька, я же не хотела тебя обидеть. А ты, наверное, целый день голодным был... — опустив руки, она медленно пошла к дому.

Филька быстро подошел к своей хате. Он оглядел ее и словно впервые заметил провалившуюся трухлявую крышу, маленькие невзрачные оконца, обвалившуюся завалинку. По скрипучим прогнившим ступенькам поднялся в сенцы, где была его постель, и осторожно, чтоб не беспокоить мать, прошел в свой угол.

— Сынок, ты вечерял? — мать вышла из горницы. Она ждала сына, и все переживания ее выразились в вопросе — сыт ли он или голоден?

— Да, мама... — Он сглотнул слюну, чувствуя, как от солнцепека и голода стучат в голове мелкие молоточки. Ведь все равно не скажет матери, что в рот ничего не брал. Дома ничего нет, а ей лишнее беспокойство.

— Ты чего нынче хмурый какой-то? Или прихворнул? Обидел кто-нибудь?..

— Ты же знаешь, я еще никогда не болел и не уставал. — Он слабо улыбнулся. — Уж таким, наверное, двужильным уродился... Спать хочу, маманя...

— Ложись, сынушка, ложись, моя чадушка. Ты ведь сроду не высыпaeшься. — Она заботливо укрыла его старенькой дерюжкой, перекрестила и осторожно прикрыла за собою дверь.

Филька долго лежал с открытыми глазами. Перед ним стояла девушка. Далекая, недоступная. Неясным желанием и тревогой билось сердце... Вся в белом, стоит на высоком кургане и взором нежным и ласковым смотрит на него. Радость наполняет сердце Фильки, он готов кинуться навстречу...

— Филька... Сынок!.. Вставай, заря занялась, — будит его мать.

Филька слышал голос матери и делал усилие встать. Ему казалось, что он уже на ногах, что он почти собрался и вот-вот выйдет за порог, вдохнет знобкий, предутренний холодок и пошагает по мягкой прохладной пыли. Но веки его оставались плотно сомкнутыми.

— Вставай! Вставай! — раскачивала его за плечо мать.

— Встаю... — сонно бормотал Филька. Но тело не подчинялось его воле, и он, расслабленный, снова валился на бок.

Мать начинала сердиться. Ей жалко будить сына. Дать бы мальчонке хоть разочек позоревать... Но что поделаешь? Нужда заставляет сына идти к заспанной хозяйке, отбывающей черед, и есть чужой хлеб. Пастухи первыми из бедняков вступают на заре в борьбу с нуждой. Хотя и говорят в народе, что кто рано встает, тому здоровье и богатство сам бог дает, хату же

Мироновых много лет обходит эта житейская мудрость.

— Вставай, сынушка...

Чтобы не огорчать мать, Филька, напрягая силы, рывком оторвался от теплой подстилки:

— Видишь, я совсем не хочу спать...

Сборы были недолги: в чем спал, в том и дневал. Он взял висевший на стене кнут, перекинул его через плечо и вышел во двор.

Роса хрусталем дрожала на траве, на листьях деревьев. Воздух чистый, свежий, благоухающий нежными запахами любистков и мяты, доносился из палисадников. Дышалось легко, свободно. Через загрубелые подошвы босых ног проникал холод, забирался под залатанные штаны из суровины и мелкими мурашками полз по спине.

Греясь на ходу, Филька подошел к дворовым воротам зажиточного казака Пустовалова Ивана Трофимовича. Была его очередь кормить ныне пастуха. С папиросой в зубах, в теплой фуфайке и добротных ботинках возле ворот стоял сын Ивана Трофимовича, Сашка, приехавший из станицы Усть-Медведицкой. Там он учился в гимназии. Днем, в самое пекло, когда жара достигает наивысшего накала, он выспался до одури в прохладной с закрытыми ставнями горнице, поэтому сегодня встал рано. С наслаждением потянулся:

— Хорошо, черт возьми!..

Сашка приехал на летние каникулы отдохнуть, вволю отоспаться, загореть. Однажды он устроил на хуторе целый переполох. Поздним утром, когда солнце поднялось «в дуб», он вышел во двор в одних трусах и, развалившись на траве, начал принимать солнечные ванны. Как будто ничего необыкновенного на первый взгляд не случилось — молодой парень загорает... Но казаки понятия не имели, что за одежда такая — трусы. И на людях показываться обнаженным, кроме мест для купания, почиталось верхом неприличия, почти грехом. Купались мужчины и женщины порознь, снимали с себя платье и, прикрыв рукой срамное место, бросались в воду. Иногда парни, дурачась, захотят посмеяться над девушками, подкрадутся к месту их купания, утащат платье, и тогда девушки часами мокнут в воде, визжа и проклиная озорников.

Даже в жару, на полевых работах, казаки не снимали рубах из суровины, которые, несмотря на свою сверхпрочность, расплзались от пота на их натруженных спинах. А бабы укутывались так, что, казалось, задохнуться можно, и только щелки, оставленные для глаз, спасали их — туда проникал воздух.

А тут на тебе, во дворе лежит голый казак и загорает. Эта весть быстро

облетела хутор. И вот уже любопытные глаза заблестели сквозь неплотный плетень, огораживающий подворье Пустоваловых.

Подбежала бабка Меланья, без которой ни одно событие хутора не проходило, и, тыкаясь в плетень носом с красной загогулиной на конце, ударяя себя по высохшим бедрам, громким шепотом запричитала:

— Бабоньки, срамота-то какая, почитай, голый валяется! Ей пра, без порток лежит... Господи Иисусе... — Бабка перекрестилась, сплюнула от возмущения и потрусила оповещать хутор.

А древний дед Архип ударил палкой по колышку плетня, строго сказал, обращаясь к Сашке:

— Хоть ты и науки аж в самой станице проходишь, едят тебя мухи с комарами, а позорить казачество тебе не дозволено. Сей же час одень портки и ступай с глаз!

Когда говорят старшие — это закон; Под десятком пар насмешливых глаз Сашка как ошпаренный вскочил, схватил подстилку и под свист и улюлюканье хуторян бросился в курень.

В каникулы Сашка мечтал сблизиться с нареченной ему невестой. Давно Пустоваловы и Кушнарёвы решили породниться. Сейчас, стоя у дворовых ворот, Сашка смотрел куда-то на верхушки верб в леваде, где горланило потомство грачей, и перебирал в памяти краденые встречи, проведенные со своей юной и пугливой невестой: «...Подрастет. Пообвыкнет... Галя... Ах и красивая же... Какова-то еще будет...» Оторвавшись от воспоминаний, Сашка вперился в лицо Фильки:

— Куда прешься, голоштанник? — Сашка криво усмехнулся и глянул на засаленные до блеска Филькины портки из суровины с большими одутловатостями на коленках, которые при ходьбе перекидывались справа налево, на посиневшие от холодной росы в цыпках ноги, прищурился и, презрительно сплюнув под ноги, лениво сквозь зубы процедил: — Пошел прочь! Шляются тут... Стянуть хочешь чего-нибудь? — Сашка загородил дорогу, выставив руку с удочками.

— Я к твоей матери, ее очередь кормить...

— Еще чего захотел — кормить... Много вас тут дармоедов шляется... Вот спущу с цепи Трезора, он тебе живо гуньи облатает!

Восемнадцатилетний Сашка был на три года старше Фильки. Держал себя нагло и вызывающе, избалованный, воспитанный в богатстве и сытости.

— Непустишь? — Глаза Фильки сверкнули недобрым огоньком, руки нервно перебирали ручку кнутовища.

— Ты еще грозить будешь? — фыркнул Сашка и ударил Фильку

связкой удочек.

Филька отскочил назад, развернул кнут и вытянул им Сашку по спине. Взвизгнув, Сашка кинулся к плетню, выдернул кол и бросился на Фильку:

— Убью!.. — Он размахнулся и запустил кол в Фильку. И если бы тот не вскинул быстро руки вверх, защищаясь, то кол угодил бы прямо в голову.

— Ну, гад!.. — не помня себя, не замечая, как струйка крови потекла из рассеченного виска, Филька с силой хлестнул Сашку кнутом, наверное, так удачно, что тот, застонав, ухватился за прясла и повис на плетне. Из его фуфайки клочьями летела вата и куски материи.

Сбежались казаки и бабы, прогонявшие скотину в табун. Алеха Харин, казак медвежьей силы, схватил в охапку Фильку:

— Ты чего, антихрист, делаешь?..

Оправившись, брызгая слюной, Сашка подскочил и начал бить Фильку по лицу. Знал Филька, никто не заступится за него. Как стрепеток в силках, он рвался и бился в руках Алехи.

— Так ему, анчибалу!

— По салазкам заедь!

— Портки снимите, да хворостиной...

— Учить надо гольтыбу... — В толпе давали различные советы, подтверждая жестокое правило: за сильного да за богатого все горой встанут, а у бедного, неимущего последнее отберут.

Вдруг из толпы вырвался пронзительный крик:

— Стойте!.. Что ж вы делаете!.. — Галя дрожала всем телом, голос ее срывался. Она кинулась между Филькой и Сашкой и, как иглами, впилась сверкающими глазами в нареченного ей родителями жениха.

Ошеломленный Сашка попятился, не понимая, как она посмела заступиться за голяка и помешала проучить его как следует.

— Ну, теперь проваливай!.. Благодарю бога и вон энту, сердобольную, — Алеха глянул в сторону Гали и выпустил Фильку из своих железных лап. Пошел своей дорогой, равнодушный ко всему происшедшему — уж больно незначительная драка получилась. Вот когда сходятся в драке хутор на хутор, тогда Алеха с удовольствием пускает в ход свои пудовые кулаки.

Опомнившись, Филька постоял, покачиваясь, потом собрался, рванулся с места, но, словно что-то вспомнив, остановился, обернулся, лязгнул зубами, как затравленный волчонок:

— Ну, попомните меня!.. — Глаза его горели такой злобой и ненавистью, что кое-кому стало не по себе.

— Как-никак сейчас навроде на драки запрет положен... — сказал

Федор Васильевич Осипов, из обедневших казаков, дом которого стоял под хуторским курганом, откуда и пошло название «Осипов курган». — Атаман может дознаться...

— Ты там пой Лазаря, — прикрикнул вышедший на шум Иван Трофимович. — Я тебе покажу атамана! Вот он где у меня!..

Пустовалов сжал огромный, в узловатых жилах кулак и погрозил в сторону хутора.

Но при чем тут Сашка Пустовалов? И почему он, Миронов, так детально вспоминает о том давнишнем эпизоде? Или прикидывается непонимающим и, чтобы оттянуть время, хочет еще лишний раз удостовериться, что память — это штука жестокая и беспощадная, и — неподвластная. Запрятывает в свои тайники такие моменты из жизни человека и выдает их с такой смелостью и неожиданностью и в самый, казалось бы, неподходящий момент, что обладателю сих сокровищ приходится то ли восхищаться, то ли, что называется, сгорать от стыда... Память, как качели. Какие еще качели?

Их, эти качели, в Буерак-Сенюткином строили почему-то только лишь на Пасху... Вернее, к первому дню этого долгожданного праздника. И утром после обильного мясоедного разговления под трезвон церковных колоколов молодые казаки и казачки в нарядных одеждах торопятся на оттаявший бугорок, где уже кем-то сооруженные стоят наготове качели. По одному не качаются. Неинтересно, да и не принято. Молодой казак качает девушку. С шиком, конечно, чтобы потом говорили, что Ванька выше всех взлетал над восхищенными друзьями. А казачка всех сильнее визжала, то ли от страха, то ли от восторга. Раскачивают сильно, азартно, и взлететь над землей на уровень горизонта — дух захватит даже у самой отчаянной девчонки. Вверх, вниз... Вверх, вниз... Казачка, зажав между колен широкую юбку, визжит и хохочет. Но от страха и бесконтрольности юбка вырывается из плотно сжатых колен и полощется по ветру. Блеснут на солнце девичьи ноги, ослепляя подростков своей наготой. Они жадно косят глазами, делая вид, что не смотрят в ту сторону, куда считается стыдным смотреть. Подойдет взрослый казак — по шеям настукает: «Брысь, мелюзга!.. Еще рано подглядывать...» — «Да мы и не думали...» А где уж там не думали, когда пылают щеки и колени дрожат от тайного, запретного желания.

Пасха... Всеобщая радость. Трезвонят колокола... Качели... Игра в мяч (лапта)... Крашеные яйца, дележ, игра в них... И, наконец, самое, быть может, желанное и тайное: «Христос воскрес!» — казак говорит казачке. Она отвечает: «Воистину воскрес!..» — и подставляет алые губы казаку. Целуются. На миру. У всех на виду. Пасхальный поцелуй — самый целомудренный...

А потом пришли ревкомы и запретили Пасху. Запретили праздники и

колокольный звон. Святыни православия осквернили, церкви — под склады и машинные мастерские. Колокола сбрасывали на каменную паперть. Они раскалывались, вызывая приступ дикого восторга вновь вылупившихся активистов. В варварском упоении они еще глумливее начинали бесноваться возле поверженных кумиров.

Запретили Пасху, Троицу. Петров день. Престольные праздники. Рождество. Иордань. Прощеное воскресенье. День поминовения усопших. Церковный обряд венчания. Крещение. Исповедь. Причастие. Запретили веками освященное духовное очищение совести человека.

Запретили традиции народа, обворовав его до нитки и низведя до нищенски-рабского существования. Выдрали корни, на которых покоилась духовная культура...

А без традиций нет народа. Остается только жующая и переваривающая пищу толпа. Постылое и постыдное наступило время. Исчезала Россия. Исчезали донские казаки.

Строг, однако, Миронов к другим. А не сам ли он создавал ревкомы?.. Молчишь?.. Сам молчишь или совесть молчит? Есть разница? Так покайся! Н-не могу. Почему? Так покаение же запретили. Ха-ха-ха!.. Будто за спиной Миронова кто-то истерически расхохотался и снисходительно добавил, что, мол, пока не будет мучить совесть прославленного полководца, но пусть только одно слово скажет: да или нет — создавал или не создавал ревкомы? Ну, создавал. Нет-нет, постой! Надо подумать... А чего тут думать? Как чего? Ведь, создавая ревкомы, он же и боролся против их недозволенных приемов. Боролся? Хорош, гусь! Сначала создал эти злодейские ревкомы, дал им в руки неограниченную власть, а потом захотел бороться за ее укорачивание? Не наивно ли? Сколько душ он сгубил ради торжества ревкомов! Он и Сашку Пустовалова зарубил во имя торжества ревкомов? Ах, этот Сашка... Признайся, ты всю жизнь мстил ему за ту ребячью драку и в конце концов зарубил. Как это зарубил? А так, очень даже просто — голову снес шашкой... Что, у него на плечах была не голова, а капустная кочерыжка?.. Ну, подрались тогда. Ну и что? Конфликты среди казачат всегда разрешались одним способом — кулаками... Все давным-давно забыто. Осталось только таинственное и непонятное явление — память.

Пусть Сашка — плохой человек. Но — человек, и у него был свой мир. И удар шашки Миронова погубил этот мир. Осталась только память — больная, ноющая... Но зарубил-то в честном бою! Будто убийство бывает честным. Какая уж там честность, когда в сабельном бою равных тебе не было во всем Усть-Медведицком округе Войска Донского. И заранее было ясно, чем это кончится... Да, уж тут кто кого... Это правда. Что это, укор?

Нет, но все же... Так пусть бы Сашка его зарубил, так, что ли? Странная логика у слабаков. Или, может быть, всего-навсего зависть к сильному противнику?.. Ведь Сашка, Миронов это явственно видел, разинув в страхе и отчаянии рот, рвано бросал слова: «Смерть изменнику Дона и казачества Миронову!..» И первым вылетел на коне впереди несущейся лавы — самый злобный белогвардейский офицер Пустовалов... Ну, рубанул его Миронов... Пусть не выскакивал бы — ведь знал же!.. Но ведь зарубил друга... Ну, скажем, не друга, своего же хуторянина, а теперь все копаешься в воспоминаниях о детстве. Да он, Миронов, вообще-то представляет, кто он теперь и где находится?..

Миронов схватился руками за волосы на голове и застонал. Он не помнил, сколько длилось вдруг нахлынувшее беспмятство и отчаяние.

— А-а-а!.. — неслось из его одиночной камеры. Загремел засов, и на пороге возникла фигура тюремщика. Отрезвляюще прозвучал грубый голос:

— Чего воешь, яко зверь?.. — Помолчал, потом глумливо добавил: — Можя, к мамке пожелал?..

Громыхнули ключи, запирая камеру, и Миронов вдруг прошептал:

— Мама... — потом еще: — Мама... — И будто ничего не было вокруг, кроме этого слова, дорогого, всепроникающего и всепрощающего: — Мама... — Даже на губах какая-то приятность и упругость. Что-то вроде запаха молока, что ли... Или ее груди, к которой он прижимался в детстве... — Мама... Пожалей меня... Ручонками обовью твою шею... «Так у тебя же, сынок, руки в крови!.. И шеи, которые ты не обнимал, а только рубил своей казачьей шашкой! Бог оставался позади, а впереди злоба и блеск стального клинка. Искусный силовой удар... Как же такими руками прикасаться к шее матери, к ее груди...» Но память уже властно вцепилась в него мертвой хваткой. И святые руки матери — всеочищающие и всепрощающие — коснулись его души.

Филька, конечно, не помнит, но ему так много раз рассказывали об этом событии, что он поверил, что все это было на самом деле. Наяву. Неужели он жалел маму свою? Этот крохотный комочек... Отец был в гостях, пришел домой навеселе, начал куражиться над женой. А годовалый Филька в это время смеялся и кидался ручонками то к матери, то к отцу. Но когда отец замахнулся кулаком на Марию, Филька вдруг перестал смеяться и отчаянно закричал. Протянул ручонки к матери, обхватил за шею и крепко прижался к ней. Утешал. Жалел. Защищал свою маму... Вот ведь, говорили старые казачки, сердчишко у мальчика какое жалостливое... Добрый казак подрастает...

Мама... Мама... Однажды Филька вместе с табуном спускался в хутор. На прогоне его встретил закадычный дружок — Ленька. Два сапога — пара, так их в хуторе звали. Без них не обходилась ни одна шкода. Ленька, возбужденный, совал Фильке яблоко:

— На, надкуси, сладкое страшно.

— Сам-то пробовал?

— Я и так вижу.

— В чьем саду стянул?

— Галка дала... Да ты знаешь эту яблоню, в глубине сада. Помнишь, прошлым летом трясли ее?

Филька как-то невольно даже плечами шевельнул, словно на спине до сих пор болел рубец — уж больно удачно перетянул его тогда Глеб Иванович. Тогда ребята с Филькой во главе только в азарт вошли, обтрясывая яблоню, как неслышно возле с кнутом в руках оказался Глеб Иванович. Вся братва — врассыпную... А кнут у него был не конопляный, как у всех нормальных людей, а ременный, из сыромятной кожи... Потом, вспоминая, как это все произошло, Филька ругал себя на чем свет стоит... Если бы он убежал по-над плетнем, Глебу Ивановичу за ним не угнаться бы. Тяжел казак. Да если и достал бы Фильку кнутом, то только концом, по плечам или по ногам. Так нет же, Филька вздумал показать свою прыть — сиганул через плетень. В какой-то миг сгорбатился. Вот тут-то и настиг его кнут Глеба Ивановича — считай, через всю спину плотно прилег... Не надо было выгибаться и так откровенно подставлять спину под удар. Не сообразил вовремя, свалял дурака, одним словом. Теперь-то он умнее будет, так ведь это каждый грозитя после драки...

— А что, если попробовать еще раз? — соблазняя Ленька, будто угадывая мысли своего атамана, косо посматривая на Фильку.

— Жалеешь? — отозвался атаман, ему показалось, что Ленька скользнул взглядом по его спине, напоминая о прошлогодней встрече в саду Глеба Ивановича.

— Брось обижаться, — успокаивал Ленька, — я и позабыл про тот случай, мало ли их было, что ли... А этот Глеб — вреднючий казак. Он Ванюшку-дурачка крапивой стеганул...

— Когда?

— Да ныне.

— Вот зараза! Ведь грех обижать убогих.

— Идет, это значит, Ванюшка-дурачок по-над садом в своей неизменной суровой рубахе и, протягивая руку, мычит, мол, добрый дяденька, дай яблочко. А Глеб сорвал крапиву и по голым местам Ванюшку...

— Сволочь! Все, решено — трясем яблоню нынче же ночью. — У Фильки глаза горели гневом.

— А если... — несмело подал голос Ленька.

— Трусишь? — Филька-атаман в упор смотрел на своего друга.

— Не особо, но...

— Можешь не ходить со мной! — отрезал атаман.

— Куда же я без тебя. Подышать, так с музыкой, — невесело усмехнулся Ленька.

— Только без сомнений. Засомневался, считай, поймают... Надо все точно продумать. Так просто лезть на рожон — дураков нет. Разузнал что-нибудь?

— В шалаше ночует Глеб. Рядом кобель на цепи. На ночь он его спускает.

— Да-а... — почесал затылок Филька. Потом, оживившись, спросил: — У вас чувал целый?

— Какой?

— Ну тот, в каком мать хмель хоронит.

— Кажись, в амбаре, только в дырах весь.

— Найди крепкие суровые нитки — и к темноте чтоб был мешок в порядке.

— Сделаю.

На землю спустились ранние южные сумерки. Хутор, уgomонившись, отходил ко сну. Тишину нарушали лишь птичьи голоса, с хлебного поля перепела призывали: «Спать пора... Спать пора...»

Кажется, только Филька и Ленька ничего и никого не слышали. Затаив дыхание, они лежали под плетнем сада Кушнарева. С нетерпением ждали, когда он обойдет сад и уляжется в шалаше.

Вот под его тяжелыми шагами что-то громко хрустнуло. Филька тотчас шепнул:

— Яблоко раздавил... О, теперь пойдет к шалашу... Точно... Слышь, соломой шуршит, укладывается...

— Да-то, устал небось за день — время как раз передохнуть.

— Пожалел заразу... Интересно, где он кнут держит?

— Нынче он ему не понадобится.

- Ты думаешь?
- Уверен... Пора... Как договорились...
- Рванули!

Хрястнули колья плетня — и ребята уже были в саду. Быстро кинулись к шалашу, наверное, что-то придумали новое. Обычно они старались как можно дальше его обходить. А тут все делают наоборот... Кобель закружился на цепи, поднял яростный лай.

Глеб Иванович заворошился в шалаше.

Ребята, добежав до шалаша, над выходом из него растопырили горловину огромного чувала. Она как бы служила продолжением темени шалаша. ПопадетсЯ ли на эту удочку Глеб Иванович?

— Растопырявай шире!.. — тревожно зашептал Филька.

— Он уже полез в чувал!.. — обрадованно отозвался ЛенЬка.

— Хорош! Есть!.. Концы чувала из рук уползают...

— Валяй!.. Утаптывай по всему чувалу!.. Завязывай!.. Садись на него и держи...

Глеб Иванович то ли от неожиданности, то ли от испуга, можно сказать, совсем не сопротивлялся и дал возможность изловить себя таким простым способом.

Филька уже был на яблоне и тряс ее. Яблоки гулко падали на землю, словно вдали вскачь неслась бричка по кочковатой дороге.

Кобель захлебывался от лая.

ЛенЬка вдруг заорал:

— Ой!

— Ты чего? — крикнул Филька.

— Он, зараза, сквозь мешок грызнул за... энто место...

— Не подставляй... Давай сюда!.. Собирай яблоки — в айда!

И тут послышался рев Глеба Ивановича:

— Караул!.. Грабят!.. На помощь!.. — Потом он страшно заматерился и начал грозить расправой с невидимыми разбойниками.

Хутор вдруг взбудоражился, казаки начали выскакивать из куреней на помощь Глебу Ивановичу.

Тут же хрястнули плетни, послышался топот босых ног по дороге, и все стихло. Лишь визжал от возмущения кобель и преданно терся взъерошенной шерстью о чувал, в котором бился его хозяин. Наконец он прорвал дыру, освободился из плена и начал потихоньку чертыхаться и ощупывать на своем теле ушибленные места.

Бежавшие казаки, будто спотыкаясь о тишину, останавливались, прислушивались и нехотя разбредались по своим куреням. Они уже

догадывались, что кто-то над кем-то зло подшутил или по бедовой отваге залез в чужой сад и поднял этот невсамделишный тарарам.

Запыхавшись, Филька и Ленька остановились возле глухой левады.

— Побежим дальше или тут будем есть яблоки?

— Луна как по заказу поднимается, скоро видно будет как на ладошке.

В случае чего успеем драпануть.

— Ты думаешь, Глеб погонится? Да он теперь только к памяти начинает приходить. Лови нас — ветра в поле. Тогда узнают все, что его в мешок засунули. Позор. Не-е, он это будет переживать в одиночку.

— На худой конец, на пару с Трезором.

— Здорово! Сообща можно и черта узлом завязать.

Балагуря, ребята уселись на траву и начали из штанов вытаскивать концы суровых рубах — оттуда посыпались яблоки.

Филька откусил яблоко и с разинутым ртом уставился в гущину зарослей. Оттуда вышел человек... без головы. И весь как есть... голый... Лунный свет облил эту странную до ужаса фигуру, и она двинулась к ребятам. Но несмело, неуверенно... Ступила ногой в одну сторону... в другую... Остановилась.

— Глянь... — Филька толкнул Леньку.

— Что ото?

— Не знаю.

Вдруг послышался слабый женский голос:

— Помогите...

— Бабий голос, — определил Ленька.

— Я без тебя слышу, что бабий... — Филька на животе подполз ближе к этой таинственной фигуре и глазам своим не поверил. От охватившего волнения уткнулся головой в землю.

— Ну, чего там?

— Ты что, сам ослеп!.. — разозлился Филька. За нарочитой резкостью он пытался унять вдруг возникшую дрожь в теле, и еще сам не понимал или не осознавал, что на него тотчас навалилось — страх, стыд или запретное желание?..

— Что будем делать?

— Откуда я знаю... — Филька не поднимал головы, боясь взглянуть в сторону бабы. Он знал, что если девушка, не дожидаясь замужества, гуляет с казаками, ее уведут в пустынное место, насилуют по очереди, потом избивают, затыкают рот тряпкой, руки связывают назад, поднимают подол

юбки вместе с нижней рубахой и завязывают все это над головой. Под свист и улюлюканье, чтобы все видели и слышали, толкали ее вперед, мол, иди, куда хочешь... Идет она, оскверненная, не зная куда, не имея возможности позвать на помощь. Может сорваться в колодец или разбиться насмерть, упав с обрыва в реку...

Опозоренную, ее никто уж никогда не возьмет замуж. И до самой могилы будут отворачиваться с отвращением и показывать пальцем — ей подол на голове завязывали, — поучая этим жестоким примером подрастающих казачек.

И никто не отвечал за такое поругание, наоборот, позорным считалось помочь казачке, попавшей в беду. Скажут, так ей и надо, потаскухе. Не будет блудить!.. А казаки, совершившие это злодеяние, под хохот своих дружков будут на игрищах рассказывать, бахвалясь, как они ловко проучили ее, один, мол, вызвал на свидание, а второй вроде непростеным явился, поспорили для порядку и помирились между собой, а ей — наука!..

Женщина-казачка... Мать... Ее ценили. Боготворили. Но если жена-казачка убегала от своего нелюбимого мужа-казака, то ее ловили и пригоняли обратно. Как приبلудную скотиняку, на веревке от хутора к хутору сидельцы вели ее. Дома казак привязывал ее, как бешеную собаку, к столбу и начинал истязать. До полусмерти избивал и, если она оставалась живой, обращался потом как с животинкой или еще хуже: захочет — помилует, захочет — ногой пнет.

Слышал Филька, что бабы-казачки ждали избавления от гнета казаков. Но кто эту свободу принесет — никто не знал... Единственное пока упование было на Господа Бога... А нравы в казачьей среде, на вольном, Тихом Дону по-прежнему оставались дикими.

Филька, кажется, впервые по-взрослому задумался над подневольной жизнью женщины-казачки. И жалко их ему стало, и в голове забились мучительная мысль, что же делать? Где искать выход? Призвать сволочей к порядку? Через кого это сделать? Как? К кому идти жаловаться? Или самому ловить этих выродков и бить?.. Бить без пощады и не давать реветь...

— Как помочь ей? — Филька кивнул в сторону обнаженной девушки, которая стояла на лунной поляне.

— Давай лучше смотаемся, будто мы ничего не видели и ничего не знаем...

Не успел Ленька договорить, как над его ухом раздался треск, будто переломили колышек в плетне — это Филька влепил ему пощечину.

— Сдурел?.. — Ленька схватился за щеку.

— Не подличай!

— З-зараза!

— Можешь сердчать... Но если хочешь быть другом — запомни эту оплеуху... Кинешься драться?.. Или будешь помогать человеку в беде?

— Бешеный!.. Сказать нельзя...

— А ты гутарь, да знай чего... Давай думать, как освободить ее...

— Пойдем развяжем узлы, и все, — Ленька поднялся и шагнул на освещенную поляну.

— Стой! — Филька потянул его назад. — Нельзя показываться. Те, кто завязал ей подол, или близко где-нибудь тут сидят и глядят, что она будет делать...

— Зверье.

— Ну... Или ушли, а перед рассветом придут, чтобы вывести ее на позор.

— Ну так что?

— А то, что если они тут, то как только увидят нас — поломают нам ребра, и мы ничем ей не поможем.

— Вообще-то верно. Но что же делать?

— Голосом подозвать ее к нашим кустам. Тут мы ее в темень заведем и развяжем узел.

— Давай.

Филька поднял голову и увидел облитую лунным светом смуглую фигуру девушки. Она неуверенно поднимала ногу, пробовала на ощупь вокруг себя землю. Шагнув, споткнулась и упала на колени. С трудом поднялась и, всхлипывая, тихонько позвала:

— Люди добрые... Помогите...

— Иди сюда... — позвал ее Филька. Ему казалось, что он громко позвал, а на самом деле только Ленька услышал какое-то шипение. К нему опять возвращалось непонятное состояние — смутное желание запретного и стыд. В голове позванивало, губы сохли, становились толстыми и непослушными, а изо рта только какой-то хрип вырывался.

— Чего ты хрипишь? Голос, что ли, сел?

— Позови ты... — попросил Филька Леньку.

— Иди сюда.

Девушка замерла. Прислушалась.

— Не бойся, иди к нам, прямо на голос иди. Девушка, ощупывая землю, ступнула к ребятам. Еще ступнула. Еще...

— Иди, иди... — Ленька протянул руку и достал до ее одежды на голове. — Вот сюда, в тень...

— Ой... Ой, маманюшка, ты моя родная... — девушка навзрыд всхлипывала. — Вы тоже зачнете измываться?..

Никто из ребят ничего не ответил, только какое-то мгновение они остоленело глядели на обнаженное девичье тело и теряли рассудок... Потом первым пришедший в себя Филька сказал девушке:

— П-при-пригни голову... — Но сам с места не сдвинулся. Ноги стали тяжелыми, вялыми. Лицо горело. Срам... Как это подойти к голой девушке?.. Куда ни шло, когда он подсматривал сквозь заросли талов за купающимися девчатами. Но тогда любопытство брало верх по своей охоте и острота тайного желания не считалась стыдной, потому что была далека от превращения в физическое действие, да и девчата близко не подпускали к себе. Сейчас же, вот так прямо перед тобою стоит обнаженная... Поневоле оробеешь и не будешь знать, что делать... Можно же ведь прямо сейчас кинуться на нее, так же обнажив себя... Как волк на легкую добычу, и насытиться... Но где найти силы, чтобы погасить огонь в костре, когда ты не от лукавого, который всегда делает человека падшим. Где найти силы, чтобы погасить огонь в костре, когда ты не можешь шевельнуть ни одним членом... А надо встать, подойти к ней просто... так... и начинать развязывать над головой узлы. А их завязывали тонкими сыромятными ремнями... Развязывать... Это значит встать вровень с нею? Рядом. Может быть, даже коснуться ее... Может, даже случайно или невольно покачнешься.

— Ленька... Помоги же!.. — Филька заскрипел зубами.

Ребята тяжело сопели. Вытягивали руки далеко от себя, стараясь не прикоснуться к телу девушки. Филька нечаянно все-таки прикоснулся и, словно обжегшись, отскочил в сторону.

— Не получается... — прошептал Ленька и опустил руки.

— Ты ложись на траву... Может быть, так легче будет... — предложил Филька. — Ложись, — повторил он.

Девушка хотела что-то сказать... Видно, колебалась, потом опустилась на колени:

— А вы ничего не будете?..

— О-о!.. — кто-то из ребят застонал.

— Давай поддержи голову, чтоб не ушиблась... — Филька подложил руку под голову девушки и опустил ее на траву.

Торопясь, ребята начали распутывать узлы. Но они снова и снова не поддавались. Тогда Филька вцепился в них зубами и начал ослаблять их. Когда был развязан весь узел, он сказал Леньке:

— Отвернись... Пускай юбки опустит...

— Как же я их опущу — у меня же руки связаны.

— А черт! Повернись на живот...

Развязали руки, но девушка не торопилась одергивать юбки. Она медленно свела руки вместе и начала шевелить онемевшими пальцами. Потом опустила юбки. Уткнулась лицом в землю и заскулила — тихо и жалостливо.

— Не реви. Услышит кто-нибудь, — Ленька огляделся вокруг. Если кто узнает, что казачата у бабы вроде повитухи были — засмеют. Будут преподносить этот случай со всякими добавлениями, от которых не будешь знать, куда деваться.

— Мне уж теперь все равно...

— Тебе-то... Чего ревешь?

— Больно... Все тело побито. И там... болит. Они какую-то порчу делали... там... Помогите...

У Фильки перехватило дыхание. Он сидел весь воспаленный, злой и тяжелый. Потом рывком вскочил на ноги:

— Ну, как мы это... сделаем?..

— Там... что-то... Они... туда... чего-то запихнули...

— Тебя как зовут?

— Ксюша... Неужто не узнали?..

— Ты — Ксюша? — удивился Филька.

Она ничего не ответила. Ухватила руками за низ живота и перекатывалась с одного бока на другой. Душераздирающе стонала.

Ксюша... Лицо черное, в синяках. За нею многие казаки бегали... На прогоне она громче всех смеялась и, кажется, никогда не могла наиграться в горелки.

Однажды, когда Филька был совсем еще пацаненком, мать подменила его у стада телят, а он, счастливый, побежал на прогон поиграть. Ксюша почему-то заприметила его, схватила за руки и, смеясь, держала вырывающегося Фильку: «Ах ты, чертенок, в кого же ты такой хорошенький уродился. Дай я тебя поцелую...» — приговаривала она тогда.

Помнит ли она про тот давний случай? Неужели это та красивая Ксюша теперь лежит возле него и от мучительной боли катается по траве? Опозоренная. Поруганная.

— Ксюша, может, за твоей матерью сбегать? — предложил Филька.

— Что ты!.. — испугалась девушка. — Она ж меня своими руками задушит! Она думает, что ко мне ни один казак не притронулся... Маманюшка моя, родимая... О-о... О-е-ей...

— Что же делать? Парашку позвать?
— Она же вмиг растрезвонит по всему хутору.
— Будто не узнают?.. На одном конце хутора чихнут, а на другом отвечают: «На здоровье...».

— Филя, попроси свою мать, тетю Марию.
— Как же я маме скажу?.. Стыдно... Ленька, сходи ты...
— Ладно, — буркнул Ленька.

Вскоре послышался шорох раздвигаемых веток, и на поляне появилась Мария, мать Фильки. Ленька остановился и показал ей, куда идти.

Филька быстро шагнул за ствол вербы, бросив взгляд на рассыпанные яблоки, матово поблескивающие в траве... Послышался крик Ксюши, потом все затихло.

Филька вышел из левады и, прислушиваясь, остановился. Оттуда доносился слабый стон. Потом он начал постепенно удаляться и вскоре совсем умолк. Стало слышно, как с ближнего пшеничного поля перепела призывали: «Спать пора... Спать пора...»

Филька, скованный тишиной и таинственными перепелиными сигналами, непрерывно идущими в теплую лунную ночь, не выдержал первозданной, но, как ему показалось, обманчивой благостности и, не дожидаясь, когда кто-то взорвет ее, сам вдруг ломанулся через чащобы левадных зарослей, словно ища свою дорогу — молодую, радостную и буйную, как весенний гром, первородно-голый и очищающий.

Филька выскочил на дорогу. Не расстававшийся с пастушеским кнутом, распрямил его и, размахнувшись, хлопнул — в сторожке тишине ружейным залпом прогремело по спящим левадам... Не знал Филька, что в то синеокое время он как бы невольно предугадал свою судьбу — всю жизнь стрелял по чужим мишеням и в конце концов сам стал мишенью. На этот раз, может бить, смертельной?.. Может быть, потому, что молния метит высокое дерево?

Загремел засов в дверях камеры, а Миронову показалось, что это эхо от удара пастушьего кнута с треском покатилося по спящим садам и левадам и замерло где-то в глубине облитого синью хутора.

Командарм Миронов... Неужели он, прошедший три кровопролитнейшие войны, еще способен был окунуться в детство — этот золотой фонд человеческой души?! Вспоминать, как рождаются и под лучами всходившего солнца исчезают туманы над Доном, словно с загорелых плеч красавицы жены спадал белый газовый шарф.

Феномен, что ли? Или в самом деле донские казаки — это неразгаданные характеры, в которых уживались нагаечники, душителы свободы и защитники этой самой свободы? Степные романтики вольного казачьего края?.. Орел тоже прекрасен в полете, и мы любуемся могучим и гордым размахом крыльев, но почему-то забываем при этом, что орел-то — хищник... Красив казак, гарцующий на коне. Но никто не задумывается, как больно бокам лошади, когда в них жестко и беспощадно впиваются шпоры с малиновым звоном, от которого дамы полусвета чуть ли не в обморок падают. А холодное железо уздечки, особенно зимой, в мороз, и трензеля, рвущие коню язык и губы... Но казак жмет его бока шенкелями и шпорами, рвет губы своему любимцу, чтобы тот гоголем шел по плацу или на виду прекрасного иола. И в то же время коню казак отдает свое сердце: кормит, чистит, поит, отрывая от себя, отдает ему лучший кусок... Красив. Силен. Благороден. И тут же — безжалостность, жестокость к своему верному другу — коню... Душитель свободы и нагаечник. Может быть, это и есть норма жизни донского казака и никакого противоречия тут нет? Как и в жизни и поведении любого человека — он и высок и низок. Но каждый по-своему.

Ну а Миронов?.. Тоже нагаечник, тоже душитель свободы народа?.. Гражданская война была особенно жестокой на Дону, потому что пролетариат России мстил казакам за 1905 год?.. А Миронов, как известно, истинный, настоящий, как говорится, стопроцентный казак. До мозга костей. А он что же, не был душителем первой русской революции? Может быть, он еще и помогал ее утверждению? Как ни странно, но в меру своих сил да, помогал. Это просто любопытно, как это казачий офицер, выбившийся из самых уничижительных низов и дорвавшийся до командной должности, пойдет против царя-батюшки? На защиту интересов

бедняков?.. Тогда зачем, во имя чего он сражался в русско-японскую войну, не просто отбывая службу, а храбро, умело отдавал свой талант на защиту интересов самодержавия? А если не самодержавие, но Родину защищал?.. Это уже другое дело. Вопросов много, надо послушать самого Миронова. К тому же не будем забывать и вековую мудрость, что раб, получивший в руки власть, во сто крат страшнее законного господина.

С чего начать? С храбрости Миронова? А что такое вообще храбрость? Он что же, никого и ничего не боялся? Оказывается, боялся, признается в этом сам, но боролся с этим паническим чувством. Глушил его в самом себе, не давал страху овладеть мыслями и поступками. И в конце концов утвердился в определении, что такое храбрость. Это не что иное, как побежденный страх. Преодоление порога самосохранения. И отсюда главная победа — это победа над собою и над обстоятельствами. Потому что, в сущности, что такое смерть на войне? Это дело случая: миг — и ни мук, ни боли. И ты — в раю. По преданию, убитым на войне там место гарантировано...

При свисте пуль — Миронов не кланялся им, на землю в страхе не падал, потому что знал — пуля пролетела и его на этот раз не убила. Надо только иметь выдержку, характер. И знания. Хотя они и дорого достаются. Готовясь к бою, казаки по издавна заведенному ритуалу надевали чистое белье. Готовились к смертному часу. Знали, что не каждый с поля боя возвратится, но все равно шли, бежали, скакали, дико разинув рты: «У-урр-а!..», в душе надеясь, что его-то сия чаша на сей раз минет и он из этой хищной звериной свалки с божьей помощью выползет невредимым и целехоньким возвратится в родимый курень. Все дело в надежде... Но, чтобы дойти до такого понимания страха, жизни и смерти, нужен незаурядный ум и характер. У Миронова хватало и ума, и волевой энергии. И — риска.

Обладал он еще одной отличительной и притягательной чертой — с ним охотнее, чем с другими офицерами, казаки шли в бой. В этом было, может быть, что-то мистическое — казаки верили, что его не убьют, молва о нем ходила, будто он заговоренный, — значит, и они целыми останутся. Миронов, как никто другой, берег казаков и даже лишний раз мог себя подставить под пули, нежели своих подчиненных. Это было на первый взгляд необъяснимо, но это было так, и авторитет его среди подчиненных был необычайно высок. Однажды, когда набирали охотников в особо опасную разведку, то казаки неохотно отзывались, словно их на верную гибель посылали. Но когда объявили, что во главе разведывательной группы пойдет сотник Миронов, сразу же число желающих возросло

намного больше, чем требовалось. А надо было идти в ночь, в темень, в незнаемую местность и, может быть, встречаться лицом к лицу с коварным, ловким и злобным врагом — самураями, которые, как говорили о них, считались непобедимыми, в плен не сдавались из-за фанатичной преданности своему императору: им нужна победа или смерть.

Что мог донской казак Миронов противопоставить непобедимым самураям? Степняк, имевший дело с равнинной местностью, хуторами и станциями, разбросанными по необозримым просторам. Родной язык, обычаи, нравы, традиции — все знакомое, родное. А здесь — море, горы, туманы, штормы. Хребты, отроги, холмы, овраги, горные ручьи, ущелья, сопки. Искусственные провололочные заграждения в четыре-пять рядов. Орудия и пулеметы, стоявшие «колесо к колесу». Вот и попробуй обмануть, обхитрить врага.

Сложная это наука — обмануть, обхитрить, когда враг точно так же только и делает, что об этом же самом думает. Но при этом ни на мгновение нельзя забывать обоим сторонам об основном правиле — кроме изворотливости ума, нужна изворотливость тела: сила, ловкость. Знание приемов борьбы. Причем борьбы смертельной. Допустим, что все это есть у противоборствующих разведчиков, и они вооружены, как говорится, до зубов. Но остается еще одна малость — мысль. Сознание, что будешь убит и тебя не будет. Как это не будет? А вот так — никогда не будет!.. И такое может случиться через минуту, через час... Капля ядовитого страха... Даже не капля, а всего-навсего лишь ладони повлажняют или дрогнут пальцы, когда попытаешься прикурить сигарку от сигарки такого же смертника, собирающегося идти вместе с тобою в разведку. Но человек идет. Причем чаще всего добровольно идет. Значит, что-то есть в человеке такое, что выше смерти?.. Выше страха небытия?.. Священный огонь, великая страсть — это патриотизм. А честолюбие?.. Наполеон говорил, что человек может идти на смерть даже из-за пуговицы. Но когда он знает, что за эту пуговицу соотечественники будут его прославлять...

Да, легко сказать: сходил в разведку, достал «языка», получил награду — и слава храбрецу!..

Перед тем как набрать казаков-добровольцев, так называемых охотников, чтобы идти в разведку, точно такая же процедура происходила среди офицерского состава. Командир 26-го Донского казачьего полка полковник Богачев на привале в деревне Чатайуз 13 января 1905 года вызвал в штаб всех офицеров и объявил о посылке в разведку во главе казаков опытного и, главное, храброго человека.

Все молчали. Да и говорить особенно было не о чем — приказ дан,

выполняй! Только вот кому сия участь выпадет? Кто окажется, по мнению командира полка, тот самый опытный и храбрый человек? Да и из приказа почему-то неясно, кого это лично касается. Но оказалось, что офицеры поторопились со своими предположениями, потому что полковник не все сказал и, как выяснилось чуточку позже, не собирался никому лично приказывать возглавить разведку казаков, так как нужен был офицер-охотник. Таково желание вышестоящего командования. И когда он объявил об этом добавлении к приказу, все равно никто из офицеров не выскочил вперед и не изъявил страстного желания быть первым разведчиком русско-японской войны. Наверное, каждый мог подумать, что это равносильно заявить во всеуслышание, что он самый опытный и самый храбрый человек. Это было бы верх нескромности. А возможно, мысль более каверзная являлась, вроде той, что, мол, первая разведка может стать и последней?.. И поэтому никто не проявлял особой торопливости. Словом, и на такое уточнение офицеры ответили молчанием. Причем долгим-предолгим и кажушимся особенно томительным.

Полковник Богачев медленным шагом пошел перед строем офицеров и настороженно-осуждающим взглядом начал всматриваться в лица своих храбрецов-удальцов. В глазах замечал не страх и трусость, до этого, слава богу, не дошло, а непривычное смятение, что ли, и они их опускали... Ну а ты, сотник Миронов, поравнявшись с ним, подумал полковник Богачев, тоже опустишь глаза?.. Гордый, диковато-злой взгляд. «Разбойник... Право слово, разбойник...» — мелькнуло в голове полковника, но в душе потеплело, когда он увидел, как Миронов сделал шаг вперед и с особым кавалерийским шиком пристукнул шпору о шпору: «Благословите, полковник, меня».

— С богом, сотник! — обрадованно сказал командир полка и облегченно вздохнул.

Миронов, собрав и построив казаков-охотников, неторопливо обходил шеренгу, останавливался возле каждого, внимательно и строго всматривался в глаза, словно удостоверяясь в крепости человека — ведь и его собственная удача, да и жизнь и смерть тоже теперь будут зависеть не только от коварства врага, но и от мужества, находчивости и преданности казаков... Дал команду: «Вольно!» И уж совсем по-домашнему, по-свойски достал кисет, начал скручивать сигарку, эту вечную спутницу казаков, особенно в опасные моменты, и пригласил желающих закуривать «на дармака». Потянулись за табачком-самосадам задубелые, натруженные руки-грабельки, ведь с малолетства: конь, карабин, шашка, пика, плуг, быки, косилка... И в обратном порядке: косилка, быки, плуг, пика, шашка,

карабин, конь... Ни выходных, ни отпусков, ни праздников...

Закуривая, Миронов как бы между прочим сказал:

— Станичники, только без обеда, может быть, кто того...

— В портки наклал?! — Кто-то из казаков во-своему досказал мысль командира.

И грохнул хохот. Может быть, чуточку наигранно-нервический.

Миронов улыбнулся. Но улыбка спряталась в пышных усах, лишь в глазах промелькнуло что-то вроде одобрения: «Это всегда бывает перед опасностью, — думал Миронов. — Подбадривают сами себя казачки... Посмотрим, как в деле покажут. Дело... Это не косой на лугу махать да от комаров отбиваться. Тут — бой, и рубить придется головы людей... Да и твою отхватят, если «умело» ее подставишь... Враг, пока неузнанный и невидимый, — страшный враг...»

— С тобой пойдем, — дружно ответили казаки.

— А ты, Алексей? — обратился Миронов к здоровенному, с виду неповоротливому казаку, стоявшему в шеренге остающихся в казарме казаков.

Алеха молча шагнул из общего строя. Но так как шаг у него был не как у обыкновенных людей, то и оказался он впереди всех.

— Осади назад! — кто-то, тронув его за плечо, тихонько посоветовал ему. — С нами, что ли? За компанию?.. Верзила. Его же за версту видно.

Алеха молча и неуклюже переставил ноги, но даже глаз не скосил в сторону непрошеного советчика, видно, ему было неохота не то что отвечать, а даже голову повернуть.

— Он один из тех двух лежебок... — Под смехок казаков начинает один из них рассказывать давно и всем известную байку. — Лежат они, значит, под яблоней, один из них гутарит: «Вот если бы спелые яблоки срывались с веток и падали бы прямо в рот». А другой отвечает: «И не лень тебе об этом гутарить...»

И снова хохоток среди охотников.

Миронов молча наблюдал за перемещением-топтанием Алехи, прислушивался к беззлобной шутке казаков и делал вид, что ничего не видит и ничего не слышит. Знал он, что видимая неповоротливость этого увальня казака была обманчивой, за ней скрывалась огромная сила, а в боевой обстановке к ней неожиданно прибавлялись быстрота, стремительность и хладнокровная расчетливость — то есть срабатывала истинная казачья смекалка и, как говорится, стопроцентная надежность. «С этим казаком можно идти в разведку» — такую оценку заслуживал Алеха.

Но во второй раз Алеха не пошел в разведку. Почему? Никто не хотел

подозревать его в трусости, да и сам он не поверил бы, если бы даже его обвинили в этом. И вот что странно, не верил, а в разведку, очередную и страшную, не пошел. То ли предчувствием томимый, то ли не мог прийти в себя от того, первого похода, когда в смертельной схватке с японским разведчиком сошлись. Верткий и сильный враг вцепился в горло и сдавливал, как железными тисками...

Алеха получил Георгиевский крест и, не расставаясь, с удовольствием носил его, но больше не захотел получать наград... Наверное, это его мучило, и рано или поздно он все-таки должен был об этом сказать. Кончилась русско-японская война, и казаки в эшелонах ехали домой, на родимую сторонку. И как-то в один из дней, особенно пасмурных и дождливых, Алеха был дневальным по вагону-конюшне. Долго сидел на куле прессованного сена и вдруг неожиданно, ни к кому особенно не обращаясь, раздумчиво произнес:

— Убоялся... Оторопь нашла — и все тут... — Видно, мысль эта не давала покоя и он должен был хотя бы вслух произнести такие слова, может быть, тем самым снять с себя хоть частицу стыдного для казака страха. Ведь, по сути дела, он, этот страх, вытравливался из казачонка с самого детства: «Не плачь — ты же казак», «Дай сдачи!», «Не трусь — ты же казак!» В три года от роду казачонка сажают на коня, и он ездит по двору. В пять лет он уже скачет на коне по хутору и невсамделишной пикой колет воображаемого врага, рубит головы детской шашкой... А тут вдруг «оторопь нашла...».

Филипп Козьмич Миронов оглядел ряды присмиривших остающихся в казармах казаков — они не выдерживали его взгляда и начинали с особым пристрастием рассматривать подошвы сапог, которые срочно требовали ремонта, нитки по шву рукава мундира вроде бы начали истлевать. Один казак незаметно для других поймал муху и аккуратненько начал отрывать ей крылышки...

— А ты что же, Андрей Симонов? — громко и требовательно спросил Миронов.

Казак отшвырнул от себя муху, распрямился, щелкнув шпорами:

— Слушаю!

— Не желаешь испытать счастья?

— Я-то не против, но маманя, благословляя на войну, наказывала: «От службы не отказывайся и на нее дюже не напрашивайся...» Прикажете — пойду.

— Симонов, два шага вперед!

— Слушаюсь!

Со стороны могло показаться, что Миронов нарушал установку командования — только охотников набирать в разведку. Но он думал еще и о том, что эту первую вылазку в стан врага надо успешно выполнить. Ведь охотники сами по себе могут вызваться под влиянием общего психологического настроения, когда предстоящая опасность нестрашна, а вокруг свои родные лица и чуть ли не каждый захочет козырнуть своей отчаянной храбростью. Но каков он будет в деле — вот что заботило больше всего Миронова. Поэтому как бы принуждал Симонова идти в разведку, зная наверняка, что если тот даст слово, то выполнит его с умом и находчивостью.

— Внимание... В пять утра выступим от деревни Чатайузы...

— Так это же казачье слово «узы», — не выдержал кто-то, обрадовавшись знакомому с детства слову. — «Узы», это же значит — собаками трави его...

— Верно, — снисходительно ответил Миронов, хотя в другое время он бы строго прикрикнул на словоохотливого казака. Но сейчас понимал состояние охотников и прощал их маленькие слабости. — Так вот, пройдем деревню Юкман Чуанж и выйдем на левый берег реки Тайузыха... Дальше путь на станцию Ляоян... Взорвем железную дорогу... Прихватим «языка»...

— Дел — раз плюнуть... — Кто-то из казаков, осмелев, еще раз не по уставному подал голос.

— Разговоры! — строго сказал Миронов. — С сего часу — губы на замок. Изъясняться только жестами. Пройти придется верст семьдесят. Последний привал в деревне Цундязандиоза...

— Захотел бы сказать, так не выговоришь, — на сей раз кто-то тихонько проворчал.

Миронов только глазами сверкнул:

— ...Коней не расседлывать, подпруг не ослаблять, — кони наши донские, выносливые... Обуть коней! — подал команду Миронов.

Казаки быстро и сноровисто надели на копыта лошадей специально изготовленные «рукавицы». Предосторожность немаловажная — дороги горные, каменистые, чтобы не было слышно цокота копыт.

Тридцать пять казаков во главе с сотником Мироновым нырнули в темень январской азиатской ночи. Неожиданно их накрыл такой ливень с

градом, что, кажется, дробил не только одежду, но и души. Люди и кони не то чтобы промокли, как во время нормального дождя, а будто при полном боевом снаряжении переплывали реку не по горло в воде, а, как говорят на Дону, по самую макушку. Но казаки молча и упрямо продолжали тащиться за своим командиром. Что их гнало? Слава? Деньги? Человеческое достоинство смельчаков, их гордость, вот, мол, какие мы — первыми идем в разведку? Или извечное стремление рода людского преодолевать преграды? Вырвать победу даже ценою жизни? Или тихая ярость и удовлетворение самим собой, что хоть зубами, срывая в кровь ногти и сердце, — вырвал-таки победу? Или это преодоление звериного инстинкта самосохранения ради очеловеченного понятия — долг перед Родиной?.. Еще, наверное, никто не сумел и не сумеет со всей откровенностью и, главное, правдиво объяснить поступки людей, сознательно идущих на верную смерть. Как никто не мог рассказать, да и надежды нет, чтобы кто-нибудь когда-нибудь поведал бы: а что там, за гранью этого святого, жестокого и прекрасного мира.

Да и сам Филипп Козьмич Миронов, в апреле 1904 года произведенный в сотники, никак не мог усидеть дома и исполнять относительно мирную должность атамана станицы Распопинской, а начал настойчиво рваться на театр военных действий. 2 мая 1904 года Миронов подал рапорт окружному атаману Усть-Медведицкого округа о разрешении ему добровольно, за собственный счет отправиться в действующую армию. Просил послать даже рядовым. Дважды просил. Конечно, какое-то объяснение его поступка, чисто внешнее, можно найти в мемуарных записках военного историка старшего адъютанта, штабс-капитана Федора Ростовцева, посвятившего несколько глав «нарождающемуся герою Тихого Дона»: «Эти попытки Миронова попасть на войну еще до мобилизации дивизии ясно свидетельствуют, что Миронов сохранил в себе дух старого казачества и предпочитал домашним клопам кровавую сечу с врагами своего отечества. Действительно, патриотизм Миронова вне всякого сомнения: его боевая деятельность, его мемуары говорят нам о внутреннем содержании его сердца, полного любви к своему отечеству...»

Но не думать о том, что его могли убить в первой же стычке, он, по-видимому, просто не мог. И все-таки рвался на фронт.

9 октября 1904 года сотник Миронов в составе 26-го Донского казачьего полка второй бригады, 4-й Донской казачьей дивизии был направлен в Маньчжурию, в район города Мукдена.

И вот туманный, а потом ливневой рассвет 14 января 1905 года, когда отряд Миронова отправился, как шутили между собою казаки, на тот свет.

Разведчики прошли 70 верст. Лошади под седлами находились более тридцати часов... В деревне Цундязандиоза наняли за десять рублей проводников-китайцев: отца и сына... Южнее города Ляояна взорвали железнодорожное полотно... Урядник Василий Паршин зажег патрон. Взяли «языка»... Вот тут-то и поджидала Миронова смерть. Он связывал живого «языка» и не заметил, как другой самурай занес руку, намереваясь всадить ему нож в спину. В это время казак Симонов, видя занесенный над своим командиром нож, в последнее мгновение рубанул шашкой по этой самой руке...

Казаки были награждены Георгиевскими крестами, а Филипп Козьмич Миронов — орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

В марте под командованием сотника Миронова сводный конный отряд в двести сабель поступил в распоряжение генерала Зарубина, командира 4-го Сибирского корпуса, выполнявшего авангардную роль в 1-й армии. Задача — силой шести батальонов при поддержке конного отряда Миронова провести разведку боем... Батальоны пошли в атаку, но, встретив сильный огонь обороняющихся японцев, залегли, потом откатились на исходные позиции. Успеха — никакого.

Миронов со своим отрядом избрал более гибкую и разумную тактику — обходную. И появился перед японцами с той стороны, с которой они меньше всего ожидали. Сделав небольшой привал перед атакой, он собрал казаков и сказал:

— Братцы, трудная задача поставлена — могут быть жертвы... Пехота откатилась назад — вся надежда на нас. Так вот, кто слаб в коленках и у кого они так трясутся, что аж самураям слышно, тот может вернуться в тыл, в казармы...

Казаки добродушно заворчали, благо Миронов не запрещал:

— Кто ж признается, что слаб в коленках?!

— Помягче бы сказал, глядишь, и подались бы в тыл...

— Дорог каждый казак! — неожиданно и резко ответил Миронов.

И именно каждый казак и понял эту реплику командира по-своему. Один, что дорог он вообще, как сын Дона, а другой, что дорог как боевая единица в данную опасную минуту, когда надо внезапно навалиться на самураев и захватить «языка». И что без его личной помощи командиру не то чтобы трудно справиться с боевой задачей, а просто невозможно.

Никто не пожелал воспользоваться «трясучестью» своих коленок — все казаки остались в строю. Боевую задачу выполнили образцово — в расположение своей части привели двух плененных японских офицеров и взяли много трофеев: пять арб с ячменем, палатки и непромокаемые

накидки, материи... И ценную топографическую карту.

Филипп Козьмич Миронов был награжден орденом Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Генерал-лейтенант Куропаткин прислал телеграмму командиру бригады генералу Абрамову: «Прошу передать доблестному сотнику Миронову мою душевную благодарность. Орлам его большое спасибо за лихую атаку. Ура, Ермакам!»

Штабс-капитан Федор Ростовцев пишет про события того памятного похода: «Трехдневная работа целого отряда окончилась бы бесплодно, если бы не шесть военнопленных и обоз, добытые сотником Мироновым. Но для такого успеха лучше бы послать одного сотника Миронова, чем тревожить шесть батальонов...»

К двум орденам Миронова прибавилось еще два: орден Св. Анны 3-й степени и орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Итак, все его четыре ордена за десять месяцев боев на фронте русско-японской войны. И чин подъесаула вместе с пожизненным дворянством.

На войсковой праздник 26-го казачьего полка прибыл лично командующий русской армией в Маньчжурии генерал-лейтенант Куропаткин. Пригласил подъесаула Миронова выйти из строя, пожал ему руку и, не скрывая восторга, сказал: «Вы воскресили славу донского казака! Доблестному сотнику Миронову, нарождающемуся герою Тихого Дона — ура!...»

— У-р-р-ра!.. — закричал Миронов и тут же очнулся. Загремел засов дверей, и часовой грубо окрикнул:

— Чего орешь!

— Это он в атаку зовет... — сказал подошедший второй часовой.

Миронов отвернулся к стене. Кажется, на этот раз он так и не понял, где находится и что с ним произошло. И снова предался дорогим воспоминаниям. Он вспомнил, как командир бригады генерал Абрамов крикнул: «Качать его!..» Офицеры подхватили на руки, и Миронов взлетел над их головами... Потом командир полка полковник Галдин зачитал аттестацию: «Что касается успешности действий сотника, теперь подъесаула Миронова, против японской пехоты, то это исключительная заслуга этого офицера, сумевшего подобрать себе лихих казаков, познакомить их со своими требованиями, с местностью, внушить им веру в себя и разрушить в их глазах иллюзию непобедимости японцев. Честь и хвала такому донцу, как подъесаул Миронов... Очень усерден, исполнитель, энергичен, сотней командовать может. Быт офицеров и казака знает. Общая оценка качеств — выдающийся».

Слава о подвигах Миронова облетела не только войска действующей армии, но и докатилась до родного Дона, до родной станицы Усть-Медведицкой. Ему прочила блестящую карьеру и обеспеченную жизнь потомственного дворянина, которую он себе заслужил вместе с чином подъесаула. Но Миронов не торопился подвергнуть себя искушению и торопливо перебежать в стан господствующего класса с его чванливостью и спесью. По крайней мере, такое у него сложилось мнение о ближайшем окружении — офицерско-дворянском. Наоборот, он даже подчеркивал свое происхождение манерами, привычками и образом мыслей, которые безошибочно определяли в нем представителя трудового казачества. И, главное, он не делал даже попыток как-то приспособиться, с подобострастием примкнуть к власти имущим.

Правдивый от природы, одаренный и беспокойный, он, как и прежде, критически относился к вышестоящим чинам армии: «Я увидел только произвол и бесчинство со стороны командного состава, и, когда начальник 4-й Донской казачьей дивизии генерал Телешев был посажен в арестантское отделение за бесчинства, вакханалии и преступления, которые были им совершены, я публично сказал, что так и нужно было сделать с генералом Телешевым, ибо нельзя терпеть тех безобразий, которые творились в нашей армии... За это меня отправили в госпиталь для душевнобольных...»

Миронова вскоре освободили от врачебной опеки... Русско-японская война закончилась позорным миром. В стране нарастал революционный взрыв...

*

В Уфе забастовка железнодорожников — арестован инженер Соколов и приговорен к смертной казни через повешение. Казаки 26-го казачьего полка, возвращаясь с русско-японской войны ранней весной 1906 года, требовали отправки эшелона на Дон. Нужно было знать казаков — их нетерпение и жажду скорее увидеть родимые курени и Дон-батюшку реку. И как они могут, словно гигантская пружина, сжаться и, распрямившись, необузданной и яростной силой смять препятствия на пути... А у Миронова, наверное, в крови — помогать людям в беде. Он созвал митинг и убеждал казаков, что нельзя уезжать, когда речь идет о спасении человека. Эшелон не был отправлен, пока Миронов не добился помилования инженера Соколова.

15 апреля 1906 года 26-й полк последним эшелоном прибыл в столицу Войска Донского — город Новочеркасск. По домам, на льготу, на два месяца...

Казаки восемнадцати станиц во главе с Усть-Медведицкой, центром округа, собрались на плацу встречать служивых... Впереди на огненно-красном чистокровном дончаке Филипп Козьмич Миронов. Будто гордый конь чувствовал, что родом он из детства и несет на себе не воина, пропахшего порохом, а счастливого и мечтательного пастушонка. И губы его после яростно-злых криков и глаза высматривают в толпе встречающих только одну, единственную, о которой мечтал на войне.

А вокруг колокольный звон всех церквей — таков обычай встречи героя, на поле брани заслужившего четыре ордена. Хоругви. Иконы. Песнопение: «Слава... Слава... Слава...» На мундире подъесаула Миронова, блестящего казачьего офицера, молодого, красивого, независимого, блестят ордена... Наверное, даже в детском сне, когда, кажется, все летают и все возможно, не могло ничего подобного присниться сыну казака-бедняка.

Миронов возвратился на Дон, когда в стране еще не утихли революционные волнения. И он, естественно, принял сторону народа. Потому что понял: революция — это правда, за которую он боролся всю жизнь.

Народ пробуждался. Волновался. Поднимался на своих поработителей... Небезынтересным свидетельством являются воспоминания главного действующего лица гражданской войны в России Антона Ивановича Деникина, когда он, переодетый и загримированный, в теплушках пробивался на Дон: «Явление развала армии — в 1917 году — не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог Маньчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 года и проехав по сибирскому пути в течение 31 дня через целый ряд «республик» от Харбина до Петрограда, — я составил себе ясное понятие о том, чего можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, Советы и вообще все проявления солдатского бунта — с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году».

Надо заметить, что Деникин говорит о солдатах как неуправляемой черни, хотя сам он не очень-то высокого происхождения. Родился в мужицкой крепостной семье. Отец его 22 года служил в николаевской

армии и добился прапорщичьего чина... Юность Деникина потрачена в работе на добывание хлеба. После тяжелых годов учения — положение вольноопределяющегося «в казарме», на солдатском котле. Видно, не сладок был солдатский хлеб, при воспоминании о котором Деникина в нервную дрожь бросает.

Интересно сопоставить судьбы Миронова и Деникина. Оба происходят из бедных семей. Но, достигнув офицерских чинов и пожизненного дворянства, один напрочь отказывается от своего сословия, а другой, наоборот, стремится облегчить участь трудового казачества. И готов, как заявил однажды Миронов, даже снять мундир и ордена, лишь бы помочь простым людям. Если Деникин отгораживался от своих корней, то Миронов кидался в бурный революционный водоворот революционно настроенных масс, стремясь быть полезным народу.

Небезынтересен и тот факт, к сожалению, последний, что судьбы офицеров, выдающихся военачальников, выходцев из самых глубин русского трудового народа — Деникина и Миронова, начиная с 1905 года, все время пересекались, доходя до смертельных схваток. Они и со сцены невероятно жестокой гражданской войны ушли в одно время — Деникин в эмиграцию, Миронов — в Бутырскую тюрьму.

...Казачьи полки возвратились на берега православного Дона. Что ожидало их, верных сынов Отечества, царя и престола?

Июль 1906 года на Дону был щедр на дожди, тепло и солнце. Буйно колосились хлеба, радуя сердце казаков-хлеборобов.

Луговые травы так росли, что кое-кто подумывал выйти с косою и во второй раз. На отводных землях выгуливались быки, свободные от полевых работ. А в заповедных пырейных травах протекала сложная и романтическая жизнь чистокровных косяков, где жеребцы-вожаки бились чуть ли не насмерть в вечной и ненасытной жажде за обладание красавицами кобылицами... Нежно-губые жеребята, будто прилепленные к бокам матерей, мешая их ходу, чуть ли не все время прикладывались к вымени — и росли, постепенно превращаясь во взрослых дончаков.

Погибших в русско-японской войне казаков помянули, отслужили панихиды... Живые радовались вновь обретенному белому свету.

Время, как обычно, летело быстро, и вернувшиеся с войны донские казаки, освоившись с миром, готовились к приближающейся страдной поре... Но вдруг утренний свежий июльский рассвет разорвали ритмичные удары больших колоколов всех церквей. Значит, казак, бросай все, одевай походный мундир, седлай коня — и в окружную станицу Усть-Медведицкую.

Когда со всех хуторов и станиц съехались казаки, находящиеся на льготе, солнце уже сильно припекало. Лошади нудились, зло кусались, всадники при полном боевом снаряжении потели, выражали нетерпение и недоумение — зачем собрали, оторвав от неотложных хлеборобских дел. Плац гудел, как потревоженное осиное гнездо, когда казачата ради забавы швыряют в него палкой.

К полудню жара достигла своего накала, как и люди и лошади. Тогда-то, словно начальство почувствовало, что дальше становится опасно испытывать терпение казаков, на крыльцо атаманского окружного правления вышел дежурный вестовой и что-то начал говорить. Серединные и задние ряды только и видели, как он раскрывает и закрывает рот, но тут же прошелестело сообщение, что выборных от десятидворок станиц и хуторов приглашают в зал заседания.

Когда понемногу уgomонились, генерал-майор Филинков, атаман Усть-Медведицкого округа, заметно волнуясь и постоянно откашливаясь, заговорил:

— Господа старики, — и поясной поклон в сторону старейших, без

которых, как мы уже знаем, не решалось ни одно сколько-нибудь значительное дело. — Господа выборные, — и тот же традиционный поклон. — По Указу Его Императорского Величества на военную службу призываются казаки 2-й и 3-й очередей. От Усть-Медведицкого округа приказано снарядить три полка...

Зал взорвался негодующими голосами, и не было ничего слышно, что дальше говорил генерал-майор Филинков... К нему сквозь толпу разгоряченную продирался Филипп Козьмич Миронов. Подошел, встал рядом и громко, перекрикивая шум своим звонким голосом, обратился к сходу: «Господа старики!.. Вам лучше, чем каждому из нас, известно, что донские казаки обязаны беспрекословно защищать свое Отечество от напавшего на нашу Родину врага. Это наша святая обязанность. Но казаки никогда не были палачами своего собственного народа. Сейчас войны нет. Значит, нас хотят использовать как полицейские силы. Народ восстает против поработителей, а мы пойдем сечь нагайками и расстреливать?! Не бывать этому! Донские казаки никогда не были карателями! И не будут!.. Запишем в резолюции — отказываемся посылать на службу казаков второй и третьей очередей! Дойдем до Петербурга, до Государственной думы!»

Окружной атаман в первое мгновение был обескуражен таким непочтительным обращением подъесаула Миронова к нему и сходу, потом, придя в себя, приказал вызвать пристава и арестовать его...

Прибежал раскрасневшийся пристав со своими помощниками. Но казаки, не дав ему опомниться, вытолкнули за дверь и велели сидельцам-вестовым не впускать его в зал сходки.

И уму непостижимо, как сход казаков мог в своем решении записать: «Не посылать на службу казаков второй и третьей очередей. Казаки — не полицейские, а защитники Отечества». И еще удивительнее тот факт, что тот же самый сход принял наказ казаков Усть-Медведицкого округа донским депутатам Государственной думы, в котором ни много ни мало, в частности, выдвигалось категорическое требование об отставке «правительства, залившего кровью страну. Изъятии казачьих земель у чиновников и помещиков и наделении этой землей крестьян...»

Удивительная свобода в выражении чувств. Волеизъявление народа. Это что же за демократические порядки, существовавшие среди рядового казачества?! Без боязни, страха и оглядки на власть имущих они сами решили, что им надлежит делать, а от чего напрочь отказаться. Такие порядки существовали на Дону столетиями, практически всегда, и казаки уже не мыслили иначе своей жизни в решении общественных дел.

Он, Миронов, подчеркивает это лишний раз потому, что скоро

наступят такие времена, от которых казаки сначала придут в недоумение, потом будут драться насмерть и настолько злобно и беспощадно, что, натравленные друг на друга, сын поднимет руку на отца, отец — на сына...

...Подъесаул Миронов, дьякон Бурыкин и студент Агеев были посажены в тюрьму, которая находилась в станице Усть-Медведицкой.

Собрался очередной сход, и казаки потребовали освобождения заключенных. Атаман отказался выполнить их требования. Тогда казаки схватили самого атамана и как заложника посадили в тюрьму. Будешь, мол, сидеть, пока не дашь указания об освобождении арестованных казаков, которым сход поручил ехать в Петербург и передать постановление станичного схода Государственной думе.

Атаман Войска Донского Одоевский-Маслов, пытаясь втихомолку замять этот пренеприятнейший инцидент, дал указание — освободить Миронова, Бурыкина и Агеева... Многотысячная толпа ринулась к станичной тюрьме, прорвалась во внутренний двор, открыла камеру и на руках пронесла их по станице к зданию правления окружного атамана. Здесь состоялся антиправительственный митинг... Была музыка и песни...

«...Ах, донцы-молодцы... ах, донцы-молодцы... ах, донцы-молодцы...» — пересохшими от волнения губами, еле шевеля ими, пел Миронов. Голоса не было слышно. Он пел мыслью, памятью, а губы только непроизвольно вторили такту песни, открываясь-закрываясь... Кажется, он на этот раз вспомнил, где находится и что с ним. Наверное, ему еще долго придется приходить в себя и узнавать, что он в тюрьме?! Нет, нет, это слишком страшно, он не будет об этом вспоминать и не будет думать. Потому что это слишком страшно!.. И может не выдержать мозг — он взорвет голову!.. Нет, нет... Не думать. Не думать — и все тут. Даже о приятном?.. Так это же горячее горького!.. Ладно, додумаю, чем закончилась поездка в Петербург, в Государственную думу — и точка. Все-таки поехал? Неужто не думал о последствиях?.. А как же с перспективой блестящей карьеры вновь испеченного офицера-дворянина? Может быть, он сейчас признается, что она ему была безразлична? А честолюбие? Ведь все вокруг рвутся к этому самому дворянству и у них не получается, а у него получилось, и он легкомысленно и спокойно желает потерять все блага, связанные с этим производством?.. Можно поверить? И все-таки очень любопытно узнать, думал ли он, что поездка в Петербург, в Государственную думу раздавит его карьеру, так счастливо начавшуюся?.. И погибнет слава четырежды орденоносного «нарождающегося героя Тихого Дона», которого Родина встречала высшими воинскими и гражданскими почестями, колокольным звоном всех церквей...

Может показаться, что это один из тех невероятных случаев, в котором в полную силу проявился русский характер: во имя благополучия народа — хоть на плаху! Во имя революционных преобразований — готов на самопожертвование! Отчитываясь о поездке в Государственную думу, Мионов сказал: «Военный министр Редигер на заседании Государственной думы признал, что высочайшего повеления о призыве казаков второй и третьей очередей не было, и, если оно не поступит, казачьи части внутригосударственной службы нести не будут, исполняя роль жандармов. Но так как 9 июля первая Государственная дума была распущена, вышло высочайшее повеление о мобилизации казаков. Нет правды на земле... Несмотря на это, повторяю: готов снять с себя мундир и ордена, лишь бы иметь возможность стоять за народ. Но жандармом не буду».

Со стороны царского правительства возмездия долго ждать не пришлось — по дороге из Петербурга Мионов был арестован и отдан под суд за антиправительственную деятельность.

Судебная палата обратилась к военному министру Редигеру, прося его позволения отдать под суд подъесаула Миронова Филиппа Козьмича. Но военный министр, напуганный народным волнением, а суд над прославленным воином может возбудить нездоровые страсти и в среде донского казачества — этого оплота царя, престола и Отечества, — принял более или менее другие успокоительные меры. Распоряжением Главного управления казачьих войск Генерального штаба от 30 сентября 1906 года за № 22182 подъесаул Мионов был лишен офицерского чина и отчислен из казачьих войск.

Где, в каком месте мог возникнуть и проявиться такой характер? Такое понимание своей жизни? Не потребительское отношение к ней, а высокий полет мысли, воображения, щедрости души, отдаваемых на благо людей. Такой характер мог проявиться в любом уголке России. Но ближе ему оказался Дон-батюшка река.

Кровавым потом, сотни раз рискуя жизнью, добившись офицерского чина и высших наград Родины, проводя шестнадцать лет на службе царю-батюшке, и в один миг оказаться выброшенным из жизни и из седла — может ли все это выдержать неискушенный в политике ум и сердце, открытое людям?..

Кстати сказать, Миронову уже в наше время «припомнили» о той поре его жизни. В журнале «Дон» № 8, 1969, напечатано:

«Один журналист утверждал, что Миронов якобы еще в 1906 году вел революционную работу, возил революционный наказ станиц и казачьих частей в Государственную думу и за это был посажен в тюрьму. К Февральской революции он, будучи награжден десятью царскими орденами, будто бы присоединился к «платформе» большевиков, а затем выступил против Каледина. Но вся эта «революционность» Миронова ни одним документом не подтверждается. Нет свидетельств ни о поездке в Петербург с революционным наказом, ни о том, что он сидел в тюрьме».

Горько и больно сознавать, что эти слова принадлежат... С. М. Буденному. И не только эти. Буденный всю посмертную память Миронова чернил. Зачем он это делал? Чего ему самому не хватало для пристойной жизни? Власти? Славы? Почета? Денег? Всего у него, кажется, было в избытке. Что мучило-грызло полководца гражданской войны? Ревность-зависть даже к мертвому герою? Неужели он духовно не поднялся выше вахмистерского мышления? Вина Буденного безмерна, потому что им написанное — ложь. И во имя светлой памяти Миронова, девиз которого — ПРАВДА! — приводим несколько документов.

Ведь история общества и нашего места в нем — это как библейский суд, от которого нельзя ничего скрыть и никому. Поэтому человек должен думать о своих деяниях в этом мире, ибо рано или поздно он за все ответит не только перед совестью, но перед судом истории. Это закон бытия. И от него еще никому не удалось уйти.

Тревогу забило жандармское управление:

«Донесение вр. и. д. начальника ДОЖУ в департамент полиции о волнениях казаков льготных полков и Таганрогском и Усть-Медведицком округах. 6 июля 1906 года. Секретно... 18 июня с. г. в станице Усть-Медведицкой собрался общественный сход, на котором было постановлено в случае мобилизации не пускать на службу казаков 2-й и 3-й очередей, так как их заставляют нести не действительную службу, а охранять имущество помещиков. Вместе с тем в Петербург была командирована депутация из подъесаула Миронова и казака Коновалова с ходатайством о роспуске по домам 2-й и 3-й очередей... О вышеизложенном доложено мною лично г. войсковому наказному атаману Войска Донского. Полковник Попов».

«Уведомление окружного атамана Усть-Медведицкого округа начальнику ДОЖУ о самовольном освобождении из-под ареста казаками станицы Усть-Медведицкой агитаторов, выступавших против мобилизации. 10 июля 1906 г. Секретно. Для разъяснения казакам и убеждения их в

незаконности поступка станичного сбора Усть-Медведицкой станицы, составившего 18 июня с. г. приговор о роспуске мобилизованных полков 2-й и 3-й очередей и об отказе посылать казаков в случае новой мобилизации, мною был собран сбор Усть-Медведицкой станицы 9 июля... При первой же моей попытке объяснить сбору незаконность его поступка по составлению приговора 18 июня казаки, не слушая меня, стали просить объяснений причины ареста подъесаула Миронова... Генерал-майор Филинков».

Из донесения и.о. Донского областного жандармского управления в департамент полиции о волнениях среди казаков льготных полков в Таганрогском и Усть-Медведицком округах. 6 июля 1906 года. Секретно.

«...18 июня 1906 г. в станице Усть-Медведицкой собрался общественный сход, на котором было постановлено: в случае мобилизации не пускать на службу казаков 2-й и 3-й очередей, так как их заставляют нести не действительную службу, а охранять имущество помещиков. Вместе с тем в Петербург была командирована депутация из подъесаула Миронова и казака Коновалова ходатайствовать о роспуске по домам полков 2-й и 3-й очередей...»

Главное управление казачьих войск. 13 августа 1906 г. № 268

«По поступившим в Министерство внутренних дел сведениям подвергнутый задержанию за участие 18 июня с. г. в незаконном собрании в станице Усть-Медведицкой Войска Донского подъесаул Миронов, будучи освобожден из-под ареста по распоряжению наказного войскового атамана, 14 минувшего июля вернулся в означенную станицу и, встреченный толпой местных жителей, обратился к ним с речью, в которой благодарил за свое освобождение, указывал на необходимость скорейшего созыва Государственной думы и выражал готовность снять с себя мундир и ордена, лишь бы иметь возможность стоять за народ. По окончании речи толпа проводила Миронова с пением революционных песен...»

Из справки департамента полиции:

«...В станице Усть-Медведицкой также беспрепятственно устраивались митинги, на которых произносились речи

революционного содержания. В качестве ораторов выступали студент Агеев, подъесаул Миронов, сотник Сдобнов и дьякон Бурыкин, продолжающие и ныне вести преступную агитацию среди населения. Результатом этого явились крупные беспорядки, выразившиеся между прочим в том, что на происходившем, по распоряжению военного начальства, станичном сходе (сборе) 18 июня казаки решительно отказались нести внутреннюю службу, угрозами вынудили присутствовавшего на сборе атамана удалиться из собрания и подписали приговор, заключавший в себе ходатайство перед бывшей Государственной думой о роспуске мобилизованных полков. В той же станице 9 июля повторились беспорядки, ближайшей причиной которых послужило распоряжение Наказного Атамана об аресте упомянутых агитаторов. Станичные казаки, устроив в тот же день общественный сход, вызвали к себе Окружного атамана и потребовали от него освобождения арестованных. Генерал-майор Филинков, не имея возможности достигнуть успокоения казаков путем увещевания и опасаясь насильственных действий с их стороны, обратился по телеграфу к Наказному Атаману с просьбой о разрешении удовлетворить требования казаков... Незаконные сходы в станице Усть-Медведицкой благодаря бездействию Окружного атамана не прекратились и впоследствии. Командированный туда по распоряжению Наказного Атамана полковник Попов с сотней казаков не произвел ареста главных руководителей противоправительственного движения, к числу которых принадлежат упомянутые выше Агеев, Миронов, Сдобное и Бурыкин. Результатом преступной деятельности этих, а равно и других оставшихся на свободе агитаторов явились в конце июля беспорядки в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа. 20 августа в станице Усть-Медведицкой, в присутствии станичного атамана Синютина и всего станичного правления, состоялся митинг... Ораторы призывали к неповиновению местным властям и правительству...»

Из письма Главного управления казачьих войск

«30 сентября 1906 г. № 22182,

С.-Петербург, на № 16482

По делу о противоправительственной деятельности

состоящего на льготе в комплекте Донских казачьих полков подъесаула Миронова. Секретно.

Войсковому Наказному Атаману Войска Донского По докладу Военному Министру дела о противоправительственной деятельности состоящего на льготе, в комплекте Донских казачьих войск-полков, подъесаула Миронова, — Его превосходительство приказал, что ввиду подобной деятельности сего обер-офицера едва ли допустимо дальнейшее нахождение его в комплекте Донских казачьих полков, из коего он может попасть на службу в один из действующих полков и в последнем оказать вредное влияние на нижних чинов, — изволил приказать сообщить Вашему сиятельству, что подъесаула Миронова следует представить к увольнению в административном порядке, в том случае, если по окончании о нем судебного дела подтвердится его антиправительственная деятельность. О таковом приказании Военного Министра имею честь уведомить Ваше сиятельство.

Начальник Главного управления генерал-лейтенант Щербаков-Неродович.

Начальник отделения Генерального штаба: полковник Крюгер»².

Эти документы неоспоримо подтверждают, что Филипп Козьмич Миронов действительно участвовал в революционном движении 1905–1906 годов.

...Арестованного Филиппа Козьмича Миронова освободили из Новочеркасской тюрьмы, и он отправился в родную станицу Усть-Медведницкую. Думал, что, изгнанного и опозоренного, его никто не то что не будет встречать, станут даже обходить ту улицу, по которой он пойдет к своему куреню. Видно, плохо он знал своих земляков — за два километра от станицы встретили казаки разжалованного подъесаула и на руках донесли до площади, где состоялся митинг. Полыхали красные флаги, звучали революционные песни.

Эта неожиданная, радостно-торжественная встреча прибавила ему силы в борьбе с самодержавием и дала новую пищу уму: что же это за племя — донские казаки?

Память... Самое высокое наследие человека. Его духовная и материальная культура. Его корни. Чем они глубже, тем прочнее наша любовь к Отечеству. Донские казаки отличались особой привязанностью к родимой земле, к батюшке — Тихому Дону... Во времена Екатерины II это случилось. На линии рек Кубань — Терек — Сунже пограничную службу несли шесть казачьих кавалерийских полков. Надежно, как всегда, несли. И вот приближенные посоветовали императрице оставить казаков там навечно, переселив к ним семьи. Задумано — сделано. Только самих казаков об этом не спросили. А они взбунтовались, заявив, что скорее дадут себя незаконно и бесчеловечно убить, нежели покинут Родину. Казаков секли кнутами — на 251 ударе скончался есаул Иван Рубцов. Вырывали ноздри, ссылали в Сибирь... Женщины прятались в лесах... Некоторые сошли с ума... Кончали жизнь самоубийством... Лишь бы не покидать родимую сторонку. Двадцать один год длилось сопротивление донских казаков... Ни один казак, ни одна казачка не покинули Дон по доброй воле! И это несмотря на то, что срок службы донским казакам к этому времени был узаконен — 20 лет. Двадцать лет под ружьем — и никто не только не тяготился службой, а наоборот, гордился таким образом жизни.

Лев Николаевич Толстой однажды записал в своем дневнике: «Вся история России сделана казаками. Недаром европейцы нас зовут казаками. Народ казаками желает быть».

А вот пример мужества, целомудрия и бескорыстия, если позволительно такие слова употребить в столь жестоком и немилосердном деле, как кровавый бой, — так вот, рядового солдата, проявившего особое геройство, награждали и при этом присваивали высокий чин — полковника. Известно по крайней мере три таких случая, и во всех трех рядовые казаки по доброй воле отказывались от столь невероятного для них звания и связанного с ним благополучия и почета и изъявляли желание остаться, как и были, рядовыми. Обосновывали свой отказ единственным доводом — грех превозноситься, потому что в бой за Родину они шли не из-за чинов и наград. Грех держать в своем сердце тщеславие и корысть, думать о наградах, когда идешь на святое дело защиты Отечества. Единственно, что они признавали и ценили, так это — казачью славу. И свято блюли наказ отцов и матерей: «Не посрами родной земли...»

Вот она, нравственная высота племени по имени донские казаки.

Откуда в них такая крепость духа и Осознание своего места в мире? О них слышал весь так называемый просвещенный мир, удивлялся, восхищался их победами на поле брани, песнями, танцами... Слышать-то слышали, но знали ли?..

Обратимся же к научным фактам. Что же они предлагают нам вместо древних азов и кровной непрерывности поколений? А вот что. Мол, убегали крепостные из РОССИИ в пределы Дикого поля, сбивались в разбойные шайки и отправлялись «за зипунами» — они-то, эти беглые люди, и стали донскими казаками. А началом их существования принято считать 1570 год, когда Иван Грозный послал на Дон свою грамоту. Но этот «научно установленный» факт вызывает вполне законное недоумение, — откуда же за 200 лет до этого взялись донские казаки, которые сражались на поле Куликовом в 1380 году и помогли Дмитрию Донскому победить татар 8 сентября в день Рождества Богородицы? И весьма важным представляется тот факт, что они пришли туда со своими иконами — это говорит о высокой степени духовности, культуры — религиозной и художественной. Донская и Гребневская иконы Божьей Матери почитались впоследствии как чудотворные всею Русью. А в 1591 году русское войско вышло на бой с татарами хана Кахы-Гирея, подошедшего к Москве. И в честь одержанной тогда победы был основан Донской монастырь — на этом месте стоял полотняный походный храм с иконой Донской Богоматери.

А откуда взялись дружины Ермака и других землепроходцев Сибири? Кстати сказать, за помощь в покорении Казани Иван Грозный подарил Ермаку шубу со своего плеча...

Были, конечно, и беглые. Они в отличие от старожилов, «домовитых» казаков, назывались «голутвенными», голытьбой. Их буйные головушки падали под топорами палача при подавлении восстаний Разина, Булавина, Пугачева... Но все же беглых были единицы. Уже в XVII веке приказано было под страхом смертной казни возвращать беглых прежним владельцам. А коренные казаки, живя на окраине Русского государства, издавна составляли его пограничную стражу. Ими был взят Азов за несколько десятилетий до Азовских походов Петра... С помощью донских полков и Петр взял Азов в 1696 году.

В Отечественную войну 1812 года Донская земля выставила около 90 казачьих полков (52 тысячи человек), и это отборное войско с особыми правилами и приемами боя, которые вносили смятение в ряды французов, заслужило похвалу самого фельдмаршала Кутузова: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи. Каждый из вас

есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед. Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам его в течение кампании 1812 года, которые были главнейшей причиной к истреблению неприятеля неусыпными трудами и храбростью Донского войска; сия благодарность пребудет в сердце моем до тех пор, пока угодно будет Богу призвать меня к себе. Сие чувствование завещаю и потомству моему».

Веками казаки строили свое войско, создавали свои традиции, свою культуру, без которых нет народа. Здесь, на Дону, сложились совершенно особые формы общественной жизни и управления. Главная — выборность на все посты — только умных, смелых, отважных и ничем не опороченных. А спрос был строгим — провинившихся казаков наказывали всем миром, наказывали и церковно — священник накладывал епитимию на святотатцев. Сейчас даже трудно и поверить в такое.

На Дону вся исполнительная и часть судебной власти принадлежали общему сходу станицы или хутора и старикам. В обычае было безоговорочное подчинение старшим: «Что скажут господа старики — тому и быть». Какое же это замечательное правило: мудрые, много повидавшие, много раз ошибавшиеся не дадут сбиться с пути праведного молодым, подскажут, пожурят, если надо, а то и накажут по справедливости. И не было случая неповиновения старшим. Это определяло крепость и славу Войска Донского, его своеобразие и отличие от других племен и народов. Казак — это гремучая смесь романтики и прозы. Нежности и жестокости. Находясь в гармонии с природой, любимой им и им же сберегаемой, он был ею защищен и сбережен. Широта. Простор. Мощь. Сила. Порыв. Мятежность. Даже в гимне донских казаков чудится особое раздолье удалое: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...»

Филипп Козьмич Миронов — настоящий донской казак.

Можно понять, с каким волнением люди узнавали и о драматической судьбе Миронова. Через нее они прикасались к яростному, непростому времени. Поражает в Миронове глубина чувств и своеобразная изысканность слова, а ведь казак Миронов академий не кончал. Откуда в нем это? Ответ, думается, он дал сам в одном из писем, адресованных будущему начальнику штаба своей дивизии, другу юности Иллариону Сдобнову: «...Нынче у меня образовалось много времени для чтения

военной, исторической и художественной литературы. На это дело да на занятия по русскому языку я трачу свой досуг. Все это (примечай) не скуки ради. В восторге пребываю от сочинений Добролюбова, в глубоких думах от Герцена, в огромном смятении от Чернышевского. Когда меня спросили, каких политических убеждений я придерживаюсь, не знаю, уместно ли было откровение, но я ответил, что мой девиз — высокая правда, честь и человеческое достоинство. Как видишь, нам будет о чем потолковать при встрече».

Неужели мятежный дух казака умиротворился? И офицер-разведчик, только что вернувшийся с войны в почете и славе и переживший позор тюрьмы и разжалования, так легко и просто ужился со своим положением, смиренно приняв на себя роль студента? Или покорился библейскому поучению: «Сердце мудрых — в доме плача»?..

Но тут же вдруг взрыв тихого поведения Миронова. Причем он тоже своеобразно выражает протест против решения военного министра.

Отец его, Козьма Фролович, к тому времени из хутора Буерак-Сенюткин перебрался в Усть-Медведицкую, возил в бочке воду из Дона для небольшого пивоваренного заводика и станицы. Бочка воды — двадцать копеек. Хлеб надо было зарабатывать и сыну, разжалованному подъесаулу Филиппу Козьмичу Миронову. И вот от обиды, унижения и горечи он надевает офицерский мундир с четырьмя орденами и с вызовом начинает развозить воду по станице. Тут уж и старики взбунтовались: «Герой войны, герой Тихого Дона, орденосец — и водовоз?!» Кинулись к окружному атаману — и за бороду его...

И в тот же самый день разжалованного подъяесаула подстерегала нежданно-негаданно встреча с... памятью своей. С босоногим пастушечьим детством.

— Что за маскарад?! — гневно крикнул полковник Краснов. — Останови! — приказал он кучеру, увидя Миронова, сидящего в офицерской форме на водовозной бочке.

Миронов и сам в первую минуту не сообразил, кто этот блестящий полковник, восседающий на рессорном сиденье тачанки... Только тогда, в детстве, в нее была запряжена пара вороных коней, а теперь светло-гнедых, чистокровных... Но что-то еле уловимое, но очень знакомое почудилось в жестах, движениях, правда, не угловато-нарочитых, а накрепко усвоенных и, стало быть, ставших привычно-естественными. Да неужто это тот принц-хлыщик?.. Но память пришла мгновенно на помощь и рассеяла сомнения — да это собственной персоной богач, коннозаводчик, который хвастался, что у него тысячи пар сапог и он может ими одеть полк, два... Знойный полдень... Барышня... Вишни в фуражке. Вдруг она пролетела перед его глазами и шлепнулась прямо в пыль. И как в сновидении, в грустном мареве скрылась прекрасная фея... А может быть, и она где-нибудь рядом с братцем. «Вот бы спросить у него...» — мелькнула дурашливая мысль у Миронова. Но он, кажется, не узнает своего «закадычного дружка».

*

...Филька пришел в себя, когда угнал скотину далеко от хутора, в степь. Прийти-то пришел, но обида жгла, не утихая, да и голод давал знать. Да, «покормили» здорово... И с собою харчей надавали... Издевался сам над собою Филька. Это как же понимать, продолжал думать он, всегда же такое было — кормить пастуха миром. Значит, обычаи можно нарушать?.. Без ответа?.. А бить? А-а, это ерунда! Зарастет, как на шелудивом поросенке. Вот жрать охота... и не у кого попросить. Хоть бы кто проехал мимо. А какой сумасшедший тут проедет?..

Подходило время обеденного водопоя. Коровы нудились, переставали пастись. Филька глянул на солнце, как будто подоспело время, но а коровы-

то досыта наелись? А-а, черт с ними! Наелись — не наелись, ему было совершенно безразлично... Хлопнул Филька кнутом, коровы совсем оторвались от горячей травы и поплелись к Дону, на водопой... Здесь, возле речки, на небольшой площадке было и стойло, где табун отдыхал в обеденное время.

Филька всегда располагался на небольшом курганчике, откуда был виден весь табун. Здесь он иногда одним глазом придремывал, другой всегда был начеку. Если какая-нибудь прокудная коровенка вместо спокойного лежания на стойле вдруг заохотится пошкодноничать в близлежащих левадах, Филька тут же вскочит, быстро догонит ее, со зла перетянет по кабаржине кнутом, да еще и побольнее, чем она заслуживает. Сегодня особенно досталось одной...

Филька в какое-то мгновение, однообразно созерцая спокойно отдыхавший табун, чуть было не заснул. Он тут же встрепенулся и отвел взгляд в сторону степи. Увидел, в лиловой дымке возникла пароконная подвода. Кого это несет в такую жару?.. Подвода быстро приближалась и вскоре остановилась возле Фильки. Это оказалась тачанка на рессорах и, видно, легкая на ходу или, может быть, кони были добрыми, что играючи катили ее? На переднем сиденье восседал кучер, на заднем — подросток, Филькин ровесник, но, бог ты мой, какая на нем фуражка с кокардой! Да и френч военного покроя, белый с золотыми пуговицами. А сапоги... Филька таких сроду не видел — хромовые, с лакированными голенищами, которые так блестели, что глазам становилось больно... Рядом с принцем сидела девочка лет двенадцати. Филька ошалело смотрел на пришельцев из другого мира, пока голос кучера не вывел его из оцепенения:

— Эй, пацан, тут не топко? Можно напоить лошадей? Не увязнут?

— Песчано, — буркнул Филька.

Кучер начал распрягать лошадей, а девочка, кукольно разодетая, завороченно смотрела на вишневые сады и спелые ягоды на ветках, гнувшихся к земле. Неожиданно Филька услышал голос, как колокольчик:

— Хочу вишен.

— А я — винограда, — ответил ей попутчик.

— Ну, братик, ну, пожалуйста, достань вишен, — голос ее уже не звучал мелодичным колокольчиком, в нем слышались капризные нотки.

— Ну, сестричка, — явно передразнивая ее, отвечал братик и картинно выставил носок сапога на край тачанки. — В данной ситуации это невозможно.

— Ну, я же хочу вишен! Кстати, желание дамы — закон для настоящего мужчины...

— Прикажешь полезть через... как его, плетень и залезть в чужой сад?
— Я зараз принесу, — вызвался, кажется, помимо своей воли, Филька.
Девочка, не обращавшая совершенно никакого внимания на Фильку, удивленно, мельком взглянула на него и, подумав, ответила:

— Неси.

Филька подбежал к плетню, перемахнул его и скрылся в саду.

— Вот и объявился рыцарь, — насмешливо заметил братик.

— Рыцари, настоящие, появляются в самых неожиданных и даже немыслимых местах, — отозвалась девочка.

Филька нарвал полную фуражку вишен, вернулся к тачанке и, подавая девочке, сказал:

— Ешь.

Девочка двумя пальчиками взяла вишенку и поднесла к губам.

Братик испуганно крикнул:

— Их же помыть следует! Ты посмотри, в какой фуражке он их принес! Ее, наверное, носил еще его прадед...

— Вот чудак, — удивился Филька, — кто же вишни моет.

— Ты-то, видать, никогда не моешь.

— Да их никто не моет, — авторитетно заявил Филька. Потом, кивнув на сапоги, спросил: — Не жалко?.. В такую жару и такую обувку носить — это не по-хозяйски...

— Сестра, ты слышишь?.. Да у меня таких сапог — десять, сто, тысяча пар... Я могу ими одеть полк, два полка... Ты разве не слышал про косяки коней и отводные земли Красновых? Мой отец...

— Слыхал, — почему-то с неохотой ответил Филька и, взглянув исподлобья на сестрицу Краснова, неожиданно залюбовался, как она подносила ко рту вишни и раскрывала розовые губы...

— И между прочим, — продолжал Краснов, — я, конечно, категорически не уверен, но вполне возможно, что этот вишневый сад принадлежит одному из наших арендаторов.

— А нехай...

— Но это же — воровство, и за это на соборной площади могут...

— Плетей ввалить? — перебил Филька. — Это ты хотел сказать? Так пусть сначала поймают.

— Но я же видел.

— Донесешь?.. Так ты же ел.

— Не я, а сестра.

— Все равно — сродствие.

— Логика...

— Что это такое?

Кучер к тому времени напоил и запряг лошадей. Молодой Краснов не ответил на Филькин вопрос, а громко крикнул кучеру:

— Пошел!

Горячие кони рванули тачанку и с места — вскачь... Филька побежал следом, забыв, что на голове нет фуражки. Но вот из тачанки приподнялся Краснов и кинул фуражку. Она шлепнулась к ногам Фильки. Он нечаянно наступил на нее и раздавил оставшиеся там вишни. Вишневый сок брызнул на босые ноги, заляпал и без того замызганные штаны.

Филька немного отрезвился от счастливой ошалелости, поубавил бег, потом остановился и, удивленный, грустно растерянный, смотрел вослед удалявшейся тачанке. Вместе с ней в расплывающейся лиловой дымке растаяла и сказочная девочка, и ее заносчивый братец в лакированных сапожках, военном френче и новенькой фуражке с офицерской кокардой... Да и было ли все на самом деле? Может быть, степной мираж? Или скорее всего — детский сон?..

Но потом, спустя время, Филька таки удостоверился, что встреча с будущим генералом Красновым действительно состоялась в полуденный зной на берегу Дона. И лишний раз убедила Миронова, что жизнь представляет такие сюжеты, которых не выдумать никакой, самой буйной фантазии.

Потом этот мальчик в лакированных сапожках дважды объявит награду за поимку бывшего босоногого пастушонка Фильки Миронова — в первый раз голову его оценит в 200 тысяч рублей, во второй раз подороже — 400 тысяч рублей. А в беседе с генералитетом откровенно признается: «Много у меня хороших, талантливых офицеров и генералов, но нет ни одного Миронова...»

А сказочная девочка?.. Словом, пока не будем забегать вперед, а расскажем все по порядку...

... — Извольте встать! — полковник взбешен. Крик Краснова прервал мысли Миронова. — И отдать честь старшему по званию!

— Слушаюсь! — подъесаул Миронов понарошку подергался на бочке, изображая, что он в седле и так же небрежно отдал честь, втайне рассчитывая, что это еще больше взбесит полковника. Но тот, обозленный, не заметил насмешливого приветствия.

Миронов, самолюбивый до крайности, прямолинейный и резкий, всегда чувствовал к себе снисходительное отношение со стороны офицеров-аристократов. Дворянская среда не очень-то жаловала выходцев из «казакишек», хотя и завоевавших это право кровью и талантом. «Пихра»

— так пренебрежительно называли дворяне простых казаков.

Поэт-дворянин по этому поводу сочинил стишки:

Пихра моя болючая,
Ты вшивая, вонючая,
Плутовка и вора.
Чигин ты мой, чигин,
На заднице чимизин...

«Куга востропузая», «чига востропузая...» — насмешливые клички казаков. «Чигин», «чимизин» — это сумка, кошелек, которые казак носил на брюках, сзади, ниже пояса.

Когда Миронов был в блеске славы и почета, он пренебрегал покровительственным, снисходительно-высокомерным отношением со стороны офицеров-дворян, но теперь, разжалованный, с особым обостренным чувством все воспринимал. Офицеры-дворяне избегали встреч с ним, да и он, задетый пренебрежительным отношением, не очень-то спешил навязать им свое общество. Миронов даже перестал посещать офицерский клуб. Опальный казачий офицер... Ему подчас излишне чудилось, что окружающие так и норовят подчеркнуть его теперешнюю неполноценность, и он уже готов кинуться на обидчика, даже если кто невольно заденет его честь. А он ее ценил превыше всего... Хорошо, что Краснов не узнал в подъесауле того пастушонка-оборвыша, иначе — срам да и только... Но хуже, если бы оп, узнав, процедил сквозь зубы: «Я так и знал, что из этого подонка ничего путного не выйдет...» Тогда бы Миронов уже за себя не отвечал...

Волею судеб Евгений Евгеньевич Ефремов, комиссар Донского корпуса, который впоследствии будет формировать Миронов, тоже был из «выскочек». Он вспоминал: «Мне хорошо известно это отношение дворян-казаков к «выскочкам» из народа, а также чувства пробившихся в дворянскую среду простых людей и еще вот почему. Мой дед, Алексей Григорьевич Ефремов, был простым и малограмотным казаком Клетской станицы Усть-Медведицкого округа — это в сорока километрах от станицы Усть-Медведицкой. В войне с горцами на Кавказе он отличился, получил Георгиевский крест, был произведен в вахмистры, а потом получил первый офицерский чин хорунжего. За природный ум, отличную службу и проявленную храбрость указом царя был наделен землей и стал дворянином. Нужно сказать, что все, кто из простых казаков производился

в офицеры, то одновременно и обязательно получали дворянство. В царской армии офицеров-недворян не было.

Если бы мой дед не имел Георгиевского креста, то он был бы лишь личным дворянином, а Георгиевский крест на основании царских законов делал его уже потомственным дворянином. Так, между прочим, по наследству стали дворянами мой отец, я, братья... И вот мой дед Алексей переживал это положение чужака, «выскочки» в дворянской среде. Он много об этом рассказывал и, со своей стороны, пренебрежительно отзывался о «дворянчиках». Поэтому-то мне очень близко и понятно формирование соответствующей черты в характере Филиппа Козьмича. А он к тому же был очень, прямо-таки болезненно самолюбив. Кстати, это тоже результат его жизни в «чужой» среде. Эта настороженность Филиппа Козьмича к окружающим людям, с которыми он знакомился, весьма характерная для него черта, и сказалась во всей его деятельности...».

Удивительны все-таки бывают в жизни встречи. Отец Е. Е. Ефремова, бывший казачий офицер, служил с Филиппом Козьмичом Мироновым еще на русско-японской войне, а вот сын его стал комиссаром мироновского корпуса... Но об этом более подробно потом... Сейчас вернемся на улицу станицы Усть-Медведицкой, где встретились Краснов и Миронов.

Филипп Козьмич на этот раз не стал задираться, а довольно мирно проследовал своим маршрутом. А Краснов сердито проворчал:

— Безобразие! Распустились!.. Мы из вас эту дурь казачью вышибем!..
— Неизвестно, кому он пригрозил. Наверное, хотел сам себя успокоить и привести в надлежащий вид — нельзя же, в самом деле, в таком взвинченном состоянии, да еще в роли инспектирующего предстать в окружном правлении. Подумают, что специально настроился на критически-негодующий тон...

— Пошел!.. — Краснов нарочито громко крикнул и стеком коснулся спины кучера.

...Да, к тому же господин окружной атаман Филипков все-таки генерал-майор, а он, Краснов, пока еще полковник. Хотя, успокаиваясь, самодовольно усмехаясь, подумал, что у потомственных дворян господ Красновых земельки поболе, да и отводных пастбищ, где гуляют многочисленные косяки чистокровных дончаков и кобылиц, чуточку погуще, чем у некоторых генералов. Так-то... От этой убедительной мысли придя в хорошее расположение духа, Краснов залюбовался, как пара светло-гнедых, диких и злобных жеребцов собственной конюшни легко подкатали тачанку к зданию окружного правления. Кучер осадил их; разгоряченные, роняя пену изо рта, они грызли удила, словно просили

повода, косились на хозяина свирепыми глазами, перебирая на месте сильными, сухопарыми ногами.

— Пробег от Вешенской станицы сделали немалый, а кажется, не устали... Вот что значит порода!.. — горделиво заметил Краснов.

— Хозяйская... порода, — почтительно отозвался кучер. — Ваш батюшка строго блюдет, чтоб чистые кровь были.

Краснов больше не откровенничал и, входя на высокое крыльцо, подумал: «Батюшка... Батюшка... Стар становится отец... Чаше посиживает в родной Вешенской... Все, правда, накатано, отработано и... Страшно даже подумать, что в скором времени придется самому встать во главе огромного имения... Отец... Отец...»

Сбросив с себя «сентименты», как он выражался, Краснов быстро взбежал по ступенькам.

Дежурные вестовые и сидельцы вскочили, приветствуя незнакомого полковника. Один из них, по-видимому, старший, распахнул перед Красновым дверь, ведущую в приемную.

Из кабинета доносились непривычно громкие, сердитые голоса. И когда Краснов, сопровождаемый адъютантом, вошел в кабинет генерал-майора Филинкова, то прямо-таки опешил при виде необычной картины.

Старики бородачи, человек десять, окружили генерала, и каждый заскорузлыми, плохо гнувшимися пальцами тянулся к атаману, пытаясь схватить в жменю генеральскую бороду. Генерал в страхе отступал в угол кабинета. Особенно старался маленький казакишка и так отчаянно тянулся к генеральской бороде, что вот-вот, гляди, схватит и выдернет клочок. Будто весь смысл его жизни был заключен именно в этом деянии, и если вырвет хоть волосок, то будет безмерно счастлив. Казаки маленького роста почему-то всегда отличались настырностью и свирепостью...

Краснов, кажется, в третий раз представился и громко пристукивал шпорами, но на него никто внимания не обращал.

Наконец генерал Филинков дико завращал глазами, подавая знак старикам, мол, остановитесь, черти!.. Оглянитесь! Кто-то из стариков в конце концов узрел знаки генеральские и, обернувшись, обомлел от неожиданности — перед ним, вытянувшись, стоял незнакомый полковник. Дернул за полу мундира одного деда, другого... передавая сигнал к «отбою» атаки на окружного атамана.

— Господа старики, очумели вы, что ли?! — тихонько выругался генерал, приводя в порядок свой мундир и бороду.

Старики, смущенно откашливаясь, стуча костылями, отходили от генерала. Переглядывались, словно советуясь друг с другом, что делать

дальше?.. И решили по молчаливому согласию усесться на стулья, расставленные вокруг письменного стола атамана.

— Так... — генерал тоже откашлялся и, потупившись, обратился к старикам: — Так на чем мы остановились, господа старики?

Господа старики, усмехаясь в усы, помалкивали, хотя и догадывались, что все они вместе с атаманом, мягко говоря, опростоволосились перед незнакомым полковником. Хорошо, что он из Новочеркасска, из штаба атамана Войска Донского, что, конечно, тоже плохо, но не так, как, допустим, из самого Петербурга, из генерального штаба.

И вдруг маленький старикашка, который с особым остервенением прорывался к генеральской бороде, пришел на помощь. Он прытко вскочил, расшаркался перед полковником и радостно, даже, кажется, повизгивая от восторга, захлебываясь, заговорил:

— Едрить твою в корень!.. Так это же наш земляк из станицы Вешенской!.. Ивана Петровича сынок!.. Гляди, вымахал!.. Академии генерального штаба... Да я у вашего батюшки первым отарщиком числился. Призы отхватывал на чистокровных лошадах собственного завода генерала Краснова. Кто об ем не слыхал?.. Сынок, я гляжу, тоже — генерал?! — хитрый дед прищурился и настырно глядел в глаза полковника, ожидая ответа. Польщенный Краснов с достоинством ответил:

— Пока полковник...

— Пока... — наивно протянул дед. — Так это же не нонче-завтра — генерал. Потом, еще какой полковник — генерального штаба!

— Там видно будет.

— И глядеть нечего — в самую точку. Дозволь ручку пожать завтрашнему генералу.

Дед, изготовившись для рукопожатия, выставил похожую на клешню негнувшуюся ладопь. Краснов, кажется, слишком-слишком долго всматривался в когтистые пальцы с вечно невымытым черноземом, видно, колебался, но в конце концов мужественно пожал протянутую руку, потом, незаметно для других, полез в карман и долго там шевелил пальцами, наверное, тщательно вытирал их о носовой платок.

Воспользовавшись минутным затишьем и благоприятной обстановкой, генерал обратился к старикам:

— Итак, господа старики, ваша просьба...

— Нет, мы требуем, чтобы герою русско-японской войны была дадена приличествующая должность. Позор!.. — закипятился маленький казакишка.

— Не дадим позорить казачество! — загомонили и другие казаки.

— Хорошо... Хорошо... — успокоительно согласился генерал, наверное, подумав, что эти сумасбродные старики опять взбесятся. — Итак, решено — сегодня же высылаю бумагу его превосходительству атаману Войска Донского Одоевскому-Маслову с просьбой о назначении подъесаула Миронова...

— Не того ли, что на бочке воду по станице развозит?.. — перебил атамана Краснов. Подумал, что-то вспоминая... Нет, не вспомнил. И, ни к кому особенно не адресуясь, добавил: — Маскарад!..

И не понять было, к кому относится это определение — то ли к подъесаулу Миронову, сидящему верхом на бочке в мундире при всех орденах, то ли к сцене, увиденной в кабинете самого окружного атамана.

Господа старики — заступники Миронова начали подниматься с насиженных мест и направляться к выходу из генеральского кабинета. Надевали фуражки, примеривали заученным способом, чтобы она держалась в строго традиционной манере, и в то же время, залезая пятерней, раздумчиво почесывали затылки. Может быть, чуточку погорячились?.. Но дело-то правильное сделали. По справедливости решили. Защитили хорошего казака — подъесаула Миронова. Может быть, только зря Дениска рашаркивался перед полковником?.. Ведь казаку не дозволено ронять свое достоинство. Ну, да бог с ним.

...В смертельной схватке схлестнутся судьбы генерала от кавалерии, атамана Всевеликого Войска Донского Краснова и командующего Второй Конной армии Миронова...

Последняя их встреча состоится значительно позже. А сейчас из Новочеркасска пришли бумаги на опального подъесаула Филиппа Козьмича Миронова, по которым ему надлежало занять «приличествующую герою» должность помощника смотрителя заготовок рыбы в гирлах Дона. Наверное, была тайная мысль у начальства, что этого безумствующего казака, может быть, совершенно случайно пристукнут речные браконьеры...

Встречи... Встречи... Встречи... Удивительные. Невыдуманные. С Виктором Ковалевым... Второй раз они встретятся в дивизии, где начальником он, Миронов, и во всей форме ему будет докладывать вновь назначенный комиссар... Виктор Ковалев.

А первую встречу с ним Филька Миронов ох как ярко помнит!.. Она произошла после драки с Сашкой Пустоваловым, когда Филька как хуторской пастух утром зашел к ним позавтракать и получить свою долю харчей на весь долгий летний день. Но вместо еды Филька подрался с хозяйским сынком, а потом, придерживаемый Алехой Хариным, был сам крепко избит... Спрессованным тот день оказался. Первая встреча с генеральским сынком Красновым и со сказочной девочкой-феей, которой он принес в старой отцовской фуражке вишен из чужого сада... И горячие кони рванули тачанку с места вскачь... Фуражку выкинули из тачанки, и она шлепнулась к ногам Фильки. Он нечаянно наступил и раздавил оставшиеся там вишни. Вишневый сок брызнул на его босые ноги, заляпал и до того замызганные штаны. Как стало пусто вокруг и грустно. И чего-то жаль до слез, хотя Филька не очень-то отличался сентиментальностью...

После стойла, места обеденного водопоя и отдыха скота Филька переправил табун через небольшой ерик, впадающий в Дон, и ушел с ним к Герасимову лугу, а оттуда на Харсовский пруд. И табун нынче вечером будет спускаться с противоположной стороны от Осипового кургана.

В глухой степи одну из глубоких лощин, где бьют родники, перегородили плотиной, посадили деревца, которые разрослись в огромные тенистые вербы, и получился хороший, чистый пруд. Это было давно, и почему его называли Харсовским прудом, никто не знал. Здесь, возле него, на отводе гуляли косяки дончаков и разлтых, жирных, свободных от работы, дичавших в степи быков. Но хуторские табуны коров и молодняка здесь пасти строго запрещалось. Филька слышал, что запрещается, а строго или нет, ему было неизвестно, да и нынче ему было все равно — после утренней драки...

Не успел Филька впустить весь табун в высокий, сочный, зеленый пырей, как к нему верхом на коне подскочил отводчик Виктор Ковалев, весь заросший густой бородой, медный от зноя степей, по которым он носился целыми сутками, ревниво охраняя отводные земли, первородные пастбища и казенные покосы.

Как вернулся он с действительной службы домой, так и ушел на отвод забыть горе, которое черным крылом накрыло его курень. Бродившая по Дону шайка заскочила однажды в хутор Крутовской. Бандиты ворвались в дом к Ковалевым, сводя какие-то личные и не совсем понятные для хуторян счеты с Виктором, изнасиловали четырнадцатилетнюю дочку Нюру в одной комнате, а в другой люто издевались над женой. Мать слышала душераздирающие крики своей любимицы, рванулась к ребенку, но увесистый кулак одного из бандитов в висок приковал ее к месту...

Изуродованная Нюра зачала и умерла, не дождавшись отца.

Виктор вернулся домой... Запустением, немотой, заросший лебедой и бурьяном встретил его двор. Зияющий выбитыми дверями и окнами, курень стоял, как слепец, пугая безжизненными глазницами.

Дрогнуло сердце казака, не знавшего страха. Он застонал, словно что-то надломилось в нем, медленно опустился на землю, прижался к ней лицом, рванул руками траву и застыл в отчаянии, измученный, раздавленный, одинокий. Лежал долго без дум. Потом затеплились воспоминания и потянулись картины его прошлой жизни. Был Виктор веселым, первым танцором и гармонистом. Бывало, загуляет где-нибудь на свадьбе с женой, и маленькая Нюра тут же. Домой идут, песни поют. Жили дружно, в достатке. Нюра сидит на плечах отца, вцепившись в его чубатую голову, и говорит... говорит... Виктор блаженно улыбается, держит Нюру за теплые ручонки.

— Где ты?.. — стон вырвался из груди, но облегчения не принес. Безразличный, почерневший, чужой, бродил он, как привидение, по куреню, леваде.

Вокруг ключом била жизнь. Сдобренная и обильно политая казачьей кровью, земля давала невиданные урожаи. Хуторяне богатели, наливались хозяйским соком. Лишь Виктор, как чумной, бродил ни к чему не прикладывая рук. Добрые люди посоветовали ему уйти из хутора, забыться в работе вдали от тех мест, что напоминают о тяжелом горе.

Далеко он не ушел, видно, сил не было, да и от себя далеко ли уйдешь? Нанялся Виктор отводчиком. Все время проводил в степи, без людей, дичал, не находя лекарства разбитому сердцу и потрясенному уму.

Старый, выгоревший от солнца и ветра казачий кафтан сидел колом на его сутулых плечах. Весь он был кряжистый, лохматый, как матерый степной волк, страшный в своем горе и одиночестве. Чаще всего он был зол и жесток, тогда его что-то душило, он синел и, как рыба на берегу, задыхался, глотая воздух.

Искал он, но пока не нашел тех, кто надругался над его жизнью...

— Ты как суды попал?.. — глаза Виктора дико сверкнули, и он, страшно выругавшись, замахнулся ременным арапником.

— Дяденька, не бей!.. — Филька крикнул каким-то не своим голосом, может быть, мгновенно оценив силу арапника, от которого может и не встать, или по какой другой причине, но видя, как арапник отводчика повис в воздухе, уже тише добавил: — Меня нынчика уже били... — Филька хотел было всхлипнуть от боли, от перенесенного унижения, стыда, наконец, голода, сводившего ему живот, но не смог. Уж слишком часто пришлось бы плакать от всего, что с неумолимой жестокостью, недетским грузом давило на его плечи.

Виктора как ножом полоснуло от этого ребячьего крика: «Вот так и моя дочушка, наверное, просилась...» И он, может быть, впервые за долгие месяцы, проведенные на отводе, стыдясь своей неоправданной жестокости, медленно опустил арапник, повернул коня прочь.

Филька, ошеломленный происшедшим, увидел сутулые плечи Виктора, колыхавшиеся как в мареве среди высокой травы и удалявшиеся все дальше и дальше.

То ли движимый чувством благодарности к этому суровому человеку, то ли чутьем понявший какое-то тяжелое горе его, Филька сам не знал, да и времени не было, чтобы разбираться, а только он сорвался с места и кинулся вдогонку Виктору.

— Дядя! Дяденька! Подождите! — кричал он, легко перепрыгивая через высокий колючий татарник.

Виктор ехал молча, не оборачиваясь. Когда Филька забежал впереди коня, его изумленным глазам предстала необычайная картина: на выгоревших ресницах объездчика дрожали две крупные капли, другие стекали по задубелым щекам, а он, как сквозь туман, невидящими глазами глядел куда-то вдаль. Так, наполняя глаза, слезы срывались с ресниц и медленно одна за другой бежали в его спутанную, давно не стриженную бороду.

Пораженный виденным, Филька молчал. Виктор ничего не видел и поэтому молчал, только чувствовал, как что-то рассасывается в груди, годами зачерстневшее, страшное, болезненное. Становилось легче дышать: «Что это?.. Сон?.. Нет-нет... Ах, пастушонок... Надо вернуться к нему, а то еще перепугается...» Он вытер тыльной стороной руки глаза и как-то по-новому взглянул на сверкающий перед ним мир.

Виктор потянул за повод коня и встретился с устремленными на него глазами Фильки.

— Ты чего... сынок? — Виктор не узнал своего голоса. Был он

грубый, но какие-то нотки задушевности и теплоты вдруг зазвучали в нем помимо его воли.

— Ничего... Так... — Филька опустил глаза и черными пальцами ног зажимал стебельки пырея и вырывал их из земли.

Виктор посмотрел на его босые ноги, замызганные портки, смуглое худощавое лицо подростка с туго натянутой на скулах кожей, и жалость поползла к его огрубевшему сердцу, теперь вдруг размягченному.

— Ты откуда?

— С хутора Буерак.

— А чей будешь?

— Миронов.

— Каких это Мироновых?

— Папаню зовут Козьма Фролович.

— Не может быть!.. — воскликнул Виктор. Волнуясь, он выпрыгнул из седла, заторопился к Фильке, крепко обнял его за худые плечи, прижав к пропахшему потом и травой кафтану:

— Марусин сын?

— Ага... Отец уехал в Усть-Медведицкую наниматься и работники, а мы с мамой и братом в хуторе остались.

Виктор немного отстранил от себя Фильку, всмотрелся в него, и перед ним воскресли живые черты Козьмы Миронова, его друга и однополчанина, молодого, цветущего, красивого казака с хутора Буерак: «Жизнь... Юность... пронеслись они по чужим степям и дорогам, молодость отзвенела, как весенние ручьи. Стар стал?.. Жил ли я?.. Вот уже и ростки нового казачьего племени появились...»

Больно сжалось сердце Виктора... Наверное, правильно старые люди говорят, чтобы пришло выздоровление — надо почувствовать боль.

После своего потрясения Виктор забыл не только боль, дорогу к своему другу-однополчанину, но забыл и себя, словно заживо ушел из жизни. В волнении покусывая стебелек пырея, он глядел на Фильку широко раскрытыми глазами и чувствовал, что жизнь идет где-то стороной, мимо него. Мысли теснились, путались в голове: «Значит, устал?.. Так... Без борьбы отошел в сторонку, отдал кому-то все, что кровью и смертью завоевано твоими родными, друзьями. Иначе почему же сынишка твоего друга-однополчанина сейчас пастух хуторского табуна, чужого табуна? Значит, самый последний человек? «За это ты царю-батюшке служил верой и правдой? Достоин ли занятие пастуха донскому казаку?..»

Спазмы сжали горло, на жилистой шее вздулись вены, опять что-то засасывающее, тягостное навалилось на его могучую грудь. Он

задыхался...

Филька потянулся, как растение к свету, к этому угрюмому казаку, инстинктивно почувствовал в нем защитника и покровителя. Еще не зная, кто сидит перед ним, но чувствуя впечатлительной душой доверие к нему, Филька рассказал все, как было...

— Подлецы! — скрипнул зубами Виктор. — Ничего... Мы им еще покажем... Не горюй! Есть хочешь?

— Хочу, — Филька только сейчас вдруг с особой остротой почувствовал голод и откровенно признался в этом.

Виктор торопливо расстегнул кожаный подсумок, достал кусок сала и краюху пшеничного хлеба.

Филька с жадностью набросился на еду.

Филька и Виктор не заметили, как подкрался вечер. Солнце уже скрывалось за вербами на плотине Харсовского пруда. Листья блестели золотом от просвечивающих сквозь них лучей. Быстро собрали табун, выгнали его на большак и он, не торопясь, медленно потянулся в направлении хутора. Даже самые прокудные и жадные коровы не хватали по сторонам — уж больно сытно, вволю наелись отводовской травы.

Приотстав от табуна, Филька в поводу вел коня. Виктор заложил руки за спину, молча шел и взором задумчивым, посветлевшим впитывал красоту и прелесть наступающего летнего вечера в степи.

Ветер утих совсем. Даже листочки травы не шелохнутся, замерли, усталые от зноя, ожидая освежающей росы.

Звонко и тревожно стрекочут ночные сверчки. Позади, в пруду, глухо стонут водяные быки. Из-под ног с шумом вылетела стая куропаток, разрезая воздух, стремительно бросилась в сторону и исчезла за высоким донником.

Справа, вдоль Герасимового лога, сплошной ковер диких, ярких полевых цветов. Воздух чистый, душистый, прозрачный.

Откуда-то доносится тягучая казачья песня. Слышно, как кто-то точит брусом косу, потом начинает косить траву. Где-то скрипят немазанные колеса арбы, и ленивое, неторопливое «цоб-цабе» слышится за дальними наделами. Звуки отчетливые, ясные. Из хутора доносится перезвон колоколов к вечерне.

Догорает вечерняя заря и золотым отливом покрывает колоссящиеся хлеба, горит пожаром на высокой церковной колокольне.

Всюду широта, простор. Есть где размахнуться, силушкой тряхнуть. Как хороша вечерняя степь, как она мила и дорога сердцу казака!

Степь. На десятки, сотни верст степь, степь...

— Вот, дяденька, — кивнул Филька на верхушки верб, показавшихся из-за горы, — и наш хутор. А вы с какого?

— С Крутовского. Когда-нибудь все узнаешь. До свидания. Жди в гости. — Виктор крепко, как взрослому, пожал руку Фильки. Глаза его заискрились под лохматыми, нависшими бровями. — Мы, сынок, еще повоюем! — Он развернул дончака и ускакал в степь.

Филька смотрел грустными глазами вслед: «Кто он? Куда в ночь, бесстрашный, один поскакал?..»

Где теперь суровый и добрый казак Виктор Ковалев?.. Может быть, подсказал бы, пожурил, а то и надоумил хлопчика по имени Филька Миронов... Выходит, совсем ослабел духом Филипп Козьмич Миронов? А ведь совсем недавно он вообще не признавал ничего, кроме первенства во всем. Даже первым пастухом в хуторе стал в четырнадцать лет. О том, что первым драчуном был, — этого права у него никто не собирается оспаривать, как и атаманства в дерзких ребячьих набегах на чужие сады и бахчи... Первым из хуторских подростков удостоился быть принятым на казенный счет в Усть-Медведицкую гимназию. Но его же и первым из казачьих офицеров, вышедших из самых низов, выгнали из армии. Выбрали атаманом станицы Распопинской, а потом тоже выгнали... Первый песенник, гармонист и танцор. Первым, наверное, чтобы доказать свое горделивое превосходство и несостоятельность других, начал в седло садиться без стремян. Издевался над теми, кто не рубил лозу, а ломал ее. Лезвие своей шашки затупливал о камень, садился на коня, мчался по станкам и буквально сбрасывал лозу. Потом молча, сознавая свое превосходство, отходил в сторонку и занимался конем и его амуницией... Первый разведчик русско-японской войны. Первым был награжден орденом, потом четырьмя орденами. Его первым качали на руках офицеры-дворяне и генералы кричали «ура!» вновь нарождающемуся герою Тихого Дона. О нем даже книжку написали!.. Но потом его первым же и арестовали, судили и изгнали из армии... Всюду первый?..

Всюду первый... Это как же понимать?.. Ну а если мысленно хоть на минутку обернуться назад и вспомнить, доходил ли он в своих самых невероятных мечтах до того, что на его, хуторского пастушонка из хутора Буерак-Сенюткин, плечах окажется блестящий мундир казачьего подъесаула? И он, как в детском сне, на чистокровном донском скакуне, под колокольный звон всех церквей въедет победителем в родную станицу Усть-Медведицкую... И встречать его будут все хутора и станицы округа Войска Донского. И из Новочеркасска специально прибудет сам наказной атаман!.. Непостижимый взлет фантазии и превращение ее в действительность!.. Кажется, еще ни у кого такой счастливой судьбы не было? И он первым своими собственными руками разрушил этот волшебный замок. Судьба или характер?.. Или «...черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом»! Может быть, так высоко

взлетать даже в повторении слов Пушкина есть крайняя степень нескромности? Крылья-то подрезаны, и не летать больше соколу. Они ведь не вырастают, как хвост у ящерицы. Или у него явилось запоздалое желание перекреститься — ведь гром-то уже грянул, а он продолжает по-прежнему спесиво считать себя первым? По каким качествам? По позору и приниженности?.. Помощник по рыбнадзору в гирлах Дона!..

Вода. Луга. Пойма. Леса. Птицы. Тишь. Благодать. В них и уляжется, растворившись, мятежный дух. Шлепнула хвостом по воде рыбина, пошли круги и растаяли. Прогредел случайный выстрел злобного браконьера... Блестящая карьера для бывшего офицера-разведчика, нарождающегося героя Тихого Дона!.. Уж лучше бы навек остаться на сопках Маньчжурии. Это как понимать? Умереть, погибнуть там, на чужбине?.. Нет, на такое он не согласен. Вот на родине, вот тут, сейчас кинуться с обрыва — и конец раздумьям и мучениям... Это ему подходит.

Филипп Козьмич Миронов, кажется, хорошенько и не понял, как он оказался на крутизне донского берега, с детства любимом месте, куда никто из буерак-сенюткинской и усть-медведицкой ребятни не смел и не мог взобраться. Это мог сделать только безрассудный Филька Миронов. Когда он туда взбирался, завистливые подростки, желая хоть чем-то ему насолить, бежали к его матери и, захлебываясь от мстительной радости, наперебой кричали: «Ваш Филька опять в орлином гнезде сидит!..» Мать горестно складывала руки и, раскачиваясь, начинала по-бабьи горестно причитать... Потом бежала к «орлиному гнезду», куда поспешал чуть ли не весь хутор посмотреть, как будут вынимать из гнезда непокорного «птенца»...

Филипп Козьмич встал во весь рост, побелевшими суставами пальцев оперся об острые уступы скалы, намереваясь оттолкнуться от спасительной тверди. Почему-то в это мгновение на память пришли слова, даже незнакомо чьи: «Река времен в своем стремлении уносит царства и людей». И так же неожиданно пришла вдруг мысль, вернее, будто даже голос он явственно услышал: «Я так и предполагал, что из этого подонка ничего путного не выйдет...» Миронов вдруг напрягся, судорожно вцепился в острую, как лезвие отточенной казачьей шашки, скалистую породу, поранил до крови руки и начал прислушиваться, не повторился ли еще услышанное... Потом понял, что эти слова он сам себе придумал якобы от имени генеральского сына, полковника генерального штаба Краснова. Ну, нет, злобно подумал Миронов, такой радости он не доставит принцу-хлыщу!.. Уж чего-чего, а этого удовольствия он не поднесет на блюде... Филипп Козьмич опустил руки, уселся поудобнее в «орлином гнезде» и задумался. Зачем он живет? Зачем люди?.. Для радости бытия или для мук и позора? Почему в

природе так все мудро и покойно? Утром птицы поют. Стрекошет вся насекомая тварь. Цветок распрямляет лепестки, бутон как бы взрывается для полдневного цветения своей жизни. И предстает перед миром во всей красе. Работает... К вечеру лепестки увядают, усталые, отходят ко сну. За ночь отдохнут, наберутся сил, а утром снова взрываются радостью цветения. Никто не насилует его волю, да и не пытается это делать, потому что такой ритм неспешной жизни раз и навсегда установила ему сама матушка-природа. Как и деревьям, животным, зверям... Без шума и суеты. Все у них происходит в строго ограниченное время, и ничто и никто от этого не испытывает чувства закрепощенности... Лишь человек выбился из непреложного закона природы суетностью и поспешностью, стремясь во что бы то ни стало успеть, как можно больше урвать благ и удовольствий. Для него не существует ни время года, ни дня, ни ночи для удовлетворения вновь нарождающихся желаний. Эта вечная жажда достичь невозможного — удовлетворения все новых желаний, в конце концов может и погубить род людской.

Филипп Козьмич подумал, что ведь жизнь казаков, станиц и хуторов Дона чем-то напоминает самую природу или, по крайней мере, приближается к ее разумному, вечному началу. С раннего утра все работают. И старики и дети. Весь день кипит работа. В будние дни никого не встретишь праздно шатающимися по улицам. Бездельничать считалось грехом. И население земель Войска Донского всем укладом жизни приближалось к законам природы — такое же неторопливое, строго раз и навсегда очерченное движение... Ночью все спят, отдыхают. Лишь молодежь веселится на игрищах, да и то только накануне праздников, когда утром можно будет позоревать. Такой образ жизни вырабатывал не только физическое здоровье казаков, но и духовно-сосредоточенное богатство души. Люди не разбрасывали силы на многие дела — только на жизненно необходимые тратили свою энергию. За любую работу принимались, предварительно помолясь, призывая Бога помочь сосредоточиться и по совести выполнить ее. Гармонично вливаясь в природу, мало сказать бережно, ревниво охраняя, а свято относились к окружающему миру. Ведь всем памятен случай, когда одного казака только за то, что он плюнул в Дон, избили, а священник вдобавок ко всему отлучил его от церкви. Сейчас даже трудно поверить в такое.

От этой кажущейся медлительности и как бы узаконенного круговорота жизни люди испытывали истинную радость от хорошо сделанной работы, от ожидания праздника, от самого праздника — светлого, веселого, песенного...

Неплохо ему, Миронову, сидеть в «орлином гнезде» и рассуждать о жизни казаков. А сам-то почему здесь оказался в разгар полевой страды и, бездельничая, разглагольствует о житье-бытье?.. Хорошо пристроился — в холодочке, да и прохлада от Дона овеивает разгоряченное лицо... Или ему можно?.. Но ведь старые казачки любят часто повторять, что, мол, чем больше Господь Бог дает человеку, тем с него больше и спрашивает. Этого, кажется, в своей гордыне не учитывал пастушонок?.. Да, наверное, уж хватит величать себя казачонком с кнутом через плечо, для которого все вокруг трын-трава. Он взрослый казак, офицер, правда, бывший, и не надо притворяться и разжалобливать себя и других, что ты в своем стремлении к свободе для народа готов всем пожертвовать, но люди не оценили и выбросили тебя из своих рядов, как мелкую сошку. Или ты возомнил, что тебе позволено даже пойти против самого царя-батюшки?.. Умник нашелся!.. Храбрец... Или человек предполагает, а бог располагает?..

Миронов осмотрел босые ноги, закатанные шаровары с лампасами. Как же он по станице теперь пройдет? Хоть и разжалованный офицер, но кажется, что это всего лишь тяжкий сон, вот он сейчас проснется, и все встанет на свое место... Надо ради приличия ваять палку в руки, чтобы при случае встречному объяснить, мол, побежал за зыкавшим телком к Дону, да вот не догнал... Опять же не поверят, ведь все знают, что от быстро бегущего Миронова еще ни одна скотинья не убежала — догонит и возвратит в стадо или на баз... А вот в «орлиное гнездо» ему уже, наверное, больше не взобраться. Что так? Ослаб? Устал? Сил не осталось или прыти?.. Просто стыдно от людей — ну, мальчишкой был, куда ни шло, из озорства взбирался на неприступный утес, а теперь вроде как и неудобно, да и ловкость не та, еще чего доброго ненароком сорвешься... Неужто жаль себя стало?.. Ведь только что сам добровольно хотел совершить прыжок, ну а если случайно сорвешься, так стоит ли жалеть?.. О, кровь на пальцах. Это когда хотел оттолкнуться от скалы... Как в детстве, Миронов губами прикоснулся к пораненному месту и начал высасывать кровь. Успокаиваясь, исподлобья глядел на Дон.

Могучая река. Почему он зовется «Тихом»? Ведь течение воды мощное, быстрое... Попробовал силу ее: плавая, купаясь, да и на веслах, когда лодку гонишь против воды — кровавые мозоли на ладонях вспухают. А на вертлявом, долбленном из одного ствола дерева каюке? Только успевай — не зевай нос его направлять строго поперек встречной волны, причем без отдыха, иначе окажешься в лучшем случае на одном месте или, чего хуже, — совсем собьешься с пути. А вот когда переметами стерлядь ловишь — вот мука! Их обычно ставят на перекатах, на быстрине. Отец

опускает крючки с наживкой или смазанные салом для запаха, а он, Филька, должен, как заправский артист, на каюке с помощью весла удержать его на месте да еще и чуточку пододвинуть, чтобы удобнее была отцу. Волна сбивает, весло в руках мечется слева направо, справа налево, не задеть бы батю. А он еще иногда зло сплюнет и тихонько прошипит: «Казак ты или баба!...» А в спешке, да еще когда каждое движение должно быть рассчитано мгновенно, разве угодишь ему?..

Тихий Дон... Правый крутой, обрывистый берег, изрытый морщинами оврагов и буераков. На нем раскинулась казачья станица Усть-Медведяцкая. Тянется она над рекой лентой садов и левад. Тополя и вербы свешивают ветки к воде. Листья пьют донскую воду и как бы по цепочке передают всей станице, утопающей в буйных левадных зарослях. Питают муравную зелень, плотно вросшую в меловые плешины крутолобого берега.

Дон перед Усть-Медведицкой натывается на бугриную, поросшую лесом, и, не в силах подмять ее под себя, резко поворачивает вправо, образуя сагайдачную дугу. Опершись о монастырские кручи, как о тетиву, Дон выпрямляется и гигантской стрелой несется мимо станицы. По пути подхватывает реки, речушки, ерики и продолжает молодо и величаво течь мимо меловых правобережных подгорий и дремучих лесов левой стороны. Когда-то и сама станица располагалась здесь, на левом берегу, это уж потом она перебралась на крутой и холмистый правый берег.

Усть-Медведицкая поначалу возникла как маленький казачий стан в устье реки Медведицы и двести лет простояла на низком, весной затопляемом левом берегу Дона. Потом постепенно казаки начали перебираться на правый крутой берег. Первым переселенцем был священник Птахин, который построил свой курень в устье большого буерака. Он положил начало центральной улице станицы — Овражной (Буерак Птахины). За ней последовали Воскресенская улица, Атаманская, Придонская.

В журнале Петра I, посетившего Дон, есть запись: «Да прошли речку Медведицу, впала она в Дон с левой стороны, да городок Медведица — он стоит на левой стороне». Следовательно, еще в 1696 году станица находилась на левой стороне. Из-за частых наводнений переселилась на теперешнее место. Время первоначального образования Медведицкого городка неизвестно, но в 1595 году он уже был, о чем свидетельствует опись статистического комитета, представленная полковником Кушнаревым... На городок дважды нападали черкесы. В 1638 году через него проезжал покоритель Азова атаман М. И. Татаринов.

17 февраля 1713 года жители станицы Усть-Медведицкой

ходатайствуют о постройке деревянной Николаевской церкви. К этому времени можно и отнести переселение станицы на настоящее место. Церковь построена в 1718 году. 2 марта 1782 года сооружена новая, каменная, во имя Воскресения с Николаевским приделом. А деревянная перестроена и переименована в Рождественскую. 22 февраля 1795 года во время пожара сгорела. В 1811 году к Воскресенской церкви с левой стороны был пристроен придел святых Козьмы и Демьяна. Освящен 10 октября 1811 года. Церковь существует и поныне. В ней находятся ценнейшие реликвии — два Евангелия: 1703 года и 1744 года. С 1884 года начато строительство новой каменной церкви Александра Невского, При мужской гимназии и духовном училище построена домовая Рождество-Богородицкая церковь. При тюрьме — Петропавловская — 1863 год. В 1638 году на юртовой земле возник монастырь. В 1670 году при нем построен Преображенский храм. Строители: игумен Исая и старцы Иосиф, Корнелий, Кирилл. Монастырь преследовал благородные цели: «Дряхлые и израненные на службах старшины и казаки, посвящающие остатки дней своих уединению монашеской жизни, по болезни и старости лет, могли препровождать оную спокойно». В 1752 году монастырь был завален обрушившейся горою и перенесен на нынешнее место, где и заложен через два года. А спустя пять лет закончена Преображенская церковь с приделом Донской Божьей матери. В 1785 году мужской монастырь преобразован в женский. При монастыре имелась школа грамоты для девочек и богадельня для казачек. При монастыре устраивалась ежегодная Владимирская ярмарка.

Против старого городка на правой стороне Дона есть курган, называемый Колесовым. На нем колесовали людей, совершивших преступление. Курганов много возле станицы: Острый, Рубцов, Долгий, Котельников. Урочища: Степанова, Ендова. Речки: Цуцкан, Долщина. Балка Янр. У хутора Почтово-Клетского найдена чугунная пушка. Стрелы. Кости неведомых животных.

В 1836 году в станице открылись учреждения Окружного управления и четырехклассное училище. 1874 год — окружной суд. 1863 год — начало занятий в классической гимназии. 1875 год — в женской гимназии, впоследствии преобразованной в четырехклассное училище. В 1891 году организована военно-ремесленная школа. В 1896 году — реальное училище.

По переписи 1897 года в станице 1099 дворов. Русских 3196 мужчин, 2972 женщины, армян и калмыков — пять, из них одна женщина. Грамотных 2888, в том числе 961 женщина. 49 человек с высшим

образованием, из них две женщины. 411 — со средним, из них 221 женщина.

Юрт обмежевал и занимал 130639 десятин, имел: 36 175 голов крупного рогатого скота, 32 680 овец. Доход станицы — 871 рубль. Всего лошадей в Усть-Медведицком округе было — 60370!..

Усть-Медведицкая быстро начала расти, став центром военного округа Войска Донского. Открывались гимназии, реальные училища, ремесленное и епархиальное. Донское пароходство. Даже театр и позже свой «синематограф», два дворянских клуба. Пять церквей, девичий Преображенский монастырь. При нем две церкви. Пристани — хлебная и лесная. Заводы: кожевенные, пивоваренные, водочные, свечной, мыловаренный, четыре кирпичных... Ежегодные ярмарки — Крещенская, 6 января, Георгиевская, 23 апреля, Преображенская, 6 августа... Ах, ярмарки! Карусели, бублики, цыгане, борьба человека с медведем... Шум, гам, музыка, драки...

Буерак Птахина явился своеобразной разделительной чертой между западной, верхней частью станицы, где селились преимущественно дворяне, офицеры, купцы, и восточной, нижней, принадлежащей коренным жителям — казакам. Первая часть называлась «чистыми дворами» или «клином», а вторая, восточная, — «базами», жители которых занимались земледелием и скотоводством. Когда станица располагалась еще на старом месте, здесь были базы для скота. Курени простые, рубленые. Дворы огорожены плетнями. Школа размещалась в обыкновенном флигеле. В западной части станицы, где селились богачи, постройки отличались добротностью. Здесь размещались административные здания, магазины, учебные заведения. В одной из гимназий пришлось два года учиться и Филиппу Миронову. Потом эту гимназию закрыли. Поводом послужил юный бунтарь с берегов Дона Василий Генералов, казак станицы Потемкинской области Войска Донского. Он состоял членом террористической фракции «Народной воли», в которую, помимо него, входили А. И. Ульянов, В. С. Осипанов, П. И. Андреюшкин, П. Я. Шевырев. За покушение на царя Александра III все они были казнены 8 мая 1887 года. А гимназии на Дону по высочайшему повелению были закрыты с целью ограничения доступа к образованию детям простых казаков, которые «учение свое превращают во зло существующему монаршему строю». Заветной мечтой Александра III было основать город, где-нибудь в глухом месте и ссылать туда инакомыслящих. Причем охранять этот город поручить казакам... Благодаря природным способностям Миронов поступил в Новочеркасское юнкерское казачье

училище — по второму разряду, как сын рядового, нетитулованного казака. В первый принимали детей казачьей знати. Но окончил он по первому разряду, и ему было присвоено офицерское звание.

Офицер... Филька Миронов — офицер?.. Блестящий кавалерист?.. Дворянин?.. Да было ли все это на самом деле?.. Было!.. Было!.. Даже командармом был Филька Миронов. Командармом?! Ужас!.. И — в тюрьме?! Неправда!..

— Неправда!.. — закричал диким голосом Миронов и сразу же пришел в себя. Уткнулся лицом в серое казенное одеяло и по-волчьи завыл.

Загремел засов железной двери — Миронов краем уха услышал скрежет, сразу же замолк. Когда надзиратель заглянул в камеру, то увидел мирно лежавшего на колченогом топчане арестанта. Буркнув что-то невнятное, он прихлопнул дверь и повернул ключ в замке.

Арестант может спокойно предаваться своим размышлениям...

— Не могу... Не могу теперь взобраться в «орлиное гнездо». Не могу. Стар стал. Тяжел. Не могу. Обидно... — Миронову почему-то вдруг стало невыносимо больно, что он не сможет именно из-за своего возраста вскарабкаться на скалу и посидеть там в одиночестве. Поллюбоваться Доном, девственно-пырейными лугами и косяками коней, гулявшими на просторе. Полыханием грив, куда вплетались то солнце, то луна с ветром и звездами... Но почему-то Миронов, вспоминая прожитое, все время только о себе и думает, о своей боли, своих переживаниях? Или это свойство человека такое — всегда во всем находить оправдание своим поступкам, придумывать щадящий режим своего поведения? Ведь поначалу сказал же самому себе, что надо вспомнить все и найти, даже в мелочах, ошибки, из-за которых пришлось командарму легендарной Второй Конной армии поселиться в каземате.

А получается так, что он, Миронов, считает себя праведником, что ли. И не все припоминает. Только своп обиды. Сам-то наносил их другим?.. Вспомнил он хотя бы раз Стешу?.. Стешу?.. Это какую же... Стешу?.. Вот видишь, даже имя выпало из головы. И опять же оправдание находишь для себя — мол, потому что в сердце поселилась другая. А та, стало быть, из памяти вычеркнута? Ну, чтобы сказать, вычеркнута совсем, этого он не может. Тогда как понимать забывчивость?.. Ей, Стеше, не обидно?.. Первая любовь... Всю жизнь на него положила. Детей нарожала, выкормила. Перенесла трагическую гибель сына... Дочери... И в конце концов стала немила, и даже имя запаматовано?.. Да не забыл он ничего, просто в смятении не мог вспомнить, о ком речь заводится... А может быть, правду сказала подружка одной гимназистки, которая была влюблена в Миронова, что он «искал идеал женской красоты...»? Конечно, неплохое, даже очень соблазнительное свойство мужчины искать этот самый идеал. Но, наверное, при этом нельзя наступать безжалостно на тела других, давить их и с кровоточащими ранами оставлять без помощи. Разве он всю жизнь не помогал семье, Стеше? Как чем? Не пил, не бил, деньги регулярно

высылал? Разве только это и нужно женщине от любимого мужчины? Разве он это обещал, когда впервые повстречал Стешу?.. Но ведь сердцу не прикажешь!.. Конечно, Стеша выпита, как говорится, до дна — дети, пеленки, постирушки, дом, куры, свиньи, коровы... А эта — юная, упругая, интеллигентная, городская... Восемнадцать лет... И сама пришла и стыдливо призналась, что любит нелюдимого, сурового командарма, донского казака.

А если это, быть может, был его звездный час и он увидел «небо в алмазах»?.. То мгновение жизни, за которым открывается завеса, ведущая к счастью. Смысл всех его желаний. Смысл бытия — ради чего живешь: ради страдания и восторга? Что не уйдет он весь из этого мира... Понять можно, но оправдать?.. Да не нуждается он ни в чем оправдании! Гордый?..

Если все, кто его винит или собирается упрекать, такие уж умные и проницательные, то пусть объяснят, что такое любовь или, по крайней мере, влечение к юному существу? Когда в очередной раз убежишь от смерти и возвратишься к жизни, встретишь детски-пугливые, счастливые глаза Нади-Надюши... И ее невесомые, ласковые руки, напоенные желанием... Надо эти руки сбросить с усталых и пропахших кровью и потом плеч? Наверное, для этого просто не хватит сил... Объясните. А потом вините...

...Она обвила его жесткую загорелую шею так, словно никогда не думала выпускать из своих объятий... Ощущать ее тело, вдыхать запах кожи — когда даже время теряет смысл. Остается глубина, восторг, легкость. И единое целое. Значит, они созданы друг для друга. Кто найдет точную половинку плода, тому уготовано на земле блаженство... Пока он человек из плоти и крови, он принадлежит ей и никому больше. Она горит, трепещет под его телом — и в этом суть бытия: мук, тревог, восторга... А все остальное уходит прочь. Его нет! Есть только — юность. И в ней весь смысл...

Правда, однажды на глаза попались отрезвляющие слова Сенеки: «Наслаждение стоит на краю откоса и скатится к страданию, если не соблюдать меру». Миронов, тогда грустно улыбнувшись, признал, что меры он не соблюдал, просто не мог, и потому убийственному страданию подверг и свою любящую жену Стешу, и детей. Но наяву рядом была Надя-Надюша, и все ей: влечение тела, ума, души... И не было силы, которая могла бы погасить этот источник счастья...

Русско-японская война... Империалистическая... Гражданская... Не дни-месяцы в бою, а ровно девять долгих смертельных лет с шашкой наголо. Наверное, кому-то легче бы один раз умереть, чем столько лет

погибать и снова воскрешать себя... Ординарец командарма Миронова Иван Львович вспоминал: «К концу гражданской войны Филипп Козьмич уже не разговаривал, как все обыкновенные люди, а кричал... Будто все время команды отдавал. Или в атаку звал. Голос грубый, резкий».

Понять Миронова, конечно, можно... Но все-таки придется вспомнить: ведь со Стешей прожита долгая совместная жизнь — целых двадцать лет. Сын Никодим. Дочь Валентина. Клавдия. Мария. Сын Артимон. А сама юная монашка Стеша, Степанида Петровна, ей же ведь тоже было даже не восемнадцать, как Надюше, а всего-навсего пятнадцать... По сути дела, еще ребенок, и она уже была монашка? Да-да, монашка того самого Усть-Медведицкого Преображенского девичьего монастыря, золотые кресты которого ранними утрами провожали в степь пастушонка Фильку Миронова, а вечером встречали его и, кажется, хоть самую малость, а пугали своей божественной тайной.

И уж как-то так случилось, что однажды, когда Филька Миронов из своего хутора Буерак-Сенюткина отмеривал десяток положенных верст до станицы Усть-Медведицкой по извилистой меловой тропинке по-над Доном, он в первое мгновение, не веря своим глазам, будто во сне это происходило с ним, увидел, как от невысокого выступа скалы отделилось что-то белое и полетело в воду. Умом сразу понял, что в Дон с берега сорвался человек и надо, не раздумывая, спасти его. Книжки, обычно засунутые за пояс, чтобы были свободны руки, не успел оставить на берегу, да и снимать сапоги тоже не было ни времени, да подумки такой даже не явилось, и Филька в гимназической форме бултыхнулся вослед этому белому существу.

Схватил за волосы, приподнял над водой и обнаружил, что это была девка. Она судорожно схватила его за горло и душила... Филька хрипел, вырывался, но от утопленника, говорят, вырваться трудно, если совсем невозможно. Спасительный берег оказался рядом, и Филька ногами нащупал дно. Девку он никак не мог от себя оторвать. Она сотрясалась всем телом — от холодной осенней воды, страха и безумной решимости покончить жизнь самоубийством. А Фильку тоже начинала бить дрожь, но уже совсем по другой причине. Девчушка, можно сказать, была совсем раздета — на ней только белая исподняя рубаша, которая будто еще больше подчеркивала ее наготу. А груди, как две розоватые груши-бергамоты, совсем оказались неприкрытыми... И они, эти девичьи груди, произвольно бились на Филькиной груди... Как в полусне, когда вроде убегаешь, а ноги не отрываются от земли, так и Филька начал отдирать от себя девушку, разжимать сплетенные на его шее руки. Наконец отодрал и

оттолкнул от себя...

Была русско-турецкая война... Уж кто-кто, а донские казаки непременные и обязательные ее участники — они ведь с турками воевали давно, независимо от воли московских царей. А на войне бывает страшно, правда, не всегда. Но вдруг, помимо воли человека, наступает миг, когда он со страхом подумает, что вот сейчас пуля-дура стукнет по голове и его не будет на белом свете. Никогда не будет! Но это же... страшно и непонятно: «Не будет...» Чушь какая-то!.. И тогда оторопь берет и человек, как говорится, ищет игольное ушко, чтобы пролезть в него. Иными словами, готов многими жизненными идеалами-принципами поступиться, но умолить небо оставить его в живых. И про православную веру вспоминает. И про Бога. Это относится ко всем, даже храбрейшим из храбрых...

Отец Стеши Петр был казак неробкого десятка, как говорят на Дону. Служил честь честью. Но и его однажды посетило мгновение страха. Улучив свободную минуту, когда возле него не было никого из друзей-товарищей, он встал на колени и начал просить Господа Бога оставить его в живых. И тогда он сделает все для всевышнего, не пожалеет самого дорогого богатства, которое у него есть, — малолетнюю красавицу дочь отдаст в невесты Христу. Для большей убедительности он обратился к полковому священнику и, взяв его в свидетели, дал обет Богу...

И получилось так, что Петр, молодой казак станицы Усть-Медведицкой, которому то ли еще не пришло время погибнуть, то ли молитва и обет помогли, конечно, никто ничего определенного утверждать не может, но одно оказалось верным — он целым и невредимым вернулся с войны. Даже Георгиевский крест заслужил, и потому встречали его со всеми почестями, полагавшимися в таком случае... Дома он помылся, переделся в чистое платье, пообедал, собрал всех родственников и сообщил, что, мол, так и так, на войне дал обет Богу, коли останется в живых, то отдаст родную и единственную кровиночку, Стешу, в Усть-Медведицкий монастырь, в невесты Христу... Стало быть, Стеша, собирайся... Стеша и мать, известное бабье дело, в слезы, но Петр еще раз сурово и непреклонно подтвердил свое решение, вернее, ничего уже теперь не зависело от его решения — все было отдано в руки всевышнего: обет дан Богу и только он один может освободить донского казака от него. Ну а так как Бог далеко, высоко и недосягаем и общение с ним невозможно, то ничего другого не остается, как собрать любимую дочь и отправить в монастырь... Иначе грех тяжкий. И он его на себя ни за что не возьмет. Да и не в силах это сделать.

Вот таким образом пятнадцатилетняя Стеша оказалась в Усть-

Медведицком монастыре. Но как ни старалась, не могла смирить обиду и гордый нрав красавицы казачки. Однажды в отчаянную минуту она бросилась в Дон. Вот тут-то и подхватил ее Филька. На счастье или на несчастье?.. Об этом пока никто не только не знал, но даже и не догадывался...

...В гимназии днем во время занятий произошла драка, косвенным виновником которой стала... Стеша. А скорее всего, характер Фильки Миронова. Сидел он всегда на последней парте. Особенно ни с кем дружбы не водил, потому что вокруг дети офицеров и дворян, они тоже не очень-то большим горели желанием ближе сойтись с сыном простого, да еще к тому же и бедного казака, а Филька слишком был горд, чтобы навязываться, это значило бы заискивать перед ними и в какой-то степени находиться в услужении. Такого он не мог позволить себе. Но, несмотря на скрытую, а иногда и откровенную неприязнь со стороны сынков богатых родителей, которую он даже кожей ощущал, приниженным себя не чувствовал, может быть, даже потому, что был отличником учебы. Это многих удивляло и раздражало.

На сей раз, устроившись на последней парте, Филька незаметно для всех с трудом стянул с себя мокрые сапоги, вылил еще раз остатки воды, поставил ближе к окошку, чтобы проветривались и высыхали. Но неожиданно учитель вызвал его к доске. Филька такого поворота событий не ожидал и какое-то время продолжал не шевелясь сидеть. Учитель обратился к нему еще раз... Тогда Филька решительно встал и, шлепая босыми ногами по ярко натертому паркетному полу, пошел к доске. И тут грянул хохот. Особенно старался сынок дворянский, будущий полковник, будущий командир полка Ружейников, у которого потом войсковой старшина Филипп Козьмич Миронов станет заместителем... Раздражение и злость на Ружейникова у Фильки накапливались давно. Ну, думал про себя, он когда-нибудь рассчитается за все...

Следующим, последним уроком была физкультура; по замыслу преподавателя, урок должен был выявить чемпиона гимназии по бегу. Фильке почему-то не хотелось бегать, не хотелось получать призы. А хотелось побыть одному, унять не проходящее с самого утра волнение, вернее, с памятной встречи с девушкой, тихо посидеть за партой, подумать. Но на него налетели гимназисты, доброжелательно требуя, чтобы он утер нос этому задире Ружейникову. Знали все, что от Фильки в любых играх никто не мог убежать. А когда, бывало, в табуне начинался зык и молодняк, искусанный оводом, обезумевший от боли, ошалело задрал вверх хвосты, как сумасшедший рассыпался в стороны и сломя головы мчался куда

попало, только Филька мог догнать самых быстрых и вернуть их в стадо. Неутомимый, по колючкам и стерне, босой, носился он часами, собирая разбежавшийся табун.

Гимназисты подхватили его под руки и чуть ли не силком вывели на залитый солнцем двор. Толпа окружила преподавателя физкультуры, который расставлял участников бега. Спорили, шумели, галдели, смеялись, кричали...

Наконец все смолкли, когда на старт вышли те, кто претендовал на первое место, в их числе Миронов и, конечно же, Ружейников. Самодовольно улыбаясь, он подчеркнуто небрежно тренировался, принимая положение «на старт», потом выпрямлялся, ловил взгляды гимназисток, птичьей стайкой собравшихся поглазеть, а при случае и поболеть за своих любимцев. Перегнать всех, говорил взгляд Ружейникова, для него суший пустяк.

— На старт! Внимание!.. Марш!.. — скомандовал учитель и хлопнул по воздуху сигнальным флажком.

Ружейников раньше команды «марш» на какую-то долю секунды вырвался вперед и понесся... Первым обошел круг, пошел на второй.

— Bravo, Ружейников!.. — кричали его дружки.

Филька видел впереди бело-розовую шею Ружейникова, и ему почему-то стало обидно, и злость шевельнулась — опять вперед пропускаешь?! Он рванулся на сильных ногах, пошел быстрее, свободнее. На втором круге обошел Ружейникова, успел оглянуться на тяжело дышавшего соперника и, далеко оставив всех позади, первым порвал ленточку финиша.

Гимназисты с восхищением смотрели на загорелого, босого, мускулистого парня.

— Эй ты, пастух, запомни, — пристыженный и покрасневший от бега Ружейников подошел к Фильке со своими дружками, — это тебе так не пройдет... — Розовощекий, избалованный, он был похож на свежеевыпеченную булку. Хорошо, даже с шиком наряженный, самовлюбленный, Ружейников был царьком среди гимназистов станицы Усть-Медведицкой. Все ему подчинялись, но всем уступали. Лишь молчун и гордец Миронов сопротивлялся, ну да он его обломает... Думал, что никто не посмеет его обогнать в этом престижном беге. Однако нашелся такой...

— Ты хотел, чтобы я тебе уступил? — Филька, сощурившись, пристально посмотрел на Ружейникова.

— Господа, пусть он идет к коровам, там и носится в жару... — предложил кто-то из друзей Ружейникова.

Все сочли это настолько остроумным, что нервически расхохотались. Тот же подхалимствующий гимназист, сделав над головой из пальцев рога, дико тараща глаза, пошел на Фильку и начал мычать:

— Му-у... Му-у... Бу-у... Бу-у... Господа, убегайте, а то он сейчас забодает!.. Или начнет зыкать!.. — Все хохотали, а он сложил ладони и начал жужжать, как овод: — Ззз... Ззз... Ззз...

Это было больным местом Фильки — его так всегда дразнили. В глазах потемнело, в висках застучало.

— Что молчишь, бугай! — Ружейников щелкнул Фильку по голове, чтобы спровоцировать драку и проучить гордеца.

Филька кинулся на наседавшего Ружейникова, резко, наотмашь ударил в пухлую розовую щеку, отчего она еще сильнее заалела, вцепился в мягкую белую шею заскоруждыми, черными пальцами.

Ружейников посинел и обмяк... Кто-то схватил за ворот Филькиной рубахи и располосовал ее до подола... Бились все с остервенением, как молодые петухи...

Потом Филька, ободранный и исцарапанный, стоял в кабинете директора гимназии, безучастный и равнодушный ко всему на свете. Он только ждал, когда ему скажут, чтобы больше не переступал чистый порог благородного учебного заведения своими грязными ногами. Посмотрел на разорванную рубаху, и невеселые мысли полезли в голову: «...Не мог сдержаться, сукин ты сын! Что скажет мама? Стирала, разжигала специально утюг, чтобы погладить ученому сыночку рубаху. Как же, мечтает, что он когда-нибудь поступит на чистую работу — глядишь, копейка в доме заведется. А то еще писарем к атаману, так это и вовсе удача привалит нежданно-негаданно. Мама...» Глаза подернулись туманом, комок подступил к самому горлу, рос, расширялся, стало трудно дышать, болели стиснутые челюсти. И вдруг две большие светлые капли медленно поползли по загорелым щекам.

Директор молчал. Тикали часы монотонно и нудно. Жужжала и билась муха об оконное стекло. Чисто, прохладно и тихо в кабинете. Приглушенные голоса гимназистов доносятся со двора... Может быть, и правду старые казачки про меня говорят: «Этот бесененок своею смертью не умрет...» — невесело думал Филька Миронов. В конце концов пророчество оказалось верным. Но тогда никто не мог знать точно, только за дерзкий, буйный нрав трагическую судьбу ему предрекали. А к тому времени, когда пророчество сбылось, наверное, уже никого в живых из тех старых казачек не осталось, чтобы вспомнить: вот, мол, мы говорили...

Директор гимназии грустно и как-то задумчиво смотрел на Фильку,

переводил взгляд на разорванную рубаху, словно понимал ее большую стоимость для казачьей семьи, живущей в глухом хуторе, под нею — смуглое, сбитое тело, босые ноги, черные, потрескавшиеся — разве их отмоешь?.. Густые черные волосы, пытливые карие глаза, красивое худощавое загорелое лицо подростка-юноши, и жалость ползла к его сердцу. В душе он, может быть, и прощал гимназиста Филиппа Миронова, но а что скажут богатые казаки станицы, благодаря которым он держался на этом высоком посту?.. Как же поддержать, спасти этот росток? Не оборвется ли преждевременно струна, натянутая до отказа?.. Наконец директор негромко сказал:

— Иди. Все образуется.

Не понять было, прощал ли он Фильке запрещенную в гимназии драку и избиение сына всеми уважаемого в станице дворянина Ружейникова или уповал на всесильное время, которое все расставит по своим местам.

Директор гимназии оказался прав. Вскоре подоспели более значительные события — покушение на Александра III, и гимназию вообще прикрыли. А бывшего гимназиста Миронова, обладавшего красивым, можно даже сказать, каллиграфическим почерком, приняли писарем в канцелярию станичного атамана.

И все-таки Филька Миронов сумел окончить Усть-Медведицкую гимназию. Экстерном. К сдаче экзаменов его сначала готовил Маврин, студент, исключенный из Петербургского императорского университета и находящийся в станице под гласным надзором полиции, а потом репетитором стал Александр Серафимович Попов (Александр Серафимович). Ему, политически неблагонадежному, отбывавшему ссылку в Архангельской губернии, наконец-то, в июне 1890 года разрешили вернуться на родину, в станицу Усть-Медведицкую области Войска Донского.

Филька чуть ли не каждый день, вернее, вечер мчался из станицы к ограде Усть-Медведицкого монастыря, где его всегда поджидала Стеша. Они убегали в лес, в буераки, скрываясь от любопытных глаз. Но любовь их вскоре сама себя объявила в чуточку измененной фигуре Стеши, и это обстоятельство скрывать с каждым днем стало все сложнее. Снова наступило отчаянное время для нее и для ее «наставника», каким оказался Филька Миронов. Он решил пойти к атаману и все рассказать, так, мол, и так... Помогите.

Пришел к атаману, рассказал... Тот вгорячах сначала накричал на своего подчиненного, а потом, поразмыслив, долго, всей пятерней что-то выискивал в роскошной бороде и пообещал поговорить с отцом Стеши, чтобы тот забрал свой обет обратно.

Но Петр заупрямился. Атаман не отступался и подключил к этому деликатному делу приходского священника, который начал втолковывать Петру, что если бы он обет давал иконе, тогда только сам Господь Бог мог снять его, а вернее, никто, потому что где возьмешь Бога, чтобы упросить вернуть обратно отданное. А коли Петр давал обет Богу через священника, то священник, отслужив молебен, может и снять...

Ввязалась в судьбу Стеши и Фильки мать-игуменья монастыря. Во-первых, дело касалось ее любимой воспитанницы-послушницы, а во-вторых, честь монастыря ей дорога, потому что из-за обета может пострадать много невинных людей. Каким образом, поинтересовался Петр. Мать-игуменья намекнула, что все чересчур серьезно, и обет надо, причем срочно, забирать обратно. Иного выхода она не видит. Петр наконец-то додумался, на что намекала мать-игуменья, рассвирепел так, что тотчас же кинулся искать Стешу, чтобы собственными отцовскими руками задушить. Мать-игуменья остановила его мудрым словом: «Стешу ты задушить можешь, а молву тоже сможешь задушить?.. Не лучше ли без шума, по-доброму уладить дело?..» Выход намечался только один: взять обратно обет, забрать Стешу домой и ждать сватов от молокососа-разбойника Фильки Миронова. Вот до какого позора дожил старый казак, георгиевский кавалер!..

А дома, когда разбойник Филька Миронов рассказал о случившемся матери, то все более или менее обошлось благополучно, только она по бабьей привычке всплакнула немножко, но согласилась на женитьбу сына

А вот отец, Козьма Фролович, в такую пришел ярость, что дело дошло до рукопашной.

— Отец! — крикнул Филька, — Поднимать руку на офицера не позволю!.. Правда, будущего, — тише добавил он.

Козьма Фролович остолбенел:

— Ты — офицер?! Да из тебя простого, путевого казака не выйдет, коли ты, молокосос, с пеленками связываешься.

— Буду офицером!

— Тогда женись, черт с тобой! Но помни, что сказал.

— Не забуду.

А потом была свадьба, о которой, кажется, еще и сейчас вспоминают старожилы... Да и вообще, знают ли люди, что такое свадьба донского казака?! Одних только кушаний до тридцати готовят...

Громыхнула откидная створка в железной двери камеры, и в ней возникла алюминиевая тарелка с тюремной баландой. Филипп Козьмич Миронов, хотя и объявил смертельную голодовку и надзиратели о том знали, но все-таки миска или тарелка методично появлялись в ненавистном окошке. «Не буду!.. Не буду!..» — кричало и протестовало все в нем. «Не буду есть!.. Пусть все знают, что командарм Второй Конной армии, пушки которой возвестили миру об окончании гражданской войны в России, умирает голодной смертью... Не буду!.. Лучше умереть с голода, чем жить опозоренным!.. Умереть в тюрьме как изменник Родины, о... о... — Филипп Козьмич застонал и ухватил голову руками: — Только бы не сойти с ума...» — думал он непрерывно и старался жить отдельной от окружающей обстановки жизнью. Это, наверное, и спасало его от сумасшествия. Когда уж совсем становилось неважно и жестокая действительность начинала засасывать его в трясины, он яростно сопротивлялся и невероятным усилием воли уводил себя в воспоминания о прошедшей, хотя и тяжелой жизни. Теперь она казалась светлой и прекрасной...

Но сейчас глаза его приоткрылись и сквозь стиснутые руки он увидел, как от баланды поднимается пар. Даже привстал и неожиданно для себя подумал: «Что она, горячая, что ли?..» И такой показалась она соблазнительной, что невольно потекли слюны и закружилась голова: «Вот бы горячей баландочки хлебнуть...» Но он тут же с возмущением отбросил даже самую мысль об этом — какой стыд... Других ты звал на смерть, а сам не можешь достойно умереть?.. Да, он звал на смертный бой, но и сам кидался в него, и был таким же не защищенным от пули-дуры, как любой рядовой солдат. Да и притом в бою смерть не страшна: миг — и тебя нет!

Останется только память о подвиге и чести. А как быть, если ты всю жизнь был верен чести и предан Родине до последней кровиночки, — а она, Родина, объявила тебя изменником и заточила в каменный мешок? Может ли душа порядочного человека выдержать кощунственное надругательство? И гордый, талантливый, отчаянной храбрости командарм Второй Конной армии теперь мечтает о тарелке тюремной баланды!.. Нет! Стоп! Остановись! Остановись, если ты человек. Ведь человеку полезно хоть изредка напоминать, что он — человек! А человек все может!.. Все зависит от его возможностей. Была пора, когда он, Миронов, как говорится, нос воротил от самых разных яств, а теперь возмечтал о баланде. Да плесни из этой тарелки на бешеную собаку, так у нее шерсть облезет!..

От такого предположения у Филиппа Козьмича даже губы потянулись в сторону и изобразили что-то хотя и отдаленно, но напоминающее усмешку. Да, сложен мир человека, особенно его желания. И эта вечная, непрекращающаяся жажда удовлетворения этих самых желаний. А выходит, все очень даже просто — все в возможностях человека. Потерпи или приблизь их — и благодать наступит? Поживем — увидим. Верна восточная мудрость: ничто не гложет нервную систему так, как противоречие между желаниями и возможностями. Вот ведь в тюрьме желания и возможности сузились до тарелки вожденно-жалкой похлебки...

Желания-то сузились, вернее, сузились возможности, по и от исполнения суженного стало дальше. И потом — не маленький, может и потерпеть. Уж куда как не маленький. А есть ли у человека возраст? Почему взрослому без конца твердят осуждающе: «Ты как маленький... Ты как несмышленный... Ну чисто ребенок...» Будто быть маленьким — позорно. А вот быстрее повзрослеть, на что особого труда не надо, это что-то вроде доблести или героического деяния. А ведь раннее, преждевременное прощание с детством-малолетством — это же страшно. Это равносильно расставанию с миром, с жизнью. Только многие этого не осознают, да так заскорузлыми, как старые, никому не нужные пенки в лесу, и живут, неприметно уходя в небытие. Не поняв, зачем приходил, зачем торопился отталкивать от себя прекрасный мир детства.

Велик тот человек, кто детство свое пронесет до самого конца. Потому что только в детстве он — человек, бесхитростный, нерасчетливый, не запасливый, влюбленный и чистый, как сама природа.

Так на чем он остановился? На прощании с детством и юностью?.. И на сборах в дорогу, чтобы вовремя прибыть к месту исполнения своих обязанностей помощника инспектора рыбнадзора в гирлах Дона. А с

молодостью, стало быть, покончено? А водить лошадей в ночное, переживать романтические, таинственные приключения вплоть до встречи с домовым?.. Забавы хуторской и станичной молодежи — ведь он был непременно участником всех выдумок?.. Игра в шар на льду?.. Ладно, как-нибудь в другой раз, успокоил сам себя Филипп Козьмич. А рыбная ловля?.. Ну, этого добра хватит на новой должности. Итак, погружаемся мыслью в гирлы Дона?.. С чего начать? С бытовых дел? Это неинтересно. Как начинал ловить не рыбу, а браконьеров?.. Откровенно надо признать, эти сцены захватывающие, но ничего ценного, познавательного с собою не несут, за исключением всегдашней опасности для жизни, на что он не дюже-то и обращал внимание. Потому что считал такой образ существования для себя нормальным и естественным. А вот такой факт, наверное, представляет хоть и несколько юмористический, по все же интерес — браконьеры в конце концов Миронова... полюбили. Вот курам смех! Да-да, полюбили — за справедливость и еще за то, что никому не жаловался, сплетен-небылиц про них не распространял и не передавал для наказания по начальству. И пошла про Миронова молва, что он — правильный человек.

Осмотревшись на новом месте, Миронов, к удивлению своему, обнаружил, что мало знал или совсем не представлял жизни низовых казаков. Ведь он казак верховой станицы Усть-Медведицкой и страшно гордился тем, что все остальные казаки, в том числе и низовые, не то чтобы не настоящие, а чуточку послабее верховых во всем, что касается боевой службы. Может быть, Миронов и был прав, потому что, как он считал, низовье Дона — это жаркий климат, который размягчает характер человека и не дает определенной твердости, азарта и силы, присущих казаку. Да и благодать вокруг балует. Чего, например, стоит одно только Азовское море — своеобразный казан с ухой! Вода от весеннего солнца быстро нагревается. Да и сама по себе вода чистая, пресноводная, пополняется из Дона и Кубани. И потому здесь кишмя кишит лещ, камбала, тарань, осетры... Не нужны ни бредень, ни сети. Бери простой сетчатый черпак и выгребай рыбу на берег.

Правильно казаки прозвали Азовское море — казан с ухой: зачерпнул воды вместе с рыбой — и в котел. Даже солить не надо... Только поспевай вычерпывать рыбу... Виноградники... Охотничьи уголья... Города... Смешение различных народов и рас... Нет, юг Дона слабее севера. На севере — чистые казаки. Суровые. Упругие. Ловкие. Гибкие. Худощавые. Может быть, потому, что в их расположении прохладный климат да дикая степь? А кто справится с Диким полем кроме донского казака? Отсюда и

гордость. С морщинками у глаз — все время вдаль смотрит. Оттого и гордая посадка головы. На коне сидят непринужденно, как-то небрежно — от высокого искусства верховой езды.

Но вот что касается истории, культуры донских казаков, то она зарождалась в низовьях Дона и казалась такой необыкновенной, высокой и захватывающей, что Миронов поначалу от изумления не мог прийти в себя. И уже по-новому начал смотреть на низовых казаков. Конечно, он лично и сейчас себя в обиду не даст, и вряд ли найдется удалец, который может стать вровень с ним, что касается коня, шашки, пики и других воинских доблестей. Что же касается многого другого, то откровенно, как всегда, он признавался: свою спесь верхового казака придется легонько поубавить и начинать учиться открывать неизведанные страницы культуры низовых казаков. Кроме того, именно отсюда начинался бунтующий поток жизни и разливался не только по Дону, но и захватывал всю матушку-Россию...

Когда Миронов на лодке подплывал к Старочеркасской, то не мог отделаться от ощущения, что вода в Дону выше того места суши, где располагалась сама станица. Это так его удивило, что он, сделав веслами пару гребков, снова начинал внимательно вглядываться в берега и сравнивать их с волнами, и снова создавалось точно такое же впечатление, что он плывет по возвышенности, а станица находится в низине. Миронов даже подумал, может быть, в глазах от усталости, долгого сидения на веслах миражи какие-то являются?.. Причалив лодку, он прихватил ружье, с которым почти не расставался с тех пор, как вступил в эту опасную должность, и выпрыгнул на берег. Собственна говоря, это не в прямом смысле берег, а искусственно насыпанный земляной вал. Но он не был таким высоким, как в стародавние времена, о чем Миронову пришлось читать в одной брошюрке, — шириной пять метров, с башнями, на которых стояли пушки. Ров с водою опоясывал всю станицу, глубиной четыре метра. Теперь, конечно, ничего такого нет, за исключением невысокого земляного вала.

Все казаки, связанные с рекой и промышлявшие на ней, а их было абсолютное большинство, внимательно следили за перемещениями помощника инспектора рыбнадзора и в совершенстве владели так называемым беспроволочным телеграфом, точно передавая друг другу, где он находится или куда вот-вот должен прибыть. И Миронов не удивился, увидев у причала праздно шатавшихся казаков. Кто-то из них услужливо подхватил брошенную Мироновым цепь, закрепил лодку и уверил, что ее никто не тронет до прихода хозяина.

Миронов взошел на земляной вал и огляделся. В глаза сразу же бросился занимавший полнеба войсковой Воскресенский собор. Во имя Воскресения Иисуса Христа. Девять золотых крестов, ослепительно сияющих на солнце, венчали купола и уходили в синеву, как бы поднимая ввысь все грандиозное сооружение, и Миронову казалось, что весь храм, величественный и голубой, будто оторвавшись от земли, парит в небе. Завороженно глядя на чудо рук человеческих, не отрывая взгляда, ничего не замечая вокруг, он прошел к храму и, чтобы унять волнение, остановился неподалеку. Снял фуражку, за пять шагов, как указывал Донской Синод, перекрестился. Таков обычай донского казачества. Подумал, как же его предки, донские казаки, строили этот храм, если они не знали не только

геометрии и правил архитектуры, но даже элементарной грамоты. Ведь первое учебное заведение области Войска Донского открылось только в XVIII веке — Войсковая латинская семинария, да и та прекратила свое существование в 1758 году... Это каким же надо обладать даром, интуицией, талантом!.. Не иначе, Всевышний помогал им в свершении великих дел. Малограмотные казаки сотворили такое чудо. Первый главный храм Войска Донского они построили в 1652 году. Деревянный. Через восемнадцать лет он сгорел. Восстановили. Он снова сгорел через шестнадцать лет. В 1695 году Петр I посетил Черкасск и пожаловал сто рублей на строительство из камня главного храма Войска Донского. При посещении Черкаска в 1709 году Петр I «...лично поощрял народ к скорейшему окончанию оного, причем собственными руками положил на алтарной стене его несколько камней и залил их известкою» — так описывает это событие священник старочеркасского Воскресенского собора Григорий Левицкий. Двадцать один год строили, но храм ждал освящения еще три года. И вот стоит до сей поры в своем неповторимом великолепии.

Миронов, размышляя, как бы чуточку оттягивал время встречи с предметом, который он с детства мечтал увидеть и ради чего и приплыл в станицу Старочеркасскую. Печальный и страшный, он висит в галерее собора, справа у входа в молельный зал. Так, по крайней мере, ему было известно из рассказов бывалых казаков. Филипп Козьмич неторопливо поднимался по крутым ступеням и, кажется, еще не успев осмотреться, сразу же наткнулся взглядом на... цепь. Цепь Стеньки Разина, которой его приковали, когда везли на казнь. Надпись возле нее: «Цепь Разина, на которой в Древнем соборе в 1671 году содержался Стенька Разин». Эту цепь, на которой он последовал к своему последнему шагу на этой земле, потом вернули в Черкасск и почему-то вмуровали в галерею Воскресенского собора. Почему вернули в Черкасск, можно было понять — для устрашения и напоминания о том, что всякого, посягнувшего на самодержавный строй, ожидает жестокая и беспощадная расправа. Но почему для всеобщего и вечного обозрения выбрали именно место священного храма, этого многие не понимали, в том числе и Миронов. Для устрашения или сострадания?.. Но почти все стремились увидеть эту цепь — то ли поклониться, то ли укрепиться в силах, то ли осудить богоотступника?.. Генералы, офицеры, атаманы, старшины, рядовые казаки, казачки, писатели, поэты, политические деятели... Суриков, Пушкин, Раевский... У всех было одно желание — встретиться лицом к лицу с этой цепью, которая как бы символизировала и выражала всю

сущность Степана Тимофеевича Разина, бесстрашного и могучего атамана Войска Донского.

Филипп Козьмич подошел совсем близко к цепи Разина. Долго вглядывался в ее черные тяжелые звенья, потом прикоснулся пальцами, на ладони попридержал, как бы пытаясь определить вес ее — ровно два пуда!.. Разин... Миронов... Оба донские казаки. Оба мятежного духа... Смерть не страшна — страшно забвение. И позор... Любимый с детства герой — Стенька Разин. Не смог он сделать всего, что обещал народу, не сумел как следует потряхнуть боярскую знать... Но поклониться всему честному православному люду, и последние прощальные слова обратить к нему, и умереть достойно — это он смог. Когда его, истерзанного и закованного в цепи, передали в руки палачу, поклонился он и с последними словами обратился к людям: «Прости, народ православный!..» Перекрестился на храм Покрова и был сбит с ног палачом... Какой же могучей силой должен обладать человек!.. Когда оставалось жить какие-то доли секунды, он не бился в рыданиях и злобе, а мудростью и сдержанностью наполнил свой разум и сердце. Будто какое-то озарение снизошло на него — буйного, жестокого и беспощадного, и он справился со своим страданием и потрясением перед кончиной. В последний миг и то чувствовал кровное родство с народом. Только за одну эту невероятность человеческого духа память о Разине могла бы быть бессмертной и стать предметом не только восхищения, но и воспитания сынов Родины...

Надо знать и хранить в памяти даже сам путь от темницы к месту казни. После четырехсуточных пыток Степана Тимофеевича Разина приковали под специально сооруженной виселицей на повозке за шею, пояс, ноги... Но о самом страшном и невероятном напоминает гамбургская газета «Северный Меркурий»: «Обе руки Разина были биты гвоздями к краям повозки, и из них текло много крови. В середине виселицы была прибита доска, которая поддерживала его голову...» Миронов ясно представлял, как Разин, истекая кровью, кричал с повозки: «Вы думаете, что убили Степана, но настоящего вы не поймали. Есть еще много Разиных, которые отомстят за мою смерть!..»

Снова свидетельства иностранных корреспондентов: «...Он выслушал смертный приговор, решительно не умея измениться к лучшему, еще более держался своей непокорности... Он нимало не озаботился тем, чтобы думой приготовиться к смерти, напротив, его движения выражали гнев и ненависть. Таково было непреодолимое бешенство тирана: раз он не мог прибегнуть к оружию, он решил мстить молчанием. Только людям поклонился: «Прости, народ православный!..» и перекрестился на храм

Покрова».

«Отсечена правая рука... Левая нога... Левая рука... Правая нога... Но Степан Тимофеевич Разин продолжал жить. И — молчать. Хотя по заключению врачей в таком состоянии человек становится уже не богом избранным существом, а впадает в небытие. И когда устрешенный зверством палача закричал его младший брат Фрол: «Я знаю слово государево!», Разин, по-видимому, собрал остатки сил и сказал: «Молчи, собака...» Палач взмахнул топором — и голова была отсечена...»

Значит, сознание жило, и мозг перенес всю невероятную боль и все время был под волевым контролем человека. Значит, человек все может!... Все может вынести — и не хныкать! Конечно, если он — человек.

...Миронов, словно услышав хруст костей Разина под топором палача, вскочил с тюремной железной кровати и какое-то время неподвижно стоял... Мысленно он так пережил эту казнь, будто не Разину, а ему... отрубили голову. Миронов как-то неуверенно поднял руку и потрогал шею... Потом запустил пятерню в еще густые, но с проседью волосы на голове... Значит, еще жив... Жив... И думать о казни не хочет. Не думать — запретил он себе. Но помимо воли возвращался к этой мысли, хотя и знал: чтобы забыть, есть только одно средство — досмотреть эти страшные картины до конца...

...Верховые казаки, прапрадеды Филиппа Козьмича, безоговорочно поддержали Разина и влились в его войско. Значит, и в его жилах течет бунтарская кровь сподвижников Разина?.. Выносливые и неистовые люди, эти верховые казаки. Никогда не спрашивают, силен ли враг и сколько его. Единственный вопрос их интересует: где он?

Миронов долго стоял возле цепи Стеньки Разина. Почувствовал, как за спиной тяжело дышит собравшаяся толпа и всхлипывают женщины; он шагнул в сторону и увидел плиту, впаивную в одну из колонн молельного зала. На ней надпись: «Лета 7188 (1680 год) месяца июля в 16 день преставился раб божий войсковой атаман Корнелий Яковлевич на память святого мученика Афиногена и учеников». И как молния озарила — так это же крестный отец Стеньки Разина, который держал на своих когда-то могучих руках крохотное тельце мальчонки, а потом предал его в руки... палача! Возможно ли такое злодейство?! Вот тебе, Миронов, и романтичные донские казаки, влюбленные в свой родимый песенный край...

Нет, подождите, а как же такое могло случиться?.. В уме Миронова страшное сочетание событий пока никак не могло вместиться. Но ведь это правда!.. Было лето 1630 года. Большой праздник — у сподвижника

атамана Войска Донского богатого казака Тимофея Разина родился сын. Нужно быть очень состоятельным человеком Черкаска, чтобы пригласить крестным отцом самого войскового атамана Корнелия Яковлева и чтобы тот дал свое высокое согласие. Корнелий Яковлев согласился поддержать перед купелью крохотное дитя... Потом были скачки в честь знаменательного события, рубка лозы, вольтижировка... Прямо на улице расставленные столы со всякой снедью, вином, песни, пляски...

Воспитывался Стенька в богатстве и сытости. Как сына казака его в три года от роду посадили на коня и провезли по двору. В пять лет он уже самостоятельно скакал на коне по улицам, участвовал в военных забавах таких же, как и он, донских казачат. В юношеском возрасте настолько преуспел в военном деле, что ему доверяли командовать отрядами в походах и боях. В девятнадцать лет участвовал в почетной «зимовой» станицы... Сила, ловкость, бесстрашие, да еще и мудрость и расчетливость прибавились, и получился надежный воин, которому однажды Казачий Круг поручил даже вести дипломатические переговоры с калмыками. Наверное, тут не обошлось без влияния богача — родного отца и всемогущего атамана Войска Донского — крестного отца. Чего юному Стеньке Разину недоставало?.. Славы, денег, власти? Всего у него, кажется, было в достатке. Хотя ведь человеку всегда всего мало...

Тут, конечно, никто не собирается развенчивать романтический образ легендарного народного вожака, донского казака Стеньки Разина. Но ведь все это было... Донского казака? Разве Стенька Разин — донской казак? Чистокровный? Несомненно!.. А говорят, что он — тума. Тума? Тоже правда — он сын донского казака и восточной женщины. Значит, не чистокровный? Трудноватый это вопрос... Может, поэтому в Разине и отсутствовали мягкость и романтичность характера, которые наряду с грубостью и жестковатостью все-таки являлись отличительными чертами донских казаков. Миронов, наверное, имеет в виду случай с персидской княжной?.. Можно верить, можно не верить, но ведь народ, его память еще никогда не подводила. Однако воспользуемся документами, которые оставили истории голландский корабельный мастер Ян Стрейс и наемник русской армии Людвиг Фабрициус...

Более трехсот лет прошло, а народ продолжает петь песни о Стеньке Разине, и, смею утверждать, чуть ли не все жалеют красавицу княжну.

Да и сам Филька Миронов, хоть и не любил девчонок, особенно в мальчишеском возрасте, а вот персидскую красавицу княжну всегда жалел. И в то же время виновника ее печально-трагической участи никогда не осуждал. Возможно ли такое раздвоение-соединение?..

Итак, послушаем иностранных свидетелей, которые непосредственно сталкивались со Стенькой Разиным. Слово Яну Стрейсу. Дважды он встречался с вожаком донской вольницы: «Разин пребывал на судне с тем, чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами. При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты, прекрасная река, от тебя я получил так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей славы, чести и тьфу за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу больше быть неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришла к нему по нраву. Она полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свою горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя».

Ян Стрейс, находясь в то время на струге Стеньки Разина, был прямым свидетелем разыгравшейся трагедии. А вот Людвиг Фабрициус был косвенным свидетелем, о чем он пишет в книге «Три путешествия»: «Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением (из Яицкого городка) он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик. Тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он обещал богу Ивану Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив, то и ты можешь ждать лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица».

В этих единственных письменных свидетельствах гибели прекрасной пленницы есть некоторая разногласия, и потому некоторые исследователи делают вывод, что, мол, не было в действительности на

струге Разина никакой женщины-девицы и атаман не мог так жестоко поступить с княжной... А что же было?.. Тогда, выходит, и песню, которую люди с печальной любовью к Стеньке Разину поют вот уже более трех столетий, считать ложной?..

«Волга, Волга, мать родная, Волга — матушка, река,
Не видала ты подарка от донского казака».
Мощным взмахом поднимает он красавицу княжну,
И не глядя вниз бросает в набежавшую волну...

Удивительно еще и то, что все жалеют красавицу княжну, но никто не осуждает Стеньку Разина. Так что и особой нужды нет в защите нравственности атамана. Знакомясь со многими трудами, посвященными Степану Тимофеевичу Разину, Миронов обрадованно обнаружил удивительный интерес А. С. Пушкина к судьбам донских бунтарей — Разина, Булавина, Пугачева, вообще к донскому казачеству. Но особенно к атаману Стеньке Разину: «Стенька Разин был моим первым героем, и я уже мечтал о нем, когда мне не было восьми лет». Кстати, и о красавице княжне неожиданно обнаружилось еще одно свидетельство П. Х. Граббе: «Пушкин занят был в то время историей Пугачева и Ст. Разина. Последним, казалось мне, больше. Он принес с собой брошюрку на французском языке, переведенную с английского, изданную в те времена одним капитаном английской службы, который по взятии Разиным Астрахани представлялся ему и потом был очевидцем казни его. Описание поиска, обогащенного грабежом персидских северных областей, любопытно также описание праздника, данного Разиным на Волге, где он, стоя на лодке, произнес к первой из русских рек благодарственное воззвание, приписывая ей главные свои успехи и обвиняя себя, что ничего достойного не принес ей в жертву. При этих словах, к удивлению и ужасу всех присутствующих, он схватил прекрасную пленницу, черкешенку, любовницу свою, и бросил в Волгу. В этом обращении к Волге много дикой поэзии, и, переложенное в пушкинские стихи с описанием происшествия, оно могло бы быть очень занимательно».

А. С. Пушкин за год до гибели перевел на французский язык песню о казни Стеньки Разина:

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,

На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику.
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас.
Помутился славный Тихий Дон
С вершины до Черного моря.
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича.
По прозванию Стеньки Разина: Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Никто не знает точного рождения Разина. Но доказывая, что он родился в Черкасске, исследователи делают это с помощью все тех же песен:

У нас-то было на батюшке Тихом Дону,
Во славном было во городе у нас во Черкасске.
Жила-была у нас тут благочестивая вдова.
Не имела она, братцы, бескорыстного греха,
А нынче вдова себе сына родила.
Пошла слава по всему нашему Тихому Дону.
Тут съезжались все попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою...

Из песни можно сделать вывод, что Стенька Разин действительно родился в Черкасске и что он не только тума, но еще и нахаленок, то есть от кого он, собственно говоря, произошел — неизвестно. Может быть, от того же войскового атамана, который, чтобы быть ближе к сыну, стал, прикрываясь своеобразной ширмой, его крестным отцом?.. На самом деле Корнелий Яковлев — родной отец Стеньки Разина?

И еще песня, которая и отрицает незаконнорожденность, и как бы косвенно утверждает ее:

У нас-то на Дону, в Старочеркасском городе,
Появился собака прирожденная тума...

Такую песню можно сочинить, испытывая какие-то недобрые чувства к вдове и к тому, от кого она произвела на белый свет сына. Маловероятно, что над законным сыном богатейшего казака, друга могущественного атамана Войска Донского, который дал согласие крестить младенца, шутили так зло. Вряд ли бы кто посмел. Но вот чего не может понять Миронов: как отец, крестивший сына, сам же и предал его, заковал в цепи и держал как дворовую собаку... Правда, заковал не беспомощного младенца, а закаленного в схватках воина. Но ведь Стенька Разин был в то время тяжело ранен!.. В 1667 году он во главе отряда в 600 человек пошел на Азов. Потерпел неудачу и повернул на Волгу. Богатые казаки даже помогли снабдить отряд оружием и продовольствием, думая, что и им, может быть, перепадет от богатой добычи... Захватил Царицын, Яицкий городок, Дербент... Разгромил персидский флот...

Этот так называемый «Каспийский поход» Стеньки Разина длился более двух лет и являлся традиционным походом казаков «за зипунами». Вернувшись на Дон, вблизи станицы Раздорской построил городок — Кагальник...

В это время на Дон прибыл дьяк Герасим Евдокимов. Привез казакам припасы от царского правительства. И еще было у него тайное задание: разведать, что думает в дальнейшем предпринять Стенька Разин? Войсковой атаман и богатые казаки с почетом собрались проводить дорогого гостя в обратную дорогу. На Круге решали, кого послать в составе легкой станицы: атамана, есаула и десять казаков. Неожиданно объявился в Черкасске Стенька Разин, вошел в Войсковой Круг, приказал царского посла затолкать в мешок и бросить в воду... Хотел было протестовать его крестный отец, могущественный атаман Войска Донского, но силенок у него оказалось маловато... С того события возникла смертельная вражда между крестником и крестным...

Стенька Разин снова собирает отряд и отправляется теперь уже с целью: «...Вывести воевод на Руси и бояр на Москве, вывести также всех мирских кровопивцев и повсюду ввести казацкое управление»... Откровенно говоря, Миронов так и не понял, в чем разница между первым

походом «за зипунами» и вторым, который начался весной 1670 года?..

Стенька Разин двинулся на Царицын, Астрахань, где организовал новую форму правления — Казачий Круг. Конфисковал имущество богатых... Но он не представлял себе, какая же власть будет после свержения царского правительства. Недоумение вызывает то обстоятельство, что Разин возил с собою «царевича Симеона» — Ивана Воробьева. Выходит, что, свергнув одного царя, он имел наготове другого?..

Под Симбирском отряды Стеньки Разина были разбиты правительственными войсками... «Страшно было смотреть на Арзамас, его предместья казались совершенным адом. Повсюду стояли виселицы, и на каждой висело по 40–45 трупов. Там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью. Здесь торчали колья, на которых мучились преступники, и часть была жива по три дня, испытывая неописуемые страдания»... «Только в Арзамасе казнено 11 тысяч человек, а всего уничтожено до ста тысяч». А ведь в войске Разина было всего лишь около двадцати тысяч человек.

Сто тысяч казнено. Дорогая цена «за зипуны» Стеньки Разина!.. Выходит, жертвами стали совершенно невиновные люди, ни сном ни духом не помышлявшие о чужих кафтанах... Вот ведь как получается — грабили города, убивали людей, упивались разудалой силушкой своей одни, а отвечать за их деяния пришлось другим?.. Уж не хочешь ли ты, Филипп Козьмич Миронов, умалить заслуги донского казака, отважного атамана Степана Тимофеевича Разина? Заслуги? Перед чем и кем? В чем они, эти заслуги? Два с лишним года, признают все историки, он ходил «за зипунами», что значило, просто-напросто разбойничал со своими шайками (1667–1669 годы). В 1669–1670 годах жил, буйствуя, в специально для себя и своей дружины выстроенном городке Кагальнике. В 1670 году собирался идти в поход на Москву против царя, при этом держа за пазухой царевича... Но вместо похода на Москву пошел вон куда — на Астрахань. Вроде бы и не по пути. Стало быть, опять «за зипунами», опять соблазнился легкой добычей? А иначе зачем? Если даже предположить, что он хотел пополнить отряд, так там не так уж и много голытьбы, за счет которой и росло войско Разина... Да и чтобы идти на Москву, надо было готовить это самое войско — обучать, вооружать... Но для этого не было, по-видимому, ни желания, ни умения. А с отрядами, вооруженными кольями, дубинами, рогатинами и топорами, можно устраивать набег только за ясыром, а не сражаться с регулярными правительственными войсками. Иначе такие походы недостойны той роли, которая им отводилась...

Нет, он, Миронов, сделал бы все по-другому. После драки... Не слишком ли он строг, однако? Да нет, просто кое-что прочитал, узнал и теперь размышляет... И все равно не понимает Миронов, как это — держать младенца над купелью, а потом теми же руками приковать его на цепь, как собаку... И это делал крестный отец Стеньки Разина... Да еще и злорадствовал при этом: «Вырос волчонок с матерого волка, вона как потряхнул государевы устои, всю Русь перебаламутил. Говорил куму Тимофею;, пригляд нужен за Стенькой, не усмотрел. Да и я слаб оказался, не смог вовремя укоротить змееныша. Но ничего, теперь конец крестничку!»

14 апреля 1671 года в городке Кагальник тяжело раненного Стеньку Разина заковали в цепи и привезли в Черкасск. Здесь его пытали долго и безуспешно... 2 июня он был доставлен в Москву. Четыре дня пыток, и на рассвете 6 июня 1671 года — казнь...

Когда Стеньку Разина отправляли в Москву, прощаясь с родиной, он сказал казакам: «Пусть видит весь народ крещеный, что за него я голову сложил. Пусть в Москве меня казнят, пусть колесуют, пусть тризну справят падо мною, пусть упьются кровью казацкой под стон народный, но не должно погибнуть сделанное мною. Не мог я дело совершить, другие довершат... Вспомнят тогда казаки меня, донского казака Степана Разина, и клич мой казацкий боевой, когда их подлый дьяк как стадо перепишет и целованием креста на верность приведет».

Ну а мужеству, характеру Разина ты, Миронов, отдаешь дань? Не только отдаю, но готов стать на колени и поклониться. Он встал-таки на колени, перекрестился и коснулся лбом холодных плит храма. Приподнялся. Суровый. Нелюдимый и, кажется, мало что видящий вокруг себя, как в полусне начал продвигаться в глубь храма. Вдруг что-то непонятное произошло с его головой — какое-то ослепление или очищение? Он просто не мог объяснить своего ощущения. В голове будто ни одной мысли, и такая она легкая, чистая стала. Он сделал полшага в сторону — и снова тяжесть обычная вступила в голову. «Что бы это значило?» — подумал и вернулся на эти самые полшага назад и специально встал на то место, где ему почудилось облегчение, похожее на детскую радость. И, о чудо! — снова такое же светлое и легкое озарение. Он опустил голову, как-то весь расслабился, его широкие плечи опустились... Во всем теле чувствовались радость и легкость. Обновление и успокоение.

Потом Миронов узнал, что в самом центре храма есть такая точка, через которую невидимой нитью связываются небо и земля, и если человек найдет ее, то почувствует как бы возрождение всех своих духовных и

физических сил... Вот тебе, подумал Филипп Козьмич, и безграмотные предки!.. Это какой же надо сверхъестественной святой силой обладать, талантом, даром, чтобы осуществить невероятный замысел — сосредоточить в одной невидимой нити разлитую в мире божественную энергию! И чтобы эта энергия проникала в человека и воскрешала его.

Будто одновременно прикоснувшись к небу и земле и получив от них концентрированную энергию солнца, воздуха, воды и недр, он по-новому взглянул на иконостас, составленный из ста двадцати пяти икон в золотых рамках от пола до сводов... Такого великолепия ему еще не приходилось встречать, и он непроизвольно перекрестился... Что это с тобою, Филька Миронов? Ведь тебя же считали чуть ли не безбожником! Да и сам ты, помнится, хорохорился, что не веришь в бога. Выходит, глупая молодеческая самонадеянность может явиться где-нибудь в глухом месте, в степи... А вот когда тут постоишь, потрясенный и безмолвный, да поглядишь и подумаешь хорошенько, то не только голова прояснится, но и мысль возникает, что всякое творение не обходится без участия могущественных сил. Ему на память пришли слова его дяди по имени Тит, богатого казака, который всегда говорил, что за любое дело надо браться с именем Бога, помолясь, и дело тогда сладится.

Вот уж никогда бы не поверил, если б сам не испытал такого состояния, что из церкви люди выходят умиротворенные и очищенные от скверны дурных поступков. И с просветленной совестью. Миронов вышел на паперть, новыми глазами взглянул на солнечный мир и на станицу. Улыбнулся в усы — так вот она такая, разжалованная столица Войска Донского!..

Разжалованная?.. Как и он, Миронов?.. 8 июня 1820 года Пушкин и Раевский посетили Старый Черкасск. Раевский писал жене: «Сей разжалованный город в станицу еще более обыкновенного залит водою. В нем осталось домов до семисот, в том числе несколько старых фамилий чиновников, как-то Ефремовых и пр., другие же перевезены в Черкасск. Но церквей не перевезли и их богатств, но не могли увезти памяти, что было первое гнездо донских казаков. Словом, Старый Черкасск останется вечным монументом, как для русских, так и для иностранных путешественников».

Никто не знает точно, когда возник городок Черкасск. На острове — с юга Дон, с трех других сторон — протока. Одни утверждают, в 1500 году, другие — в 1570-м... Но с 1644 года Черкасск становится столицей донских казаков. К 1764 году он настолько был уже известен, что сюда со своими товарами приезжали купцы из Греции, Турции, Италии, Франции, Персии... В Черкасске есть где развернуться своим и заморским купцам — действовало 203 лавки, 25 прилавков, 30 кабаков... Круглый год здесь всегда можно купить хлеб, мясо, рыбу, овощи, сукно, гвозди, лес, кожи... В мае 1805 года открылась первая на Дону гимназия. Интересен перечень изучаемых предметов: математика, физика, история, география, статистика, философия, логика, политэкономия, восточные языки, латинский, немецкий, французский. И сразу же закладывались основы новой морали: преподавателям употреблять розги строго воспрещалось, как и вводить в обиход бранные слова...

История Черкасска — это история Дона. Все, что появлялось необыкновенного, вначале здесь опробовалось, а потом уж расходилось по всему Войску Донскому. Здесь даже впервые была сыграна такая свадьба, которую до сих пор помнит вся Россия. Венчался знаменитый донской атаман Степан Ефремов на Меланье, простой казачке неописуемой красоты. Народ гулял без перерыва целую неделю. Столы, уставленные

яствами и напитками, стояли по всем улицам городка. И все равно люди не могли поесть и испить всего, что было наготовлено на «Маланьину» свадьбу. И пошла гулять по белому свету известная поговорка... Сама Меланья Карповна тоже вошла в историю тем, что для нее впервые была изготовлена коляска и запряжены кони, чего казаки сроду не делали, считая хомут оскорблением благородного животного. Она же, Меланья, придумала забаву — в специальных водоемах катать на осетрах именитых гостей...

Князь Юрий Долгорукий по приказу царского правительства прибыл на Дон для поимки и возвращения беглых крестьян. Но ведь с «Дона выдачи нет!». Казаки возмутились и подняли бунт, который возглавил атаман станицы Бахмутской Кондратий Афанасьевич Булавин... Он разослал во все концы воззвания, призывая «атаманов-молодцов, дорожных охотников, воров и разбойников с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить и поесть, на добрых конях поездить»...

Князь Юрий Долгорукий был затолкан в мешок и выброшен в воду. Вzbунтовавшиеся казаки захватили Черкасск, предали смертной казни атамана Войска Донского Лукьяна Максимова и его старшин. На Войсковом Кругу новым атаманом избрали Кондратия Булавина, который сразу же перебрался в богатый атаманский дом. Это событие произошло 9 мая, а 7 июля 1708 года богатые казаки напали на этот дом, захватили его и убили Булавина. Отвезли в Азов, губернатору. Там отрубили голову и, заспиртовав, приготовили для показа Петру I...

Во главе карательного отряда на Дон прибыл князь Василий Долгорукий, брат Юрия Долгорукого. В Черкасске казнили каждого десятого...

Миронову на всю жизнь врезались в память слова русского самодержца: Петр I, притесняя казаков, урезывая их вольнолюбие и свободу, заигрывал с ними и одновременно приказывал князю Василию Долгорукому в 1708 году: «Жечь без остатку, а людей рубить, и заводчиков на колеса и колья, ибо сия сарынь кроме жесточи не может быть унята».

Вот вам и просветитель Петр Великий, обожещаемый монарх, прорубивший окно в Европу, с горечью думал Миронов. Ну, ладно, нас считают азиатской, дикой страной, бесконечной и необъятной, и этим объясняется нелепость и жестокость наших деяний. А как поступают в культурных, высокообразованных, цивилизованных странах, допустим, во Франции, которая считается «страной меры»? 1685 год. Подавление восстания народа. «Людей рвали щипцами, сажали на пики, поджаривали, обваривали, душили, вешали за нос...» Значит, всюду в мире беспощадность, если в руках у победителей оружие и они не только

безнаказанно им пользуются, но еще и поощряют наградой того, кто больше других убьет безоружных невинных людей. Чушь!.. Они — герои!.. Им — поощрение отовсюду: ордена, поместья, деньги, чины, восторг толпы и... женщин... Что же такое — человек? В чем его суть? Может быть, и так называемый героизм бессмыслен? Вечны лишь — правда, добро и благородство? Вечна природа.

И Миронову вдруг больше всего на свете захотелось оказаться в родной донской степи, полежать на шелковистой траве, вдыхая ее аромат, ощутить прикосновение метелок ковыля. Пригибаемые вольным ветром, они опахивают, щекочут лицо...

Может быть, не стоило и прорубать это самое окно в Европу и, обдирая тела, одежды и души, влезать в него? Не лучше ли было бы, как истинному христианину, пользоваться дверью?.. И достойнее, и безопаснее, и разумнее. Да и потом, зачем рубить окно, когда уже построен дом? Надо, по-видимому, заранее знать, что оно необходимо для солнца и света, и заранее закладывать его в самую конструкцию здания. Но наша необъятность, бескрайность и бесконтрольность, наверное, и предопределяют катастрофичность истории великого государства Российского, где позволено и разрешено все, где царствует единственное право — сила власти. Уж грешить, так чтоб пыль столбом, а уж каяться, так до кровавых шишек на лбу. Как хвастливый цыган-конокрад, хоть раз проскакать на худой лошадке-кляче, да галопом...

Петр I благодетельствовал своим посещением Дон четырежды: в 1695, 1696, 1698, 1709 годах. В один из приездов пожаловал Войску Донскому серебряную печать: «Печать Войска Донского». А войсковым атаманам — насеку, украшенную серебряной оправой: «Насека Войска Донского, 1704 года». И грамоту от 21 сентября «За верность престолу».

Дорогой ценой платили донские казаки принудительной «вере престолу»...

Три тысячи семейств увел на Кубань, потом в Турцию атаман Игнат Некрасов, первый заместитель Кондратия Булавина.

Миронов, походив по станице и посмотрев на жителей Старочеркасской, подумал, что ведь по внешнему виду они — казаки, точно такие же, как его родной станицы Усть-Медведицкой: «Почти все смуглые и румяного лица, волосы черные и черноусые, острого взгляда, смелы, храбры, хитры, остроумны, горды, самолюбивы, пронырливы, насмешливы. Болезней мало знают, наибольшая часть умирает против неприятеля и от старости».

Разжалованная казачья станица Старочеркасская... Бунтарская.

Атаманы с бешеной энергией: Василий Ус... Игнат Некрасов... Степан Разин... Кондратий Булавин... Семен Дранный... Никита Голый... Емельян Пугачев... Иван Рубцов... Степан Ефремов... Братья Грузиновы, Евграф и Петр... Они не смирялись. И все время рвали путы, отстаивая казачью вольность.

И тут выявляется интересная деталь. Когда во главе донских казаков стоял настоящий Казачий Круг, на котором все дела войска решались принародно и самим народом, тогда не случалось ни единого бунта и восстания. «Донцы меж себя атаманов и иных начальных избирают и судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу». И если уж выбрали и сказали: «Любо!», то подчинялись беспрекословно: «Куда наш атаман взгляд кинет, туда мы головы свои бросим». Строжайше блюли закон: «С Дона выдачи нет».

И как только царское правительство запустило «высокую руку» в дела вольнолюбивого Войска Донского, так и начались бунты и восстания. И не только порушился вековой закон, которым гордились и дорожили казаки: «С Дона выдачи нет», но царское правительство издало указ, что если атаманы будут принимать «новопришлых людей, то будет смертная казнь без пощады, а на всю станицу войсковая пеня, городок будет razорен и в юрте будет отказано».

Самодержавие начало беспощадно расправляться не только с казачьей вольницей, но даже с их памятью. Дом, где родился и жил Емельян Пугачев, был сожжен дотла и совершен ритуал, смысл которого — считать это место оскверненным... А саму станицу Зимовейскую перенесли на другую сторону Дона и окрестили Потемкинской. «По причине той, что государственный злодей Емельян Пугачев родился в этой станице» — так сообщал фаворит царицы, светлейший князь Потемкин атаману Войска Донского. При этом милостиво разрешил, чтобы донские казаки с восторгом приняли титул станицы такой высокопоставленной особы, как имя самого светлейшего князя, могущественного фаворита Екатерины II.

Уничтожались лучшие сыны донского казачества... Уничтожались дома... Станицы... Стирались с лица донской земли. «У-у, цари-благодетели!..» — Миронов даже зубами скрипнул... Закабаленным, бесправным народом легче управлять, потому — расправа. Значит, казаки должны стать собственностью государства? И жить по его указке? Но ведь такое противоречило всему укладу жизни казаков!.. А кому какое дело до всяких там «укладов жизни» — есть власть царского правительства, и никаких вольностей! Но ведь вольность, традиции, веками созданные, выше всяких государственных претензий, которыми опутывается

гражданское право человека быть самим собой! Пеленает его и сначала не дает свободно дышать, а потом надетые оковы превращают народ в рабов, бесправных, послушных и безвольных. Так какой толк от такого племени?

Монаршие милости для казаков хуже нашествия Тамерлана... Эх, не было в то время его, Миронова, на Дону, он бы им показал!.. Кому это им? Ты уже показал... Успокойся, приляг на жесткий тюремный топчанчик да повспоминай, как ты завоевывал свободу. Как рвал свою душу и тело, отстаивая ее, и горло тоже — на каждом перекрестке орал за свободу... Вот и получил награду — Бутырский каземат... И ведь не враги его засунули сюда — тогда бы и жаловаться не на кого. А то ведь свои братья по классу, братья по борьбе, по завоеванию этой самой свободы, будь она трижды... Что? Проклята или священна?.. Да не надо сюда впутывать гражданскую войну! Не надо торопиться. Он еще до нее не дошел. И уж если дал себе самому слово все вспомнить, причем по порядку, то и будет этого придерживаться, и никто его не собьет с этой мысли! Никто! Слышите?..

На чем он остановился? Ага, на разжалованной станции Старочеркасской. Гуманизм... Милосердие?.. Это же слово выкинуто из лексикона. Победа. Революция. Враги. Расстрел. Контрреволюция. Контра. Репрессии. Террор. Голод. Разруха. Сровняем с землей тюрьмы и церкви. Бога нет. Жестокость. Равнодушие. Тюрьма... Все раскалено до мрака... Страшно жить... Но жить надо, хотя уж для того, чтобы додумать все до конца в эти унылые, позорные дни, может быть, кому-то пригодится?.. Он еще и тут рассчитывает пользу какую-то кому-то принести?..

Но ведь Миронов звал казаков в светлое будущее. Не щадил себя. Но теперь и его не пощадили. И каземат Бутырской тюрьмы яркое тому подтверждение... Еще ни одно доброе дело не осталось безнаказанным... Главное, не отвлекаться. Не сентиментальничать. Не злобиться. И не взвинчиваться!.. Запрещает это себе. И не убегать в область случайных воспоминаний. Достоинство и выдержка. Иначе сил не останется. Конечно, легче умереть, чем выдержать такое напряжение!.. Терпение. Он чист. Открыт. Правдив. Если он честно и искренне вспомнит все и, может быть, даже повинится, то это что-нибудь да значит... Память пережитого непрерывна. Хотя и больно! Потому что память, прошлое — всегда больно. И неприятно, все равно как есть сырую рыбу...

При всем своем катастрофическом положении Миронов ясно представляет себя отличным если не ото всех людей, то от очень многих. Индивидуальность. Личность. Физические страдания не должны заглушать его внутренний духовный мир. Потому что он считает себя, как бы это точнее выразить, выше всего обыденного, кроме живой природы. Поэтому

обязан выразить свою человеческую суть. Не имеет права умерщвлять рожденную мысль. Да, откровенно сказать, не собирается. Это его духовная энергия. Его душа. Самоистребление ее считает недостойным. Свободу он потерял, но душа осталась. И, может быть, удастся и коснуться самых тонких и глубоких ее струн, убегая от всего материального. Привести в действие только сердце и интеллект. Может, это будут мгновения, когда он может подумать о себе прежде, чем о других, ведь какие-то задатки в него вложила природа. И вот их реализация...

Но какое отношение имеет все это к разжалованию столицы Войска Донского? По сути дела, никакого. Просто память об этом событии навевала мысли. Или напомнила его собственное разжалование? Или по-прежнему он продолжает вести спор с самим собой? Какое искупление может спасти отчаянное положение? Ведь он завоевывал и утверждал власть, которая теперь не только его опозорила, но и пытается физически... убить. Как это — убить Миронова, командарма Второй Конной армии? Он водил в бой тысячи бойцов!.. Тысячи жизней были в его руках, и он волен был послать их на смерть или оставить в живых. А зачем ему это нужно было? Зачем?.. Может, он просто убийца?.. А теперь не может спасти свою собственную неповторимую жизнь?.. Чушь какая-то... Бред... Или его смерть поможет сблизиться с миром?.. Сколько же в нем накопилось?..

Он разжалованный?.. Так это когда было... А может быть, это как ушиб в юности, а болеть он начинает только к старости? Разжалованный... Как удар большого колокола с колокольни монастырского храма Воскресения. Подростком еще был. Босой. Бежал легко по тропинке по-над самым берегом Дона. Когда все так было просто и только мечты будоражили голову. Ударили в большой колокол. Вода, как известно, почти не пропускает в свою глубину низкие звуки — отражает их. Бывало, одни ребята громко бьют по воде, а другие ради интереса ныряют и остаются под водою, прислушиваясь к еле уловимым шумам. Но вот что случилось в тот раз с Филькой. Он никак не ожидал, что его может подстеречь опасность, потому что вообще не признавал страха. За что и поплатился. Старые казаки предупреждали, что надо в это время раскрывать рот и тогда не оглохнешь. Только не сказали, когда тот случай подоспеет... Так вот, когда ударили в большой церковный колокол, Филька, беззаботно насвистывая, бежал по-над самой водой. Она колокольный звон не приняла, а сразу же оттолкнула от себя. Филька мгновенно оглох, покачнулся и, как куль с овсом, упал в воду. На какое-то мгновение потерял сознание. Но то ли испуг помог ему всплыть наверх, то ли вода отрезвила, а вернее всего, время не пришло уйти в мир иной, но, однако, глухота сразу же прошла.

Ожидая очередного удара колокола, Филька нырял под воду и оттуда прислушивался к глухим ударам, одновременно подгребая руками за нависшую над Доном скалу... Стало быть, верно говорят: бог не без милости, казак не без счастья.

Сейчас Миронов находился точно в таком же состоянии, когда ударил большой колокол и он шматом полетел в воду. Оглушенный, потерянный и беспомощный. Только добавилось ощущение нереальности происходящего, будто все происходит не с ним, с кем-то другим, а он со стороны наблюдает... Вообще-то не так уж и плохо понаблюдать самого себя со стороны. А зачем? Имеет ли смысл его жизнь теперь?! Нет, не теперь, но тогда?.. Вся жизнь? Тогда в чем он был, ее смысл? Если есть смысл, то почему — каменный мешок, который давит, сжимает и не дает даже глубоко вздохнуть. Во всем теле какая-то чугунность. Может быть, в этой железной решетке, которая запеленала окно, истина?..

Миронов подошел ближе к окну, может, удастся увидеть кусочек голубого неба или лучик солнца... В Усть-Медведицкой, наверное, солнце уже растопило снег и звенящие ручьи весело и звонко бегут к Дону. Стеша вышла из дому и, прижмурив глаза, подставила свое лицо к солнцу. Чему-то улыбается? Или лицо каменное, ни под каким солнцем уж не оттает?

Но ведь слезы восторга и счастья текли по ее щекам! Текли... Когда во время венчания в церкви священник произносил: «Боже вечный, расстающийся собравый в соединение и союз любви положивый им неразрушимый». Да и у него самого дрожали руки, когда он надевал кольцо на палец Стеши и никак не мог примерить, на который из них... Ее горячие слезы падали, и слышно было, как они разбивались о его руки... Но в чем он виноват? Как это случилось?.. Стеша... Но он же насовсем не расстался с ней. Приезжал всегда домой. Деньги присылал... Вот-вот, Стеше, молодой, красивой, гордой до отчаяния казачке, только это и нужно было, чтобы он наспех заскакивал в курень и тут же начинал торопиться, потому что его ждала за бугром Надя-Надюша... То-то радости Стеше...

А детей он не потеряет? Дочери... Старший сын Никодим... Младший Артимон... Есть ли его вина?.. Человек так устроен, что даже за свое счастье он предпочитает, чтобы кто-то другой отвечал... Голос Стеши будто донесся из глубины камеры... «Ты любишь меня?.. Я очень тебе нравлюсь? Всегда мой, до самой березки?.. Ха-ха-ха...» — «Ты моя хохотушка. Колокольчик, что ли, у тебя во рту?..» — «Ха-ха-ха... Все завидуют мне, что я такого казака-молдца окрутила. Ха-ха-ха...» — «Ты сначала хохочешь, потом слова выговариваешь. Надо же такую особенность иметь». — «Ха-ха-ха... Я же счастливая...» — «Чудо мое... Колдунья...» — «А мне

и слова не нужны — я их смехом тебе расскажу: ха-ха-ха... А хочешь, спляшу». — «Чудо мое... Гибкая, как донская лоза...» Но ведь невозможно все это вернуть! Как невозможно войти в одну и ту же воду Дона. Глупо даже думать об этом. Как и о том, допустим, чтобы сейчас ему ординарец подал любимого коня. Он без стремян вскинет свое молодое, упругое тело в седло. Шпор своему любимцу давать не будет, потому что умный конь сам понимает, в каком состоянии находится его хозяин, которого сейчас может успокоить или привести в себя только бешеная скачка по степному раздолью, где вольный ветер разгуливает в роскошных ковылях...

Любовь рождает вновь и преображает человека. «То-то и видно, как она тебя преобразила», — будто услышал Миронов чей-то злой голос... Все кончилось. Лицо Стеши будто растворилось, туман накрыл ее лицо, и все померкло. Осталась только память. Жестокая и немилосердная. Ласковая, как гремучая змея... Вся жизнь — ложь? Истоптана, исковеркана. Никчемность и пустота вокруг. А ведь когда-то от него исходила светоносная сила. Благожелательность передавалась всем, кем он командовал, и, может быть, потому казаки с охотой шли с ним в бой. Потому что он всюду и везде был честным. Это главное в командире. Доброта. И неукротимая сила победы. Талант полководца. Откуда он? Ведь грамоты — только юнкерское казачье училище. Ну, а допустим, Пугачев, Разин, Булавин, Некрасов и такого образования не имели, а командовали десятками тысяч войск... Значит, талантливы донские казаки от матушки-природы... Неужто он закончит жизнь здесь?! Скорбный крик вырвался из груди. Гнев. Ужас...

Война продолжалась. Но когда-нибудь наступит конец этому грехопадению?! Что творится в его голове? Вопросов много, а ответов почему-то меньше. Или он мастер только задавать вопросы, а отвечает пусть другой?.. Но ведь родной Дон выстрелил в него! В сердце, которое ничего выше не имело, чем любовь к Отечеству. Сколько же боли в сердце! Что же он с ним сделал?.. А как было просто, когда он босой, с кнутом через плечо, шествовал по степи в роли всемогущего атамана... Войска Донского. Дон... Дон... Дон... Как набат большого колокола. Умный и честный человек не может не жить на Дону. Здесь все светлое, высокое. Воскрешающее все и всех, живущих на земле.

Старинный город Черкасск, центр Войска Донского, по указу его императорского величества Александра I в 1805 году был разжалован в рядовую станицу, именуемую теперь Старочеркасской. А новой столицей стал город Новочеркасск, построенный по замыслу войскового атамана графа Платова, при слиянии малых рек Тулузы и Аксая. Но ведь это место было удалено от судоходного Дона и лишало казаков выгоднейшего водного пути! Начальство уверило общественность, что будет прорыт канал от речки Аксай и искусственный рукав соединит Новочеркасск с судоходным Доном и даст выход к Азовскому морю. Но, как говорят на Дону, человек предполагает, а господь бог располагает. Канал должен быть прорыт на расстояние в 70 верст. Стоимость — 2 миллиона рублей. Много раз возвращались казаки к мысли о строительстве канала. Особенно при войсковом наказном атамане князе Н. И. Святополк-Мирском. Двумя землечерпалками даже начали пробную расчистку фарватера реки Аксай, да вскоре и бросили... И так по сей день...

31 декабря 1804 года поступило высочайшее повеление положить основание новому Черкасску, а 18 мая 1805 года последовала закладка его... Весной 1806 года, погрузив на лодки и плоты имущество, флотилия во главе с войсковым атаманом Платовым двинулась к новому месту жительства. Стреляли из пушек. Колокола всех церквей поначалу трезвонили, а по удалении каравана лодок начали бить в набат Тревожно и грустно было на душе у донских казаков. Как почти и у всех, когда они покидают родовое гнездо, где прошло детство, юность...

На Черкасске старом, кроме буйства известных атаманов, руководителей восстаний, которые военной силой пытались отстоять свою «вольницу», лежит еще один грех, может быть, даже главнейший, о нем как-то редко поминают, да он и не очень известен. Речь идет о братьях Грузиновых. Несвойственную казакам тактику они пытались использовать, чтобы изменить существующий строй. Хотя на первый взгляд казалось бы, зачем им надо было, ведь они принадлежали к богатейшему сословию донского казачества. Почему они включились в борьбу против царя, который их обласкал и возвеличил? Так ведь и Стенька Разин — сын богача!..

А тебе, Филиппу Козьмичу Миронову, чего недоставало? Правда, ты вышел в жизнь не из богатой семьи, но уже достиг чина войскового

старшины и потомственного дворянства. Чего еще желать? Да и на этом высоком взлете карьера не кончалась. Впереди была учеба в императорской академии и звание полковника генерального штаба. О таком трудно было даже мечтать... Он же хорошо знает, что о нем докладывал по инстанции командир 32-го донского полка полковник Ружейников: «Миронов очень способный и храбрый офицер, и его следовало бы послать на учебу в академию генерального штаба, но этого, к сожалению, сделать нельзя: он чересчур революционно настроен. Я нарочно посылаю его в самые опасные операции. Сына у него убили, а его, окаянного, и пули не берут».

Ну чего ему, Миронову, не хватало? Горя?.. Наград?.. Славы?.. Чинов?.. Все было. Всего, кажется, хватало. Даже слишком... Но он все равно довольным не был, и не своим внутренним миром, а внешним, окружающим его. Иначе говоря, тем социальным строем, который дал ему в жизни если не все, то очень многое. Так почему он выступал против государственности? Потом... Потом об этом... Ну, обуздал бы немного свой характер, потерпел бы. И блестящая карьера обеспечена. Почему же человек кладет на карту самое сокровенное ради осуществления чаще всего мифической цели? Почему спокойно не живет?

Работал бы, любил, радовался жизни... Так нет же, все с великим трудом скопленное богатство кидает в пасть ненасытному молоху и очертя голову начинает заново экономить «по грошам»...

Но ведь Миронов в борьбу вступил за счастье народа. А народ просил его об этом? Станный вопрос. Разве сам Миронов не видел, что надо бороться? Вон как, значит, сам видел, по собственному разумению и понятию ввязался в братоубийственную войну и считает, что выполнил благородную миссию, на которую его никто не уполномочивал, кроме личных амбиций? Но ведь народ в беде был!.. И, чтобы помочь одним, надо было убивать других?.. Не так все просто! Сложно убивать? Совесть мучает? Да не в этом дело!.. Потом... Потом об этом...

Восемь орденов и георгиевское оружие... Чин войскового старшины. Блестящий казачий офицер, будущий наказной атаман. Потомственное дворянство, о чем он даже понарошку не мог и мечтать... Все бросил! Будто ничего этого не было и остался «гол как сокол». Пастухом с хутора Буерак-Сенюткина. Добавил только: «Гражданин Миронов» — без звания, наград и чинов. Это какая же сила, внутренняя, духовная, так потрянула сознание?! Говорят, что самая большая глупость — это ум, направленный не в ту сторону... Может быть, это и так, но гуси считают трасу вкуснее свиных отбивных... Потом... Потом... Нет уж, додумай до конца хоть один раз. Или стыд ест глаза? А чего стыдиться-то?.. Да, он боролся за счастье

людей... Это хорошо. А Стешу сделал несчастной. Но при чем здесь она?! Он же за счастье всего человечества боролся!.. Но ведь оно, как известно, состоит из людей и их счастья. И каждый отдельно взятый человек велик. И имеет право на счастье. И с его несчастьем или гибелью кончается и рушится весь мир. Вся планета! Весь подлунный мир! Уход из жизни одного конкретного человека — это же глобальная катастрофа, значительней которой нет и не может быть на всем белом свете. Разве это не так?.. Но ведь он полюбил другую. А Стешу — убил... Так какая же здесь борьба за счастье людей? Но ведь любовь к Наде-Надюше настолько светла и всепоглощающа, что, кажется, способна оживить и осчастливить все и всех вокруг. И Стешу?..

А вообще-то окружающие не только не хотят быть осчастливленными, глядя на двух влюбленных, а наоборот, даже на дух не надо им этого щедрого дара. Кроме всего прочего, в их душах рождается противодействующее чувство: зависть, злоба, недоброжелательность. «Старик окрутил дитя-девицу... Смутное время, вот душа-девица и одарила так называемой «любовью» старика... Всюду голод, разруха, кровь льется, а их лихоманка разжигает... Любовь!.. Знаем ей цену — распутство это, больше ничего... Ишь, страсти-мордасти развели!.. Туда же, вокруг ихнего блуда свет сияет, чуть ли не как от святых икон... Пообнимается ночью в жаркой перине седой бобер, а утром выскакивает вгорячах — «Ш-ша-ш-ки вон!» — за счастье народа...»

Потом... Потом... Сейчас он вспоминает о судьбе братьев Грузиновых. Значит, опять уходит от честного и прямого разговора с самим собою? Еще успеет... Главное все-таки в жизни — это добро и зло, ложь и честность, война и мир... Любовь — и Стеша... Тьфу!.. Надя-Надюша... Надя-Надюша... Тебе все звезды, которые бродят, будто заплутавшись, в темноте... Стеша, подойди ко мне, я прикоснусь рукой к твоим чудесным волосам. Они пахнут росистым утренним лугом и лазоревыми цветами... О, собака!.. Ты как бешеный пес, исцарапанный в драке!.. Теперь лежишь на тюремном топчане и зализываешь раны... Борец за счастье народное!..

Ему показалось, что он слышит чей-то язвительно-насмешливый голос. Вскочил с топчана и крикнул: «Кто тут?! А-а!..» — зарычал Миронов и повалился на свое жесткое ложе. «Дайте мне додумать о Грузиновых...» — словно пес, поджавший хвост, виновато смотрящий на хозяина и пытающийся лизнуть руку, так и он просительно обратился к кому-то или чему-то неведомому... Может быть, к совести?.. Сложная это материя. Кто-то танцует и поет, кто-то плачет и стонет от горя, а кто-то от нежности и страсти... Опять он сбивается на свои утехы!..

Итак, о Грузиновых в конце концов.

Евграф и Петр со своим отцом Осипом Грузиновым участвовали в различных походах «за зипунами». Старший, Евграф, получил чин войскового старшины Войска Донского, а через год — новый чин, уже от императора Павла I, полковника и должность командира эскадрона лейб-гвардии казачьего полка. За усердие по службе царь пожаловал ему десять тысяч десятин земли и тысячу душ крепостных, но, к ужасу придворных, полковник не только не торопился принять столь дорогой подарок всемогущего императора, а давал понять, что он его вообще не примет... Пренебрег высочайшим приглашением императора... «За ложное рапортование себя больным» указом царя Евграф Грузинов был исключен со службы и вместе с братом Петром, подполковником, отправлен на Дон, в родной Черкасск.

Здесь Евграф много читал, писал, размышляя над тем, как «для всех под солнцем живущих народов всеусилить щастие, дав им свободу и волю...».

Миронову показалось, что мечтания отставного полковника Евграфа Грузинова чем-то напоминают утопии Кампанеллы... Но, знакомясь дальше с его судьбой, он уже по-другому думал, особенно по прочтении таких строк: «Вступился было за Отечество Пугач (речь идет о Емельяне Пугачеве), но его спалили. Я не так, как Пугач, но еще лучше сделаю: как возьмусь за меч, го вся Россия затрясется...» Выходит, не такой уж это мирный ученый-затворник. В нем, как и в Разине, Булавине, Пугачеве, Некрасове, Усе и других мятежных атаманах-донцах, кипела горячая мятежная казачья кровь. Братьев арестовали 12 августа 1800 года. Мужественно и благородно вел себя на допросах Евграф Грузинов — гордо молчал, заявив в гневе судьям: «Велите меня вывести и задушить, я говорить не хочу. Несчастья ради другого, истину не кажу!..» Братьев Грузиновых, Евграфа и Петра подвергли наказанию кнутом... Вырвали ноздри и наложили клеймо на лоб и щеки. Забитые до смерти, они мерли в страшных мучениях...

В воспоминания Филиппа Козьмича Миронова вплетались события не только те, коим он был непосредственный свидетель, но и многое другое, о чем узнавал из постоянного чтения газет и журналов, рассказов встреченных на пути людей. И к интересным выводам приходил: события, поначалу казавшиеся личными, что ли, впоследствии оборачивались государственными, глобальными.

Как мирно, светло и радостно начинались весна и лето 1914 года. В апреле царская семья отправляется в Крым. В отличие от Петербурга, здесь все залито солнцем. Цветет миндаль. Море спокойное и ласковое. Ливадийский дворец в праздничном убранстве, все словно ждет праздника. А он уже пришел, причем незаметно, поселился в сердцах приехавших и ожидавших приезда. Николай II в отличном расположении духа отчасти потому, что наследник Алексей чувствует себя хорошо, беззаботно играет, смеется, бегает. Царь не отрываясь смотрит на него, и душа его покойна. Сегодня он разрешил себе оторваться от государственных дел и вместе с сыном отправился на автомобиле к горе «Красный камень». За ними в экипаже — начальник команды императорской яхты «Штандарт» Деревенко, «дядька» наследника, и донской казак, несший службу при императоре. Взобрались на склоны горы Джайла. Начали подниматься выше. Цесаревич Алексей радостно закричал: «Папа, снег!.. Будто в Царское Село возвратились!..» Он соскочил с подножки автомобиля и бросился в снег. Барахтался в нем, кидал снежки в сторону отца. Император улыбался и радовался вместе с сыном. Но малейшее неловкое движение Алексея вызывало страх. Вечный страх вот уже десятый год держал всех в постоянном страшном напряжении... Страх этот породила сама императрица Александра Федоровна... Словом, все по порядку, как оно отложилось в памяти Филиппа Козьмича Миронова. Кстати, он неожиданно, нельзя сказать чтобы очень обрадовался, но с долей приятного удивления обнаружил, что русская царица одного с ним года рождения — 1872-го. Итак, что он вычитал из различных источников.

Алиса Гессенская — четвертый ребенок великого герцога Людвига Гессенского и Алисы Английской, младшей дочери королевы Виктории. Родилась в Дармштадте. Рано потеряв мать, воспитывалась при английском дворе, у бабушки, королевы Виктории. Была любимой внучкой. Надо заметить, что королева не любила немцев, особенно императора

Вильгельма II. А русский царь Николай II обожал Вильгельма II и неизменно обращался к нему в письмах: «Дорогой Вилли...» А тот к нему: «Дорогой Ники...»

Избалованная любовью бабушки-королевы, воспитанная в роскоши, Алиса к семнадцати годам превратилась в прекрасную белокурую чудокрасавицу. В сказочную и настоящую принцессу. По-видимому, у бабушки имелись свои расчеты по поводу устройства будущего любимой внучки, иначе она бы ни с того ни с сего не отправила ее в Россию в гости к старшей сестре Елизавете, которая была замужем за великим князем Сергеем Александровичем, братом Александра III.

Как обычно, молва разнеслась по Петербургу — принцесса объявилась при дворе такой необыкновенной красоты, что на нее смотреть больно глазам. И, как обычно, начались бесконечные балы, приемы. Бесконечные приглашения... Но поднаторевшие придворные кавалеры, конечно, те, которые не хотели иметь лишних неприятностей, особого предпочтения не оказывали Алисе потому, что в воздухе уже носилось предупреждение — принцесса эта не для простых смертных... Хотя, как показали последующие события, уж лучше бы ей выйти замуж за кого-нибудь другого. Но, как говорится, от судьбы не уйдешь. Итак, все прочили красавицу принцессу в невесты великому князю, будущему императору Николаю II. Но от него лично не поступало никаких, обнадеживающих намеков. Обворожив русский двор и высший свет, оттанцевав на балах и приемах, отведав гостеприимства, принцесса Алиса вынуждена была ни с чем возвратиться в родной Дармштадт. И увезти прозвище — «солнечный лучик» — за веселость и красоту. После ее отъезда будто померк Петербург, натянув на себя хмурые балтийские сумерки...

Надо же было обладать таким, наверное, чисто немецким терпением, чтобы пять долгих лет чего-то неизвестного ждать, ни за кого не выходя замуж. Но это, как говорится, тайна каждого, причем глубоко запрятанная, иногда даже непонятная собственному владельцу... Скоро только сказка сказывается, а вот дело по-иному вершится. Алиса, наверное, чего-то ждала, скорее всего необыкновенного принца крови. А беспощадные и неумолимые годы брали свое... И, кажется, когда не оставалось никакой надежды, великий князь Николай Александрович посватался к принцессе Алисе. Летом 1894 года состоялась помолвка.

В это время в Ливадийском дворце умирал император Александр III.

В тусклый ноябрьский день Алиса вместе со своим женихом сопровождала гроб с усопшим с Николаевского вокзала до Петропавловского собора. Прекрасное лицо не поддавалось скорби. И

может быть, поэтому в толпе слышались вздорные голоса: «Она вошла к нам позади гроба. Она принесет нам несчастье». Через месяц после смерти Александра III состоялось венчание. 14 мая 1896 года — коронация молодых супругов-монархов в Москве. Вот тогда-то и произошла трагедия на Ходынском поле, во время раздачи царских подарков было задавлено более двух тысяч человек.

Через год родилась дочь Ольга. Через два года — Татьяна. Через ровные промежутки двух лет родились еще две дочери — Мария и Анастасия. А сына-наследника все не получалось, и это обстоятельство в какой-то мере отравляло радость бытия. И вот, когда в стране было великое горе — шла русско-японская война, в царской семье поселилась ошеломляющая радость — на белый свет появился, наконец, наследник, великий князь, цесаревич Алексей. С его рождением вместе с радостью пришла и великая тревога, не прекращающаяся ни на одно мгновение. Долгожданный ребенок, наследник трона... Но вместе с любовью к сыну царица передала ему и страшную болезнь — гемофилию. Ее дядя, брат и два племянника умерли от этой неизлечимой болезни. Младенец-наследник, великий князь Алексей мог погибнуть в любой момент: от ушиба, от безобидного кровотечения из носа... От незначительного ранения... Простой порез — и смертный исход... Гемофилия — несвертываемость крови. Ею болеют только наследники мужского пола, 85 процентов, страдающих гемофилией, умирают в детстве и юности. А передается она только женщиной...

Алексей болел практически беспрестанно. И беспрестанно его с превеликим трудом спасали. Императрица сутками сидела возле кровати, не отходя от больного сына. Казнила себя, угнетала, страдала женщина-мать. И все время пребывала в страхе. Болезнь наследника скрывали от русского народа. Это было тайной. Но, когда ему было восемь с половиной лет, ткани артерий и вен стали настолько хрупки, что всякий толчок мог повлечь разрыв сосудов — и роковое кровотечение, и он, сходя с лодки, упал, поранил левую ногу. Внутреннее кровоизлияние. В паху образовалась кровяная опухоль. Атрофия нервов ноги... И впервые тогда был опубликован бюллетень о здоровье цесаревича-наследника... Было богослужение о здравии. Слабый после болезни, нервный цесаревич еле-еле поднимался с койки... Деревенько начал его вывозить в коляске... Когда цесаревича не вывозили несколько дней, на всех ложилась печать уныния и ожидания грядущей беды. Особенно мучилась императрица-мать. Она приняла православную веру, была фанатично набожной и считала, что спасение России и династии придет от народа.

И, когда ректор духовной академии архимандрит Феофан, увидев в Григории Распутине признаки божественного внушения, ввел его в петербургский высший свет, то набожная царица вообразила, что этот мужик из народа послан богом. И теперь судьба любимого сына будет зависеть только от него. В один из приступов, особо опасных для здоровья наследника, царица-мать решилась позвать к Алексею Распутина. Он явился — высокий, худощавый, с пронизательными серо-голубыми глазами, насупленными бровями, длинными волосами и бородой. Голубая шелковая рубаша, собранная поясом. Широкие черные штаны и высокие сапоги. У наследника пробыл недолго, но, выйдя от него, заявил царице, что наследник будет жить, только чтобы молились Богу за Григория Распутина и, когда станет плохо Алексею, чтобы послали за ним. Царица готова была чуть ли не в ноги поклониться спасителю сына, посланному Богом.

Распутин постепенно начинал забирать власть над царицей, потом над всей державной семьей... Очень любил пить, гулять, веселиться с женщинами и, как ни странно, начал влезать в государственные дела, вплоть до назначения... министров. Каким чудодейственным даром он обладал, по его, Миронова, мнению, никто не объяснил, а что касается вымыслов и различных догадок, так их хоть отбавляй. Сам Григорий Распутин родом из села Покровского, что в 150 верстах от Тобольска. Отца звали Ефимом. Прозвище — «Новый». Гришка в молодости — вор, разбойник; почему и получил кличку — «Распутин». Она так крепко к нему приклеилась, что все уж забыли, какая у него настоящая фамилия... Как-то Гришка попал в монастырь Верхотурье, там молился, каялся в грехах, то ли искренне, то ли с хитрецей... Сила неведомая в нем явилась, о чем поползла молва, которая вскоре докатилась до Санкт-Петербурга.

Итак, весна 1914 года начиналась светло и радостно. За кои-то годы Алексей бегал по крымскому снегу, веселился, а царь, любуясь сыном, с тревогой оберегал каждое его движение. Рядом преданный Деревенько и донской казак, которые были готовы в любой момент подхватить под руки цесаревича.

В мае прошелестел слух об обручении старшей дочери, великой княжны Ольги с румынским наследным принцем Карлом. Ольге всего лишь восемнадцать лет, и, когда до нее донесся этот шелест, она неожиданно заявила: «Я не хочу быть иностранкой. Я — русская и хочу оставаться русской». Если бы она только знала, как непросто остаться русской княжной. Уж лучше бы она стала иностранной принцессой...

13 июня императорская яхта «Штандарт» стояла на якоре в Ливадии и

поджидала коронованных особ. Приняла их и легко и весело побежала по тихим волнам Черного моря в сторону Констанцы, на свидание с принцем Карлом. Встречали царскую семью, да притом еще будущую королеву Румынии с особой торжественностью. Гремели оркестры духовой музыки. Бухали пушки. Расцвеченные праздничными флагами суда в гавани словно застыли на синих морских волнах. Старый король Карл, королева Елизавета (Кармен Сильва), принцы, принцессы... Все счастливые, в приподнятом настроении. Епископ Нижне-Дунайский совершил торжественный молебен...

В беседке, которая далеко выдавалась в море и казалась парящей между небом и водой, состоялся неофициальный завтрак двух коронованных семей. Принц Карл старался быть рядом с будущей невестой, но Ольга с трудом сдерживала, мягко сказать, невесть откуда взявшееся раздражение... Ах, если бы она вышла замуж за принца, глядишь, и осталась бы в живых... Сватовство не состоялось. Царская семья вернулась из Констанцы в Одессу. Оттуда — в Кишинев, где присутствовала на освящении памятника Александру I.

Интересное совпадение... 17 июня 1914 года самодержец всея Руси Николай II с семейством подъезжал к своему дому в Царском Селе. В тот же день из дома-замка Конопиште выезжал наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд с женой, графиней Софией Хотек. В пути находился и гимназист Гаврило Принцип, член организации «Млада Босния».

Тут на память Филиппа Козьмича Миронова пришли некоторые детали этих трагических перемещений... Император Франц Иосиф, продержавшийся на троне рекордный срок, 68 лет, неожиданно остался одиноким, и передать престол было некому. Единственный сын-наследник вместе со своей возлюбленной покончил жизнь самоубийством. Оставался пятидесятилетний эрцгерцог Франц Фердинанд, племянник императора. Унаследовав престол, он направил усилия на укрепление Габсбургской монархии.

Офицеры сербской армии создали тайную организацию «Черная рука» с целью освобождения родины от австро-венгерского ига. Ее руководитель — полковник Драгутин Дмитриевич, начальник сербской контрразведки. Ему было известно еще в марте 1914 года, что наследник престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, прибудет в Боснию на маневры, которые будут проводиться на границе с Сербией.

Узнав об этом, другая организация, «Млада Босния», вынесла приговор: предать смерти эрцгерцога, наследника, Франца Фердинанда.

«Черная рука» снабдила оружием «Младу Боснию», которая поручила исполнение приговора гимназисту Гавриле Принципу. 28 июня 1914 года, на улице Сараева, центра Боснии, приговор был им приведен в исполнение: убиты эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена, графиня София Хотек.

Итак, совпадение движения трех действующих лиц, казалось, на первый взгляд не представляющее особого значения для мировой истории, в конце концов ввергло человечество в глобальную катастрофу. Сколько жизней загублено, сколько крови пролито... И уничтожение людей продолжается по сей день, о чем свидетельствует память Филиппа Козьмича Миронова. Но что его поразило: впоследствии тот самый Гаврила Принцип был провозглашен национальным героем Югославии?! Убийца — национальный герой?! Чушь!.. Не может убийца быть героем!.. Конечно, Миронов не настолько наивен, чтобы приписать выстрелу в Сараево вспышку мировой войны, но покушение дало толчок всем последующим событиям, результатом которых и явилась первая мировая война. И миллионы невинно погибших.

Надо сказать, что к 1914 году на Балканах создавалась странно запутанная и от того сложная и напряженная обстановка. В 1912 году Сербия, Болгария, Греция и Черногория создали Балканский союз и в октябре единым фронтом выступили за освобождение Македонии от турок. Турция потерпела поражение.

В результате войны образовалось Албанское государство под суверенитетом Турции, но престолонаследником оказался немецкий принц. В январе 1913 года младотурки совершили государственный переворот и начали войну с Балканами, и потерпели новое поражение... Россия все время поддерживала Балканские государства, а Австро-Венгрия — Турцию.

29 июня 1913 года Болгария без объявления войны, внезапно напала на Сербию, Черногорию и Грецию. Потом и на Румынию. Эти государства, к которым присоединилась еще и Турция, дали отпор Болгарии и в течение одного месяца разгромили ее. Россия пыталась дипломатическим путем предотвратить столкновение славянских народов; русская армия к этому времени не была готова к боевым действиям. Создав военную программу в 1912 году, Россия должна была ее завершить примерно в 1916–1917 годах. По замыслу генерального штаба, который разрабатывал эту программу в содружестве с военными стратегами Англии и Франции, отставание в оснащении русской армии по сравнению с Германией будет ликвидировано.

В начале 1914 года, несмотря на первую Балканскую войну (1912) и вторую Балканскую (1913), считалось, что Европа переживает мирное время. Но армия Германии и Австро-Венгрии насчитывала в своих рядах 8

миллионов человек. Начальник Германского генерального штаба Мольтке-младший выдвинул идею превентивной (предупредительной) войны против России. Тем более что соотношение сил складывалось в пользу Германо-Австро-Венгерского блока. Император Германии Вильгельм II в июне 1914 года посетил замок Канопиште и посоветовал эрцгерцогу Францу Фердинанду ударить по Сербии, тем самым утвердить свое влияние на Балканах. Эрцгерцог выехал к сербской границе, где намерал провести военные маневры Австро-Венгерской армии. На улице Сараева, центра Боснии, как известно, был убит вместе со своей женой гимназистом Гаврилой Принципом.

В Берлине Вильгельм II, удовлетворенно потирая руки, заявил: «Теперь или никогда». По его рекомендации на переговорах в Потсдаме 6–7 июля 1914 года Австро-Венгрия должна предъявить такой ультиматум Сербии, чтобы та не смогла его выполнить: «Ввести на ее территорию войска». Сербия пыталась уладить конфликт, но Австро-Венгрия 28 июля объявила ей войну.

Россия, естественно, не могла допустить владычества Австро-Венгрии на Балканах, тем более не защитить маленькую, слабую славянскую страну.

...Поднимаясь на яхту «Штандарта», цесаревич Алексей ударился о выступ лестницы. Подкожное кровоизлияние в суставе... Вся царская семья в унынии, и все вокруг нее...

Распутина отправили в Тюмень в госпиталь — одна молодая женщина ножом пырнула его в живот... Пролежал восемь дней — и здоров. Ни яд, ни нож ничего не могли сделать с проклятым и сильным мужиком, которому покровительствует Бог и всемогущая императрица Александра Федоровна. Из царских покоев летят в Тюмень к Гришке Распутину телеграммы: «Мы опасаемся возможности войны. Думаешь ли ты, что она возможна. Молись за нас. Поддержи нас своими молитвами».

Хитрый Распутин отвечал царскому семейству: «Войны следует избежать во что бы то ни стало, если не желаете навлечь самые худшие бедствия на династию и страну».

20 июля 1914 года на Кронштадтском рейде бросил якорь крейсер «Франция» — на нем прибыл высокий гость, президент Французской Республики Пуанкаре. Четыре дня гостил... Вручил тяжело больному наследнику Алексею орден Почетного легиона... 23 июля Пуанкаре дал прощальный обед на крейсере «Франция» и из Кронштадта отплыл в сторону Стокгольма.

24 июля 1914 года Россия приняла решение о мобилизации четырех военных округов: Киевского, Одесского, Московского, Казанского и двух

флотов: Черноморского и Балтийского.

Утром того же дня министр иностранных дел Сазонов, получив из Белграда телеграмму об австро-венгерском ультиматуме, воскликнул: «Это — европейская война!»

Чтобы избежать войны, Совет министров России посоветовал Сербии не оказывать сопротивления.

А реакция Вилли была совершенно иной. Получив известие об ультиматуме, предъявленном Сербии, он воскликнул: «Браво! Признаться, от венцев этого уже не ожидали!..»

25 июля 1914 года в Царском Селе, под председательством Николая II, заседал Чрезвычайный совет, который принял решение: «Соблюдать политику соглашений, достойную и решительную. Затронута паша национальная честь, и мы защитим братскую славянскую страну...»

29 июля Австрия объявила всеобщую мобилизацию... 30 июля подвергла бомбардировке Белград...

30 июля 1914 года в 5 часов 30 минут вечера телеграф разнес весть об объявлении всеобщей мобилизации, а утром 31 июля вся Россия уже была осведомлена о черном известии... Вечером того же дня посол Германии граф Пурталес посетил министра иностранных дел Сазонова и заявил, что германское правительство дает 12 часов срока русскому правительству, чтобы оно остановило всеобщую мобилизацию. В противном случае Германия, в свою очередь, объявит всеобщую мобилизацию... Срок ультиматума истекал в субботу — 1 августа, в полдень.

Германский посол, граф Пурталес, посетил министерство иностранных дел в Санкт-Петербурге вечером 1 августа 1914 года в 19 часов 10 минут и вручил министру Сазонову декларацию объявления Германией войны России... В это время Николай II со своим семейством присутствовал на богослужении, молясь о недопущении войны...

Второго августа император объявил манифест народу о войне с Германией. Третьего августа Николай появился на балконе Зимнего дворца. Многотысячная толпа опустилась на колени и пропела русский гимн:

Боже, царя храни.
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
На страх врагам,
Царь православный.
Боже, царя храни.

Четвертого августа Германия объявила войну Франции.

По Дону заухали большие церковные колокола — значит, казак обязан бросить все на свете и быстрее оседлать коня, прихватить запас продовольствия и оружие и поспешить на сборный пункт. Здесь коня и казака со всей тщательностью проверят, вплоть до подковных ухналей, и зачислят во взвод, сотню... И через какой-то час сотня, полк, дивизия уже готовы выхватить шашки «на-голо!» — и кинуться в бой. Такой была изумительная организованность донских казаков.

Филипп Козьмич Миронов тоже поспешил на станичный плац с каким-то внутренним облегчением: наконец кончилась его позорная высылка в гирлы Дона и ненавистное исполнение должности рыбного инспектора, и он снова полноценный казак Войска Донского. Застоявшийся конь радостно приплясывал мускулистыми ногами, зверовато-удовлетворенно кося зрачком на любимого хозяина. Какое это прекрасное чувство для истинного наездника — почувствовать под собою седло, стремяна и упругий шаг коня. Это не то что на лодке или казачьем вертлявом каюке... Конь безропотно, с видимой охотой подчиняется шенкелям, поводу и движению корпуса седока.

Отовсюду в полном боевом снаряжении съезжались казаки. На майдан!.. Настроение приподнятое, боевое. Волнующее. Видно, что многолетнее занятие хлебопашеством кое-кому изрядно поднадоело и в казаках, вечных искателях приключений, проснулась генетическая тяга к походам и боям. А тут, как говорится, сам бог повелел — враг напал на Родину, и этим все сказано. Весь православный Дон поднялся в едином патриотическом порыве. Мобилизовано было 125 тысяч казаков! Элитное войско, преданное царю-батюшке и, главное, Отечеству. Сметут врага! Воинственное, победное настроение читалось на всех лицах — мужественных, аскетически-суровых, волевых... Нет на земном шаре народа, который бы так любил свою родину, как донские казаки.

Филипп Козьмич Миронов, проезжая по улицам станицы, с удовольствием наблюдал, как проходили сборы казаков на войну. У одного куреня попридержал коня. На крыльцо вышел казак и, поднимая край рубахи, чесал живот. Орет жене, которая хлопочет у летней печки: «Марья, дай пожрать чего-нибудь». — «Попей воды», — отвечает Марья. «Воды?.. А че от нее-то, от воды?..» — «А-а, чертяка заспанный, харчами перебираешь!.. И воды не дам!»

Миронов улыбнулся в усы и отпустил повод коню, рвущемуся вперед. В другом курене пьют посошок, в третьем — закурганную чарку, а в четвертом — стремянную. Это когда казачка отрывается от стремени мужниного седла и горестно падает на землю. Казак дает шпоры доброму коню — и прощай, родимая сторонушка...

Увидел Филипп Козьмич и такую картину. Одному мужику, наверное, до болятки захотелось испытать казачьего счастья в боевой обстановке, и он попросился, чтобы его приняли в казаки. Толпа балагуров стояла на берегу Дона и совершала этот обряд. Мужику дали жбан водки. Выпил. Дали корчажку кислого молока — пей! Не лезет после водки, тогда молоко выливают ему за шею... Потом казаки берут его за руки и ноги и кидают прямо в одежду в Дон... Выплыл на берег, отряхнулся — считается принятым в казаки. Но, как бы пышка ни дулась, а выше пирога не будет... Казакom надо родиться... Так подумал Миронов и глубоко вздохнул. На мгновение задержал в груди воздух...

И будто вспомнил заново, что белотал и речной песок, перемешанный с солнцем, как-то по-особенному пахнут, чем-то напоминающим детство, когда мысли были чистыми, материнскими... Какая тишина возле берега! Ничем не нарушаемая, лишь с майдана еле слышна музыка духового оркестра да нестройные песни казаков... Змеи плавают по-над берегом, где растет куга... Толстых змей из нор на поверхность земли вытаскивают более недвижные змеи и сталкивают в воду, чтобы те поплавали...

Однажды Филипп Козьмич ловил с каюка рыбу. От берега метров пятьдесят там росла старая верба. В ее дупле, спасаясь от полной воды, устроилась ящерица. Вода все прибывала и прибывала. Начала затапливать дупло. Ящерица вылезла из него и долго смотрела на Миронова. Потом плюхнулась в воду и поплыла к каюку. «Разве ящерицы умеют плавать?» — подумал Филипп Козьмич и начал наблюдать, что же она будет делать дальше. Ящерица подплыла к каюку. Миронову показалось, что распугивает рыбу, и он ее отогнал от каюка. Ящерица сделала круг вокруг каюка, заплыла спереди и неподвижными, бесцветными глазами уставилась на него. Что-то у него от детства осталось, и это «что-то» вмиг сработало — он протянул руку, достал из воды ящерицу и положил на дно каюка. Она тяжело дышала. Закрыв глаза, долго недвижимо лежала. Потом открыла глаза и посмотрела на Миронова... Когда он, окончив рыбалку, уходил домой, то решил оставить ящерице кусок курятины и хлеб. Цепью привязал каюк в надежном месте и отправился домой. Через неделю Филипп Козьмич решил посмотреть, не увел ли кто его каюк, и очень был удивлен, когда увидел, как из-под старого брезента выбежали крохотные

ящерята, потом снова спрятались. Миронов не стал их тревожить... Через несколько дней снова пришел, чтобы проведать «свое» потомство. Каюк был пуст.

Филиппу Козьмичу захотелось еще чуточку побыть возле Дона, прежде чем пустить коня вскачь и оказаться в гуще майдана... Левобережье в густом лесу. Луга. Меловые горы правобережья... Спускается гурт скота. Позади пастух на лошади. Слез с нее. Она приседает на задние ноги и, чуть ли не цепляясь задом за меловые плешины, идет следом за хозяином. Пыль столбом... Баржа с лесом медленно, словно стоит на месте, движется к деревообрабатывающей пристани. По-над берегом казачата лезут, ищут норы, где прятались раки. Змея выплыла и, извиваясь, поплыла в гущину прибрежных зарослей. Девчонки, взвизгнув, кинулись из воды на берег и, оглядываясь, побежали к горе, в безопасное место, нервно смеясь от пережитого страха... Тихо... Молодой казак и юная казачка стоят на берегу. Руки их плетут вязь непонятного алфавита, неразборчивого настолько, что во всем мире только они двое могут разобрать его. Древние и юные, как сама жизнь, как сама любовь. Тишина над рекой не мешает им, а помогает разобраться, понять, что же творится вокруг них. А вокруг ничего не происходит. Хотя они и время от времени бросают взгляды на Дон, лес, горы. Умолкают. Прислушиваются. Но ничего не видят. И ничего не слышат. Только плетут вязь рук, и неизвестно, разберут ли потом свой замысловатый рисунок. Поддастся ли он расшифровыванию юному, неопытному и неискушенному уму? А ведь эта вязь обязательно должна быть разгадана, потому что тайна, заключенная в ней, принесет им или жизнь, или смерть. Страшная это работа. И сладостная, как страсть. И тайна никем не может быть разгадана, кроме двоих. И как можно быстрее, иначе им не жить. Поэтому они торопятся...

Тишину вдруг нарушил звонкий, певучий голос казачки:

Как с воронежскими хохлами
Нажила ярмо с быками.
А с донскими казаками
Пропила ярмо с быками...

Миронов, неожиданно для самого себя, засмеялся и дал шпоры конто
Жизнь продолжается...

На станичном плацу комиссия во главе с атаманом проверяла наличие у казаков оружия, снаряжения, продовольствия и фуража для коня...

Хорунжие формировали взводы, подъесаулы — сотни... И вскоре Усть-Медведицкий Донской казачий полк, с сине-красно-желтым знаменем во главе, построился, и начался молебен в честь непобедимого Войска Донского. Миронов был так стремительно вовлечен в события сборов, проверки и построения, что даже не заметил или в первую минуту не понял, что его никто и никуда не записал и ничего ему не поручали. Впечатление создавалось такое, будто его здесь, на плацу, и не было. Но, кажется, слишком поздно заметил он это, и тут же вовлечен был в песнопение на клиросе.

Завороженный голосом Анны, девушки из степного казачьего хутора, он словно аккомпанировал ей. Как и его дружок, подъесаул Сдобнов, как и весь церковный хор главного Усть-Медведицкого собора Воскресения.

Набожная, в расцвете своих двадцати лет, Анна, мягкая и обаятельная, была любимицей прихожан. Даже молодые казаки, только под давлением отцов и матерей посещавшие церковь, вдруг зачастили в храм, будто у них неожиданно прорезалась вера во Всевышнего. И, конечно же, никто из них ни за что не признался бы, что начали они усердно ходить в церковь из-за красавицы Анны, к тому же обладательницы прекрасного голоса. Сначала ходили, чтобы полюбоваться красотой казачки. А потом были так очарованы ее голосом, что уже не понять, что их больше влекло: красота девушки или ее волшебный голос.

Когда Миронов впервые увидел Анну, он, как и все, залюбовался ею, но ничего греховного даже и не помыслил, потому что, во-первых, дело было в церкви, а во-вторых, он ведь старше ее на целых двенадцать лет... Пели на клиросе вместе, но он впоследствии стал замечать, что ее голос особенно трепетно и вдохновенно звучит, когда рядом с нею он. Что бы это значило? — недоумевал он. Хотя, признаться, чуточку рисовался — ведь знал же, да и все в станице были осведомлены, что в него, блестящего казачьего офицера с орденами на мундире подъесаула и громкой славой героя русско-японской войны, влюблены даже все усть-медведицкие гимназистки. Наверное, влюбилась то ли в него, то ли в его романтический образ и красавица Анна. Любила без взаимного ответа и была счастлива, что видела его изредка на клиросе среди певчих или мельком на главной улице станицы... Да и он никакого повода не давал хотя бы для мимолетного сближения.

В последнее богослужение, перед отправкой Миронова на фронт, в ее голосе слышались и задушевность, и печаль, и трагичность. Исполняя указания регента, она тем не менее пела только для своего возлюбленного. Забыв о Боге? Но сегодня он, Миронов, был для нее богом. Небесная,

выстраданная песня как прощание. Песня, дающая силы...

Когда окончилось богослужение и все начали покидать храм, в ограде и за ее пределами слышались команды, призывающие офицеров и рядовых казаков к построению; вот в тот момент, видно, не выдержало сердце Анны копившегося в нем чувства и она прямо на паперти упала в обморок... Причину все объяснили... любовью к подъесаулу Миронову, ну и, конечно, горем, которое настигло ее, — он уходит навсегда. Единственный, неповторимый... Потом даже руки пыталась на себя наложить — такая безысходность вдруг овладела ею... Как птица, сраженная на лету...

Есть легенда о птице, что поет лишь однажды в жизни. Но зато прекраснее всех на свете. Она покидает гнездо и летит искать куст терновника (дерево Иисуса). Ищет долго и настойчиво. Но вот, наконец, находит. Среди колючих ветвей запевает песню и бросается грудью на самый длинный, самый острый шип. И, преодолевая муки, возвышаясь над ними, продолжает петь ликующую песню небесно-прекрасно. Так, умирая, она поет свою единственную, возвышенную песнь. Может быть, потому такую волшебную-прекрасную, что достается она ценою жизни. Зато весь мир прислушивается к ее пению и замирает от восторга. Даже Господь улыбается в небесах. Ибо все самое дорогое в жизни осуществляется только ценою великого страдания... По крайней мере, так повествует легенда.

Анна — певчая Усть-Медведицкого храма Воскресения, походила на ту легендарную певчую птицу. Упав в обморок, она не погибла. Игуменья Арсения приютила в своем монастыре. Недолго она пожила послушницей. Все дни провела в молитве и посте. Все молитвы были обращены к Богу с единственной мольбой — сохранить жизнь подъесаулу Филиппу Козьмичу Миронову. Молилась, постилась и угасала. Вскоре она умерла. Вернувшись с фронта, Миронов не застал ее в живых. Пошел в монастырь, к игуменье Арсении, попросил показать келью, последнее пристанище Анны... Позже монашки рассказывали, что они подглядывали в щелку, следили за каждым движением прославленного храбреца. Он долго стоял молча. Потом опустился на колени, перекрестился, отдал земной поклон и... зарыдал. Потрясенные монашки тихонько отступили от своего наблюдательного пункта и разбрелись по кельям, не ведая, чем закончилось свидание Миронова с тенью Анны... Знал бы он, что в мире существует такая преданная любовь, может быть, вручил бы свое сердце этому юному, чистому существу...

Странная судьба у Филиппа Козьмича. Странное стечение

обстоятельств: монашка стала его женой, другая... возлюбленная, не от мира сего, в юном, цветущем возрасте закончила в монастыре свой жизненный путь. И невольным виновником был он, Миронов. Кто может понять это и объяснить? Может быть, кто-то еще посмеет бросить в него камень, как в шелудивого, бешеного пса?..

Тогда пусть мужчины оглянутся на свое прошлое и вспомнят, а сколько у них было женщин? А сколько их вообще положено иметь на своем веку?.. Глупо!.. Чем же он виноват, если был здоровым, красивым казаком?.. Да, и если честно признаться, то всегда относился к женщинам с какой-то трепетной радостью, как к существам более чистым, чем их братья-мужчины... И никогда не пытался воспользоваться ни своей привлекательностью, ни мужской силой... Признает, что искал идеала женской красоты и добродетели, — это правда. А кто этого не ищет? Женщины не ищут?.. Все и всю жизнь ищут. Только одним это в конце концов удастся, а другим остаются думы о несбыточном... Говорят, когда Адам и Ева съели по половинке яблока, так с той поры люди живут разобщенно и, как в потемках, ищут родственные половинки этого мифического яблока. Казалось бы, настал миг — нашли похожие половинки! Начали их прикладывать друг другу — оказалось, что где-то не совпадает лишь одна небольшая неровность... И люди начинают все сначала... Так и у него, у Миронова?

Когда Усть-Медведицкий полк, вытянувшийся во взводную колонну, извивающийся по проселочной извилистой дороге, поднимался к горе Пирамида и песня еле доносилась: «Ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы...», Миронов вдруг обнаружил, что он остался один и никому никакого дела до него нет. Чушь!.. Он кинулся к станичному атаману... К окружному... В ответ услышал скучноватоторопливый говорок, будто они куда-то страшно спешили и нет ну никакой возможности остановиться и объяснить, почему он не приписан ни к какой части. Только и удалось выяснить, что никаких конкретных указаний в отношении помощника инспектора рыбнадзора в гирлах Дона не получено... Вот так оплеуха!..

Делать нечего, выходит, надо возвращаться в отеческий дом несолоно хлебавши? Стыд-то какой!.. Даже конь, понунив голову, шел неуверенно, нетвердо ступая по каменистому косогору и будто все время спотыкался. Миронов не обижался на своего боевого друга, понимал его — тут не только конь, человек заспотыкается... Да и хорошо известно, еще исстари, что настроение казака передается лошади тут же, сразу же, немедленно... Сам Миронов сотни раз такое испытал и наблюдал, учил молодых казаков: если сам не уверен, что возьмешь препятствие — не посылай на него коня, потому что твоя неуверенность уже передалась ему.

Однажды, на конных состязаниях, он почему-то подумал: «Это препятствие — так называемый «гроб» — не возьмет конь...» Так и случилось. Одолевал многие препятствия и уже слышал победные крики почитателей, как вдруг, заходя на последнее препятствие, почему-то, сам не знает почему, но подумал: «Не возьмет...», даже и не подумал, а просто мысль мелькнула, а в это время конь уже приближался к препятствию. Вот Миронов уже слегка приподнялся на стремянах и подался вперед, чтобы облегчить прыжок коню и одновременно дать ему понять, что он посылает его на препятствие... Все сделал правильно. Но конь с маху ткнулся передними ногами в препятствие и резко остановился — Миронов чудом не вылетел из седла. В недоумении и раздражении он развернул коня еще раз и снова послал на препятствие — конь снова не пошел... Миронов выхватил шашку и плашмя, со злостью, начал его полосовать по крупу... В себя его привела полковая труба, которая подала сигнал, убирающий с поля участника состязаний... Так стоит ли сейчас обижаться на верного друга, если он не то чтобы горделиво нести седока на своей спине, а наоборот, идет, понунив голову, спотыкаясь на неровной дороге?

А возле куреней гомонящие толпы казаков и казачек, одни с радости, другие с горя, продолжали проводы служивых: пили, ели, играли песни, за сердце берущие...

Ты, батюшка наш, славный Тихий Дон.
 Бывало, ты, Дон, все быстер течешь и чистехонек,
 А теперь ты, кормилец, все мутен течешь.
 Помутнел ты, Дон, с верху до низу.
 Вы седлайте, донские казаки, своих добрых коней!

Поезжайте в чисто поле, распроведайте:
Отчего это в чистом поле потревожилось?..
Ты поле наше, поле чистое, раздольное, широкое!
Не плугами ты, поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами!
Не пшеницей ты, поле, не рожью засеяно!
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно — казачьими головами!
Заволочено поле казачьими черными кудрями...

В одном узком проулке, где с обеих сторон теснились ветви яблонь и густая трава нависала через плетни, конь по своей воле остановился и потянулся к травинке. Громкий голос вывел Миронова из задумчивости:

— Ваше благородие!.. Господин подъесаул, дозвоьте проехать?!

Миронов поднял голову, посмотрел на всадника, как будто не узнавал его, потом вдруг вспомнил молодого казака из станицы Капинской Усть-Мвдведицкого округа, Михаила Федосеевича Блинова:

— Опаздываешь?

— Жена молодая... Не мог никак оторвать от себя, «не пущу!» — кричит, и все тут... — Потный конь Блинова горячо дышал и протискивался между плетнем и Мироновым. Филипп Козьмич прижал своего коня к плетню, и Блинов проскочил: — Спаси Христос!.. — крикнул он и так толкнул шпорами коня, что только пыль за клубилась за ним.

— Дай Бог счастливой дороги! — отозвался Миронов. Натянув повод и легонько сжав шенкелями бока лошади, направил ее к своему куреню.

Миронов толкнул калитку и въехал во двор со стороны гумна, где в это время принимались домолачивать катками пшеницу, а то она перележивается в скирде и зерно уже кое-где начало высыпаться из колосьев. Служивых проводили, погоревали, теперь за дело надо приниматься. Козьма Фролович, отец Миронова, терпеть не мог, чтобы в будние дни домочадцы праздно слонялись по куреню. Всем находил работу, да еще и подгонял, чтобы живее поворачивались... Скирд был небольшой. И тащить громоздкий агрегат, состоящий из молотилки и паровика, к усадьбе Мироновых, которая располагалась на взгорье, наверное, не имело смысла. Словом, горячий и нетерпеливый Козьма Фролович, разбушевавшись, послал всех советчиков к дьяволу, решив старым дедовским способом обмолотить пшеницу: «Предки наши всю жизнь катками молотили и с хлебом бывали. А ныне избаловались, все хотят

полегче работать, а посытнее пожрать. А так не бывает... Стешка, дура! — заорал вдруг Козьма Фролович. — Подставляй таганок!..» Дело в том, что быки, запряженные в каток, на минуту остановившиеся, начали оправляться прямо на пшеницу, разостланную по кругу. «Что, батаня?» — с готовностью отозвалась Стеша. «Ослепла?! Быки ссуть!..» Стеша нагнулась за посудиною, чтобы подставить ее под струйки быков, но вдруг выпрямилась и от удивления застыла на месте.

В это время Миронов, отворив калитку, въехал во двор. Козьма Фролович подбежал к Стеше, вырвал из ее рук посудину и тоже застыл на месте, увидев сына. Когда оцепенение прошло, Стеша кинулась к мужу, взяла машинально под уздцы коня и, не отрываясь, молча, смотрела в его угрюмое лицо. Филипп Козьмич, тоже молча, выпрыгнул из седла, подошел к матери, взял из ее рук цеп, которым она подмолачивала края, не захваченные катком, и усердно начал молотить колосья пшеницы. Вскоре вспотел. На минутку остановился, сбросил с себя парадный мундир с орденами и снова принялся орудовать цепом.

Дядя, Увар Фролович, помогавший, по традиции, в молотье хлеба, подошел к Филиппу Козьмачу, тронул его за плечо и, подавая ему другой цеп, сказал: «Этот будет потяжелее...» Миронов, не глядя на дядю, молча поменял цепи и с еще большей яростью начал бить по пшенице... Вскоре взмокла нательная рубаха и, раздражая, начала прилипать к телу. Почувствовал, что вымотался совсем. Бросил ненавистный цеп в сторону, а сам повалился под прилавок соломы, от которой, он вдруг почувствовал, пахло хлебом и детством. Подошел Увар Фролович, огромный, черноволосый, чернобородый, неторопливый. Осуждающе сказал: «С злостью работать нельзя. С радостью надо. С богом в душе...» — подняв брошенный Мироновым цеп и размеренно, спокойно начал молотить колосья.

Миронов, заложив руки за голову и закрыв глаза, постепенно начал приходить в себя: мысли успокоительные появились в его разгоряченной голове. Чего ему не хватает? Почему он сам с ума сходит и других, близких людей с ума сводит? Не успел на войну? Куда торопиться? Чтобы быстрее начать убивать людей? Но это же такая мерзость!..

Семилетний сынишка, последний, любимец, обратав хворостину верхом, с криком: «Я — царь!..», во главе таких же сорванцов с шашками-палками «на-голо», промчался мимо него. Он слышал, как они с разбега шумной ватажкой атаквали таких же сорванцов с соседней улицы, и закипел жестокий бой...

Старший, двадцатилетний Никодим, заканчивает Новочеркасское

юнкерское казачье училище. Дочь Мария замужем, и он скоро станет дедом. Он, Миронов, дед? С ума сойти!.. Младшие дочери Клавдия и Валентина тоже уже заневестились... Время... Время... Это же сколько ему лет? Сорок два. И он еще не устал шашкой махать и рубить головы?.. Теперь-то, может быть, и не хватит сил бороться с молодыми и злобными. Ведь в бою страх и отчаяние иногда удесятят силы врага. Но у него тоже они удесятятся. Не будь наивным, это у него-то удесятятся? Отчего бы? Ведь у него давно в бою нет ни страха, ни отчаяния, да и волнения, как у новичков. Так отчего же произойдет увеличение силы? Зато у него есть годами выработанный, натренированный, расчетливый удар, который сломит любую, даже самую страшную и злобную силу. Как сказал дядя Увар, нельзя сердиться, когда работаешь. Значит, война — работа? Да еще какая тяжкая, тяжелее всех существующих на белом свете.

Не лучше ли здесь, в своем собственном доме, в окружении детей, любящей и беспредельно преданной жены, родителей, особенно боготворимой матери, родственников, жить. И быть всегда. Вечно. Так почему же он рвется куда-то, в полымя жестокости и смерти? В небытие, чтобы и могилу его не нашли ни родные, ни друзья-сослуживцы. Что же он за человек?.. Обидно, видите ли, стало, что его не взяли на войну? Да на кой черт она нужна ему! Как и вообще всем людям?! Жили бы мирно. Любили. Творили бы себе подобных продолжателей рода. Какая же мерзость таится в голове человека, если он идет на войну, чтобы больше убить себе подобных и за это заслужить хвалу и славу храбреца-воина. Слава!.. Слава!.. Слава, что больше всех убил!.. Чушь собачья!.. А вот ему, Миронову, храбрецу и первоклассному рубаке чужих голов, не доверили на сей раз такого дела, как рубить казачьей шашкой чужие головы. Не взяли на войну. Обидно? Да еще как!..

Много раз он задумывался о сущности человека как такового и, в частности, о самом себе. Почему же ему не живется мирно? Или человек не приспособлен к подобной форме сосуществования? И ему уготована страшная участь вечно воевать, начиная с самого простого и, может быть, самого главного — битвы за кусок хлеба насущного? Где же истина? А может быть, он просто не умеет трепетно радоваться жизни как божественному дару?.. Да не в этом дело!.. Так что же ему теперь, не уходить на войну и передвигаться по миру воробыиными шажками? Ну, нет. Да и люди только после великого потрясения или тяжкого труда испытывают облегчение и радость бытия. Значит, он оправдывает войну? Н-нет... Но это, наверное, чисто мужское дело. Девчонки, как детей, баюкают куклы, а казачата, даже в чистом возрасте детства, играя в войну,

седлают хворостины, машут палками, и мечтают прославиться на поле брани. Что это, генетическая память или потребность? Видно, и он, Миронов, не создан для мирной жизни. Уж, наверное, такой мятежный дух в нем заключен, и от него никуда не уйти...

Мысли поплыли куда-то в светлые донские сумерки, которые опускались на станицу Усть-Медведицкую. Вздогнули капли росы на лепестках георгин и засверкали, как драгоценные алмазы. Аромат пшеничной соломы — хлебный, хмельной. Возникающие звезды на темном небе будто раскачивали землю, и она летела куда-то в таинственную неизвестность под аккомпанемент перепелиных призывных песен: спать пора... Спать пора... Спать пора...

Миронов, глядя в глаза звездам, усеявшим бархатный небосклон, глубоко вздохнул и блаженно потянулся. Открыл глаза — свет ударил, свет ни на минуту не выключаемой тюремной лампочки под потолком. Боль пронзила тело — и он закричал. Зарычал... Застонал... На лице его ужас, гнев. Люди, можно ли так глумиться над человеком, который принес Родине победу над врагом?! А может быть, вот тут-то и настигла его самая честная и высокая награда — Бутырская тюрьма? За все победы и убийства?.. Война сидела в каждой клетке его изнуренного тела. Душа была полна атаками и безумно звериным ревом боя. И горем, которое по горячим следам победы, наверное, не испытывал ни один полководец. Отнята и осквернена свобода, которую он ценил выше жизни. Гордый донской казак. Командарм легендарной Второй Конной...

Загремел засов двери, обитой железом. Морда стражника просунулась: «Чё воешь, яко дикий зверь!» — «Как ты смеешь!..» — вскрикнул Миронов. «Замолчь, бо оплеуху зробишь...»

Страшен, горяч и безрассуден в гневе Миронов — он кинулся на тюремщика, но тот успел прихлопнуть дверь, и командарм ударился головой о железо. Бился, царапался, изодрал себя в кровь... Обессилен, опамятовался, схватился за голову, сжал ее изо всех сил: «Только не сойти с ума... Продержаться. Пока Ленин не узнает об этом злодействе... Он им задаст... Главное, вспомнить все, может быть, людям пригодится... И помочь родине... Дон к беде. Дойти до Ленина и обо всем рассказать. Может быть, на мой крик отчаяния отзовутся донцы-молодцы? Где атаманы? Выродились?..»

А ведь исстари именно на Дону рождались вожаки отчаянной храбрости и лихости. Или теперь родятся только трусы, в жилах которых течет не горячая казачья кровь, а розовая водица?.. Неужели навек утрачен нерв, соединяющий прошлое с настоящим? И никогда уж не произойдет

венчания Природы и Человека? И люди от колыбели до смертного часа не будут любить, жить и умирать по-человечески?..

Может быть, на помощь призвать степной ураганный ветер да вешний молодой гром с ливнем как из ведра? Они сметут нечисть с донской земли, и настанет время великого потрясения и очищения? И распятая память, ее печаль, совесть, стыд сойдут с креста и поселятся в наших сердцах? Возможно, потому, что без распятия нет воскрешения. Без греха нет покаяния и очищения...

А на нем, наверное, больше всех грехов, потому что он один из главных... Ну, что же ты умолк? Если начал, так договаривай. Но невыносимо же, трудно выдавить из себя это слово. Когда оно жило внутри, как-то было легче дышать. Но, когда оно вырвется на волю, то будет принадлежать другим людям, и они тогда будут вправе спросить с него за все, что случилось на Дону в трагические годы гражданской братоубийственной... Отцеубийственной... Ну, что ж, он выдавит из себя это постыдно-предательское слово: да, он был... виновником... Одним из главных виновников трагедии любимого донского края... Его казачьей песенной сторонухи... Если бы он только знал, чем все это обернется!.. Значит, придется покаяться перед людьми и самим собою?..

Но ведь он искренне верил, что совершает великие деяния во имя своего народа. Ну и что он хочет сказать, что вера снимает ответственность за злодеяния? Опять ищет лазейку, чтобы найти себе хоть малейшее оправдание. Нет уж, нам лишь кажется иногда, что от народа можно что-то утаить, скрыть, но он хорошо помнит слова дяди Увара Фроловича: «Нам сдается, что мы одетыми предстаем перед людьми, а на самом деле мы ходим как телешом...» Так что придется предстать как на духу...

Для этого надо сберечь силы и хоть на время обуздать свой казачий нрав. Забыть, что он храбрейший офицер царской армии, награжденный восьмью орденами и Георгиевским оружием... Забыть, что все это швырнул в грязь и затоптал... Туда же пошло и потомственное дворянство... Сбросил с себя мундир кавалерийского блестящего войскового старшины. Чего же так не хватало бывшему пастушонку-бедняку?..

Надел простую солдатскую шинель без каких-либо знаков отличия, стоя просто гражданином Мироновым, снова начал завоевывать славу полководца уже в Красной Армии. Два ордена Красного Знамени... Золотое оружие — высшая награда Советской Республики... Погиб старший сын Никодим. Любимая дочь, копия отца, Валентина, расстреляна так называемыми белогвардейцами... Жену и младших детей выводили на

расстрел... Уму непостижимы потери личные. И так в каждой семье, во всем казачьем донском крае. И он, Миронов, положивший на алтарь войны все мыслимые и немыслимые ценности, оставшись гол как сокол, к тому же еще и обречен быть главным виновником этой трагедии и сидеть в Бутырской тюрьме! «Весело...» — как бы сказал его бывший начальник штаба дивизии подъесаул Сдобнов. Веселее нарочно не придумаешь. Словом, завоевал свободу и вымечтанную жизнь, для себя и своего народа!.. Как та бабка, у разбитого корыта... Не слишком ли он становится беспощадным к самому себе?.. Он просто обязан все вспомнить и обо всем рассказать с такой же ответственностью и страстью, каким и был в жизни. «Но и в цепях должны мы свершить сами тот круг, что Боги очертили нам...»

Часть вторая

Филипп Козьмич Миронов проснулся от крика надзирателя. Осмотрелся впервые без истерии и гнева. Голые, исцарапанные, грязно-серые стены. Четыре шага в длину и два шага в ширину. Из мебели только топчан — колченогий. Откуда его доставили сюда? Или он здесь вечно пребывает? Зарешеченное окно, сквозь него просачивается хмурое небо. Наверное, уже рассвет. Это понятно и по миске с тюремной баландой, которую в очередной раз принесли и убрали нетронутой — он ведь продолжал голодать и с каким-то щемяще-жалостливым чувством думал, что скоро придет конец, и люди тогда вдруг спохватятся, что командарм Второй Конной армии погиб не в бою, как положено бойцу, а голодной смертью. Позорной смертью...

Задвижка «волчка» оставалась открытой, и Миронов отметил про себя, что в нее смотрит надзиратель. Что ему нужно в такую рань? Хотя он имеет право заглядывать в любое время суток и следить за поведением заключенного. Да и рань ли в мире?.. Он, Миронов, заключенный?.. Неужели это в самом деле не мерзкий сон?.. Только без истерии. Спокойно! Таков самому себе приказ... Так быстро он привык к боли?

— Оглох?.. Чего молчишь?.. Жалашь или не жалашь прогулка?

— Какая прогулка?

— Воздуха вольного хлебнуть... Так жалашь ай нет?

Вместо всегдашней настороженности появилось вдруг какое-то недоумение, граничащее с терпимым отношением к надзирателям. Но оно тут же, как неожиданно возникло, так неожиданно и испарилось, уступив место всегдашней настороженности и даже враждебности к тюремщикам. «Очередная насмешка, — подумал Миронов... — этих тупоголовых...» Он, конечно, не считал их за нормальных людей и отказывался предполагать в них обыкновенные человеческие качества. Тем более милосердие и отношении к заключенным: «Вольного воздуха хлеб-путь...» Ведь между ними всегда существовал антагонизм. Ненависть одного к другому, чуть ли не врожденная, выработанная многими поколениями заключенных и их стражниками. Ею были пропитаны не только мысли жертв застенков, но и сам воздух камер, карцеров, коридоров, двориков и всего мрачного здания тюрьмы. И всяк сюда входящий сразу же принимал сторону заключенных против всего охранного персонала, вплоть до социального строя, порождением которого являлось это ненавистное заведение.

Миронов поднялся с жесткого колченогого топчана. Шагнул к «волчку». На него не мигая уставились два, как у рыси, глаза:

— Жалашь?.. Тогда открою...

Видно, молчание Миронова надзиратель принял за согласие, он всунул в замочную скважину ключ и резко повернул — железная окованная стальными полосами дверь, как обычно, противно скрипя, медленно открылась. В квадрате проема — фигура стражника, что-то вдруг показалось в нем Миронову знакомым, но он тут же отогнал нелепую мысль, по его мнению, — нигде не мог он повстречать такую мерзкую личность.

Миронов автоматически, «по-уставному», заложив руки за спину, медленно, как-то чересчур даже осторожно, словно в потемках, переступал ногами. Почему-то в коленях появилась противная дрожь. Ноги стали какими-то ватными и как всегда цепко и упруго не захватывали землю, а скользили, как по льду, тонкому, молодому, хрупкому... Правда, под ногами не земля, а железная поверхность тюремного коридора. Лестница тоже железная, гулко фиксирующая шаги. Не думал Миронов, что его шаги могут быть тяжелыми, грузно-старческими и издавать неприятно шаркающий звук. «Надо просто выше поднимать ноги, — подумал он. — А может быть, это от подков на сапогах?.. Или, может быть, от шпор?.. Шпор!.. О!.. Ах, если бы так, как в былые годы, когда только звон шпор догонял его легкие, стремительные шаги. Поступь кавалериста лукавотихая, осторожно-быстрая... Рывок — и еще не успеет в воздухе раствориться малиновый звон шпор, как цель достигнута».

Миронов прошел еще несколько обитых железом дверей, и вот последние открылись, и он высунул голову в тюремный дворик. Все поплыло вокруг... Наверное, помимо воли, слишком много для первого раза «хлебнул вольного воздуха»... Поднял отяжелевшие веки — в глазах туман. Сквозь него какой-то розовый силуэт возник. Но вот очертания становились явственнее, принимали вид женской фигуры... Такой розовый шарф в далекой прошлой жизни набрасывала на смуглые плечи Надя-Надюша... Он вдруг за многие последние дни осмысленно и с глубокой горечью подумал: «Все осквернено и загублено... И вовек, наверное, не увидеть ему юное, дорогое лицо милой и любимой девушки. Видно, ничто не повторяется, как не повторяются шаги человека в одной и той же быстротекущей речной воде... Ах, Надя-Надюша. Что же за тайна заключена в твоей молодости?! Только бы увидеть, хотя бы еще один раз — и тогда можно будет без страха и сожаления прощаться с жестоким и кровавым миром. Но это недостижимо, как вернуть собственную

молодость...»

— Миронов!.. — крикнула Надя-Надюша. — Живой!.. — Она протянула Филиппу Козьмичу руки, желая обнять и прижаться к нему.

Миронов отступил от жены, сделал жест, словно отодвигал видение, и все время бормотал: «Провокаторы!.. Я не поддамся!» Он быстро пошел прочь от жены в дальний угол тюремного дворика: «Ведь этого не может быть!.. Сон?.. Или — очередная провокация...»

Надя-Надюша догнала Филиппа Кузьмича, обхватила его руками:

— Мой Миронов!.. Мой муж... Дорогой, любимый... — бормотала Надя-Надюша. Потом умолкла, только еще плотнее прижималась к нему.

Филипп Козьмич стоял будто окаменелый, не веря в происходящее. Или боясь поверить... Неужто это правда?.. И может ли происходить в тюрьме!? Как удар молнии, ослепляющий и повергающий человека...

Через какое-то мгновение Миронов вдруг почувствовал на своей груди сотрясающуюся от нервной дрожи Надю-Надюшу. От ее тела исходил аромат... весны, от которого можно задохнуться. Он легонько начал освобождать от ее рук, чтобы взглянуть в эти глаза цвета спелой вишни и будто чуточку припухшие полураскрытые губы, словно ждущие поцелуя... О, эта невероятность встречи!.. Водь на самом деле ничего не может произойти в тюрьме?! Сейчас пройдет сон, и видение исчезнет. Останется только саднящая боль... А он, что же, в самом деле, мог подумать, что воочию видит свою Надю-Надюшу вот так, рядом, в тюремном дворике?.. Это только его горячее воображение могло нарисовать такую фантастическую картину. Но если это соя, то почему в его тело проникает тепло другого человека? Насколько он знает, во сне человек не различает тепла и холода и осмысленно не отвечает на зов. Обычно он тут же просыпается и недоуменно осматривается, желая увидеть того, кто только что обращался к нему... Миронов подумал: «Попробую легонько отстранить от себя ее и взглянуть прямо в лицо...»

Как ни цепко Надя-Надюша прижималась к нему, Миронову удалось взглянуть в ее лицо:

— Сон? — кажется одними губами прошептал он.

— Нет... Нет... Явь! Верь — это я, твоя Надя-Надюша.

— Тростиночка... — Миронов, больше не сказав ни слова, молча прижался к ее лицу.

Безмолвные и потрясенные, они стояли на виду у всех арестованных, кидавших жадно-любопытные взгляды в их сторону.

Неужто так мало надо человеку для счастья? Только одну-единственную встречу с любимой в прогулочном дворике Бутырской

тюрьмы? А ведь Миронов и Надя-Надюша не просто были счастливы, а задыхались от счастья, не смея даже словом нарушить мгновение слитности и забвения.

Наверное, мы бываем то ли чересчур расточительны, то ли по-глупому скупы, если не бережем друг друга в повседневной жизни и при встрече не «умираем», трепеща от восторга. Но об этом мы начинаем задумываться слишком поздно, когда гром грянул и убил любовь.

Неожиданно из здания тюрьмы выбежал старший надзиратель и громко скомандовал:

— Убрать заключенных!

Ретивые подчиненные кинулись выполнять приказ. Подбежали к Миронову и Наде-Надюше, начали размыкать их сомкнутые руки. Старались долго и бесполезно. Не размыкались руки Нади-Надюши и Миронова, словно чувствовали, что если сейчас, в данный миг, разомкнут, то уже никогда не сомкнут их друг с другом.

— Не оторвать... — в бессилии отозвался один надзиратель.

— Склезились, что ли?.. Рви!

— Тю!.. Бешеный! Это же Миронов!

— Ну и что?

— Командарм Миронов.

— Командарм, и тут?..

— Левушка Троцкий постарался... Вот Ленин дознается...

— Гм... Командарм Миронов... А не брешешь?

— Вот те крест! — перекрестился надзиратель, как раз тот, который предлагал Миронову «вольного воздуха хлебнуть».

— Ну, тогда как-нибудь помягче разнимите их... А то начальство свирепеет...

...Миронов, блаженно-радостно улыбаясь, машинально одолевал ступеньки железной лестницы и, кажется, пришел в себя только тогда, когда за его спиной, противно скрежеща, захлопнулась железная дверь. Устало, словно обессиленный встречей, присел на топчан: «Мы ведь не успели сказать ни слова друг другу... Хотя о многом переговорили... А голос моей Нади-Надюши я сейчас услышу... Вот только согреется мысль...»

Филиппа Козьмича знобило. Прилег на жесткое ложе, укрылся полкой солдатской шинели. Пригрелся. Озноб перестал бить, сотрясать тело. И мысль жива. Это его, как ни странно, обрадовало. Он может думать... Как ему теперь мало, оказывается, надо... Только и всего, что побыть наедине с Надей-Надюшей — какое это чудо... Он приготовился «слушать» голос своей Нади-Надюши, как он всегда ласково называл свою юную жену.

...Бывало, после очередного боя — черный, злой, еще не остывший от атак, прискачет Миронов к дому, где они с Надей-Надюшей квартировали, кинет повод ординарцу, ворвется в горницу и хрипло прорычит: «Пить...» Надя-Надюша с поклоном, по старинному казачьему обычаю, поднесет ему жбан прохладного квасу, наблюдая, как жадно и шумно он пьет... Потом поможет снять портупею с шашкой. Гимнастерку... Смуглый, мускулистый...

Поможет обмыть холодной водой тело до пояса. Чистым полотенцем оботрет, мягкими движениями подведет к кровати и ласково скажет: «Приляг... Отдохни... Приди в себя...» Напряжение спадало, и он, успокоенный, кажется, даже задремывал под лепет этих пахнувших юностью губ...

Потом мир восторга и страсти возникал в нем, от сильного волнения он вздрагивал и теснее прижимался к ее телу... Она сидит рядом, руками шею обовьет и начинает рассказывать, как на фронт попала, как повстречала лихого донского казака... Он любит эти короткие мирные минуты. И, чтобы продлить их дольше, Миронов часто переспрашивал, просил еще раз рассказать с самого начала: «Неужели все правда?» — подыгрывал он ее рассказу. «Как на духу перед священником», — отвечала она. «Рассказывай...» — «Итак, исповедь мою послушай, мой господин и повелитель... — Ласковый голос ее журчал над ухом... — Родилась я в самом начале века, в 1900 году...» — «Подожди, — перебивал Миронов Надю-Надюшу. — Тебе восемнадцать, а мне сколько? Сорок шесть... С ума сойти... Не говори больше, в каком году ты родилась». — «Не буду. Но я не чувствую никакой разницы. Ты молодой. Горячий. Сильный. Смелый до отчаянности. Таких женщины любят. Я?.. Я без ума от тебя. От твоих жестких, крутых рук. Ты в ласке, как в атаке... Я всегда этого жду, волнуюсь. В мыслях переживаю, жду, когда ты набросишься... А потом становишься ласковым и покорным, как ягненок... Мне нравятся эти

резкие переходы в тебе. Очень... Жадность твоя... Я никого никогда не буду любить, как тебя...» — «Может быть, и правда...» — полусонно шевелил он губами. «Не веришь?..» — «Верю. Может быть, в этом и есть суть и мудрость наших исканий... Рассказывай дальше, только не повторяй...» — «Хорошо, не буду повторять, что я родилась в самом начале нашего беспокойного и бурного века...»

— Откуда ты такая взрослая и мудрая?

— Из войны... Из любви к тебе.

— Ты мое чудо. Допустим, завтра останусь жив, и ты будешь вот так сидеть со мною?

— Вечно.

— Нельзя. Тебе — двадцать, мне — сорок восемь...

— Кто запрещал об этом говорить?.. Не думай об этом. Ты красив. Умен. Отважен. Крепок...

— Как старый дуб, аж топор звенит, когда рубишь...

— Поэтому и шашки вражьи отскакивают.

— Ты мое чудо.

— И все равно, у тебя на первом месте война и правда, а уж потом — я.

— Не знаю... А если все — на первое место?..

— Такого не бывает. Ты всю жизнь будешь искать правду. А это как в детстве, бег за радугой после дождя.

— А ты — как дождь, упавший на потрескавшуюся от зноя землю. И поэтому все, что я вижу, мир вокруг — все это ты. Это я точно знаю... На сегодня хватит — у нас впереди целая вечность. Или — один бой и тоже... вечность... Но пока живу, надеюсь.

Миронов слабыми руками нащупал солдатскую шинель, которую всегда носил, и укрылся ею. Пригрелся. И с облегчением подумал, что у него впереди еще целый год жизни с Надей-Надюшей. И об этом счастливом мгновении он будет вспоминать, когда уж совсем не вмоготу станет жить на этом свете... А пока надо успеть о многом другом вспомнить, что и ее любовь не знала. Миронов обязан это сделать, потому что у него есть привилегия много пожившего и много пострадавшего человека, и он хочет и обязан удержать молодых от неверного шага. Наверное, бог послал ему испытание, чтобы проверить на крепость. Но самое печальное заключалось в том, что Миронов так и не понял, видел ли на самом деле Надю-Надюшу или только мечтательный силуэт...

Миронов мысленно вернулся в станицу Усть-Медведицкую, как раз в тот момент, когда его унизили перед всем честным народом — не взяли на войну. Только постороннему покажется, что ничего особенного не произошло — не взяли на войну... Ну и бог с нею! Или черт с нею! Ведь многие спасаются от нее, используя различные, подчас недозволенные приемы. А вот психология донского казака в вопросе о войне во многом отличительная. Даже в самом взгляде на противника. Казак не спрашивает, сколько врагов, а где они, и бросается в бой, потому что уверен в победе — хитрый, бесстрашный, профессионально обученный всем приемам борьбы. Это одна сторона, может быть, более важная. Донской казак — вечный воин, защитник самого дорогого и чтимого звания — защитник Отечества. И лишить его этой высокой чести, значит, нанести обиду не просто физическую, как изгнание из строя сильных и смелых сынов Дона, но и причинить моральную травму. Позор тяжелым грузом придавит не только всегда гордо поднятую голову с фуражкой набекрень, из-под которой вьется чубчик кучерявый. И голова тогда опустится, только глаза исподлобья будут мрачно сверкать, да мысли темные ползти. Позор коснется не одного провинившегося, а всей его многочисленной родни... Всех казаков с плачем и достойными почестями проводили на войну, а его, как какого-нибудь труса или в лучшем случае инвалида беспомощного, даже не то что в сторону отодвинули, а хуже того — пренебрегли им, не пожелали стоять с ним в одном строю защитников Отечества. Такого пережить донской казак не может и от беспросветного, оскорбительного горя даже способен кончить жизнь самоубийством или, если и переживет, то заплатит дорогую

цену.

По горячности и взрывному характеру Миронов, наверное, сразу же после унижения, которое он испытал на станичном плацу, как боевой, храбрейший офицер мог бы что-то сделать непоправимое с собою. Но в первую минуту так был ошеломлен незаслуженным оскорблением, что безвольно опустил поводья коня, и тот привез его к родному куреню. А тут цеп в руки достался — он вместе с потом изгоняет тоску и из головы дурные мысли, приносит постепенное успокоение. После знакомства с этим тяжелейшим физическим орудием крестьянского труда Мироновым владело единственное желание — поскорее бросить его в сторону и отдышаться. Что Миронов и сделал с большой охотой, повалившись под прилагодок свежееобмолоченной пшеничной соломы. И под мелодично призывный звон цикад и крик перепелов «спать пора... спать пора... спать пора...», вдыхая хлебный, хмельной аромат, заснул крепким сном хорошо поработавшего на гумне казака.

Ранним утром, когда еще роса на траве блестела изморосью, Филипп Козьмич, проснувшись, не торопился сбросить с себя зипун, которым был укрыт — крепок же был сон, если даже не слышал, кто к нему подходил — мать или жена, чья заботливость, укрывая, уберегла от ночной прохлады. С теплом зипуна не хотелось расставаться, да и хорошо было чувствовать какую-то особую приятность от того, что вот вокруг холодная роса, а ты лежишь на сухой соломе, да еще и под зипуном.

Миронов вдыхал свежий воздух, будто впервые чувствовал, какой он вкусный и желанный. И как, оказывается, радостно бездумно лежать, дышать полной грудью и смотреть, как угасает последняя утренняя звезда. Розовеет небосвод. Пробуждаются птицы... Земля в это время чистая, пока не проснулись люди... Вдруг тревожное что-то почудилось в утреннем воздухе. Но странно, тревога какая-то легкая, радостная. Подумал: значит, красота земли и неба словно вытянули из его тела и головы мрачные мысли. Ведь только вчера казалась бессмысленна и никчемна жизнь, и он готов был без сожаления расстаться с нею, а ныне совсем другое настроение. Природа — верный целитель от всякой дури. Жизнь... С этим делом, выходит, торопиться нельзя... Да и вообще... Все образуется... Да-а, сколько он из-за своей торопливости ошибок наделал!.. Теперь, что же, потише, поспокойнее будет себя вести?.. Рассчитывать каждый шаг, каждое движение? Вряд ли... А впрочем, видно будет... По крайней мере, он сейчас впервые осознанно наслаждался тишиной и покоем. Покоем внутри себя. И кажется, до этого утра и не знал, что в мире существует такое блаженное состояние души и тела. Вечно он куда-то рвался, спешил, звал

других, заражал их своим сумасшедшим бегом по жизни. А все, оказывается, так просто, и человеку так мало надо, чтобы быть довольным и умиротворенным. Вокруг столько удивительного и прекрасного. Это утро, закутанное в легкий туман. Гумно. Ворох зерна, укрытый брезентом. Хлеб. Прикладки пшеничной соломы. Сад. Яблоки падают на землю. Дом. Мама уже напекла, наварила всего. Дети сейчас вырвутся на простор и шумной ватажкой кинутся к Дону. А он, медлительный и величавый, будет ласкать своих сынов. И дочерей...

Вот подойдет сейчас жена, до сих пор влюбленная в него, как в юности, и будет любоваться им, своим мужем, таким взбалмошным и непостоянным... И чего она в нем такого необыкновенного находит?.. О, так можно и по-всамделишному размягчиться и потерять всегдашнюю упругость и взрывную силу характера. Все. Надо вставать — дел по хозяйству непочатый край, как говорит его суровый, неразговорчивый отец Козьма Фролович... Но тело почему-то не подчинялось, и он продолжал бездумно смотреть в розоватую синеву наступающего утра.

Услышал, как на кольцах, сплетенных из молодого, гибкого краснотала, скрипнула калитка, ведущая на гумно. Скосил глаза: «Кого нелегкая несет в такую рань?.. А, Иван Миронов, верный вестовой. Еще с русско-японской войны... До сих пор считает себя моим ординарцем. Надежный казак. Что ему теперь-то от разжалованного подъесаула?..»

Иван, осторожно ступая, неслышно подкрался к прикладку, под которым лежал Миронов, притворяясь спящим. Иван присел неподалеку, не шевелился, чтобы ненароком не потревожить сон любимого командира.

— Ладно, — отозвался Миронов, — нечего в жмурки играть. Говори.

— Слушаюсь, ваше благородие! — вскочил Иван и вытянулся так, будто перед ним оказался сам наказной атаман.

— Садись сюда, — Миронов указал на полу зипуна, отброшенного в сторону.

— Невелик чин, постою... — Иван расслабился и почесал затылок.

Эту вечную привычку казаков Миронов хорошо знал и часто сам ею пользовался. Залезет казак пятерней в давно не стриженные волосы, будто в данную ответственную минуту его нестерпимо кто-то начал кусать и надо срочно и безотлагательно почесать загривок. А сам в это время думает, как выкарабкаться из деликатного положения.

— Хватит чесаться. Говори, — подтолкнул его Миронов.

— Молодежь, известное дело... — начал Иван, по его мнению, издавека.

— Некому, что ли?.. — спросил Миронов, уже заранее распознав

хитрость своего ординарца.

— Так кто же лучше подьесаула Миронова покажет молодым казакам приемы боя!..

— Ты думаешь, мне таким делом как раз сейчас и заниматься?

— В работе забудется.

— Тут ты прав. Не спорю. Вчера наломался с цепом, так спал как убитый. И обо всем забыл.

— Я же про то и гутарю, труд, он хороший лекарь... Так что можно седлать Орлика?

— Не барин, сам заседлаю.

— Не барин, верно, зато — дворянин.

— Сняли ведь...

— Пойдем на войну — не личное, а потомственное дворянство заработаем... — тут Иван сделал ошибку, напомнив Миронову о войне. Увидел, как потемнело лицо командира — пошлет сейчас к такой-то матушке... Но выручила мать Филиппа Козьмича. Она вышла на крыльцо и крикнула:

— Блинцы с каймаком стынут — идите завтракать!

— Вон, мама кличет, пойдем поедим. Успеешь оседлать Орлика.

Небрежно, по-казачьи сидеть в седле на коне мог позволить себе только опытный наездник, которому ничего не стоит в любой момент собраться и принять такое положение, которое наиболее выгодно для неожиданных, подчас рискованных решений. А так как донские казаки были прирожденными кавалеристами, то обучать их более сложному искусству владеть конем считалось почти что излишним занятием. Хотя среди казаков встречались такие лихие вольтижировщики, что остальным не грех кое-что у них перенять. Однажды группа казаков побывала в цирке, где наблюдала, как артист на полном скаку подлазил под пузо коня и, вцепившись в сбрую, как кошка, какое-то время находился там, потом взбирался в седло... Казаки поднялись, возмущенные, и направились к выходу. В чем дело? Мы, отвечают казаки, всю жизнь такие фокусы выделяем бесплатно, а тут деньги за ерунду берут...

— С-с-м-ии-р-р-на! — Сотня заволновалась и замерла.

Филипп Козьмич Миронов, неторопливо проезжая вдоль строя сотни, наметанным взглядом замечал, что кое-кто из молодых казаков держится чересчур напряженно и строго, словно на императорском смотре. У одного казака саквы с овсом не совсем полные. Переметные сумы как-то криво висят. У другого — шинель неряшливо скатана. Шашка слабо приторочена. У третьего — пика как палка болтается. Ружейный ремень слишком укорочен, не только морщинит френч, но и, кажется, просто душит казака... А ведь казак должен быть легким, подвижным, быстрым. Метким. И как молния резким, с тяжелым, словно гром, ударом шашки... Пикой...

Конь. Три раза накормить, напоить, почистить от копыт до гривы и хвоста... Обладать кавалерийской находчивостью в добывании овса и сена. И так каждый божий день, без выходных и праздников, в вечной тревоге за коня, его здоровье и боеспособность... Нет армейской службы тяжелее и сложнее, чем в кавалерии. Может быть, поэтому и не встречал Миронов среди рядовых казаков и казачьих офицеров хотя бы чуточку пополневших, иначе говоря, с излишним весом. Все — сильные, поджарые, мускулистые, с пружинистой походкой и малиновым звоном серебряных шпор. Тонкая талия, широкая грудь. Гордо вскинутая голова, на ней красуется фуражечка набекрень с развевающимся традиционным чубом. Помнят красавцев — донских казаков не только в России, но и во всей Европе. Элитные, непобедимые войска. И — привилегированные: из донских казаков

традиционно формировалась личная охрана царей и дворцовая охрана. И — еще. Казачьи сотни и полки командование русской армии бросало на самые опасные боевые участки защиты Отечества: разведывательные, авангардные, арьергардные... Сильные, храбрые донские казаки не могли быть недобрыми.

Может быть, единственный праздник, заслуженный в вдохновенный, выпадал на их тяжкую долю, когда донские казаки, сидя на конях, как победители проезжали перед восхищенными земляками.

Миронов задумался, словно перед его глазами промелькнула вся его долгая трудная жизнь профессионального кавалериста... «Слава казачья, а жизнь собачья». «Терпи казак — атаманом станешь...»

Обе пословицы Миронов проверил на собственной шкуре и, кроме ее задубелости, он пока еще ничего не приобрел. Был и рядовым, и атаманом, и офицером, и нарождающимся героем Тихого Дона в пору русско-японской войны, и дворянином, и снова оказался рядовым... Все отобрали и обобрали до наготы. Только осталось мастерство наездника, непревзойденного рубака и разведчика. Этого у него никто не смог и не сможет отобрать.

— Итак, с чего начинается готовность казака к бою? — обратился Миронов к молодым казакам. Кое-кто насмешливо хмыкнул, мол, нашел дурней, которые не знали бы такого пустяка. Филипп Козьмич не подал вида, что буднично-упрощенным вопросом как бы принизил о себе мнение как о легендарном герое Тихого Дона. Им, наверное, хотелось услышать что-нибудь позаковыристее. Миронов повторил вопрос и сам же на него ответил: «Все начинается с седловки. Внимание!.. Слезай!.. Расседлать коней и поставить к коновязи».

Когда навьюченные, тяжелые седла были убраны в конюшню на специально отведенные места, а лошади поставлены к коновязи, Миронов подал команду:

— Седлай!.. — И через короткий промежуток времени: — Во взводную колонну становись!.. Ш-а-а-шки вон!.. В атаку, за мной марш!..

Миронов с места в карьер пустил своего Орлика. За ним с гулом понеслась сотня... Сделав изрядный полукруг, на взмыленных, тяжело дышавших конях сотня возвращалась к конюшням.

— Ш-ш-а-а-гом!.. — скомандовал Миронов и, подозвав к себе подхорунжего Калмыкова, строго спросил: — Что у вас за кавардак во взводе?

— Ваше благородие... У казака Пигарева конь Ефрат какой-то ненормальный: когда все идут шагом — он один рысью. Когда все рысью

— он галопом... Кидается в стороны, баламутит строй... Хрипит, весь в пене... Казак измучился, все у него наперекосяк, даже штанины вылезли из голенищ...

— После рубки лозы — ко мне вместе с этим «ненормальным конем».

— Слушаюсь, ваше благородие.

Навстречу сотне ехали казаки, опоздавшие с седловкой. Миронов обратился к одному из них:

— Не завидую твоим родителям.

— Это почему же? — обиделся казак.

— «Зарубили» тебя. А матери — слезы...

Еще один казак бегал с оголовьем (уздечкой) за конем, который близко подпускал его к себе, но как только казак пытался схватить его за гриву и набросить оголовье, конь делал рывок в сторону и наметом скакал на новое место...

— Что это за казак — коня не может зануздать?

— Характер...

— У кого, казака или коня?

Иван начал объяснять:

— У коня. Как увидит седло, так чембур натягивает с такой силой, что невозможно отстегнуть пряжку около уха и одеть оголовье. Если пряжку успел отстегнуть, тогда конь задерет высоко голову и стремительно кидается в сторону — убегает от казака. Все понимает. Хитрый, спасу нет... Один раз кинули седло на спину, как это нормально делается, конь по обыкновению туго натянул чембур. И сколько его потом ни уговаривали — ни на сантиметр не подошел к коновязи и не ослабил чембур... Начали хлестать по крупу, мол, дурень, подойди!.. А он ни с места. Долго бились — бесполезно. Во характер! Как только сняли с него седло — покосился на казака, посмотрел на седло и, когда убедился, что его уносят в конюшню, спокойно подошел к коновязи и начал себя вести, как обыкновенный строевой конь. Вот такой злодей...

— Что же это ты, казак, как за девкой гоняешься? — насмешливо крикнул Миронов.

Уставший пристыженный казак, с которого пот лил градом, метнул злой взгляд на Миронова, как бы про себя бормотнул:

— Попробуй сам, ваш благородие!..

Он не рассчитывал, что Миронов услышит. Но Филипп Козьмич не обиделся, а как-то даже повеселел — стало быть, казаки признают его за своего командира:

— Ну что ж, попробую... Поймаешь, привяжи к коновязи и доложи.

— Виноват, ваше благородие. Я не хотел... Вырвалось нечаянно.

— Я не в обиде.

— Благодарствую... — снова буркнул казак и кинулся в погоню за конем.

Когда спешенная сотня приводила себя в порядок, внимание всех казаков было приковано к коновязи, возле которой в одиночестве стоял тот самый конь с характером по кличке Ворон. Но, кажется, больше всего их интересовало, как «их благородие» сейчас опростоволосится. Казаки с большим уважением относились к Миронову, но в них как заноза сидело всегдашнее злорадство по отношению к начальству, мол, сам не умеет, а других заставляет. Попробуй, а мы посмотрим...

Миронов, словно исправный рядовой казак, выполняя команду: «Седлай», с навьюченным, тяжеленным седлом выскочил из конюшни, подбежал к коновязи и кинул седло на спину Ворона. Тот по привычке, естественно, попятился назад. Миронов одной рукой схватил коня за хруп, а другой отстегнул пряжку. И пока Ворон разбирался, что ему дальше делать с незнакомым, но властно-сильным хозяином, оголовье уже было накинута, подперстие и подпруги затянуты... Миронов без стремян вскочил в седло, зажал коня шенкелями и, натянув повод, заставил его встать перед изумленной сотней как вкопанным. Кто-то из казаков восхищенно сказал:

— Вот за таким командиром с завязанными глазами пошел бы...

Миронов, бросив повод подбежавшему казаку, строго сказал:

— Учиться надо самому и коня учить подчиняться воле хозяина.

Тем временем, никем не замеченный, подъехал станичный атаман полковник Ружников и стал свидетелем мастерской седловки коня.

— Вам бы, подьесаул, конокрадом быть, — то ли восхищенно, то ли насмешливо сказал полковник и, не дожидаясь ответной реакции Миронова, протянул ему пакет: — Поздравляю! Приказано вернуть вам все чины и звания и разрешить отправиться в действующую армию.

— У-р-р-а-а!.. — взорвалась сотня ликованием.

Миронов словно сквозь легкую дымку глядел на орущих казаков: им-то какая радость?.. Как же, хорошему человеку принесена добрая весть, стало быть, и им радость.

— Да, еще одно немаловажное обстоятельство позабыл сообщить: дозволено набрать сотню охотников и вместе с ними — на фронт.

— У-р-р-а-а!.. — снова взорвалась сотня.

— Все согласны? — спросил полковник.

— Все!.. — загудели казаки.

— Ну, это как посмотрит подьесаул Миронов — ему отбирать достойных.

На эти слова полковника Ружникова не последовало никаких возгласов: ни одобрительных, ни осуждающих, тут уж надо будет показать, на что ты способен, чтобы заслужить признание и одобрение такого офицера, как подьесаул Миронов, у него на дармачка номер не пройдет...

Филипп Козьмич Миронов держал пакет в руках и, кажется, позабыл вскрыть его и воочию убедиться в правильности всего только что услышанного. Его, наверное, удивила тишина многоголосой сотни, очевидно, ожидавшей его ответной обрадованности, но он, внимательно посмотрев на казаков, скомандовал:

— Расседлать коней, приготовиться к вольтижировке!

Была вольтижировка... За нею — «посадка в один темп», когда конь несется карьером, а всадник должен покинуть седло и, держась за гриву и переднюю луку, обеими ногами коснуться земли и, оттолкнувшись от нее, с маху сесть в седло... Потом — рубка лозы и владение пикой. Все знали, что он затупливал свою шашку и рубил лозу так, что заусениц не оставалось даже на коже ее. А уж нормальной шашкой просто сбрасывал лозу... Миронов попросил пику у одного казака... Все внимательно наблюдали за ним. И тут случился небольшой казус. Конь обычно идет по станкам с бешеной скоростью, во всю мочь, на какую способен. Всадник в это время должен мгновенно поражать цели... Оставался последний соломенный шар... Миронов ударил его пикой и рванул ее назад. Но пика не вырвалась, а поволокла за собою шар. Орлик мгновенно среагировал — схватил зубами шар, а теперь, командир, рви пику... Миронов рванул и высвободил пику... Но за это короткое время он мог бы сто раз погибнуть. Рассерженный, злой, он подскочил к хозяину пики и швырнул ее:

— С такой пикой не в атаку ходить, а рыбу на Дону глушить. Ты глянь, какие на ней заусеницы!.. А трензеля почему ржавые? Не коню, а тебе их в рот засунуть!.. Потник у седла в неровностях — ведь спину коню загубишь... Ты почему такой неряха?! Подхорунжий Калмыков, завтра же утром чтоб все блестело!

— Слушаюсь, ваше благородие!

Обернувшись к провинившемуся казаку, Калмыков начал ему толковать:

— «Тяжело в учении — легко в бою»... Кто это сказал? А-а, то-то и оно, не знаешь. Это сказал великий русский полководец Александр Васильевич Суворов.

«Видать, только что из юнкерского училища прибыл, не забыл уроков-

конспектов... Надо его немного охладить», — подумал Миронов, а вслух сказал:

— Согласен с великим полководцем только в одном, вернее, только в первой части этого афоризма, а со второй — категорически нет. Потому что при всей отличной подготовленности и профессиональной выучке в бою никогда не бывает легко. Запомните — никогда. Бой — это страшно тяжелая работа и вдобавок ко всему — смертельная. И отличается от всего на свете тем, что ты ее можешь никогда не кончить. Миг — и тебя нет. Ты со всеми обязанностями на этом свете справился... — Миронов резко повернулся и пошагал с плаца в сторону своего куреня.

Ординарец Иван Миронов следом вел в поводу своего коня и Орлика, похлопывал по крутой шее и ласково приговаривал:

— Ну и умница... Ну и дорогой конь... Надо же додуматься — зубами схватить шар, чтобы хозяин целым вышел из боя...

Миронов, не обращая внимания на ординарца, вышагивал дорогу в глубокой задумчивости.

Костры ночного... Что же это такое?.. Да было ли это?.. Было! Но сколько потерь... Только Филька Миронов выехал в проулок, как из Грачевых дворовых ворот верхом на Мустанге выскочила Валя. Осадила коня а пристроилась рядом. Молчит. Черные широкие брови сошлись на переносице. Покосился в ее сторону Филька — сердитая. Лучше ни о чем не спрашивать. Взорвется.

Что-то словно встало между ними. «Раздвинь сердитки», — в детстве часто просил он ее. Тогда было легко и просто с Валею. Все говорили друг другу. Не таясь. Росли вместе. Бил носы всем, кто пытался обидеть ее. А обидеть ее всякий мог. Все задевали ее, потому что не заметить необыкновенно черных, блестящих волос девочки, ее зеленых глаз было просто нельзя. Мальчишки, проходя, кричали: «Цыганка!..» Валя кидалась на обидчиков. В этом ей усердно помогал Филька, «девчоночий ухажер». Когда они выходили из драки и Валя бережно прикасалась к Филькиным синякам, его маленькое сердце наполнялось таким мужеством, что он был готов сражаться со всей хуторской пацанвой. Потом Валя, когда ее дразнили «Цыганкой», в ответ упрямо встряхивала головой, невозмутимо, но с вызовом отвечала: «А вот и цыганка. Ну и что же?» К этому времени она, наверное, начинала сознавать свою красоту, понимать, почему прохожие оборачивались, восторженными глазами провожали ее. Но Фильке от этого легче не стало. А сейчас что-то изменилось. Он и сам не может понять, что именно. И почему-то трудно просто, как бывало раньше, сказать: «Раздвинь сердитки». В ответ она подняла бы на него свои русалочьи глаза и засмеялась радостно, беззаботно.

Валя повернула к Фильке голову:

— Замуж хотят меня выдать.

Фильку будто ударили. «Значит, правду мать говорила». Он зло потянул плетью своего коня и с места в карьер понесся по придонскому лугу.

— Погоди... Сумасшедший.

Вечерняя роса впитала удалявшийся топот копыт.

Лошадей в ночное водили в буерак Бирючий. Он тянется на много верст по степи и кончается заливным придонским лугом. Луг равнинной далью уходит к хутору Подгорскому и теряется в приречном лесу.

От впадины Бирючьего влево и вправо вскидываются овраги, поросшие лесом, и лога с проточинами небольших ручейков. Звеня и пенясь, они бросаются с кручи, образуя небольшие озерца, поросшие кугой, камышом и чаканом. По опушкам буерака и на полянках растет сочная, густая пырейстая трава — лучший корм для лошадей.

Ребята собирались возле леса, облюбовывали места для ночлега и пастбища. Спутывали лошадей, а самых прокудных и жеребцов стреножили. Распределяли, кому за кем ходить заворачивать косяк, если он уйдет далеко.

Потом жгли костер, рассказывали сказки, обязательно страшные, заснувших привязывали друг к другу, к дереву или к колесу, мазали лица липкой колесной мазью. Боролись, пели песни, дурачились, дрались, но быстро мирились, все скоро забывалось. И всем всегда хотелось попасть в ночное.

Было уже темно, когда Филька и Валя подскакали к лесу. Филька стреножил своего коня, взял зипун, перекинул через плечо уздечку и вместе с Вале́й, не торопясь, пошел на огонь костра. Мустанг, которого никогда не путали, шел следом.

— Кто там? — метнулся от костра голос.

— Свой!.. Здорово дневали! Хлеб да соль.

— Едим, да свой, а ты у порога стой.

— Хорошо принимаете.

— Рады стараться.

— О, Валя, здравствуй. Ты как сюда попала?

— Вот еще явилась.

— Чем ты недоволен? — Валя в упор посмотрела на Захара Чашкина.

— По-матерному не заругаешься.

— Перетерпишь.

— А остальное можно?

— Можешь и на голове походить.

— Здорово!

Ребята уступили место возле костра. Кто-то пододвинул Вале картошку с поджаристой корочкой, испеченную на горячих углях.

— Кому лошадей заворачивать?

— Захару.

— Бреешь.

— Брешут собаки и ты с ними.

Захар молча оторвался от пригретого места у костра, накинул зипун и пропал в темноте: пошел заворачивать лошадей.

Огонь в костре весело плясал перед глазами. Потрескивали дрова. Рядом отфыркивались кони.

Ночное входило в привычное русло.

Тепло костра согрело Валю. «Сердитки раздвинулись», она смотрела на огонь и чему-то улыбалась.

Невдалеке Стоговские курганы. Один, большой, казаки насыпали, когда шли в бой против татарского хана Мигулы. В память о сражении. Другой, маленький, насыпали после боя... И стоят два кургана над Доном, стерегут память о былых казачьих походах...

До Валиного слуха доносится приглушенный голос рассказчика:

— И вот, братцы мои, это было правда, ей-богу правда, не брешу. Сидят они, значит, две подруги в пустом курене. В трубе воет буря. Ночь глубокая. Хлопнет форточка у окна — им кажется, лезет кто-то. Вязали чулки, от страха подбадривали себя разговорами. У одной девушки клубок укатился за грубку. Полезла она за ним. Лап, лап рукой. Вдруг кто-то схватил ее за руку. Хотела крикнуть — язык задеревенел, не слушается... попятилась она, споткнулась о табуретку и полетела на пол. Другая хотела узнать, чего испугалась подруга, глянула за грубку, а оттуда с ножом вылезает разбойник... — рассказчик внезапно замолчал, уставившись взглядом куда-то через спины замороженных слушателей. Все невольно оглянулись. И оторопели.

Из ближнего буерака выползло чудовище с огненной пастью.

— Домовой!..

— Господи Иисусе, сохрани от нечистой силы!.. — Кто-то страстно зашептал, в опасную минуту вспомнив о Боге.

— Оборотень.

— Дураки, — тихо, но внятно сказал Филька.

— Тише ты, безбожник!.. Через тебя и нам достанется.

— Я знаю, что это!

— Храбрый, пойдй сунься!

Переговаривались полусшепотом, боязливо косились на страшилище. Подростки жались к взрослым, а у тех тоже дрожали поджилки. Кто кинулся наутек, возвращались к костру — все равно, мол, от злого духа не убежишь, а у костра не так страшно. Где огонь, там вроде дом.

— Ну, — спросил Филька, — кому очередь идти заворачивать лошадей?

— Что ты? Страшно.

— Пусть они подохнут!

— Валя, пошли посмотрим лошадей. Я тебя не хочу оставлять с этими... казаками, — насмешливо сказал Филька.

— Слушай, Филька, не уходи! Никуда кони не денутся, — всполошились ребята.

— Не хнычьте! Где вожжи? — Филька приготовил петлю для аркана. — Ну, кто со мной? Пошли!..

Все подталкивали друг друга.

Крадучись, без шума, ребята вслед за Филькой пошли по опушке леса. Кто-то наступил на сухую ветку. Она громко переломилась. Все замерли:

— Тише! Не спугнуть бы.

Подошли совсем близко. Филька собрал вожжи кольцом на правую руку, размахнулся — и кинутые ремни звонко хлопбыстнули:

— Тяни!

Чудовище захрипело, погасло. Темень сомкнулась, только слышно было, как барахтается на туго натянутых вожжах черная масса да сопят от натуги ребята.

— Человек! Укутывай в зипун!.. — подняли, понесли к костру.

Размотали зипун. Перед изумленными ребятами предстал чуть побитый Захар.

С трудом развязали захлестанные сыромятные ремни.

— Как ты это чудище устроил?

— Выбросил из тыквы нутро. Вырезал чертячие глаза и зубы. Зажег огарки свечей и вставил в тыкву. Я все ждал, когда вы тягу дадите. А в это время вы и налетели.

— Ловко мы тебя заналыгали, — рассмеялся Филька. — За это всем по горячей картошине.

Все были возбуждены, вспоминая происшествие, разговоров было — не оберешься, и каждый был самым храбрым, удалым.

Потом пели. По-разбойничьи присвистывали, притопывали, вскакивали, кидались в круг, выбивали «Трепака».

Наконец песни и разговоры начали угасать, как и пламя в затухающем костре. Кое-кто сладко посапывал, прижавшись к теплему боку товарища. Тишина захватывала стан, буераки, овраги, поляны. Лишь отфыркивались пасшиеся недалеко кони да легкий ветерок вдруг бросался на упругие листья или неожиданно мелкой рябью пробегал по высокой траве.

Валя, задумавшись, лежала на Филькином зипуне. Вдыхала чистый, свежий воздух с запахом дымка, тянущегося от погасшего костра, и

смотрела на звезды.

Вот одна оторвалась и рассыпалась, блеснув на миг ярким лучом, значит, где-то оборвалась жизнь человека... И звезда погибла, и человек... Звезды новые рождаются на Рождество Христово. Увидела Валя падение другой звезды, и сама полетела вослед: сжавшись в комочек, она крепко спала.

Перед рассветом Валя проснулась. Тишина. Лишь слышно, как позванивает в зарослях ивняка колокольчик, привязанный к шее жеребенка, да шелестит по высокой траве туман. Прогнувшись от тяжести водяных паров, он плыл в сторону Дона. Холодно... «А как же Филька? Мне отдал свой зипун...» Филька, скорчившись, лежал на том месте, где был костер. Отгреб в сторону угли, золу и спит. Поначалу, может быть, и было тепло, но к утру земля остыла; Филька все чаще начал переворачиваться с одного бока на другой.

Валя, не вылезая из зипуна, пододвинулась к нему.

— Ты чего? — сонно спросил Филька.

— Наша очередь заворачивать лошадей.

— Пошли, — Филька поплелся за Валею. Намочил ноги о росу и окончательно проснулся.

— погоди! — шедшая впереди Валя раскинула в стороны руки, чтобы не пустить дальше Фильку, замерла.

На открытой луговине расхаживали медлительные журавли. Поднимающееся солнце освещало гордые головы птиц на длинных шеях. Туловища их были еще в тени от кустов боярышника.

Валя заговорила быстро, боясь спугнуть птиц:

— После ночевки собираются в полет. Видишь, как весело встречают новый день?

В это время Филька, пригибаясь к кустам, подобрался к птицам. Размахнувшись, кинул в них палку. Журавли неуклюже побежали и медленно оторвались от земли. А один ткнулся головой в траву. Печально взмахивая крыльями, журавли набрали высоту и скрылись в голубой дали.

Валины глаза заматались в недоумении и растерянности.

А журавль бился на земле, часто открывая клюв, будто ему не хватало воздуха. Как рыба, пойманная в сети и вытащенная на берег.

Отец с дедом часто в затоне ловили карасей, линей, сазанов. Вытащат бредень — мелкую рыбешку обратно в воду выбрасывают, а крупную складывают на воз. Валя всегда «помогала» им: как можно больше рыбы отпускала в Дон...

— Зачем ты это сделал? — Она подняла тяжелый взгляд. Ее глаза

потемнели, золотистые прожилки, всегда смягчавшие их блеск, сейчас только усиливали его.

— Ну а что? Подумаешь... убил и все. — Он вдруг почувствовал, что не может больше смотреть Вале в глаза.

Девушка молча обошла его.

— Валя!..

Она по-разбойному, резко свистнула — Мустанг оказался возле нее. Вскочила на коня и поскакала по придонскому лугу в станицу...

Филька присел на траву, прохладную, душистую. Что за чудо луговая трава! Мягкая, пушистая и нежная.

Сколько помнит Филька, всегда на лугу косили траву. Еще крохотным казачонком носил на покос отцу кислое молоко в корчажке и пресные пышки, завернутые в лопуховые листья. Бегал по лугу, рвал цветы, ловил бабочек, барахтался в высокой шелковистой траве. Перекатится по ней, бывало, по-мальчишески, кубарем, потом вдруг затихнет, прислушиваясь, как сквозь знойное безмолвие пробираются до его слуха звуки далеко поющих кос. «Вжик... вжик... вжик...» И такое чувство наполняет сердце Фильки, что от радости готов даже чуть ли не расплакаться.

И сейчас, как прежде, Филька бросился на мшистую луговину и прислушался — не долетят ли отголоски детства до его юности?.. Потому что осталась от той давней поры могучая любовь к лугу, к запахам свежескошенной травы.

...Все празднества, народные гулянья и различного рода состязания устраивались на придонском лугу. Природа будто специально создала этот уголок для людей. Чистое, ровное, как стол, поле. Деревья разбросаны по нему. Можно от жары в холодок спрятаться. Ближе к реке сплошная стена дуба, караича, тополя и верб. Дон рядом. Пологий песчаный берег.

Солнце гуляло по лугу. Наткнулось на музыкантов и заиграло на их до нестерпимого блеска начищенных трубах. Духовой оркестр словно этого ждал — тут же грянул боевую радостную песнь: «За курганом пики блещут. Пыль курится, кони ржут...»

По лугу растекалась празднично разодетая гомонящая толпа. Под деревьями казаки расседывали лошадей, давая им отдых перед состязанием.

Вскоре послышалась команда — вызывали на старт участников скачек с преодолением препятствий.

По жребию Филька должен скакать первым. За ним Валя. В строю они стояли рядом. Мустанг тянулся к Филькиному колену и хотел его по-дружески ущипнуть. Но Филька, насупившись и пригнув голову, молчал и незаметно отодвинулся от Мустанга.

Вот раздался сигнал горниста, судья взмахнул флажком. Филька дал шпоры своему коню — и состязания начались.

Верно старые казаки говорят: настроение всадника передается коню.

Верно еще и то, что кавалеристу считать ссадины и лечить ушибы — бесполезное занятие. Первых бесчисленное множество, а вторых... Не успеешь приложить примочку к ушибу, как получаешь новые. Поэтому, срываясь с коня, старайся упасть по-кошачьи — на руки и ноги. Иначе отобьешь печенку. Упал, разбился в кровь — глотни свежего воздуха. На коня — и в бой.

Премудрости на первый взгляд кажутся нехитрыми. Но когда ими приходится пользоваться — не всегда получается так, как учили.

У Фильки сегодня настроение было плохое. Он знал, оно может передаться коню, и тогда прости-прощай первое место и слава лучшего наездника казачьего хутора. Не выезжать на состязание — подумают, трусил, подвел товарищей в борьбе с другими хуторами и станицами за призовое место. Этого Филька не мог себе позволить.

Возбужденный праздничным настроением толпы и музыкой духового оркестра, конь смело пошел на препятствия, преодолевая легко, оставляя их позади себя. Но вдруг Филька невольно подумал, что вот эта фигура трудная и — то ли рано послал коня на этот «гроб», то ли поспешил опуститься в седло, когда конь еще был в воздухе, или же Филькина мысль о трудности «гроба» мгновенно передалась коню... Конь хорошо выпрыгнул перед «гробом», взял его, но, опускаясь на землю, зацепился задними ногами за крышку, неправильно перебрал передними — и споткнулся. Филька перелетел через голову коня, упал на землю. Все кинулись к нему. Конь стоял рядом и виновато косил фиолетовым глазом в сторону своего молодого хозяина.

Распластавшись на земле, Филька среди столпившихся возле него людей увидел расширенные страхом глаза Вали. Бездонные, как небо. Они, кажется, сразу же подняли его, и он сгоряча вскочил на ноги. Где-то что-то кольнуло больно, но разве казаку можно признаваться в этом... Он кинулся к коню: начал ощупывать его ноги — слава богу, не поломаны... Глянул на свои ноги — бог ты мой, голенища сапог разорваны до самого задника... А тут еще подбежал запыхавшийся дружок Петька Зенков, глянул на разорванные сапоги и обреченно сказал: «Хана нашему хутору!.. Другие заберут призы...»

— Отчего это? — разжал с трудом губы Филька.

— Ты же наперегонки теперь не поскачешь.

— Это почему же?

— Оклемался? — обрадованно вскрикнул Петька.

— Конь цел, да и я тоже.

— Поскачешь без сапог и шпор? Пятками, что ли, подгонять коня.

— Его не надо подгонять. Он умный и никого впереди себя не пропустит.

— Ну, гляди... — как-то неопределенно отозвался Петька.

Трубач атаманского оркестра подал сигнал к сбору участников скачек. Филька, преодолевая боль во всем теле, снял седло и взобрался на коня. «Охлюпкой» подъехал к месту старта. Увидев такую картину, кто-то чего-то кому-то сказал, что, мол, не по форме одет один из участников скачек — без седла и сапог... Слух, как огонь по сухой соломе, тут же достиг атамана, руководившего состязаниями. Но тот куда-то торопился и, чтобы побыстрее от него отстали с пустяшным делом, махнул рукой... Что это означало, никто допытываться не стал: то ли разрешение, то ли просто — «отстаньте, не до вас...» А тут еще атаман торопился к своему собственному жеребцу, из его собственной конюшни, который тоже будет участвовать в состязаниях и, конечно, же, выиграет их. Так какая разница, что какой-то там Филька Миронов будет в седле скакать или «охлюпкой»... Ему же хуже... На радость или на беду, но Филька к финишу пришел первым... И вот тогда-то поднялся всамделишный шум — выдавать ему приз или нет. А почему, собственно говоря, не выдавать? Так он же без седла скакал!.. Так об этом следовало бы думать чуточку раньше... Да, но седло и сапоги облегчают бег коня... Спорили до хрипоты и пота, но в конце концов Филька все-таки получил новые сапоги со шпорами. Хуторские казачата ликовали!..

А коль такая важная победа завоевана, то хуторские казаки решили на радостях потешить мир честной необычным зрелищем, в котором воедино сливаются отчаянная храбрость, ловкость, сила духа и тела.

Впереди с пикой наперевес, держа ее за концы, скачут двое взрослых казаков. Третий, Филька Миронов, отставая на корпус, скачет позади. Вот-вот они должны поравняться с тем местом, где стоит атаман со своей свитой... Филька протискивается между передними всадниками, выпрыгивает из седла, на лету хватается за пику, раскачивается, как на турнике, и делает стойку на руках. Все в один миг... Народ честной ахает, потом разряжается восторженным гулом. Казаки с Филькой, висящим вниз головой, скачут по кругу. Все с восхищением смотрят на отчаянного парня, на его новые сапоги, начищенные до нестерпимого блеска, и шпоры, легонько позванивающие от встречного ветра...

Филипп Козьмич Миронов, заложив руки за спину, это его любимая поза, угнув голову, молча шел, думал, вспоминал... Почему так быстротечно время юности? В самом деле?.. А может быть, это только сейчас он так думает? А тогда, в юности? Ну-ка, вспомни. Ведь ненавидел

ее чересчур медлительную поступь. Только и дум было, как бы побыстрее вырваться из родного куреня и отправиться на цареву службу — а там слава, подвиги... Только бы скорее повзрослеть!.. Выходит, не время быстротечно, а человек до отчаянности нетерпелив — он все подгоняет и подгоняет это самое время взросления, а потом, спохватившись, начинает мечтать о том, чтобы хоть одно короткое мгновение удержать из него, ускользающего, как песок между пальцев. Побывать наедине с ним, вспоминая, казалось бы, самые незначительные эпизоды из тогдашней жизни, наделяя их волшебной памятью.

Запахи утренних и вечерних зорь, олицетворяющих женскую красоту... Степи, сотканной из солнца, луны и девственных трав... Дона, отражающего синеву небес... Цветущих садов в подвенечных нарядах... Звуки песен, музыку сердца тревожащих... Девичьих и птичьих голосов, когда рядом с ними ступало божество любви... Христианских древних праздников, напоминающих времена язычества... И очищающих от грехов...

Юность — это драгоценный дар человека. Только в ней — жизнь. Весь ее мудрый и бессмысленный смысл... Таинство слов, звучащих откровением и бессмертием...

Но мы с бесшабашно-бездумной щедростью, как хвастливые гуляки, куда попало разбрасываем изумрудные камни. Может быть, даже потому, что они нам достаются почти что за так, легко и просто, как сама жизнь. Это кому-то тяжело и больно, особенно тем, кто рождает эту самую юность, а ей самой все трын-трава. Только память за забвение мстит зло и беспощадно, как старая фронтовая незаживающая рана. Неосторожно к ней притронешься — занает, заболит... Дрогнет что-то в сердце, и разум скует грусть-кручинушка. Забудешь обо всем на свете, и ушедшие безвозвратно картины заполнят все существо, и не будет сил вырваться из их плена... Из их трагичной невозвратимости. И покажется, что от вечности и темноты тебя отделяет всего лишь муравьиный шаг. Главное в юности — отрыв от буднично-обыденного и приближение к божественному, как полет во сне... Пик. Что возобладает в человеке потом — дух или тело?..

— Такие-то, брат, дела... — Миронов вдруг остановился и будто сам себе вслух сказал. — Завтра, брат, споем: «Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья...» Выпьем сначала на посошок, потом — стремянную... И последнюю — закуренную... Казачка-жена оторвется от стремени казака и в слезах упадет на сыру землю...

— А молодые казаки набросятся на нее... — продолжил Иван.

— Мне, положим, эти переживания не грозят, — отозвался Миронов.

— А вот твоя Анна — молода, красива... Казачата как волчата набросятся.

— Да-а... — протянул Иван, забираясь пятерней в загривок. — Одно утешает — строгая она у меня насчет этого...

— Дай-то бог... — Миронов покосился на верного ординарца.

— Да не будь сам плох, — закончил Иван.

Ошалелый треск цикад возвестил о приходе вечерней зари. Ее алое пламя, словно накручиваясь на гигантский барабан Пирамиды, медленно уползало за край земли. Со стороны приречного луга бесшумно наплывала бархатистая темень, по пути разбрасывая звезды по таинственному небосводу. На Дону в теплой, прогретой августовским солнцем воде играла крупная рыба. На прибрежное игрище печалью «Страданий» балалайка звала юность. Ночь, тревожная и тихая, несла на своих крыльях покой и забвение, восторг первого поцелуя и трепетное прикосновение к запретному...

Во второй половине августа 1914 года Филипп Козьмич Миронов во главе казачьей сотни, составленной из охотников, выехал на фронт первой империалистической войны. Один из них, главный, протянулся от Балтийского моря до Румынии. Другой фронт — Кавказский... В этой гигантской мясорубке, как капля воды — сотня донских казаков во главе с подъесаулом Мироновым. Из таких вот капель и образовывалась целая река, пополнявшая бездонные фронтовые потери. 125 тысяч донских казаков было призвано под знамена убийственной войны. Цвет профессионально обученного войска. Сразу столько казаков еще никогда не призывали. И хотя многие семьи остались без кормильцев, на Дону «ура-патриотизм» захлестывал все слои населения. А уж о казаках и говорить нечего — каждый рвался в бой, чтобы заслужить похвалу Отечества и с почетом возвратиться в родимый курень на берегу самой великой и прекрасной реки — Дона. И обязательно с Георгиевским крестом на груди. Только ведь не у всех сбудется эта мечта...

Сотня шла походным порядком. Неподалеку от города Жолкиева, в поместье барона Розенталя остановилась на ночлег. Здесь Филипп Козьмич Миронов встретился с человеком, который так же, как и он сам, был везде и всегда первым...

Был поздний вечер. Филипп Козьмич только что снял с себя шашку с портупеей, расстегнул ворот мундира и, усевшись за обеденный стол в гостиной барона Розенталя, ждал, когда верный и заботливый ординарец Иван внесет желанный самовар. Но вместо него неожиданно вошел незнакомый штабс-капитан в форме летчика императорских военно-воздушных сил, как-то отчужденно кивнул головой, словно не желая быть вежливым, но и не заметить казачьего офицера он не смел — это было бы явной дерзостью.

Миронов, кажется, не успел ответить на его не совсем любезное приветствие, как вошедший быстро пересек гостиную, и, резко открыв боковую дверь и войдя в другую комнату, так же резко прикрыл ее за собой. Филипп Козьмич, усталый после длительного перехода, не обратил особого внимания на невежливость незнакомого офицера, может быть, потому, что не раз бывал свидетелем, когда некоторые офицеры, выходцы из дворянских семей, свысока смотрели на него, выходца из казачьих низов. Конечно, в другой обстановке горячий и резкий Миронов мог бы поставить

на место любого офицера, какую бы родословную он ни представлял. Но сейчас ему ничего не хотелось, кроме как отдохнуть и с утомительной дороги попить ароматного чаю. Потом заснуть кавалерийским сном — ведь на рассвете снова походным порядком в направлении родного 32-го казачьего кавалерийского полка. Филипп Козьмич только что расправил усы, собираясь нагнуться над дымящейся чашкой с чаем, как из боковой комнаты резко открылась дверь, вышел все тот же штабс-капитан и, быстро шагнув к столу, оказался перед Мироновым. Так же резко наклонив голову, сказал:

— Извините... — пальцы его рук сжимались-разжимались. Видно, непросто ему дался жест примирения. Или для истинно воспитанного человека он и ничего не значил?.. Но это был первый случай в офицерской жизни Миронова, когда незнакомый офицер, по-видимому, осознав свою вину, решил таким образом загладить ее.

Филипп Козьмич оторвался от чашки, быстро встал и пристально посмотрел в глаза штабс-капитану, который гордо вскинул голову. И они как-то сразу же прониклись обоюдной симпатией. Друг друга поняли — и как трудно было решиться штабс-капитану на такой шаг, и что казачий офицер достоин подобного жеста.

— Прошу вас... — Миронов любезно протянул свою плохо гнувшуюся руку, указывая на стол, на котором аппетитно парил самовар. — Откушайте чаю. Иван, — крикнул ординарцу Миронов. — Быстро чашку с блюдцем!

— Спасибо. Не откажусь. — Перед тем, как сесть за стол, он отрекомендовался: — Штабс-капитан Нестеров. Петр Николаевич. Командир одиннадцатого корпусного авиационного отряда.

— Очень рад, — отозвался Миронов, в свою очередь отрекомендовался: — Подъесаул Миронов. Филипп Козьмич. Командир казачьей сотни разведчиков. Следую в расположение полка.

— Миронов... Миронов... Русско-японская война... «Нарождающийся герой Тихого Дона»... Верно?

— Почти что... Нестеров... Первая в мире «мертвая петля» на «Ньюпоре-IV». Ровно год назад, август, 1913 год. Киев. Святошинский аэродром. Герой воздушного океана. Верно?

— Почти что... — плотно сжатые губы штабс-капитана впервые тронула улыбка.

Оба облегченно рассмеялись. Потом разговорились, будто они давным-давно знали друг друга. Такое случается с настоящими мужчинами. Особенно на войне, в боевой обстановке, когда жизнь измеряется

мгновениями и каждая такая встреча ценится на вес золота.

Штабс-капитан был невесел и поведал, что его авиационный отряд придан 3-й армии, которой командовал генерал Рузский. Нестеров летал каждый день, утром и вечером. А 12 августа совершил три полета. Это было под местечком Броды. От усталости упал в обморок... Штаб 3-й армии находился в Жолкиеве. То ли по этой причине, то ли, как впоследствии выяснилось, совершенно по другой, над городом каждое утро появлялся австрийский самолет «Альбатрос». Генерал-квартирмейстер армии генерал-майор Бонч-Бруевич был недоволен и все время выражал неудовлетворение действиями летчиков во главе с Нестеровым, который имел на вооружении лишь пистолет Маузера. Что же можно сделать? Гоняться за «Альбатросом», стреляя из пистолета? «Ну придумайте что-нибудь!» — раздраженно сказал однажды генерал. Штабс-капитан Нестеров дал ему честное офицерское слово, что завтра австрийский самолет перестанет летать над городом.

— И вы заставили самолет не летать? — с интересом спросил Миронов.

— В том-то и дело, что честное слово я дал генералу только что... Сегодня вечером. А завтра должно наступить утром... Надеюсь, вы понимаете мое состояние?... — Нестеров, подперев ладонями подбородок, глубоко задумался и, кажется, был далек от всего, что его окружало.

Филипп Козьмич удивленно смотрел на необыкновенного человека и по своей природной деликатности не смел расспрашивать: как же штабс-капитан заставит вражеский самолет перестать летать? Легко сказать... Это же не на земле, а в небе... А может быть, он пойдет на смертоубийство?! Как японский камикадзе? Но тех ведь специально готовят... Да и к тому же набирают в специальные школы юнцов... А его новый знакомый — взрослый человек, здравомыслящий. Командир авиационного отряда. Может быть, он кого-нибудь из подчиненных пошлет на выполнение этого деликатного и опасного задания?... Наверное, так и будет — не сам же полетит стрелять из маузера? А если сам, то сейчас, наверное, обдумывает, как это сделать — слово-то дал. Офицерское.

Словно отвечая на немой вопрос Миронова и высказывая вслух свои думы, Нестеров негромко сказал и одновременно показал ладонями, как он это будет делать:

— Ударю сверху... Наберу высоту и...

— Как коршун на куропатку! — весело добавил Миронов.

— Совершенно верно, — вскинув глаза на Филиппа Козьмича, подтвердил Нестеров.

— Только ведь можно и промахнуться... — усомнился Миронов.

— Вы правы — можно.

— Ну, и тогда как же?..

— Миг — и ничего нет... От меня ничего не останется. Только память. Пока близкие люди будут помнить — я буду жив... — как-то невесело усмехнулся Нестеров.

— Да-а... Выходит, собьете вы австрийца или не собьете, а самому придется падать на землю, так, что ли?

— Почти что так. Правда, по моим расчетам, можно спасти свой самолет, а значит, и самого себя. Но шансы невелики...

— Чертовщина какая-то! — Миронов зло выругался и вскочил из-за стола. Быстро начал ходить по комнате.

Иногда бросал косые взгляды на Нестерова. Это как же получается, сидит блестящий офицер, легендарный летчик, и завтра из-за какого-то паршивого австрийца надо идти на верную смерть?.. Ну а сам-то он не в таком ли положении? Там ведь на земле. Можно и обмануть врага. Ускакать. Укрыться... Какой-никакой выход есть. А в небе?.. Там куда денешься? Не иначе как к господу богу... И может быть, впервые Миронов ощутил нелепость войны. Ее странную жестокую и нелепую сущность...

— Извините, что вас втянул в свои проблемы...

— Какие могут быть извинения!.. Я понимаю, что нравственные критерии вечны — совесть, достоинство, честь. Самопожертвование. Но в данном случае ведь нет необходимости идти на смертный шаг!.. Черт побери эти генеральские амбиции!.. И выхода нет — не пойдешь же к этому самому Бонч-Бруевичу и не скажешь: сними данное слово. Как заклятье! Пленники чести!.. Я просто вас запрю в доме, поставлю караул из казаков и прикажу не выпускать. Они это умеют неплохо делать.

— Дружба — это награда. Я искренне рад, что, может быть, последний вечер проведу с хорошим человеком... «Весь я не умру. Душа в заветной лире мой прах переживет...»

— «И тленья убежит...» — продолжил тихо Миронов. — Почему вы так на меня смотрите?

— Когда вы пригрозили, что запрете меня и приставите казаков для охраны, я принял как должное, потому что читал, что «Миронов — это вызов, пламя горящего костра, которое не угасить даже самому свирепому степному ливню... Искусный меткий удар. Молнией вспыхивает лезвие шашки, со свистом рассекает воздух. Блестит. Искрится на солнце потемневшее серебро... Это донской казак Миронов несется на врага...» А теперь удивила в вас поэтическая душа. Значит, в человеке все может жить?

И страшный, неотразимый удар шашки, когда голова противника скатывается с плеч, и душа, отзывающаяся на нежность и печаль...

— Как золотая пыльца на пальцах рук твоих витает, кружится и блестит... Как взор прекрасных глаз, припудренных солнечными лучами, обещает счастье и покой... — негромко отозвался Миронов и так же негромко продолжал: — А ведь вместе с отрубленной головой наступает конец света — был вроде человек, и нет его... И каждый из нас берет себе право убивать один другого. И все это освящается... любовью к Родине. Не находите ли вы странным такое состояние ума и души?

— За убийство человека Родина обещает нам все, и даже небо в придачу... Человек устроен так, что он сначала верит вещам, а потом — духу. И как бы он ни храбрился, а за убийство врага начинает ненавидеть того, кто послал его на это мерзкое дело, а потом казнить себя, унижать, растаптывать... Потому что совесть, по-видимому, начинает так мучить душу, что она ни в чем не находит спасения...

— Значит, права древняя мудрость: «Не убий». И пока глаза горят огнем доброй мысли и высокой мечты — не порвется связь времен... Поэтому прошу вас, откажитесь от своего безумного плана. Переломите себя. Остановите свою гордыню, сделайте в этот краткий миг прозрения — добро. Не откладывая на потом. Именно в этот краткий миг...

— Вы правы. Но рвать цветы по весне любой может, но не каждый станет пахать землю, сажать их и выращивать... И потом, как говорил Наполеон, человек может пойти на смерть даже из-за пуговицы, если будет знать, что соотечественники станут его прославлять...

— Где-то я читал, что талант жить — это иметь доброе сердце и крепкую волю.

— Охотник убивает тридцать девять медведей, а сороковой убивает охотника.

— Силе зла необходимо противопоставить силу добра. Культура и человек. Война и мир... Кто над собою власти не имеет, может ли он поучать истине других?

— Удача и счастье сами по себе не приходят. За все надо платить. Причем иногда самой дорогой ценой.

— Согласен. Только быть счастливым — великая тайна, над которой бьется все человечество.

— Долг... И он, может быть, заложен во мне, как бескорыстная потребность души? Как священный огонь патриотизма. И потом, как сказал поэт: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда; Здесь страх не должен подавать совета».

— Долгом можно разрушить самые светлые мечты. Если что-то нехорошее случится завтра, то виноватым буду лично я, подьесаул Миронов.

— Спасибо, друг, — Нестеров порывисто встал, протянул руку Филиппу Козьмичу и крепко пожал.

— Иван, кликни хорунжего Калмыкова... Подарим казачью песню штабс-капитану Петру Николаевичу Нестерову. — И Миронов высоким голосом запел:

За курганом пики блещут,
Пыль клубится, кони ржут.
И повсюду слышно было,
Что донцы домой идут...

Утром неожиданно для казаков Филипп Козьмич приказал отложить седловку коней и оставаться на своих местах до особого распоряжения. Никто не знал, чем это было вызвано. Сам он об этом ни с кем не говорил. С раннего утра озабоченно и молчаливо ходил возле коновязи, внимательно всматриваясь в небо. Вот уж и солнце подтягивалось к «дубу» и ласково начинало пригревать, надо бы отправляться в поход, пока оно совсем не стало припекать, тогда лошадям будет трудно по жаре преодолевать маршбросок. Но при всегдашнем бережливом отношении к коню сегодня его, кажется, такая проблема не интересовала. Подчиненные не смели нарушить его необъяснимое молчание и явное нежелание с кем бы то ни было разговаривать. Была у Филиппа Козьмича такая особенность, когда он всем своим видом давал понять, что к нему в данную минуту лучше всего не подходить и ни о чем не спрашивать.

Прежде чем Миронов увидел самолет в воздухе, он услышал крики казаков: «Гляди, братцы, летит!..» «Стреляй!..» — крикнул Филипп Козьмич, не сознавая, кому предназначалась его команда. Но казаки его голос услышали и открыли беспорядочную стрельбу по вражескому самолету. «Альбатрос» делал виражи вокруг поместья барона Розенталя. Уж не хочет ли он бросить бомбу на лошадей сотни Миронова, мирно стоящих у коновязи?..

Но вот в небе появился еще один самолет. Все вокруг закричали: «Наш «Моран» поднялся!.. Сам Нестеров!.. Сейчас он австрияку выпет!..»

«Моран» взлетел выше «Альбатроса», сделал над ним круг. По видимому, «Альбатрос» заметил противника и рванулся вниз. Тогда

«Моран» зашел ему с хвоста, догнал и, как сокол бьет куропатку, ударил вражеский самолет. После того как самолеты расцепились, «Моран» стал медленно вращаться вокруг своей оси и падать вниз. Кое-кто на земле подумал, что самолет планирует, но для понимающих и знающих людей было ясно, что это вращение и падение — катастрофическое... А австрийский «Альбатрос» как ни в чем не бывало продолжал полет в горизонтальном положении. Но вот он неожиданно клюнул тяжелым носом, повалился на левый бок и начал так стремительно падать, что, обогнав падающий «Моран», первым врезался в землю... Врезался в землю и «Моран».

Для Миронова важным было узнать, кто летал на «Моране», сам ли штабс-капитан Нестеров, в чем он почти не сомневался, или же другой летчик? Как-то само собою в скорбной тишине прошелестело печальное известие, что при таране вражеского самолета погиб легендарный летчик Петр Нестеров... Миронов вялым голосом отдал команду: «Седлать...»

Кого же сбил Нестеров? Оказалось, лейтенанта барона Розенталя, в доме которого провели совместный и последний свой вечер Миронов и Нестеров. И еще выяснилась такая любопытная деталь: барон Розенталь сначала служил в кавалерии, потом выучился на летчика, купил собственный самолет и начал на нем летать... Мистика какая-то... Будто нарочно соединил в себе профессии двух русских офицеров — кавалериста и летчика. И перед вечным расставанием друзей заставил их переночевать в своем имении...

Прибыв на позиции, Филипп Козьмич Миронов приступил к выполнению труднейших и опаснейших обязанностей командира сотни разведчиков. Из него еще не выветрился военно-патриотический дух, и он считал своим долгом отстаивать интересы Отечества. Чужеземец идет на родную землю с целью ее поработить, значит, задача донских казаков — отразить нападение и наказать врага...

За особо ценные разведывательные данные о противнике для штаба 3-й Донской казачьей дивизии, добытые лично им, в марте 1915 года Миронову присвоили чин есаула и наградили Георгиевским оружием...

В приказе по 3-й Казачьей кавалерийской дивизии; которой командовал князь Долгоруков, говорилось: «По утверждению Думы, командующий Третьей армией наградил Георгиевским оружием Миронова Филиппа за то, что он, будучи в чине подъесаула и состоя в тридцатом донском казачьем полку с 6-го по 12-е ноября 1914 года, командуя разведывательной сотней в районе Бартфельд-Змиев, с боями добыл важные сведения о расположении и движении противника, чем оказал незаменимое содействие успеху наших войск».

В январе 1916 года Миронов был произведен в войсковые старшины... За мужество и героизм награжден четырьмя орденами...

В марте 1916 года войскового старшину Миронова Филиппа Козьмича назначают помощником командира 32-го Донского казачьего кавалерийского полка по строевой части. Провожая Миронова из 30-го кавалерийского полка, генерал-майор Неклюдов написал восторженную характеристику, где были употреблены такие слова:

«...Войсковой старшина Миронов рапортом от 22 марта с. г. № 84 донес, что он того же числа сдал Шестую сотню есаулу Кожанову и выбыл к месту новой службы, в 32-й Донской казачий полк.

За свое краткое командование полком я успел узнать и оценить по достоинству войскового старшину Миронова как отличного командира сотни и великолепно знающего свое дело офицера, имеющего большой опыт двух войн: русско-японской и настоящей. Очень сожалею, что не пришлось мне более совместно поработать с ним, но чрезвычайно радуюсь, что новое

назначение в 32-й полк на должность помощника командира полка откроет его уму, знаниям и опыту более широкие горизонты для применения и даст ему возможность шире проявить свою инициативу и энергию, которой у войскового старшины Миронова так много.

От души поздравляю своего собрата, командира 32-го полка полковника Ружейникова с таким отличным помощником. С глубоким сожалением расстаюсь с войсковым старшиной Мироновым, искренне желаю ему лучшего в новой служебной обстановке.

Командир 30-го Донского казачьего полка
генерал-майор Неклюдов».

Казалось бы, что еще надо фронтовому офицеру — полная грудь орденов, чины и, главное, жив и здоров. Все это хорошо, если не касаться такого деликатного вопроса, как совесть. Душа. Она часто мучается, казалось бы, по совершенно непопятным причинам. Казалось бы, какое дело донскому казаку Миронову, прославленному и возвеличенному высшим командованием, подчиненными и родным Доном, где о каждом его подвиге во славу царя, веры и Отечества оповещали не только печатные органы, но и многоустная молва, — какое ему дело, что на трехтысячеверстном фронте ждут своей гибели 14,5 миллиона человек — столько Россия мобилизовала своих сынов?.. Но не все же погибнут.

Совершенно случайно Филиппу Козьмичу как-то попались на глаза секретные данные о потерях русской армии, и он с той поры не мог прийти в себя.

В 1914 году каждый месяц потери составляли — 175 тысяч человек! Что же это значит? Если в его, Миронова, полку полный штат составляет 973 человека, то, выходит, в месяц погибало 175 полков?! В месяц!.. Каждый день по 5–6 полков?! Это же — ужас!.. Все ведь знают, все видят, что в полку погибло, допустим, три, пять, наконец двадцать-тридцать человек. Много. Жалко. Но это же война, будь она трижды проклята! Но трудно представить, чтобы сразу погиб полк. Два. Три. Четыре. Пять полков!..

В 1915 году в августе погибло 585 тысяч человек. В сентябре — 418... В октябре — 366 тысяч... На 1 февраля 1917 года русская армия потеряла 8 миллионов солдат и нижних чинов и 63 тысячи офицеров!.. Уму непостижимо!.. Море крови!.. И все это во имя царя, веры и Отечества?.. Во имя того, чтобы он, Миронов, оставшись в живых, на свой офицерский

френч нацепил лишний орден и получил очередной чин, предполагающий славу, богатство, не только пожизненное, но и потомственное дворянство... Огромный надел земли... Косяки собственных коней... Да все это даром ему не нужно!..

Но душа-то кричит! Требуется объяснения и утешения. Может быть, небо пошлет успокаивающий глас?.. Нужна тишина. Сосредоточенность. Неспешность. Но где ее возьмешь, чтоб подумать про самого себя: «Кто ты? Что несешь людям, миру? Добро, правду?» Но ведь правда страшно тяжела и часто неподвластна человеку. Нужны безумные усилия, чтобы она восторжествовала! Вон как!.. Не знал этого Миронов. Он всегда поступал по правде. Тогда почему он допустил у Мазурских озер гибель 20-го русского корпуса 10-й армии? Окруженные, без пищи, патронов и снарядов войска кинулись в последнюю штыковую атаку и были сметены огнем германских батарей... Но что он мог поделать?.. В этом-то и вся сложность, что никто не знает, кто, что мог бы сделать, чтобы предотвратить беду. Знал бы, где упадешь, как говорится, соломку бы подстелил. В этом-то и суть великого, чтобы знать и предупредить катастрофу. Такое дано не каждому, но в том-то и сила личности! Разве он, Миронов, не видел бездарных офицеров, которые вели на верную гибель разутых, раздетых и голодных солдат?.. Видел. Но и что же он должен был сделать? Во всяком случае, не накладывать на себя обет молчания! Надо было протестовать, кричать, идти на риск...

Боялся, что о нем подумает начальство?.. А сам он лично по-прежнему станет водить казаков в разведку?.. В атаки?.. Ну а как же... Он что же, еще не понял, во имя чего и кого ведется эта империалистическая бойня? С него еще не спала шелуха «ура-патриотизма»? Трудный вопрос. А разве на войне бывают легкие вопросы?

А может быть, ответ уже найден?.. Газетка-листочка социал-демократов жжет его карман — он только что изъял ее у одного казака, который объяснил, что подобрал в окопе, мол, сгодится для курева... Глянул Миронов в текст и тут же спрятал в карман, собираясь на досуге внимательно прочесть... Что они пишут? «...Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами

направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России... Немецкая буржуазия предприняла грабительский поход... чтобы разграбить более богатого конкурента (Франция, Бельгия, Англия)... Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. На самом деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы...»

Миронов прочитал еще раз этот абзац и даже рукой потер себе лоб, как бы осмысливая последнюю фразу. Это что же получается? Выходит, мы не свою родину защищаем, а... страшно даже подумать... а являемся наемниками французских и английских толстосумов?.. Неужели правда? Откуда социал-демократы выкопали такие сведения? А может быть, они брешут?.. Но ведь он, Миронов, всегда причислял себя к социал-демократам, хотя, откровенно говоря, не понимал, что это такое. Просто размышлял, коли он сам стоит за свободу и права рядовых казаков, значит, это и есть демократия, которую ненавидит правящий класс. Буржуазия... Ну на что же они, социал-демократы, раскрывают людям глаза?

«Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но, чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного...»

Выходит, Родина... Отечество... это всего лишь «фраза» для одурачивания людей? Чтобы солдаты в дикой ярости животного страха, разинув рты, кидались на врага, такого же, как и они, бедолагу, которого одурманили лозунгами-призывами — Родина в опасности?.. С ума можно сойти!.. Будто все вдруг перевернулось в сознании Миронова. Будто кто-то крепко стукнул обухом топора по голове... да, но какой же выход они указывают из тупикового положения? Ага, вот и ответ-рекомендация:

«Для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого

реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии... Обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны. Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг... Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро сделать решительный шаг по пути действительной свободы народов и по пути к социализму...»

Гражданская война... Понимают ли социал-демократы, что это такое? Значит, брат пойдет на брата? Отец на сына?.. Какие нужны будут лозунги, чтобы натравить одних на других?.. И опять же, «с точки зрения рабочего...». А как все это будет выглядеть с точки зрения казака?.. Ведь рабочий и казак чуть ли не все время враждовали. Рабочие считали казаков цепными псами царей, а казаки по приказу начальства кидались с нагайками на бунтующих рабочих. Если случится революция и победят рабочие, то как они отнесутся к казакам? Которые, кстати сказать, не все были нагаечниками... Об этом почему-то социал-демократы умалчивают. А зря. Казак — это основная боевая сила. Его так просто не проведешь... Ну так уж и не проведешь? Ведь на войну хлынул весь донской край. А сам он, Миронов, разве избежал этого шовинистического угара? Рвался на войну. Просился хоть рядовым пойти. Огорчался. Считал для себя позором оставаться в родном курене и заниматься мирным делом... Ну и ну... Что же такое человек? Значит, куда ветер дунет, туда он и клонится?..

Подперев голову ладонями, Филипп Козьмич, глубоко задумавшись, сидел один в своей землянке. Неярко горела фронтовая коптилка, искусно сработанная Иваном из патронной гильзы от малокалиберного снаряда. Она освещала только стол, оставляя всю землянку в полумраке.

— Ваше благородие!.. — Запыхавшись, в землянку ворвался Иван.

— Что случилось? — недовольный, что его размышления были прерваны, спросил Миронов.

— К нам гости! — обрадованно крикнул Иван и посторонился, пропуская вперед молодого офицера.

— Я ведь, кажется, никого не вызывал, — успел только проговорить Филипп Козьмич, как в полосу света вошел... Никодим, его первенец.

— Папа!..

— Сынок...

— Филипп Козьмич... виноват, ваше благородие, какую?.. — Иван от удовольствия потирал руки. — Походную?.. Служивскую?.. Встречную?..

Стремянную...

— Вот баламут, — добродушно отозвался Миронов, скрывая волнение встречи с сыном. — Как будто ты не знаешь... Докладывай, сынок.

— После реального училища окончил ускоренные краткосрочные курсы и вот — прапорщик. Назначен командиром взвода разведки в ваш 30-й Донской казачий полк. Начну, как и вы, папаня...

От этого детского обращения «папаня» Филипп Козьмич чуть не расплакался... Крохотный комочек, бывало, прижмется, беспомощный, пахнувший молоком матери... Первенец. Когда же он успел вымахать во взрослого казака?.. На войну прибыл. Конечно же, мечтает о подвигах, наградах, славе... А слава, как говорят англичане, — дым. Вот здоровье — это камень... А долго ли до беды... Война...

— Ты хоть чуточку понимаешь, какие трудности предстоят?

— Готов на любые.

— Что тебя привлекает в разведке?

— Собственный отец — герой Тихого Дона. И я не посрамлю фамилию и казачий род Мироновых.

— Я так и знал, что ты излишней горячностью можешь загубить себя, доказывая, что ты достоин отца. Это меня больше всего и беспокоит. Мы же такие разные с тобою. Характер, знаю, у тебя мягкий. Даже волосы русые. А у меня, видишь, черные и жесткие, как конская грива. Да и наполовину уж седые... Мне сорок четыре, тебе — двадцать...

— Отдам все силы за веру, царя и отечество. Не пожалею и самой жизни, — горячо, волнуясь, отвечал молодой прапорщик.

— Ну а невесту-то оставил?

— Какая невеста, когда Отечество в опасности?! Филипп Козьмич Миронов печально смотрел на сына: как спасти его? А себя? О себе, впрочем, как-то не думалось. Вот сын... Кровинушка. Продолжатель рода. Его спасти. Дон. Родимый край... Как спасти?.. Ведь у него еще и невесты нет. И, не желая, чтобы сын увидел на его лице невеселое выражение, отец излишне, может быть, бодро спросил:

— Значит, либо грудь в крестах, либо голова в кустах?

— Так точно, ваше превосходительство войсковой старшина!

Итак, отец и сын с этого момента начали, как говорят казаки, ломать службу разведчиков — сложную, опасную и беспощадную. Им первым приходилось лицом к лицу встречаться с врагом. Им первым раны получать и награды. Славу и гибель...

Командир боевого участка полковник Золотницкий доносил начальству: «...21 и 22 ноября у города Средний Сандец наступление

противника с юга остановлено до подхода частей нашей 8-й армии. В ночном бою 22 ноября сотней под командованием подъесаула Миронова было взято в плен три офицера и 93 нижних чина...»

Филипп Козьмич за ночную разведку и бои был награжден орденом Св. Анны второй степени с мечами и получил очередной чин — есаула.

Получил очередной чин и его сын Никодим Миронов — чин хорунжего, и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

Жизнь разведчика скоротечна... Через несколько дней после награждения и присвоения очередных званий Мироновым в распоряжение командира казачьей кавалерийской бригады генерал-майора Кунакова был выслан взвод разведчиков. Филипп Козьмич, прижавивая сына, решил сам вести его. Но Никодим с такой обидой воспринял замену, что отцу поневоле пришлось уступить честь сыну.

На другой день генерал-майор Кунаков доносил:

«...Особенно отличился разъезд хорунжего Миронова, последний, пренебрегая опасностью, с целью точного выявления сил противника, наступающего от деревни Хабалино на левом фланге 7-го гусарского полка, выдвинулся вперед и погиб смертью храбрых на высоте 453».

Не сообщил только генерал, что разведка боем происходила глубокой ночью и что казаки, ходившие в разведку вместе с хорунжим Никодимом Мироновым, то ли сробели, а попросту говоря, трусили, что на них не похоже, как они впоследствии сами говорили, то ли противник их неожиданно выбил с высоты, но когда они впопыхах уходили, то в темноте не заметили, что среди них нет командира... Спихнулись только в безопасном месте. Растревоженные, кинулись к Филиппу Козьмичу. Не веря в страшное предчувствие, отец рванулся к высоте. Никого не взял с собою. Один в кромешной тьме пополз на животе на проклятое место. Думал, что собою заменит целую сотню разведчиков и спасет сына. Если он жив... Конечно, жив. Разве можно предположить, что любимый сын, гордость и надежда отца, погибнет где-то на неизвестной высоте, вдали от родного дома...

Такой мысли просто еще не приходило в голову. Не замечая, как из ободранных ладоней и ногтей течет кровь, Филипп Козьмич всю оставшуюся ночь ощупывал каждую выемку, бугорок, каждый кустик этого крохотного клочка земли, где лежал сын, ожидая помощи отца. Где, может быть, разразилась всемирная катастрофа и кончилась жизнь на планете... А вокруг рвались снаряды, строчили пулеметы... Ракеты бледным светом озаряли все вокруг, после чего еще чернее становилось в глазах...

Перед рассветом отец нашел сына. Но уже холодного... Еще до конца

не осознав своего горя, не потеряв здравого рассудка, Филипп Козьмич унес тело сына с вражеской территории: перешел через передний край и незаметно для себя оказался в расположении полка.

День и ночь стоял у гроба сына, не разрешая предавать земле. Погибнуть в двадцать лет... Все кончилось. Слава. Мечты. Ничего нет. Погиб юный дворянин. Донской казак. Всемирная катастрофа черным крылом задела лично его, храбрейшего из храбрых, талантливейшего разведчика русской армии. Пуля-дура настигла самого дорогого человека. Где та точка на земле, где человек может повстречаться с нею?.. И жизнь оборвется... Что такое жизнь? Зачем она?.. Кто мы в ней? Зачем живем?.. Какой смысл в страдании?.. А как же Стеше сообщить о гибели сына? Ведь у нее от горя сердце разорвется...

Филипп Козьмич долго не мог решиться написать о судьбе сына. Так долго, что жена Стеша прислала телеграмму на имя командира полка, прося известить о местонахождении мужа, войскового старшины Филиппа Козьмича Миронова.

А фронтовая жизнь шла своим чередом. Бьют барабаны, орут команды офицеры, кидая в бой все новые жертвы. Теперь уж поневоле война засасывала в кровавый круговорот и Филиппа Козьмича Миронова. После гибели сына он стал угрюмым и неразговорчивым. Кидался в такие рискованные боевые схватки, что непонятно было, как он из них выходил живым. Будто намеренно искал смерти, а она его не брала. Его черед, стало быть, не наступил?.. А награды продолжали сыпаться. Орден Св. Анны 2-й степени с мечами... Орден Св. Анны 1-й степени...

В это время в полк пришла разнарядка на офицеров, достойных направления на учебу в академию Генерального штаба.

Филипп Козьмич Миронов, как известно, был старшим помощником командира полка по строевой части. А командиром — полковник Ружейников, тот самый, которому во время драки в гимназии Филька Миронов влепил несколько горячих пощечин... Тот самый Ружейников, который в 1906–1907 годах был окружным атаманом Усть-Медведицкого округа Войска Донского и арестовал смутьяна подъесаула Миронова. Когда Филипп Козьмич прибыл в полк и ознакомился с его боеспособностью, то понял, что полковник Ружейников как был посредственностью, так и остался — ни высокая должность, ни фронтовая обстановка ничему его не научили. И вот у такого бездарного командира Миронову суждено стать первым помощником. Полковник Ружейников к тому же оставался ярым монархистом и не терпел вольнодумства. Это особенно проявилось в характеристике, которую он выдал своему первому помощнику на предмет рекомендации для направления в академию Генерального штаба. Смысл ее был таков, что, мол, способнейший офицер, одаренный сверх меры, но в голове бродят социалистические идеи. Как был смутьяном еще в 1906 году, так и остался им... Полковник Ружейников дословно пишет следующее: «Миронов очень способный и храбрый офицер, и его следовало бы послать на учебу в академию Генерального штаба, но это, к сожалению, сделать нельзя: он чересчур революционно настроен. Я нарочно посылаю его в самые опасные операции. Сына у него убили, а его, окаянного, и пули не

берут».

Вот так, Филипп Козьмич, ты для начальства не герой войны, не прославленный разведчик русской армии, а «окаянный» человек. Знал Миронов об этой характеристике, из-за которой чуть было не попал в «академики», до отмалчивался даже тогда, когда офицеры-сослуживцы заводили с ним разговоры или пытались вовлечь в какие-нибудь скупые фронтовые радости. Пока же он чувствовал себя живым человеком только в долге перед Отечеством, перед родимым краем. Признавал еще одно — ярость в бою с врагом. Смертельным... Тогда он становился просто-напросто убийцей?.. Все — убийцы на войне.

А как стать просто человеком? Человеку — стать Человеком? Как? Миронов часто задумывался над этим вселенским вопросом, хотя и понимал, что он возник в умах людей с того времени, когда человек обрел своего бога — слово. Когда он начал осознавать, что его окружает и что над головой возвышается мироздание, доступное пониманию только высшего разума... А в обыденной фронтовой жизни-смерти о каком обретении человеческого в Человеке речь, если все озверели до первобытной одичалости и на уме только одно — убить себе подобного. Да не просто убить, а, во-первых, как можно больше, во-вторых, получить еще и награду, и в-третьих, — известность и славу храбрейшего сына Отечества... Чушь!.. И как же тогда быть с призывом Евангелия: «Не убий»?.. Если и дальше будет продолжаться бессмысленно-жестокое смертоубийство, то можно перевести и сам род людской? Или отбросить его в первобытные лесные чащобы...

Как помочь себе и людям, чтобы они остановились, оглянулись и ужаснулись, в опаснейший момент сообразив, что так жить нельзя. Что биологическая суть человека состоит не в умерщвлении себе подобных, а в радости встреч и восхищении творением Бога... Родина... Дон... Хутор Буерак-Сенюткин... Усть-Медведицкая... Гумно... Ток... Тяжеленный цеп и звезды на мирном небосклоне кажутся теперь детским сном.

Взять бы сейчас деревянную лопату, зачерпнуть из пшеничного вороха зерно, поднять на уровень головы и начать веять, тихонечко потряхивая ее. Ветерок уносит мякину, всякий мусорок, пыль, а на разостланный брезент на земле падают добрые, крупные зерна. Янтарные, пахнущие миром и детством. Это как огонь, очищающий от всякой скверны...

Отгоняя тяжелые, как сама война, мысли, Миронов иногда, мучаясь бессонницей, загадывал, что вдруг даже не в глубоком сне, а в забытии увидит Дон-батюшку реку... Или родной курень, а в нем детей, жену... Но прошлое кажется неповторимым сном. Как нельзя дважды войти в одну и

ту же реку... Остается в удел мучительная правда действительности... Может быть, исповедь нужна и причастие, как в страстную неделю перед пасхальным днем Воскресения Христа?.. С пламенем свечей, колеблющихся от весеннего ветерка, возникшего в храме. Повернуть память в обратную сторону. Назад. Но это же страшно трудно. Или сердце так устало и остыло, что не хватит сил всколыхнуть его?.. Собери же силы. Ты же борешься за правду. Иначе погибшие друзья, а они все могут, могут хриплым, душераздирающим криком разверзнутых страхом ртов призвать его к ответу за всех в муках покалеченных, убитых... Когда-то полные жизни, гордые, отчаянной храбрости молодые донские казаки... Ведь война забирает только сильных, молодых, в расцвете сил — физических и духовных. Им было еще страшнее, чем умирающим в родимой стороне, среди близких и родных. Они умирали, прощаясь с жизнью не отпетые и не причащенные, среди крови и грязи окопов и вшей... Лишенные святости и прощания... И их смертельный страх проникает в так называемые живые души и там начинает разрушительную работу, превращая человека в особо яростного, остервенелого и беспощадно нетерпеливого зверя...

Не поколебало разрушительного настроения-мышления Миронова даже такое неординарное событие, как приезд Его величества самодержца всея Руси Николая II на фронт. Большинство генералов, офицеров и нижних чинов в приподнято-возбужденном состоянии пребывали по этому случаю. Царь с цесаревичем наследником Алексеем прошел пешком по всему фронту войск. Потом войска прошли церемониальным маршем мимо царственных особ... Царь вручал Георгиевские кресты... Посетил лазарет. Наклонился над изголовьем одного солдата, а тот потянулся рукой к царской одежде, пощупал ее — не сон ли это?..

Наконец Николай II позволил себе познакомиться с прославленным русским разведчиком Филиппом Козьмичом Мироновым... Какая честь!.. Вокруг Миронова завертелась такая карусель предупредительности и восторга, что он никак не мог понять, почему все вдруг стали счастливыми и влюбленными в него — нелюдимого, сурового, заросшего черной бородой. Взгляд когда-то огнем сверкавших глаз потухший, безразличный. Может быть, только походка осталась упругая, легкая, будто он не по земле ходил, а по воздуху... А может быть, при всей его внутренней трагичности, именно из-за его честности, правдивости и отчаянной храбрости вокруг него создавалось своеобразное поле порядочности и добра? Люди это тонко чувствуют. Он видел, что радуются и казаки, его братья, значит, и в самом деле — нужно и почетно — быть представленным его величеству. На фронт неожиданно прибыла и царица Александра Федоровна со всеми

четырьмя дочерьми — Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией. Им-то что тут нужно, размышлял Миронов. Или показать всему миру, что не только народ и царская семья едины, но что и армия тоже едина с престолом?..

Но сам-то Миронов как относился к особе царя? По крайней мере, с детства ему внушалось, что царь — помазанник божий. И на земле выше царя никого и ничего не бывает. Во всех почти ребячьих играх, кто первым взбирался на самую крутую скалу или самое высокое дерево, гордясь, кричал: «Я — царь!..» И никто не смел возражать. Это мальчишеское законное право завоевывалось ловкостью, хитростью, быстротой и силой. На Дону все хорошие и плохие дела были связаны с именем царя. Он и благодетель. Он и душитель свободы и казачьей вольницы... А теперь на фронте тайные агитаторы от большевиков, возникающие в сотнях и полках, внушают, что главный виновник всех бед и несчастий — царь. Кровопивец. «Кровавый Николашка»... Надо его уничтожить, и тогда кончится война, все разойдутся по домам и наступит мир и благоденствие на многострадальной русской земле.

Миронов ведь и сам выступал против царских указов, сопротивлялся притеснениям, которые творили различные чиновники от имени царя. Но тогда все это воспринималось как-то абстрактно, что ли, а сейчас вот он стоит перед живым царем, рассматривает его внимательно без особого умиленного восторга. Может быть, именно потому, что не ощущает его, может спокойно разглядеть, примечая даже некоторые детали лица... Неужто этот рыжеватый, невысокого роста и, видать, не особенно крепкого телосложения мужчина, кроткий и какой-то робкий, и есть тот самый — кровопивец, «кровавый Николашка»? И в его маленькой холеной ручке заключена такая адская сила, которая управляет жизнями миллионов людей?..

Рядом стоит наследник, цесаревич Алексей. Хорошенький мальчик. Небалованный, видно, но уж очень хрупкий. Бледный, изнеженный. Его бы на наш Дон послать, в реке покупать... Побегал бы по степи, подышал обжигающе сухим полынным ветром... На коня посадить... Глядишь, из паренька бы и получился настоящий мужчина... Это ему, цесаревичу, отец — Николай II — заказал своему придворному ювелиру Карлу Фаберже 24-дюймовую модель волжского парохода из золота, платины и серебра по случаю 300-й годовщины династии Романовых. Но когда здоровья нет, так, видно, никакие подарки не помогут. Даже и золотые... Гемофилия... Чужая и страшная болезнь — кровь не свертывается. Любая ссадина, порез — опасны или даже смертельны. А жалко, такой хорошенький пацаненок... Ему сейчас десять лет. Он родился в четвертом году, 12 августа, как раз

тогда, когда Миронов собирался на русско-японскую войну... В августе и эта, теперешняя, война началась... И Санкт-Петербург указом царя переименован в Петроград... В августе царь по обычаю своих предков выезжал в Москву испросить благословения Божия на ведение войны. И тогда толпа на улицах, в окнах домов, на крышах, с папертей и из раскрытых врат сорок сороков храмов неистово кричала славу царю. Потом под колокольный звон всех церквей, став на колени, народ запел гимн:

Боже, царя храни.
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, царя храни.

А теперь что сделалось с тем же самым народом?.. Уж не защитником ли он, Миронов, становится Николаю II? Ну, во-первых, царь не нуждается, по всей вероятности, в его защите, а во-вторых, Миронов точно знает, что войну надо кончать, но вот как?.. Тут ему кажется, что пока не о дополнительных свободах и вольностях речь, а лишь бы ноги целыми унести с проклятой войны... И еще он точно знает, что не надо мешать пролетариату освобождаться от ига капитала... Только вот непонятно, зачем царь взял на себя непосильную ношу — главнокомандующего русской армии? Ведь, кажется, в этом деле он ничего не понимает. Издал приказ и собственноручно написал: «С полной уверенностью в Божью помощь и несокрушимой уверенностью в конечную победу мы выполним наш священный долг, до конца защищая нашу Родину, и не дадим в обиду русской земли».

А если неудача в войне? С кого спрос? С него. Так он может и корону потерять... Ведь когда главнокомандующим был его дядя великий князь Николай Николаевич, тогда в случае поражения на фронте есть с кого спросить. И народ верил, что царь спросит с виноватых. А теперь как же?.. Может быть, на это его подбила царица?

Хоть л стала немецкая принцесса Алиса Гессенская русской императрицей Александрой Федоровной Романовой, но кровь-то в ней чисто немецкая, и волей-неволей, а она может симпатизировать своему народу и вместе с Гришкой Распутиным подрывать основы российской государственности. Да-а... про себя подумал Филипп Козьмич, глядя на

царицу, что-то в ней показалось ему уж слишком утонченным и... порочным, в чисто женском измерении. Уж кто-кто, а донской казак Филипп Миронов понимал толк в женщинах. Конечно, Гришка, сибирский мужик-разбойник, хитрый и сильный, сумел пригреть белокурую бестию... Ничего не скажешь, барынька хороша, да простит ему всевышний греховные мысли в такое скорбное время. А может быть, он начинает оттаивать? Ведь Николашка-то, видно, по этой части слабоват... А Распутин высокий, худощавый, плечи широкие, крутые. Глаза пронизательные, колдовские, гипнотизирующие. Чувствовалась в нем таинственная влекущая сила. Такие мужчины нравятся женщинам, особенно тем из них, которые достаточно пресытились брачным ложем с законным супругом.

С царицей Александрой Федоровной все значительно сложнее. То, что она женщина, по определению Миронова, дай бог каждой. Да к тому же жена, императрица и мать, которая безумно любила единственного, долгожданного, после четырех дочерей, сына Алексея, наследника престола, продолжателя царского рода Романовых. А он болен неизлечимой болезнью — гемофилией. Опасаясь за его жизнь, царица часто и подолгу молилась, впадала в мистический экстаз. А тут молва по Петербургу прокатилась, что объявился человек из народа, из самых его глубин, да к тому же с божественной силой внушения.

Ректор духовной академии архимандрит Феофан порекомендовал царице принять во дворце этого человека, авось он своими молитвами поможет здоровью ее обожаемого дитяти. Алексей в это время болел. Гришка пришел, вечер посидел с ним, и цесаревич выздоровел на этот раз. Обрадованной чувствительной и болезненно верующей матери Гришка заявил: «Верь в силу моих молитв, верь в силу моего посредничества, и сын твой будет жить». Хитрый Распутин безапелляционно-смиренной фразой как бы проложил мосток к сердцу величественно-изнеженной и мистически настроенной императрицы. С этого визита царица поверила в Гришку как в некоего мессию, который послан богом, чтобы спасти Россию и династию, поверила, что судьба сына зависит теперь от этого человека. Эта вера давала ей возможность жить и надеяться на благополучный исход болезни сына. Все ее оправдание в том, что она мать.

Но в народе и обществе начал усиленно распространяться слух, что именно порочная связь царицы с вором и разбойником Гришкой Распутиным и ее горячие симпатии к Германии губят Россию и несут страшные бедствия. Миронов в забывчивости даже плечами вздернул, мол, что тут правда, что ложь, разберется история, а ему же лично как-то стало

жалко царственное на первый взгляд великолепное семейство. Миронов совсем, может быть, некстати подумал, что у него с красавицей царицей есть нечто общее — они одного года рождения — 1872-го... Не лезть бы царице ни в какие мужские дела, а заниматься бы нарядами да детьми, храня домашний очаг. Да дорогими игрушками забавляться. Вроде той, которую подарил ей августейший супруг на пасху 1906 года. Пасхальное яйцо с бриллиантами, размером с гусиное, а то и поболее. Откроешь его, а там лебедь по озеру плавает. Заведешь специально встроенный в яйцо механизм — лебедь начинает крылья расправлять и, поворачивая голову влево-вправо, плыть по озеру...

Во время почетного представления Миронова царю и его семейству ничего особенного не произошло, за исключением того, что Филипп Козьмич близко находился от высокородной четы. Царь, обращаясь к нему, сказал несколько ничего не значащих и незапоминающихся слов, пожал руку, а его рука, как и предполагал Миронов, показалась слабой и беспомощной и лишний раз убедила, что хоть и решает царь судьбы миллионов, но такая рука власть не удержит. Тем более что супруга-немка умело направляет его руку против русского народа, может быть, даже не до конца и осознавая пагубность безграничного давления на царя. Дело дошло до того, что по ее настоянию председателем Совета министров Российского государства назначен Штюрмер, который преступно относился к своим высоким обязанностям. Все возмущались его нерадением, но он продолжал властвовать, потому что за ним стояла императрица вместе с глубоочтимым старцем Гришкой Распутиным.

Старец... В русской православной церкви есть такое понятие — духовный наставник. Он призван в нашем мире к тому, чтобы мы в минуту сомнений, печалей и страданий могли прибегнуть к его совету, указывающему путь к спасению души. Старец — хранитель памяти народа, его идеалов, преданий и традиций. Некоторых старцев канонизируют как святых православной церкви. Истинные отшельники-старцы пребывают затворенными в кельях. Живут в посте и молитве до конца своих дней. Пищу получают через окошко в келье, которое является единственным связующим звеном с внешним миром.

Но Гришка Распутин — пятидесятилетний здоровяк, обладавший необыкновенной силой, избавленный от угрызений совести, не только не походил на истинного старца, но даже на его бледную тень. Вор и грабитель, конокрад и старец, почитаемый за святого, пьяница и развратник, обладавший такой эротически-притягательной силой, что ему покорялись баронессы, графини, фрейлины, княжны и даже

всемиловейшая самодержавная царица, которая так подпала под его влияние, духовное и физическое, что шагу не могла ступить без благословения Распутина. А он, приобретя неограниченную власть над неограниченной владычицей русского престола, начал с жадностью выкачивать из нее, дорвавшись до зланных потаенных мест, ничем не ограниченные блага жизни.

Не обладая ни благородством, ни мужеством, не говоря уж об образованности и интеллигентности, таежный мужик в смазанных дегтем сапогах, с архипорочным прошлым и настоящим властвовал негласно и в то же время открыто и нагло над Россией в течение более десятка лет. Вот парадокс, которого не припомнит, наверное, ни один народ в мире. Кроме, конечно, нашего...

Все это так, и от очевидного никуда не денешься. Но еще немаловажное обстоятельство оставалось непонятым Миронову, который как бы в сторонку отодвинул поведение Распутина. Зачем высокородной женщине, воспитанной в пуританском духе, высокообразованной, матери большого семейства, чье каждое слово, каждое движение на виду у всего света, зачем ей нужно еще и афишировать свои отношения с Гришкой?.. Ну побывала в горячих мужицких объятиях, ну понравилось, ну и молчи. Какое кому до этого дело? Пусть об этом только двое знают да еще Бог, если он в это время ничем серьезным не был занят.

И еще. Ну пусть прибыла бы Александра Федоровна во главе высочайшего семейства на фронт, кто против, хотя, откровенно говоря, зачем ей это нужно, тоже непонятно Миронову. Ну ладно, приехала, показала подданным свою царственную красоту, налюбовалась восторгом изголодавшихся по женщинам русских воинов и поезжай себе дальше, дразни воспаленное воображение других фронтовых частей. Так нет же, ей вздумалось пригласить на прогулку главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Алексея Алексеевича Брусилова и, беседуя с ним с глазу на глаз, начать выпрашивать о сроках начала выступления русских войск.

Да еще и советы давать, чтобы Брусилов обязательно опередил неприятеля... Все это на первый взгляд странно и непонятно, но в то же время вполне объяснимо, если учесть, что толкует народ на каждом перекрестке... Может быть, случайное совпадение, но как раз в то время готовилось одновременное наступление трех фронтов: Западного (главнокомандующий генерал Куропаткин), Северо-Западного (главнокомандующий генерал Эверт) и Юго-Западного (главнокомандующий генерал-адъютант Брусилов). Брусилов был готов

нанести удар по противнику 19 мая, но Ставка Николая II распорядилась перенести его на более поздний срок — 22 мая... За пять дней наступательных боев армий Брусилова взяли в плен 1240 офицеров и 71000 нижних чинов, сто орудий, 180 пулеметов... Брусилов думал, как бы кстати пришелся тут удар генерала Эверта... Именно сейчас, именно в данный момент, как и договаривались... Но царь снова перенес наступление Эверта, теперь уже на 5 июня... С ума сойти! Ведь пропадет прорыв войск, в одиночестве можно захлебнуться... Да и противник опомнится и подтянет резервы. Но Эверт не начал наступать и 5 июня! Царь оповестил разгневанного Брусилова, что наступление Эверта возможно только 20 июня... На месяц позже оговоренного срока!..

Что тут подумаешь, если всюду только и разговоров, что в высших эшелонах власти и среди командования армией предательство и бездарщина, стыд и позор... Да и главнокомандующий русской армии император Николай II только в одном-единственном экземпляре посылал строго конфиденциальные письма обожаемой супруге, где подробнейшим образом, по настоянию и просьбе ее, информировал о всех планах войны. И ни для кого не было секретом, что императрица по указанию Гришки Распутина рекомендовала мужу — наступать или повременить. А он ей подчинялся безраздельно...

Нелепей ситуации трудно придумать!..

Начальник штаба главнокомандующего генерал Алексеев сообщил Брусилову, что царь принял решение: Эверту начать наступление не позже 20 июня, но не на Молодечно, как было договорено ранее, а на Барановичи — в направлении, не имеющем на данный момент ни стратегического, ни тактического значения. Если бы Эверт и Куропаткин согласованно и одновременно ударили по вражеским позициям, то Германия была бы разбита. А этого, как видно, кое-кто из могущественных людей в России не желал... Значит, все зря — пролитая жертвенная кровь, погубленные жизни, искалеченные судьбы, сироты, вдовы... Никакого просвета, всюду тьма и мрак. Ни света, ни надежды, ни благодати на спасение и умиротворение. Только ужас и мерзость бойни. И накопление гнева. Такое состояние народа долго продолжаться не может. Рано или поздно взрыв должен произойти. Дорога к Храму должна быть очищена от чертополоха...

А пока казачьи сотни, одна из которых под командованием Филиппа Козьмича Миронова, провожали царя из Рени, городка на Дунае, близ границы с Румынией, провожали российского самодержца. Вот как это выглядело в описаниях одного иностранного корреспондента: «...Казачи в

седлах. В папах. Вид свирепый. Пики. Кавалерия пришла в движение, рассыпалась по двум сторонам дороги, галопом, на бугры, с бугров, по склонам оврагов... Брали немыслимые препятствия. До железной дороги провожали грозной лавой. Люди и лошади сталкивались. Перевертывались. Крики... Зрелище грандиозное и страшное. Проявлялись дикие инстинкты первобытной расы...»

А каково врагам, когда в смертельную атаку несутся донские казаки?!

Во второй половине декабря 1916 года, командуя 1-й и 2-й сотнями 32-го Донского кавалерийского полка и взводом пулеметной команды, Филипп Козьмич Миронов участвовал в боях в районе деревни Лунковицы. Был тяжело ранен и отправлен в госпиталь, в Петроград.

Однажды его навестили казаки-станичники. Откуда объявились в Петрограде, удивленно поинтересовался Миронов. Оказывается, Николай II вызвал с фронта для защиты самодержавия три донских полка: Первый, Четвертый и Четырнадцатый. Как самых верных и надежных защитников царя и престола...

Казаки просили у Миронова совета, как им себя вести с рабочими, которые выходят на улицы, требуют мира и хлеба, а начальство приказывает их разгонять. Филипп Козьмич ответил, что казаки не должны мешать людям бороться за свои права и что казаки никогда полицейскими не будут. И не должны быть.

Офицер-прапорщик Кузьманов, в комендатуре Петрограда ведающий регулированием езды нижних чинов в трамвае, на углу Лиговки и Обводного канала арестовал двух солдат без увольнительной и как не имеющих права проезда на трамвае... В это время проезжал казачий разъезд. Двое казаков, Николай Хурдин и Федул Сиволобов, отстали от разъезда и выручили солдат. Досталось легонько и офицеру — по нему прошла тупая сторона казачьей шашки...

На Выборгской стороне сотник 4-го Донского казачьего имени графа Платова полка приказал своему разъезду пропустить группу рабочих на демонстрацию. Казаки потом присоединились к демонстрантам и призвали 1-й Донской полк последовать их примеру.

Казаки 4-го полка послали на Невский судостроительный завод связного с письмом: «Казаков 4-го полка не бойтесь. Казаки присоединятся к рабочим, на случай чего...»

На Васильевском острове казаки отказались помочь полицейскому приставу, разгонявшему демонстрантов... На Знаменской площади они спокойно наблюдали, как демонстранты расправлялись с двумя полицейскими чинами. Приказов офицеров не слушались, говоря, что полицейскими отныне они не будут...

4-я сотня 14-го полка отказалась выполнять приказ войскового старшины Бахирева разогнать демонстрантов...

На Выборгской стороне казаки Первого Донского полка покинули место расположения, дабы не быть участниками разгона демонстрации...

Отряд казаков, высланный в распоряжение завода «Новый Лесснер», не только не напал на рабочих, а охранял их от нападения полицейских...

На Знаменской площади отряды конной и пешей полиции вклинились в ряды демонстрантов и начали их разгонять. Казаки с шашками наголо бросились защищать рабочих.

У Казанского собора казаки освободили арестованных демонстрантов и избили полицейских.

На Лиговке в потасовке с полицейским один из казаков убил его из винтовки. На Знаменской площади полицейский застрелил женщину, несущую впереди демонстрантов красное знамя. Подхорунжий 1-го Донского казачьего полка Филатов кинулся с обнаженной шашкой к этому полицейскому и снес ему голову...

Донские казачьи полки вместе с полками — Волынским, Преображенским, Литовским, Павловским, а 27 февраля 1917 года и вместе со всем Петроградским гарнизоном перешли на сторону революционных масс. Захватили арсенал, Главное артиллерийское управление и Петропавловскую крепость, где разместился штаб революционных войск.

Горит «охранка», окружной суд, полицейские участки... Взяты «Кресты», «Литовский замок», Петропавловка... Заключенных несут на руках... Открыли пересыльную каторжную тюрьму — выпустили всех: и политических и уголовников. Освобожденных вели в казачьи казармы. Кузнецы сбивали оковы, повара кормили, портные шили одежду... Повсюду стрельба...

Восставшие петроградцы, встречая донских казаков, кричали: «Это наши казаки! Дорогу казакам!..» А в полковых казармах среди офицеров растерянность, злоба и страх. Хорунжий, бледный, трясущийся, шепчет: «Генерал Иванов ведет две дивизии на Петроград...» Сотник Решетов отзывается: «Не надо две дивизии — дайте один полк, и я уничтожу эту революционную сволочь!..» Сотник Панов саркастически замечает: «Это не сволочь, а революция». Войсковые старшины Болдырев и Бирюков убеждают «старых волков» увести полк из Петрограда и подождать, пока не появятся дивизии Иванова. Тогда всем вместе задавить... революцию. Командир полка Яковлев — беспомощный и растерянный...

2 марта 1917 года была опубликована хронология «нижних чинов», освещающая роль казачества в Февральской революции. В частности, роль казачьих офицеров в петроградском восстании хронологически отражается в приложении к постановлению «нижних чинов» четвертого полка:

«14 февраля в г. Колпино голодные толпы рабочих мужчин, женщин и детей-подростков вышли на улицу с требованием хлеба, с криками протеста против гнета царского правительства, против произвола полицейской клики. Войсковой старшина Н. П. Бирюков по требованию полиции вывел 5-ю сотню на улицу и с места в карьер повел атаку на толпу. Казаки остановились перед толпой, и только войсковой старшина Бирюков да прапорщик Шевяхов с гиканьем и криком врезались в рабочих и пустили в ход нагайки. Ни приказания, ни угрозы указанных офицеров не подействовали на сотню. Она категорически отказалась затыкать нагайкой и шашкой перекосившиеся от голода рты, кричавшие «хлеба». Вместе с сотней остался один лишь офицер хорунжий Челбин.

После этого 5-я сотня была заменена 1-й. И эта сотня, конечно, также отказалась идти против народа. 5-я сотня была отозвана к месту стоянки в Петроград. 20 февраля командир полка полковник Яковлев выстроил сотню и при всех казаках пожал руки Бирюкову и Шевяхову, горячо благодаря за верность и преданность государю и службе, а к сотне обратился со следующими словами: «А вы, мерзавцы, что сделали? Вы до чего себя допустили? Хулиганы делают покушение на государя, а вы, казаки, стали с ними заодно. Вы не казаки. Вас, негодяев, всех отдам под суд. Вас расстреляют на позор потомству. Хамы вы!»

«24 февраля для разгона толпы народа на Невском и др. улицах экстренно была вызвана 4-я сотня. Командир войсков. старш. В. С. Бахиров, выстроив сотню, обратился к ней с речью. Настроение казаков было ясно для всякого, но, несмотря на это, Бахиров начал говорить о долге службы, о царе, о бунтовщиках, напрасно было потрачено красноречие царского сатрапа. Сотня отказалась выполнять приказы палача.

Вечером 24 февраля одна сотня стояла в полицейском участке по Забалканскому проспекту. Полиция скрылась, по улицам двигались толпы народа и восставшие войска. Сотня требовала присоединения к народу. Командир Бахиров грозил казакам, распорядился действовать оружием и все звонил по телефону в полк, требуя подкрепления... Сотня не слушала, и подкрепление не приходило. Казаки побросали нагайки, и командиру полка пришлось срочно выписывать новые. Но нагайки без казаков не действовали.

27 февраля вечером, когда уже большая часть Петрограда была в руках восставших войск, полк, разогнанный во все концы города, начал отдельными разъездами собираться в казармы. К вечеру казаки собрались в круг и потребовали от полковника Яковлева, чтобы он приказал уведенным двум сотням возвратиться в Петроград и немедленно идти и представить

себя в распоряжение Государственной думы, немедленно присоединиться к народу. Полковник не соглашался. Тогда казаки снарядили конвой на автомобиле и послали за уведенными сотнями. Утром 1 марта, не дожидаясь этих двух сотен, полк был под красным знаменем у Государственной думы.

28 февраля ночью командир 1-й сотни есаул Аврамов приказал сотне тайком выбраться из Колпина. Сотня уже присоединилась к народу. Чтобы убрать сотню и опять-таки выждать прибытия георгиевских эшелонов генерала Иванова и «дикой дивизии», дано было приказание тайком убратся из города. Раньше есаул Аврамов грубо врывался в толпу народа, избивал даже детей нагайкой, и когда казаки выезжали без нагаек — грозил судом и расстрелом. Когда обозначилась явная попытка убрать сотню, чтобы потом при подходе подкреплений бросить ее на народ, есаул Аврамов был арестован народными милиционерами при содействии казаков сотни и доставлен в Петроград.

В городе все революционные войска готовились к отражению дивизий генерала Иванова. Ходили слухи, что даже генерал Эверт ведет войска на Петроград. Революционные солдаты и казаки не знали, что несет им следующий час. Никто не мог знать, сколько грядущая свобода еще потребует трупов и крови. Одно было ясно, что контрреволюционеры не могли оставаться у власти и командовать восставшими войсками. 2 марта утром казачий полковой круг потребовал удаления офицеров, «явно противных разрастающейся народной революции». Комитет экстренно довел до сведения о создавшемся положении военную комиссию при Государственной думе, которая распорядилась либо арестовать явных противников революции, либо немедленно откомандировать их в резерв. Чтобы не делать шума и избежать острых приемов, комитет решился на последнее. Десять офицеров-реакционеров были устранены от командования и отчислены в резерв».

О тех памятных днях вспоминает унтер-офицер учебной команды Волынского полка Александр Владимирович Любинский:

— 25 февраля 1917 года, в 12 часов 15 минут наша учебная команда прибыла на Знаменскую площадь против Николаевского вокзала. Разместили нас во дворе Северной гостиницы. Жандармы, городовые и человек пять-десять конных казаков 6-й сотни, 1-го Донского казачьего имени генералиссимуса графа Суворова полка уже охраняли подступы к площади. На площади было пусто, но со всех сторон, по улицам — Суворовской, Старо-Невской, Лиговке — подходил народ, тысячи. Требовали пропустить на площадь. Городовые и жандармы не пускали. В

это время с угла Старо-Невской, где был тогда ювелирный магазин, выскочила девушка-студентка. Оглянулась — и побежала через площадь. Наш взводный офицер Воронов-Вениаминов выхватил у солдата винтовку и выстрелил. Девушку убил. Второй наш взводный, Баньковский, дал команду: «Винтовки — разрядить!», а народ прорвал ограждение и кинулся на площадь. Пристав, фамилия Крылов, подскочил к казакам. Скомандовал стрелять. Казаки в народ не стали стрелять. Крылов размахнулся и два раза ударил по щеке правофлангового казака. Рядом стоял казак Филатов. Выхватил шашку и одним махом срубил приставу голову. Так и упала. Человек шестьдесят жандармов повернули коней и кинулись в сторону Невского, а народ — к нам и казакам. Целуют. «Казаки с нами!» — кричат. «Долой войну! Долой царя! Хлеба!» С революционными песнями тысячами двинулись по Невскому. Уже остановить никто не мог.

25 февраля 1917 года — это еще не революция. Монархия еще жила и бешенствовала, веря в свою силу. Еще царский комендант Петрограда Хабалов, наводя ужас на улицах города, вооружал пулеметами полицейско-жандармские полки и оставшиеся верными правительству наиболее замордованные реакционным офицером воинские части и расправлялся с безоружным, голодным народом, требовавшим хлеба; расстреливал рабочие демонстрации и загонял сотни людей в тюрьмы. Еще чаша весов колебалась.

Несколько позже на Знаменской площади произошло событие, изменившее отношение толпы и войск. Появилась надежда, мало-помалу переходившая в уверенность, что ни казаки, ни войска не будут стрелять в народ. Вечером этого дня на окраинах города уже явно стали обозначаться события, носившие массовый и притом весьма активный характер. Толпа не исполняла распоряжений полицейских агентов и в тех случаях, когда полиция пыталась атаковать, вступала с ней в борьбу.

Искрой, от которой вспыхнул вселенский пожар, послужило трагическое событие именно в Волынском полку, и именно в его учебной команде. Унтер-офицер Кирпичников не подчинился офицеру своему и, яростно споря, выстрелом из револьвера убил его. Кирпичникову грозил военно-полевой суд, но он быстро сообразил, чем заслужить симпатии своих солдат, и заорал: «Бей офицеры!.. Долой войну!.. Даешь революцию!..» Солдаты, похватав оружие, вывалились из казармы на улицу и присоединились к восставшим горожанам... Глава Временного правительства Александр Федорович Керенский пожаловал Кирпичникову первый Георгиевский крест на красной ленте и собственноручно приколот. С того момента Кирпичников стал именоваться солдатом революции № 1,

Ему было присвоено звание прапорщика. Потом чем-то обиженный «герой» переметнулся к белогвардейцам — это уже было во времена гражданской войны. Потребовал, чтобы его принял сам генерал Марков. Когда генералу доложили о настойчивом домогательстве всероссийско известного Кирпичникова — солдата революции № 1, тот приказал тут же его повесить...

По разумению Филиппа Козьмича Миронова, пребывавшего в госпитале и получавшего регулярные донесения о событиях в столице государства, творилось что-то невероятное... Но его вскоре отправили в один из провинциальных госпиталей, опасаясь революционного влияния на казаков. Но того, что произошло, и сам Миронов не ожидал от рядовых чинов донского казачества. Какая сила была царем сосредоточена в Петрограде — три полка отборных казачьих войск! Они, конечно же, смогли бы сдержать революционный пыл неорганизованной толпы. Если бы захотели... Миронов помнит, как один генерал в бешенстве побежденного кричал: «Дайте мне две сотни преданных, нерассуждающих казаков, и я остановлю революцию в России!..» А тут было не две сотни, а целых три полка!

За развитием событий Миронов будет внимательно следить издалека...

В стране — усталость, нищета и нескончаемые жертвы. Голод. Разорение. Тыл разложен. На фронте сплошные поражения... В правительстве сидят ставленники царицы и Гришки Распутина. Сначала Штюрмер стал министром иностранных дел вместо Сазонова. Через полгода Штюрмер заменил Горемыкина на посту Председателя Совета министров. Народ России такое назначение воспринял с негодованием. Повсюду чувствуется приближение грозы. Все несчастья России от немецких шпионов, царицы, симпатизирующей немцам, министров, назначенных царицей-немкой и ее старцем...

По Петрограду разнеслась молва: по распоряжению царицы в госпиталь, где находились пленные немецкие офицеры, прибыли доброжелатели, одаривали дорогими подарками и деньгами. А русские — оборванные, голодные — напрасно кровь проливают на фронте. Сами немцы поняли, что силой оружия им не одолеть Россию. Тогда решили скомпрометировать царицу, благо ничего не стоит опорочить женщину... Царица-немка — изменница... Распутница... И потом, надо всячески содействовать революционному движению, которое уберет с трона царя. Ведь только царь являлся цементирующим звеном русского народа, который видел в нем власть — духовную и светскую. Царь и церковь — неразделимы, как и православный народ русский — богоносец, великий в

простоте, правде и смирении и всепрощении. Царя не будет, распадется империя — и победа будет за Германией.

Но царь вел себя так, словно не чувствовал приближения смуты, продолжая командовать фронтом и царствовать в разоренной стране. Нерешительный, подавленный, сознавая, что всеми покинут, он стремился к уединению и покою — была бы рядом любимая жена, дети и страстно оберегаемый и любимый сын Алексей.

А тут еще этот Распутин. При главнокомандующем фронтом великом князе Николае Николаевиче он пытался посетить Ставку, но тот ответил коротко, ясно и недвусмысленно: «Расстреляю!..» Гришка не смирился и через некоторое время вновь изъявил желание попасть в Ставку главнокомандующего. Тогда великий князь ответил: «Повешу!..»

С таким доводом Гришка Распутин, кажется, смирился и уж не делал больше попыток попасть на фронт. Но дух Распутина проникал в войска, вызывая одну-единственную реакцию: «Измена!»

Генерал Алексеев, начальник штаба главнокомандующего, вспоминал позднее: «При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготавливалась только в двух экземплярах — для меня и государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею...»

Однажды (это было в Могилеве, во время очередного приезда императрицы в Ставку) после официального обеда Александра Федоровна взяла Алексеева под руку и завела разговор о Распутине, что, мол, Алексеев несправедлив к Распутину. Что старец — чудный и святой человек, что на него клеветают, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье.

Алексеев сухо ответил: «Распутин в Ставке — я подаю с поста начальника штаба». — «Это ваше окончательное решение?» — «Да, несомненно». Императрица резко оборвала разговор и ушла не простившись. Вскоре начальник штаба почувствовал холодок со стороны главнокомандующего. И когда говорили о народном недовольстве режимом и тронем или о Распутине, царь делался замкнутым, взгляд становился непроницаемым, и он сухо отвечал: «Я это знаю». И больше ни слова. Но как он реагировал на письма императрицы к Распутину, которые ему услужливо передали, никто не знает до сих пор. А она Гришке Распутину писала недвусмысленно: «...Мне кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя. И я чувствую прикосновение к себе твоей руки...» Таких писем было шесть: два от императрицы и по одному от великих княжен.

В ночь на 30 декабря 1916 года был убит Гришка Распутин. Убийство осуществляли: великий князь Дмитрий Павлович, двоюродный брат царя, князь Юсупов, жена которого являлась родной племянницей Николая II, депутат Государственной думы Пуришкевич и доктор Лазаревский. Сначала его отравили, а потом Юсупов и Пуришкевич добивали его из револьверов. Пониже Крестовского моста, на Малой Невке спровадили под лед. Нашли через два дня. Горе императрицы было безмерно. Убили старца, который один мог спасти ее сына. Теперь катастрофа возможна, и она, уверовав в роковое значение событий, начала ждать беды...

А вот какова была реакция народа на убийство Гришки Распутина: «Единственный раз один из наших достиг до царя, и господя его убили».

В трагической судьбе Филиппа Козьмича Миронова может иметь место и такое глобальное событие, как отречение Николая II от престола.

8 марта — всеобщая забастовка в Петрограде. Войска перешли на сторону восставших.

10 марта генерал Алексеев предлагает царю даровать часть свобод народу. Николай II отказывается.

13 марта Государственная дума формирует Временное правительство.

14 марта царь соглашается на все требования Государственной думы. Но Родзянко ответил: «Слишком поздно».

15 марта царь извещает Государственную думу, что намерен отречься от престола в пользу цесаревича Алексея. Потом он позвал к себе доктора — профессора Федорова и спросил у него: «Сергей Петрович, отвечайте мне откровенно, болезнь Алексея неизлечима?» — «Ваше Величество, наука объясняет нам, что эта болезнь неизлечима. Однако иногда случается, что люди, страдающие этой болезнью, доживают до зрелого возраста. Что касается Алексея Николаевича, то состояние его здоровья зависит от случая».

Царь опустил голову: «Так мне говорила императрица... Хорошо, раз все это так и коль скоро Алексей не может быть полезен своей стране, как я этого желал бы, мы имеем право заботиться о нем».

Вечером прибыли представители от Временного правительства и Государственной думы, царь вручил акт отречения от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича:

«Божией милостью Мы, император Всероссийский, царь Польский, Великий князь Финляндский, и проч., и проч., доводим до сведения всех верноподданных сынов наших:

В великой борьбе с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать на Россию новое тяжелое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда

доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть.

Не желая расставаться с любимым сыном нашим, Мы передали наследие наше брату нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами Государственными в полном ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины призываю всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновению Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на пути победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. Николай».

На другой день великий князь Михаил Александрович обнародовал свое заявление об отказе от престола: (Какое-то повальное нежелание быть царями!..) «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа. Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Призывая благословление Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиняться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. Михаил».

Когда Филипп Козьмич прочел отречение царя от российского трона, неожиданно для себя почувствовал какую-то не свойственную ему печаль и безысходность. Образовалась какая-то пустота, что ли... Был царь — была власть. Есть к кому обращаться. Есть кого ругать. Есть против кого

выступать с призывами о свободе. А теперь кто же организует огромное государство?

Революция — благо. Революция — великое потрясение. Беда. Но это в мирное время. А в военное, когда внешний враг на границе Родины?.. Это уже — катастрофа. Что ждет Россию?.. Наблюдая за всем происходившим вокруг себя, Миронов довольно-таки точно определил состояние казачьего края, куда он направлялся после госпитального лечения, одним словом — шок. Люди были в недоумении и растерянности. Это одни. Другие выражали восторг. Но восторг какой-то неуверенный. Хотя особенно интеллигенция старалась. У всех на лацканах верхней одежды красные банты. Все поздравляли друг друга, целовались, кое-кто даже слезу смахивал с глаз от так называемой радости по случаю падения самодержавия. Бескровного падения... Подумаешь, убили всего две тысячи городских. Ерунда!..

Но, кажется, самое трагически-предательское деяние произошло 1 марта 1917 года. Утром этого памятного дня личный конвой Его Императорского Величества Николая II покинул Александровский дворец в Царском Селе и прибыл в Петроград, к Таврическому дворцу. Генерал, командир конвоя, выстроенного на площади, скомандовал: «На караул!..» Подойдя к Керенскому, отрапортовал, что персональный состав телохранителей царя переходит на сторону революции и просит распоряжаться его судьбой по своему усмотрению...

«Это же подло!..» — узнав об этом событии, воскликнул Миронов. Ведь в конвой, как известно, набирали казаков достойнейших и преданнейших августейшей особе государя и семье. Наичестнейших и благородных. Обласканных сверх меры царем... Что же с ними произошло? Помутнение разума? Всеобщий психоз?.. Невероятная горечь, что даже личный конвой предал, и он остался одиноким, всеми покинутым... Есть ли мера человеческому падению?!

Миронов, может быть, тоже вел бы себя так... по-хамски, если бы не эта встреча на фронте... Когда не видел царя, то представлял его злым, жестоким, кровожадным. А повстречался с этим тихим, даже, кажется, несмелым отцом больного сына, несчастного, обреченного, что-то жалостливое в сердце вошло. Чему тут радоваться? Беде человека, у которого смертельно болен ребенок?.. А у других отцов тоже есть сыновья, которых этот тихий папаша на смерть посылал... Все верно, только сразу и не поймешь, кто кого посылал. Вот его, Миронова, никто не посылал. А сына Никодима?

Душевное состояние Филиппа Козьмича было сродни тому, какое

бывает только в детстве: не понимая значения слов, он воспринимал их звучание, поддавался их очарованию и потом, будто расшифровав, следовал их указанию. Как такое все происходило в его голове, в сердце, во всем младенческом теле — он понятия не имел, а вот до сих пор помнит таинственное ощущение каких-то сил, которые давали ему возможность находиться в гармонии с окружающим и понимать его безмолвный язык. Говорят мудрые люди, что в это время у дитяти начинает возникать душа и чутко отзываться на доброту людей, воды, земли и неба. И главное, понимать истинное значение их. Даже скорее всего не понимать, а чувствовать каким-то неведомым инструментом, но точно определяющим истинное значение другого образа. Этому нельзя ни научиться, ни перенять от кого-то. Зерно не учит растение, каким ему быть и как расти — зерно дает энергию, и оно развивается уже независимо, дает жизнь цветку, новому зерну... Так и человек... А он в наивности своей или невежестве воображал, что воспитывал детей по образу своему и подобию...

Эти мысли были навеяны тем обстоятельством, что Филипп Козьмич Миронов после долгого лечения в госпиталях совершал невероятную поездку — домой, в станицу Усть-Медведицкую. Такое может присниться только во сне — живым и относительно невредимым во время войны попасть домой...

По пути следования он с удивлением замечал, или это ему только казалось, что на дорогах, улицах, вокзалах — всюду были солдаты. Их серые шинели и горящие каким-то безумием глаза встречались на каждом шагу. Откуда их столько? Они что же, сбежали с фронта? В вагонах, на крышах, в тамбурах, в скверах, в трамваях... И все что-то кричали... Один раз расслышал и запомнил: «Конец войне!.. Мир народам!.. Фабрики рабочим!.. Землю крестьянам!..» Потом Миронов уже по раскрытым ртам догадывался, что толпы народа все время выкрикивают одни и те же лозунги. Он понимал, что в основу всякой революции люди закладывают главный фундамент своей мечты — улучшение жизни. Экономической. А уж потом дышать СВОБОДОЙ...

Наблюдал Миронов и такую картину, откровенно признаваясь, жуткую. Лошадь тащила груженую телегу. От истощения она упала на середине улицы. Тут же из домов повыскакивали люди с ножами и начали отрезать от лошади куски мяса... Вот и настигла некоторую часть населения радость и восторг совершившейся бескровной революции... Ах, как все сложно и непонятно до умопомрачения...

Но Филипп Козьмич сразу же, как оказался в пределах области Войска Донского, будто отбросил все события в сторону и дышал только родным

воздухом. Он — в отпуске, правда, по болезни, но это ведь ничего не значит. Главное, за все три сумасшедших убийственных года он впервые едет домой. Это же — чудо из чудес! Счастье, которое способен испытать только фронтовик, человек, мечтающий даже не об отпуске на родину, а всего лишь о тишине. Куда-нибудь забиться в глухой угол от гула, воя, скрежета снарядов и смертельного пулеметного стрекота и послушать тишину. Ничего ему так не хочется, как тишины, которую в обычной жизни мы редко ценим, а еще реже слышим...

Ехал Филипп Козьмич не на коне, которого в поводу вел верный и тоже уцелевший ординарец Иван Миронов, а на рессорной тачанке, окружным атаманом специально посланной за ним на железнодорожную станцию Себряково. По пути к родной станице Усть-Медведицкой Филипп Козьмич все время приподнимался с высокого сиденья и всматривался в леса-перелески, луга, увалы, речку Медведицу... Будто все это впервые видел. Но вот как-то неожиданно, из-за лесной чащобы, перед ним открылся Дон-батюшка, а на крутой горе — Усть-Медведицкая. Побежал затуманившимися как-то сразу глазами и увидел свой курень, красной жестью крытый. И сразу же вдруг что-то с грудью непонятное случилось, будто в нее плеснули чем-то горяче-обжигающим и там образовалось нечто вроде комка. Он, этот комок, сразу же кинулся к горлу и сильно сдавил. Филипп Козьмич попробовал проглотить его, неведомо отчего образовавшийся. Но тот колом встал и продолжал душить, еще сильнее, жестче. Тогда Филипп Козьмич потянулся рукой к горлу, начал разминать комок и вскоре почувствовал хоть небольшое, но облегчение...

Когда подъехали к месту переправы через Дон, Филипп Козьмич попросил кучера остановить разгоряченных коней, спрыгнул с тачанки и подошел к берегу. Зачерпнул ладонями воду, выпил, а остатками омочил лицо, протер глаза, сняв с них какую-то пленку, мешавшую отчетливо видеть все вокруг. Выпрямился и, кажется, только теперь, впервые за долгую дорогу, глубоко вдохнул родного воздуха и с облегчением выдохнул, словно окончательно очистил себя от чужеродной скверны. Может быть, и есть где-нибудь замечательные места и страны, но прекраснее донской земли нет на всем белом свете. В этом сознании Миронов не один раз утверждался. И отрадно, и грустно, и сердце щемит печалью и счастьем.

Добрая воронья тройка коней личного выезда окружного атамана лихо рванула на косогор и помчалась по улицам станицы. Тут же с колоколен всех церквей ударили в колокола, и вся станица, взбудораженная, кинулась встречать своего героя... Филипп Козьмич приказал везти себя домой, а уж

потом — на встречу с земляками.

В его курене — неописуемая радость... Для матери было слишком большой радостью возвращение сына с войны, она даже не кинулась сразу к нему, а начала целовать кучера и обливать его слезами, будто он совершил самое невероятное — целым и невредимым доставил ее Фильку домой...

Такое время было, что праздники в казачьих куренях долго не задерживались. В семье Мироновых тоже радость была пополам с горестными слезами. Когда Филипп Козьмич рассказал, как погиб Никодим, плачем и причитаниями помянули, а потом вслух о погибшем сыне старались не говорить, но каждый помнил и терпеливо держал в сердце эту великую утрату.

А тут еще ошеломляющее известие подоспело — царь отрекся от престола!.. Как же теперь вообще жить?! Ведь только он — единственный — еще как-то объединял Россию... Значит, все теперь поползет, как вода в половодье. 300 лет дому Романовых! Сколько поколений русских людей прошло, воспитанных на верности царю и Отечеству!.. Царь — все равно что Бог. Что же, теперь отказались от царя, отказываться и... от Бога?.. А как быть с войной? Был враг — немец. И остался. Значит, надо воевать против него!.. А всюду крики: «Конец войне!» А немец, что же, сам уползет на свою землю? «По домам!..» А кто защитит Родину от врага? Россия устала от войны. Выдыхались людские и материальные ресурсы.

Кроме врага — немца, внутри страны образовалось с десяток партий и группировок, готовых перегрызть друг другу глотки из-за власти. Особенно усердствуют большевики, пичкая соблазнительными лозунгами обнищавший народ: «Конец войне!.. Земля — крестьянам!.. Власть — Советам!..» А казакам в какую сторону качнуться? Что она, бескровная революция, даст им? Свободу, волю, землю? Так всего этого добра у казаков хватало. Надо еще больше? Ведь от такого еще никто не отказывался. Только зачем больше — вот вопрос. Потому что человеку всегда мало. И опять же какой ценой это самое «больше» придется добывать — получать?.. Словом, Дон был в шоке, от — по определению Альберта Тома — «самой солнечной, самой праздничной, самой бескровной русской революции».

Филипп Козьмич Миронов не успел, как говорится, оглядеться дома, как его срочно отозвали в действующую армию. В воспоминаниях он писал: «Седьмого марта 1917 года я выехал из станицы Усть-Медведицкой. На станции Себряково удалось ближе познакомиться с тем, что произошло, и я решил побывать в Петрограде.

В Петрограде среди членов Государственной думы царяла полная растерянность, и добиться положительного ответа на интересующие вопросы о войне и дисциплине в армии в связи с приказом № 1 не удалось...»

Что же это за приказ № 1? Прежде чем с ним ознакомиться, Миронов в сжатой форме получил информацию из статьи подполковника генерального штаба князя Волконского о состоянии офицерских кадров: «Что важно и что не важно, определяют теперь прежде всего соображения политические. Действительно неотложны теперь лишь меры, могущие оградить армию от революционирования. Возможен ли бунт в армии? Пропаганда не прекратилась, а стала умнее. Здесь говорили: «Офицеры преданы царю». Морские офицеры были не менее преданы. Говорят: «Морские бунты совпали с разгаром революции». Но революция может вновь разгореться. Аграрный вопрос может поставить армию перед таким искушением, которого не было во флоте. Офицерство волнуется. Кроме волнений, оставляющих след в официальных документах, есть течение другого рода: офицеры, преданные присяге, смущены происходящим в армии. Иные подозревают верхи армии в тайном желании ее дезорганизовать. Такое недоверие к власти — тоже материал для революционного брожения, но уже справа. Вообще непрерывное напряжение, травля газет, ответственность за каждую похищенную революционерами винтовку, недостаток офицеров и бедность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхивает революционное брожение, нередко даже наперекор убеждениям...»

И вот на такую почву, достаточно подготовленную, упал приказ № 1.

Филиппу Козьмичу удалось достать этот таинственный и страшный по своей сути приказ. Он читал его и не мог представить: кто же мог составить подобное? Ведь если такой приказ увидит свет, то армии не будет, и ни о какой дисциплине речи быть не может. А без дисциплины армии не существует. Что же так удивило и, откровенно говоря, напугало

опытного, бесстрашного офицера?

«Приказ № 1

1 марта 1917 года По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра, 2-го марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне строя и службы, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в

частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов».

Филипп Козьмич, читая этот «знаменитый» приказ, сидел на одной из скамеек Летнего сада. Мимо проходили солдаты и так расшумелись, что не заметили Миронова и чуть было не отдавили ему ноги. Филипп Козьмич, вспыхив, вскочил, и первым движением его было встряхнуть за шиворот нахалов... Один из них обернулся и, видя взбешенного офицера, нагло сказал: «Господин офицер, мы ж не на службе...» — «Как ты смеешь, наглец!..» — «Читать надо!» — издевательски козырнув, солдат, довольный собою, последовал за своими веселыми товарищами. «Какое хамство!» Филипп Козьмич не замечал, что в руках держит тот самый приказ № 1, которым вводятся правила новых отношений между офицерами и нижними чинами. Он лично, Миронов, не против хороших, сердечных отношений солдата с командиром, но все-таки традиции, дисциплина должны строго соблюдаться. Выходит, пока ротный или эскадронный комитет не одобрит распоряжения офицера, так можно и в наступление не идти?.. Чушь!.. Хотел бы он видеть умника — автора этого, прямо скажем, контрреволюционного приказа. На поверку оказывалось, что автора никто не знает. Вокруг приказа, вернее, авторства началась мышиная возня, потому что все были возмущены — ведь погибнет, разложится армия и пропадет Россия. Солдаты поняли его как «даешь свободу!..». Им все дозволено теперь...

Премьер-министр Временного правительства Александр Федорович Керенский то ли искренне, то ли с долей театральности позже заявил, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не увидел света... Причем он почему-то утверждал, что Совет рабочих и солдатских депутатов никакого отношения к приказу № 1 не имеет...

Тогда как член Совета рабочих и солдатских депутатов, редактор «Новой жизни» Иосиф Гольденберг откровенно заявил: «Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость. Он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что, если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией в революцией. Мы не колебались: приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство».

Вот, оказывается, где разгадка — приказ специально выработан и спешно и даже тайно распространен, чтобы разложить армию. Но об этом Филипп Козьмич не знал и продолжал негодовать и возмущаться его неленостью и откровенным цинизмом. Кто-то злой, хитрый и жестокий, кому не жаль ни солдат, ни офицеров, ни вообще русских людей — иезуитски столкнул лбами командиров и подчиненных, заложив недвусмысленно в этот приказ уничтожение традиций, разлад между усталыми, обозленными воинами, в руках которых было оружие, падение дисциплины и как результат — гибель армии. Какое коварство!..

Миронов, горячий и часто несдержанный, позабыл про встречу с солдатами, опустился на скамейку и горестно застыл. Мрачные думы одолевали его — вот и дождался он светлого дня революции, о которой мечтал в юношеские годы, да и зрелые лета... А может быть, это ошибка, пытался он себя успокоить. Но ведь люди-то, просто русские люди гибнут зазя, в угоду чьему-то коварству, ведь солдаты пойдут войной на офицеров, и погибнут все. Погибнет Россия. Но вот Филипп Козьмич Миронов познакомился еще с одним документом, как бы своеобразно дополняющим этот нелепейший приказ № 1. Кому-то, наверное, показалось, что его содержание окажет недостаточно разрушительно-пагубное влияние на старую армию, поэтому ровно через пять дней — 5 марта 1917 года — Петроградским Советом был обнародован еще один приказ под № 2. В нем в категорической форме предписывалось, чтобы нижние чины не подчинялись офицерам, а следовали указаниям только Советов рабочих и солдатских депутатов.

Такое безумие могло прийти в голову людям с ненормальной психикой или же настолько враждебно настроенным к России, что им не жаль было ничего: ни земли русской, которую топтал враг-немец, ни людей русских, которых натравливали друг на друга. Ведь шла война с иноземными захватчиками! Кто же защитит Родину, если внутри страны такую свару затеяли?! Допустим, поступит приказ идти в наступление или окопаться — встретить врага огнем... А солдаты вместо выполнения боевого приказа побегут в Советы и начнут совещаться, идти им в атаку или отсидеться в укромном месте?... Чушь!.. А ведь на практике так солдаты и поступали...

Навестить Федора Крюкова?.. Земляка, депутата Государственной думы от области Войска Донского. Писателя... Знаменитого революционно настроенного писателя. Всеобщего любимца. Миронов хорошо помнит, как станичники хлопотали за Федора Дмитриевича Крюкова... Оказалось, что Крюков тоже пребывал в растерянности. Смысл его высказываний сводился к тому, что опьянение свободой, похоже, идет на убыль, крики о

ней затихают, а проблемы улучшения жизни народа остаются. Хлеба рабочим не прибавляется... Что же делать? Когда об этом спросили Конфуция, он ответил: нужно словам придать их истинный смысл. Только и всего. А приказ № 1?.. Это ничем не прикрытая провокация. Заговор против России... Уставшие от войны, голода, непрекращающегося нервного напряжения в течение долгих трех лет, солдаты вдохнули воздуха свободы, опьянели от нее и теперь ведут себя как господа. Перестают подчиняться офицерам. 27 февраля 1917 года, когда революционные рабочие Петрограда вышли на улицы, солдаты, не слушаясь командиров, присоединились к ним и вместе начали громить город. Среди офицерского состава немало жертв — 60 человек... Уже в первые дни революции выплеснулась копившаяся злоба против так называемых «золотопогонников». Солдаты теперь толпами ходят по улицам, развязные, наглые, и слова им не скажи, или на месте прибьют, или потащат для ответа в комитет...

А Временное правительство?.. Там одно лишь словоблудие. Оно получило власть в руки, но понятия не имеет, что с нею делать. Все у них там замешано не на правде и добре, истинных ценностях бытия, а на лжи и неверии в то, что они сами делают. Они понятия не имеют, как, каким образом сформировать нравственные, политические и социальные декреты, которые отвечали бы сегодняшнему дню, не говоря о завтрашнем. Всюду неразбериха. Путаница. Некомпетентность. И главное, страх перед разбушевавшейся стихией народных масс. Страх перед толпой, которая может раздавить это самое Временное правительство, и от него не останется даже мокрого места...

Ну а казачьи донские полки, верные службисты «веры, царя и Отечества»? — поинтересовался Миронов у Крюкова. В них-то все и дело. Если бы они в действительности оказались такими службистами, как о них все думали, то наверняка этой вакханалии не произошло бы...

С первых же дней выступления рабочих 1, 4 и 14-й донские полки выказали неповиновение и перешли на сторону пролетариата... «Не будут донские казаки полицейскими!..» Чей это лозунг, выдвинутый еще в 1906 году? Кажется, тогдашнего подъесаула Миронова, насколько не изменяет память Федору Крюкову. Дела-а... А Четвертый Донской казачий имени графа Платова полк пошел еще дальше — сменил командира полковника герцога Лейхтенбергского, он же князь Романовский, и выбрал нового... Представить только себе, выбрал нового командира полка. Им оказался командир казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища Соколов.

В Петрограде состоялся Первый казачий съезд под руководством члена Государственной думы Ефремова и генерала Африкана Богаевского.

Призыв к продолжению войны и защите от Советов рабочих и солдатских депутатов не нашел поддержки у представителей фронта и рядовых казаков, и они организовали свой Центральный Совет для борьбы за интересы рабочих и крестьян. Словом, все соединяются-разъединяются, и везде такой словесный треск, что хоть уши затыкай.

Наказной атаман Войска Донского генерал Граббе смещен. До сбора Войскового Круга вся полнота власти будет находиться в руках войскового старшины Волошина. Он же — и комиссар Временного правительства. Новочеркасские казачьи верхи стоят за «войну до победного конца» и за установление казачьей диктатуры.

Ну а что с царем? Где он? Как он?.. Филипп Козьмич как-то испытующе посмотрел на своего земляка, который ведь хорошо знает отношение его, Миронова, к самодержавию, и вдруг он интересуется особой государя, подумает: к чему бы это?.. Но Федор Крюков и виду не подал, что странно слышать такой вопрос от яростного противника царизма. Но ведь может же быть у Миронова чисто человеческий интерес. Странно другое, — если бы такого интереса не возникло.

Кто может ответить теперь, почему самодержавный властелин вдруг отказался от императорского трона? Потом от трона российского отказался великий князь Михаил. Эпидемия отречений какая-то... Никто не хотел быть царем?.. Что тут сыграло главную роль? Многие склоняются к политическим мотивам. Почему-то чисто человеческие стороны вообще не принимают в расчет. Ведь в руках Николая II находились еще целые армии преданных войск. Мог же он их пустить «в дело»... Выходит, легче сбросить с себя бремя власти и вместе с семьей пойти под арест?!

Тайной для современников оставалось письмо, запечатанное в секретный пакет и оставленное на хранение в сейфах генерал-квартирмейстерской части Ставки. Когда отрекшегося императора поезд увозил в Могилев, он пригласил в салон своего начальника штаба генерала Алексеева и сообщил ему странное решение: «Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград». Тут же сел за стол и написал текст телеграммы, в которой извещал народ русский, что он отказывается от царства в пользу своего сына, цесаревича Алексея... Но генерал Алексеев эту телеграмму не отослал. Долго держал при себе, потом передал генералу Деникину... Что руководило Алексеевым? То, что народу уже было объявлено два манифеста и оба с отказом от царства?.. Это тоже тайна, которую, может быть, никогда не удастся разгадать... На что рассчитывало Временное правительство, уговаривая великого князя Михаила отречься от престола?.. Ведь оно само просуществовало всего лишь 7 месяцев и было

сметено и раздавлено новой революцией. И что вообще значили для судьбы России всякие Керенские, Родзянко, Гучковы, Львовы, Шульгины... которые тщились решать будущее великого и многострадального народа?..

Великий князь Михаил избрал своим местом жительства Гатчину. Потом был арестован и препровожден в Пермскую губернию и там позже расстрелян... Царь... Николай II, как известно, отрекся от престола 2 марта, а 7 марта 1917 года по постановлению Временного правительства: «...Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить... в Царское Село». 8 марта Николай II выехал из Могилева... Прошел слух, что царскую семью могут тайно переправить в одну из европейских стран.

Появился документ, рожденный в недрах Советов: «Вчера стало известным, что Временное правительство изъявило согласие на отъезд Николая II в Англию и даже вступило об этом в переговоры с британскими властями без согласия и без ведома исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. Мы мобилизовали все находящиеся под нашим влиянием воинские части и поставили дело так, чтобы Николай II фактически не мог уехать из Царского Села без нашего согласия. По линиям железных дорог были разосланы соответствующие телеграммы задержать поезд с Николаем II, буде таковой уедет. Мы командировали своих комиссаров, отрядив соответствующее количество воинской силы с броневыми автомобилями, и окружили Александровский дворец плотным кольцом. Затем мы вступили в переговоры с Временным правительством, которое санкционировало все наши мероприятия. В настоящее время бывший царь находится не только под надзором Временного правительства, но и нашим надзором...»

Кто возьмет на себя смелость глубоко и верно понять состояние представителей царствующей династии, которые так легко и быстро расстались с тронem Российской империи? Предугадывали ли они свою дальнейшую судьбу? Во имя каких высоких идеалов шли на эту Голгофу? Во имя России?.. Родины?.. Народа?.. Ведь корысти-то не было?! Что их спасало в эти горькие и страшные дни?.. Любовь? Молитва? Бог?.. Предначертание и покорность судьбе?..

Филипп Козьмич Миронов расставался с писателем Федором Крюковым, исполненный тяжелыми, безрадостными думами. Ничего-то он в столице для себя не прояснил, наверное, зря и заезжал. Надо торопиться в родную стихию, на фронт, там яснее все станет.

«Я решил вернуться, — вспоминает Миронов, — в свой родной 32-й полк, где еще числился старшим помощником командира полка по строевой части. Полк находился в городе Рени. Командиром полка состоял полковник Ружейников, бывший окружной атаман Усть-Медведицкого округа. С ним у меня были столкновения на почве революционных выступлений девятьсот пятого-шестого годов. Полковник был ярким монархистом, совершенно неспособным к боевой деятельности. Он тем не менее всецело отвечал взглядам самодержавного правительства.

Явившись в полк, я сейчас же коснулся политической стороны дела, ибо видел, что с выходом ПРИКАЗА № 1 армии не будет, и напрасно думать о войне «до победного конца». Это было бы безумием. Необходимо было сосредоточить все внимание на том, чтобы казачество не было вовлечено войсковым начальством на борьбу с революцией.

Чувствовалось, что большинству офицеров совершившийся переворот не по душе.

Первая беседа с офицерами и представителями казаков, по шести человек от сотни, произошла на открытом воздухе в городе Рени. Я разъяснил казакам на этот раз различные виды государственного устройства в разных странах, с их достоинствами и недостатками. Идеалом служила демократическая Швейцарская республика, с ее государственным строем, ее меморандумом и народной инициативой.

После трехчасовой беседы было приступлено к голосованию записками по вопросу: «Какое государственное устройство желательно для России».

Нужно сказать, что казаки знали к этому времени об отречении царя, передаче престола Михаилу и о его отречении и о существовании Временного правительства, на верность которому была принесена присяга.

Из пятидесяти пяти — шестидесяти записок получился единогласно ответ: «Демократическая республика».

Из шестнадцати офицерских записок более половины ответило: «Конституционная монархия».

Итак, было очевидно, что политические дороги офицеров и рядовых казаков начали двоиться, что и было тогда подчеркнуто.

Став членом Революционного комитета города Рени, я принимал живейшее участие в заседаниях комитета и митингах.

В один из последних мартовских дней я предложил полковнику Ружейникову как черносотенцу оставить полк. Ружейников запротестовал. Тогда ему было сказано, что если он не оставит полк добровольно, то это будет сделано через Военно-революционный комитет.

Через два дня Ружейников был вызван в штаб дивизии на освидетельствование, а я на объяснение своего поступка по отношению к командиру полка. Результатом этого Ружейников все-таки должен был уехать из полка, а я, в свою очередь, принужден был получить тоже медицинское свидетельство и отпуск по болезни.

Наш 32-й Донской полк был снят из города Рени и переведен в соседнюю деревню, недалеко от штаба дивизии. Шел полк с боевыми мерами охранения, так как в полку распространился слух о моем аресте и о решении полками дивизии принудить 32-й Донской полк выдать всех революционных офицеров и казаков.

Подъезжая к штабу дивизии, казаки полка выбросили заготовленные красные флаги и потребовали, чтобы музыка играла «Варшавянку».

Было страшно обидно, что до первых чисел апреля девятьсот семнадцатого года в казачьем полку боялись выбрасывать красные флаги.

Дня через два был полковой митинг на злободневные вопросы текущего момента.

Прощаясь с полком, я попросил казаков и офицеров найти общую платформу для деятельности.

Что-то там, на родном Дону, делается теперь? Никакого, конечно, не было сомнения, что помещики и капиталисты постараются повторить опыт девятьсот пятого-шестого годов, тем же путем и теми же средствами. Нужно во что бы то ни стало удержать донское казачество от этого рокового для него шага. Как-то старики на Дону реагируют теперь на происходящие события?.. Как они-то поймут и воспримут исторически назревшую необходимость свержения царя, который до последней минуты в их глазах был «божьим помазанником»? Один за другим в моем мозгу толпились вопросы времени, и ясным был ответ: не избыть беды родному Дону. Используют генералы невежество казачьего жизненного уклада и вольности казачьей и даже великое историческое прошлое вольных и передовых атаманов Дона — Булавина, Разина и других...»

Значит, снова на родимый Дон!.. Теперь можно и не особенно торопиться, решил Миронов и направил свои стопы в центр Войска Донского — в Новочеркасск. А оттуда — в родную Усть-Медведицкую...

Наивный он, что ли, этот железный командир Миронов?! Но ведь в то время думал именно так, к чему ж теперь, чего он в жизни от роду не делал, лукавить? Тем более — перед смертным часом. В то смутное время, одновременно несущее и что-то неизвестное, и интуитивно ощущаемую тревожную радость и гордость, он был непосредственным участником событий и вершителем судеб человеческих. И конечно же, Миронов не думал, не знал и не гадал, что эта же самая революция петлей вокруг его жилистой шеи завяжет тугой и смертельный узел. Не она, конечно, неодоушевленная, расплывчатая, а люди, порожденные ею. Но это почти одно и то же...

Если бы он мог хоть что-нибудь предвидеть или хоть как-то представить свой конец, хоть как-нибудь попридержать трагическую развязку... Может быть, таков удел сильных, добрых и правдивых людей — верить искренне в общечеловеческие идеалы, за что и быть наказанными? Но ведь мужество, храбрость, преданность Родине — благословенны в веках. И разве наивно верить в то, что революция несет народу свободу? И счастье. Ну а этот самый простой народ просил Миронова, чтоб он ему счастье завоевывал? Сколько раз этот больной вопрос становился перед ним во всей, обнаженно-трагической простоте и величии? Просил — не просил?.. Ну а все-таки конкретно, кто обращался к нему с подобной просьбой?.. Такого он не может припомнить вдруг. А может быть, и не было конкретного народа? Но он же сам видел, что народ страдает. Ах, страдает!.. И он, благодетель, решил осчастливить его? Благородно, ничего не скажешь... Но все-таки, не мешало бы у этого конкретного несчастливца спросить, согласен ли он, чтобы такой дорогой ценой Миронов добывал ему счастье и блаженство в преходящем мире. Но разве он не знает, что все великие, благородные, так же как и низменно-авантюрные, деяния всегда и всюду прикрывались именем народа и только «во имя» его совершались. Тут ничего нового никто еще не придумал. А не стала ли великомученица Россия и ее неотъемлемая часть, донской родимый край, удобным полигоном для проведения некоего эксперимента геноцида?.. Ну, такое предположение было бы уж слишком... Но эту версию рано или поздно, так или иначе, а придется продумать. Вот, кстати, истина всегда конкретна. Нить памяти надо тянуть, и, может быть, удастся вытянуть из исстрадавшегося сердца и возмужавшего от невыносимой боли ума кое-

какие сведения... Страдание возрождает чувство внутренней свободы...

В Новочеркасске прошел казачий донской Войсковой Круг, избравший войсковое правительство: по два представителя от каждого военного округа, начальник штаба Войска Донского, начальник артиллерии Войска Донского. Атаманом Всевеликого Войска Донского единогласно был избран генерал-лейтенант Алексей Максимович Каледин, бывший командующий 8-й армией. В то время, как по всей стране создавались Советы, казаки продолжали цепко держаться за старые порядки.

Войсковой Круг предоставил новому атаману неограниченные права и выдал соответствующую грамоту: «По праву древней обыкновенности избрания войсковых атаманов, нарушенного волею царя Петра Первого в лето 1709-е и ныне восстановленного, избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом. Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки атаманской власти и поручаем управлению Великим Войском Донским в полном единении с членами войкового правительства, выбранного также вольными голосами Войкового Круга. Руководством к законному правлению в Войске нашем должны служить тебе, наш атаман, постановления, утвержденные Войсковым Кругом, в соответствии с общегосударственными законами. Грамота сия дана в г. Новочеркасске, в 1917 году, июня 18 дня».

Большой Войсковой Круг принял решение продолжать войну до победного конца. Кто будет сему противиться, того лишать казачьего звания. Для казака страшнее наказания не придумаешь... Атаман Каледин начал свой памятный объезд казачьих хуторов, станиц и военных округов.

В станице Усть-Медведицкой произойдет также памятная встреча войкового старшины Филиппа Козьмича Миронова с атаманом Всевеликого Войска Донского.

Любопытная деталь: «Союз казачьих войск» созвал в Петрограде Второй казачий съезд, который провозгласил установление военной диктатуры силами объединенных войск все х одиннадцати казачеств. Странно, что этот съезд санкционировал глава Временного правительства Керенский. И даже выступали на нем Милюков и Родзянко. Руководил съездом генерал Дутов.

Центральный Совет казаков пытается провести съезд рядовых казаков, но Временное правительство не дает на это разрешение.

Лидер меньшевиков Церетели организывает демонстрацию под антибольшевистским лозунгом.

18 июня 1917 года революционные массы рабочих вышли на улицы Петрограда и не поддались на провокации меньшевиков — демонстрация

прошла под лозунгами большевиков: «Долой войну!» «Вся власть Советам!..» «Долой десять министров-капиталистов!..»

18 июня 1917 года, кажется, русские войска в последний раз предприняли глобальное наступление на позиции врага.

Войска, разлагаемые приказом № 1, начали митинговать, — идти ли им в атаку или лучше всего побыстрее смыться в тыл...

В России наступала анархия...

Миронов послал письмо члену комитета подъесаулу Кузюбердину, командиру сотни 4-го казачьего Донского имени графа Платова полка, расквартированного в Петрограде: «Мы, казаки-фронтовики, в частности 32-й Донской полк, протестуем против действий Войскового Круга. Трудовое казачество останется верным заветам революции...»

Формально признав Временное правительство, Каледин подготавливал контрреволюционный мятеж против демократических сил. Повсюду начал упразднять Советы и вместо них насаждал атаманскую власть. Казаков, связанных с большевиками и исповедующих их идеи, лишал казачьего звания и предавал военно-полевому суду. Снимал с фронта казачьи полки и стягивал их на Дон, концентрируя силы для удара по Советам. С целью контрреволюционного переворота разъезжал по станицам, хуторам и военным округам. С этой целью предполагалось его прибытие в родную станицу Усть-Медведицкую. Получив известие, что прибывает наказной атаман Всевеликого Войска Донского, местное начальство начало деятельную подготовку к знаменательному событию — ведь такой чести редко удостоивалась самая северная казачья станица.

Усть-Медведицкая только что встретила, торжественно и празднично, героя Тихого Дона, своего земляка, войскового старшину Филиппа Козьмича Миронова. Славно все получилось... Ну а теперь перед окружным и станичными атаманами встал непростой вопрос: как быть с этим самым героем? На торжественную встречу другого своего земляка, наказного атамана, приглашать ли Миронова или не приглашать? Над этим деликатным вопросом крепко пришлось задуматься полковнику Рудакову и подъесаулу Емельянову. Ведь Миронов хоть и герой, но он же «окаянный», обладает непредсказуемым характером, и что может при торжественной церемонии встречи выкинуть — одному Всевышнему известно. Земному же начальству известно доподлинно, что войсковой старшина Миронов твердо стоит на революционных позициях. А окружной и станичный атаманы знали, с какой целью приезжает наказной атаман... Как бы не оконфузиться... И пришли к единодушному мнению: на время пребывания генерала Каледина в станице Миронова под благовидным предлогом куда-

нибудь выпроводить.

Выполнить деликатную миссию предоставили полковнику Рудакову. Он пригласил к себе Филиппа Козьмича в окружное правление. Ласково принял, расспрашивал о положении на фронте... Но в конце концов, когда окружной атаман предложил почетную поездку в Новочеркасск, Филипп Козьмич вдруг понял, куда гнет полковник. Миронов — доверчивый, но в то же время вспыльчивый и резкий, разгадал хитрости окружного атамана, не попрощавшись, покинул его кабинет.

Станичный атаман подьесаул Емельянов занялся рядовыми казаками-фронтовиками, отпускниками, которых, во избежание всяких случайностей, тоже хотели выпроводить из Усть-Медведицкой. Фронтовики кинулись за советом к Миронову: что делать? Решено было не покидать станицу. Атаман посадил в кутузку одного отпускника... Филипп Козьмич надел полную форму с орденами, явился в станичное правление и как старший по званию приказал подьесаулу Емельянову освободить арестованного...

Итак, станица Усть-Медведицкая начала тревожно, но с радостным подъемом ждать приезда своего знаменитого земляка — наказного атамана Всевеликого Войска Донского генерала Каледина.

Когда дежурившие казаки на самой высокой колокольне неистовыми голосами заорали: «Е-е-дить!..» — грянули колокола всех станичных церквей. Несмотря на то, что на плацу был выстроен гарнизон Усть-Медведицкого военного округа, коляска генерала Каледина в сопровождении эскорта подкатила к главному войсковому храму — Воскресенскому собору. Таков обычай донских казаков — все значительные события начинались именем Господа Бога, а заканчивались благодарственным молебном. Еще когда они промышляли не совсем достойным промыслом, охотой «за зипунами», после похода обязательно шли в храм, воздавали молитву Богу и уж потом расходились по домам.

На сей раз генерал Каледин и за ним воинство шло на молитву во имя великой цели — защиты Дона от Советов... После благодарственного богослужения, проведенного самим архиереем, атаман Всевеликого Войска Донского принимал парад войск. Даже мельком увидев, как казаки сидят в седлах и какие под ними кони, он с гордостью отметил, что, значит, еще не перевелись донские казаки — храбрые, удалые, профессионально обученные. Готовые по первому зову броситься в атаку за «веру»... тут пробел получился в мыслях Каледина, ведь царя свергли или он сам отрекся от престола, но так или иначе его нет, остается Отечество. Осталось всего лишь dna символа. Но не беда. Главное, есть донцы-молодцы. Сердце старого солдата радуется. Он ведь хорошо знает, что

творится в русских войсках на фронте.

Рассказывал его сподвижник генерал Антон Иванович Деникин: «Приезжает командующий армией к толпе солдат и говорит: «Какой там «господин генерал», зовите меня просто: «товарищ Егор»... До какого унижения доходил командный состав... Вы слышали, что солдаты сделали с командиром Дубовского полка за то, что тот не утвердил выбранного ротного командира и посадил под арест трех агитаторов? Распяли! Да-с, батенька... Прибили гвоздями к дереву и начали поочередно колоть штыками. Обрубили уши, нос, пальцы... Фронт разваливается. Грязные окопы. Народу в окопах мало. Кто-то в дезертирах, другие, «тяжелоздоровые», взяли путем угроз от врачей свидетельства о болезни, третьи, объявив себя делегатами, уехали к товарищу Керенскому лично проверить, действительно ли он приказал армии перейти в наступление. Оставшиеся солдаты играют в карты, в воздухе скверная брань. Читают газету «Русский Вестник», издаваемую немцами и ежедневно доставляемую в русские окопы. Командир роты поручик Альбов неуверенно и просительно обращается к солдатам: «Товарищи, выходите на работу. В три дня мы ведь ни одного хода сообщения не вывели». Играющие в карты даже не повернулись. Кто-то вполголоса сказал: «Ладно». А читавший газету отозвался: «Рота не хочет рыть, потому что это подготовка к наступлению, а комитет постановил — не наступать...» Альбов: «Если даже ограничимся обороной, то ведь в случае тревоги — пропадем. Вся рота по одному ходу не успеет выйти...» Поручик махнул рукой и пошел дальше... На поле за неприятельскими проволочными заграждениями — людно. Там базар. Немецкие и русские солдаты обменивают друг у друга водку, табак, сало, хлеб... Показывается толпа. Над нею красные флаги. Впереди транспарант белыми буквами: «Долой войну!» Это пришло пополнение к русским. Начались разговоры: как с земляцей? Скоро ли примирение?.. Им-то, офицерам, сукиным сынам, хорошо, получают как стеклышко, 140 целковеньких в месяц... Начинается митинг: «Товарищи, мы страдаем, обносились, обовшивели, голодаем, а они, офицеры, последний кусок изо рта у вас тащат. Они зовут вас в наступление, посылают вас в бой, чтобы вернуть Романовых, вернуть вас в кабалу к буржуазии». Поручик Альбов пытается объяснить, что офицеры не посылают их в бой, ведут их за собою, усеяв офицерскими телами пройденный путь... Толпа ревет и напирает. Зловещий гул, искаженные злобой лица: «Погоди, сукин сын, мы с тобой посчитаемся!..» Ночью Альбов пишет рапорт при огарке свечи: «Звание офицера — бессильного, оплеванного, встречающего со стороны подчиненных недоверие и

неповиновение, делает бессмысленным дальнейшее прохождение службы. Прошу о разжаловании меня в солдаты, дабы в этой роли я мог исполнить честно и до конца мой долг...» Пока молодой поручик писал рапорт, солдаты повалили древко палатки, навалились сверху. Начали бить... До смерти... Кто-то потом подошел и равнодушно сказал: «Ишь как разделали человека, сволочи!.. Не иначе, пятая рота». Распламенная стихия вышла из берегов окончательно. Офицеров убивали, жгли, топили, медленно разрывали с невероятной жестокостью, молотками пробивали головы... Миллионы дезертиров, как лавина двигалась солдатская масса по железным дорогам, грунтовым путям, топча, ломая, разрушая последние нервы бедной, бездорожной Руси... Как смерч — грабежи, убийства, насилия, пожары... Все это делал солдат. Тот солдат, о котором писал Л. Андреев: «...Ты скольких убил в эти дни, солдат? Скольких оставил сирот? Скольких оставил матерей безутешных? И ты слышишь, что шепчут их уста, с которых ты навеки согнал улыбку радости? Убийца, убийца!.. Ты предал Россию, ты всю Родину свою, тебя вскормившую, бросил под ноги врага!» После революции 1905 года модным было считать: солдат — жертва, все зло в офицерах — они расстреливают мирных жителей, бьют солдат, пьянствуют, развратничают. После революции 1917 года все перевернулось: офицер — жертва, солдат — зло, хам, вор, грабитель, предатель, убийца. А. И. Куприн писал: «Будут дни, и нас, офицеров, будут бить. Мы заслужили это. Нас, патентованных красавцев, неотразимых соблазнительей, великолепных щеголей, будут бить на улицах, на площадях, в ватер-клазетах...»

Армия погибала... А вместе с нею — Россия... Творилось что-то невообразимое. Газеты переполнены ежедневными сообщениями с мест — анархия, беспорядки, погромы, самосуды... Навис злой призрак голода. Между фронтом и местами закупки хлеба — разбои, грабежи. Проходящие воинские части сметают все, уничтожают посевы, скот, птицу, разбивают казенные склады спирта, напиваются, поджигают дома, громят не только помещичье, но и крестьянское имущество... Против массового дезертирства бороться невозможно. Самые плодородные области погибают. Скоро останется голая земля...

ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов констатировал: «В различных местностях России толпы озлобленных, темных и часто одурманенных спиртом людей, руководимые и натравливаемые темными личностями, бывшими городскими и уголовными преступниками, грабят, совершают бесчинства, насилия и убийства».

Съезд представителей Балтфлота потребовал: «...Немедленного удаления из рядов Временного правительства Керенского как лица, позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажом великую революцию, а вместе с нею и весь революционный народ».

Комиссар Северного фронта В. Б. Станкевич, призванный защищать Временное правительство, доносил: «Я чувствовал всю тщету попыток, так как само слово «правительство» создавало какие-то токи в зале, и чувствовалось, что волны негодования, ненависти и недоверия сразу захватывали всю толпу. Это было ярко, сильно, непреодолимо и сливалось в единый вопль: «Долой!»

Интеллигенция и демократия требовали: «Войны до победного конца»... А в армии — неповиновение и самосуды... Словоблудие текло из Петрограда... Никто никого не слушал, никто не знал, что делать, но все пытались перекричать друг друга.

Непонятно, под каким флагом в Москве собралось так называемое Государственное совещание представителей Временного правительства и высших военных чинов... Почему-то Керенский пытался даже лишить слова генерала Корнилова...

Керенский, бия себя в грудь, патетически говорил: «Если у народа не хватит разума и совести, то погибнет государство русское, захлестнутое волной развала, распада и предательства!.. И ныне, рожденный к свободе и

великий в своем прошлом народ, обманутый и опозоренный, в страшном дурацком колпаке пляшет и кривляется перед своим жестоким Берлинским Баринном. Но не падайте духом. Не проклиняйте темную массу народную, не бросайте ее! Идите к народу со словами суровой правды, будите в нем уснувшую совесть, и раньше, чем вы думаете, возродится в нем мужество и загорится жертвенный пламень любви к Родине и Свободе!»

Какое обилие ничего не значащих и ничего не выражавших пустых слов, но в какой-то степени заволакивавших слушателей.

Зато атаман Всевеликого Войска Донского Каледин, выступавший от всех одиннадцати казачьих войск, был более конкретен: «Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями. Все советы и комитеты должны быть упразднены. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена. Дисциплина должна быть поднята в армии и в тылу. Дисциплинарные права начальников должны быть восстановлены. Вождям армии — полная мощь!...»

Ведавший распоряжом Сопещания министр почт и телеграфов Никитин спросил Верховного главнокомандующего: от какой организации он будет говорить?.. Когда Корнилов приехал в Москву на это самое Сопещание, офицеры от поезда до экипажа несли его на руках... «Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас!...» Мануфактурщица Морозова упала на колени перед Корниловым и пыталась поцеловать ему руки... Родзянко послал телеграмму Корнилову, называя его Верховным вождем...

10 августа генерал Корнилов приехал в Петербург, явился на заседание Временного правительства и привел с собою верных текинцев, которые расставили пулеметы у всех входов и выходов Зимнего дворца... Корнилов боялся, что его может арестовать Керенский, а Керенский боялся, что его арестует Корнилов...

Все стремились подвинуть Россию к окончательной гибели. К уничтожению нравственных, духовных и материальных ценностей, созданных народом веками.

Ни в ком не явилась мудрость терпения — этого ангела-спасителя всего живого на земле. Именно в это трагическое для России время русский человек наиболее ярко выявил свою сущность — в избытке выдал миру и свой ум, и свою глупость. Оправдал рожденную в глубинах народа поговорку: «Из нас, как из древа — и дубина и икона». Все зависит от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев...

И вот, когда по всей матушке-России плыл мутный поток смуты и душераздирающий вопль, единственным спасительно-обетованным местом оставался Дон, его чистые воды и сильные, смелые сыны. Они не забыли

еще, как сушатся походные сухари и сохраняется сухим порох в пороховницах.

...Генерал Каледин Алексей Максимович среднего роста, сумрачный взгляд, фуражка надвинута на глаза, молчаливый, блестящий кавалерист, выйдя на паперть, слушая несмолкающий трезвон колоколов и глядя на выстроившиеся колонны конных сотен, чувствовал гордость и особую радость, что его мечты сбываются и он находит ту силу, которая не только оборонит Донской край от анархии и разрухи, но, бог даст, и спасет всю Россию...

После торжественного молебна и официальной встречи выборных представителей станиц и хуторов пригласили в здание окружного правления. В хорошем настроении и хорошо поставленным голосом, даже как будто прислушиваясь к самому себе, генерал Каледин громко вещал: «Господа избранные старики! Россия пережила и переживает тяжелое потрясение. Свергнут царь с трона... В стране началась великая смута. Армия подорвана приказом № 1. Началось убийственное разложение фронта... Все это результат не только внешнего врага, но и внутреннего, так называемых большевиков... Призываю вас, отцы, готовить своих сыновей к защите Тихого Дона от анархии и большевизма... Наша миссия — исцеление России...»

Кто-то кричал «ура», кто-то кричал: «За решетку генералов!.. Пусть Миронов скажет!..», «Он неприглашенный!..», «Требуем Миронова! Ему верим!..»

Присутствовавшие на приеме нежеланные фронтовики выпихнули Миронова к трибунке. Все притихли от! неслыханной дерзости молодых казаков, а тут еще этот Миронов — герой Тихого Дона и вечный бунтовщик, резкий, непримиримый, правдивый, вспыльчивый и храбрец, другого подобного не сыщешь во всем славном казачьем войске.

— Граждане станичники! Уважаемые старики! Трудовой народ России сбросил цепи самодержавия. Но власть-то осталась у помещиков, фабрикантов и банкиров. Крестьяне не получили земли, а рабочие — лучших условий труда. Казаки не получили отнятых царями законных вольностей. Не получили мы ни мира, ни победы над врагом. Поэтому и прибыл по наши души генерал Каледин и призывает к установлению военной диктатуры. «Война до победного конца»... Мы, трудовые казаки, требуем учреждения в стране не генеральской власти, а подлинно народной.

Старики взбеленились, пытаясь сбросить Миронова с трибуны. Их скрюченные от работы и шашки заскорузлые пальцы тянулись к Филиппу

Козьмичу, пытаясь ухватить его за полы парадного френча. Наконец им все-таки удается стащить Миронова и поддать ему. Но фронтовики вовремя кинулись на выручку и за бороды оттащили рассвирепевших «господ выборных стариков».

Из толпы вырвался сотник Степан Игумнов с обнаженной шашкой и, замахнувшись на Миронова, дико заорал: «Срублю голову!.. Извинись перед его превосходительством генералом Калединым!..» Пока сотник, захлебываясь от злобы и верноподданнических чувств, произносил свою тираду, опытный разведчик Миронов уже держал приставленный к его виску револьвер: «Брось шашку!.. Убью, как собаку!..» Игумнов от неожиданности и страха выпустил из рук шашку. Кто-то из фронтовиков подхватил ее и на глазах у всех через колено переломил...

Во время рукопашной драки наказной атаман Всевеликого Войска Донского генерал Каледин скрылся в задних комнатах окружного правления. Неожиданно запыхавшийся телеграфист вбежал к окружному атаману полковнику Рудакову. Тот, прочитав текст телеграммы, чуть ли не лишился дара речи. Тихонько, как-то боком подошел к Каледину и чуть ли не из-под полы показал телеграмму: «Алексей Максимович, срочная и совершенно секретная...»

Временное правительство приказывало немедленно арестовать атамана Войска Донского генерала Каледина за участие в мятеже генерала Корнилова... Может быть, за те слова, которые он чеканил на московском совещании: «Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами должен быть немедленно и резко поставлен предел». Генерал Каледин с черного хода пробрался к своим ординарцам, вскочил на оседланного коня и ускорил в степь.

Единственный раз в своей жизни разведчик Миронов, кажется, опростоволосился, как он о том вспоминал позже. Когда потасовка прекратилась и возбужденная толпа вывалилась на площадь и здесь снова начал выступать Филипп Козьмич, как раз в то время скрылся Каледин. И когда казаки, узнав о телеграмме, кинулись в погоню, было поздно — добрые и запасные атаманские кони уносили генерала в неизвестном направлении...

Все столь было невероятно, что, по понятиям старых служивых казаков, равнялось чуть ли не концу света. Как это, самого наказного атамана Всевеликого Войска Донского, встреченного с такими почестями, вдруг через какой-то час-два арестовать, словно бандита или вора?! Уму непостижимо!.. Что же происходит с воинственными сынами Дона — ведь они бесчестят себя. А казаки чтут честь высоко, ставя ее в один ряд после

матери и отца. Может быть, вскоре и Дон вспять повернет?.. Потом эти Богом проклятые Советы, стало быть, продолжают жить и вести разрушительную работу среди казаков... А Большой Казачий Круг решил, что надо срочно возвращаться к атаманскому правлению. Как же в самом деле быть? Генерал Каледин, всеми уважаемый военачальник, тоже подтвердил, чтобы поскорее прикрывали Советы и устанавливали извечную, столетиями выверенную власть на Дону... Все зыбко, неверно, как на прифронтовых Пинских болотах. Вот только не ведали донские казаки, что им придется вдосталь нахлебаться этой жижи.

Филипп Козьмич тоже в тревоге и волнении покидал свой родимый край и отправлялся на фронт. Может быть, в последний раз? Сколько же ему будет сопутствовать удача? Когда-нибудь на высоте она покорно сложит крылышки и камнем ударится о твердую, неласковую землю...

Алексей Максимович Каледин, благополучно добравшись до казачьей цитадели — Новочеркаска, неожиданно узнал, что Временное правительство отменяет приказ об аресте и великодушно прощает его контрреволюционные намерения. Все это хорошо, но придет время, за такие штучки, что заставили его удариться в паническое бегство, он Керенского отблагодарит...

Провожали на фронт Филиппа Козьмича поздним утром, когда солнце встало уже в дуб. Было тепло, но не жарко. Мир вокруг нежен и грустен. Фронтовики, пришедшие проводить Миронова, не замечали особой его тоски и требовательно просили подсказать, что делать, чтобы не попасть впросак, как в 1906 году. По-свойски разговаривая, вскоре с удивлением обнаружили, что на семейные проводы Филиппа Козьмича собралась огромная, к тому же взволнованная толпа. После выздоровления выезжает на фронт не рядовой, ничем не примечательный казак, а войсковой старшина, дворянин, талантом и кровью заслуживший это высокое звание, но оставшийся таким же близким и понятным, каким был всегда. С именем которого станичники связывают решение многих жизненно важных и неотложных вопросов, тем более в такое шаткое время, какое теперь стоит на дворе.

Незаметно возник стихийный митинг. Филиппа Козьмича попросили подняться на подготовленную в далекий путь походную повозку, чтобы всем было слышно. Увлекаясь, он начал говорить громко и горячо, постепенно вытесняя из своего сердца боль расставания: «Я против «победы до победного конца». За три года русский народ понес невозвратимые жертвы — миллионы загубленных жизней солдат и казаков. Реки пролитой крови, слез матерей, осиротевших детей и вдов. Я против войны! Я за победу рабочих и крестьян. За волю и свободу трудящемуся человеку. За справедливый мир с Германией. Но не с Вильгельмом II. Он полетит с трона, как полетел Николай II. Рабочие Германии установят власть Советов. Поверьте и запомните мои слова: социальная революция в России будет продолжена в Германии. Для нас, казаков, донских, кубанских, терских, оренбургских, сибирских и других, должно быть ясным, что если мы пойдем за генералами, то на троне появится снова самодержавный царь. Если мы пойдем за Калединым, а он этого очень хочет, то мы придем сначала к удушению большевиков, потом к удушению демократической республика и подойдем к республике буржуазной, окажемся в лапах господина Пуришкевича, за спиной которого прячется царь. Если мы, казаки, пойдем с большевиками, то каяться нам не придется, ибо их программа ясна. Может быть, много у них утопического, много крайностей, но цель у них одна — социальная революция. Нам, казакам, с большевиками отношения ломать не стоит. С большевиками мы

всегда договоримся, и тогда основные завоевания социальной революции останутся за трудящимися... Меня называют большевиком, а это слово для некоторых такое страшное, что им начали пугать даже маленьких казачат. Одни не знают, кто такие большевики, другие хотя и знают, но злобствуют, играя на невежестве огромной массы казаков и всего населения области Войска Донского. Я вам открыто скажу — генералы шельмуют. И буржуи вместе с ними. Я непричастен, не записывался в большевики, но если они проводят социальную революцию, я пойду с ними....»

Кто посмеет теперь упрекнуть Миронова за его чистую веру в идеалы революции?! За его страшную, непоправимую ошибку.

Не успокоил Филипп Козьмич прощальной речью земляков-станичников, наоборот, кажется, еще большее смятение посеял в их кудлатых, чубатых головах. Выпили походную, закусили «рукавом», и когтистые пальцы полезли к затылку, чтобы в глубоком раздумье почесать его.

Миронов поклонился матери и отцу — в ноги. Поклонился станичникам и родимой сторонushке на все четыре стороны, и рванули кони...

Не успела, кажется, еще улечься пыль на дороге, поднятая лошадьми и походной бричкой Миронова, как Усть-Медведицкую снова залихорадила потрясающая вестъ. Оказывается, явился очередной лидер, готовый во имя народа спасти погибающую Русь-матушку. Опозоренную и растерзанную, охваченную отчаянием и стыдом за свой затурканный, с панически-запутанным и развращенным сознанием народ. Все политические авантюристы и военные деятели, берясь за оружие или слово, выступали за народ и во имя богоносного русского народа, который понятия о них не имел и, конечно же, не просил у них защиты.

Миронов по дороге на фронт узнал о вооруженном мятеже генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Относительно неплохо знал его биографию и военные способности, так как они вместе находились в составе Румынского фронта. Корнилов — сын коллежского секретаря. Кадет. Выпускник Петербургского артиллерийского училища, причем по высшему разряду. Это говорило о недюжинных способностях молодого офицера. Все отмечали его вспыльчивый, взрывной характер и неудержимое стремление только вперед — ничто не могло его заставить отступить... В апреле 1915 года Корнилов, кажется, из-за своего — только вперед, только к победе — попал в плен. Через год бежал и явился прямо в Ставку Верховного главнокомандующего.

Корреспондент «Русских ведомостей» пишет: «Когда обед, на котором

присутствовали генералы: иностранцы, свитские, заканчивался, распахнулась дверь и вошел человек в оборванных лохмотьях и с «Георгиями» на груди. Четким шагом он подошел к генералу Алексееву и отрапортовал: «Честь имею явиться вашему превосходительству, генерал Корнилов». «Эффект был полный...»

Вскоре Корнилова назначили командиром 25-го корпуса, входившего в состав Особой армии. Потом он становится командующим войсками Петроградского военного округа... Главнокомандующим Юго-Западным фронтом, где стал известным тем, что 11 июля 1917 года потребовал от Временного правительства введения смертной казни на фронте.

19 июля 1917 года генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов постановлением Временного правительства был назначен Верховным главнокомандующим. Такой стремительной карьеры, кажется, еще не знал ни один генерал. Назначен он был вместо Брусилова, которого было по-человечески жаль. Ведь это он при своем назначении Главковерхом говорил: «Я вождь революционной армии, назначенный на мой ответственный пост революционным народом и Временным правительством, по соглашению с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Я первым перешел на сторону народа, служу ему, буду служить и не отделись от него никогда».

Кстати сказать, казаки начали всячески поддерживать Корнилова. Стоило пронестись слуху, что якобы Временное правительство намеревается его сместить с поста Верховного главнокомандующего, как тут же было созвано экстренное собрание Совета Союза Казачьих войск 6 августа и принято что-то вроде декларации: «Генерал Корнилов не может быть смещен, как истинный народный вождь и, по мнению большинства населения, единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения. Совет Союза Казачьих войск, как представитель всего Российского казачества, заявляет, что смена генерала Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв, ввиду нежелания власти спасти родину действительными мерами. Совет считает нравственным долгом заявить Временному правительству и народу, что он снимает с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корнилова. Совет Союза Казачьих войск заявляет громко и твердо о полном и всемерном подчинении своему вождю — герою генералу Лавру Георгиевичу Корнилову».

Такая же примерно резолюция была вынесена Союзом Георгиевских кавалеров, который... «немедленно отдаст боевой клич всем георгиевским

кавалерам о выступлении совместно с казачеством».

26 августа 1917 года из Ставки Верховного главнокомандующего член Государственной думы Владимир Николаевич Львов привез Керенскому записку, в которой излагались требования Корнилова: «1. Генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении. 2. Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего. 3. Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временно управлять министерствами товарищам министров впредь до образования Кабинета Верховным главнокомандующим». Это было началом так называемого мятежа Корнилова.

Генерал Крымов во главе 3-го казачьего корпуса и туземной дивизии двинулся на Петроград — обезглавить Временное правительство и установить диктатуру. Керенский вовремя раскрыл тайные замыслы Корнилова, и мятеж был ликвидирован. Генерал Крымов застрелился... Корнилов отстранен от должности... Петроградский военный губернатор Б. Савинков обратился к гражданам города: «В грозный для отечества час, когда противник прорвал наш фронт и пала Рига, генерал Корнилов поднял мятеж против Временного правительства и революции и встал в ряды их врагов».

27 августа 1917 года генерал Корнилов обратился к народу: «Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храм, молитесь Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасении родной земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом, — до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени — и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ. В твоих руках жизнь твоей родины! Генерал Корнилов».

1 сентября 1917 года Временным правительством генерал Корнилов был арестован. Вместе с ним в Быховскую тюрьму препроводили Лукомекого, Романовского... Ставка Верховного главнокомандующего была ликвидирована.

Филипп Козьмич Миронов, знакомясь с подробностями мятежа Корнилова, неожиданно для себя обратил внимание и на другую дату — 4 сентября 1917 года. В этот день из тюрьмы был выпущен Троцкий (Лейба Бронштейн). Значит, так, думал Миронов, один несостоявшийся диктатор — «генерал на белом коне» Корнилов арестован, а другой потенциальный диктатор Троцкий освобожден из тюрьмы. Эти два события, не связанные как бы между собою, но парадоксальной, мистической силой сцепиваясь, предопределили весь дальнейший ход истории России. В который уж раз Миронов поражается нелепо закономерным стечениям обстоятельств.

Филипп Козьмич со своим 32-м Донским казачьим полком находился вблизи оперативных действий Юго-Западного фронта, поэтому до него долетали и отголоски ареста главнокомандующего генерала Деникина, следствие по делу которого закончилось 10 сентября 1917 года. Миронов знал, что в это же примерно время, а точу нее 15 сентября, ЦК РСДРП (б) во главе с Лениным обсуждало вопрос о вооруженном восстании и передаче власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Особенно на этом настаивал Ленин. Но ЦК отклонил предложение Ленина... А словоблуд Керенский шумел на всех перекрестках, что никакого выступления большевиков не предвидится и он лично не верит в такую возможность... Может быть, поэтому и торопился побыстрее арестовать генеральскую верхушку, так или иначе связанную с мятежом Корнилова?.. «Главномкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Деникин отчисляется от должности главнокомандующего с преданием суду за мятеж. Министр-председатель А. Керенский. Управляющий военным министерством Б. Савинков».

Когда генералов переводили из Бердичевской тюрьмы в Быхов, Миронов случайно оказался с двумя сотнями разведчиков неподалеку. Врезалась в память одна сцена, которую он мимоходом наблюдал. Толпа сдавливала охрану. Солдаты орали, требуя самосуда над главнокомандующим и его штабом. Хватали из луж грязь и кидали в Деникина, залепили ему лицо, уши, сбили головной убор... В генералов летели камни, булыжники, палки... Горячий и яростный в гневе Миронов судорожно сжимал эфес шашки, удерживая себя от безрассудного поступка. Суд, закон обязаны разобраться, виноваты ли эти люди или нет. Зачем солдатам терять человеческий облик... стыдно же!.. Ух, плетей бы ввалить

этой ревущей, отвратительной толпе — сразу бы обрели себя... Но ему надо было выполнять боевую задачу, и он скомандовал казакам: «За мной, рысью, марш!» Потом, возвращаясь памятью к этой сцене, Филипп Козьмич всегда укорял себя за то, что не кинулся в самую гущу звериного стада людей и не привел их в сознание...

Вспоминал он, как на его глазах покинувший передовые позиции и самовольно ушедший в тыл полк садистски расправился с комиссаром Временного правительства Линде и генералом Гиршфельдтом... Наверное, начинал чувствовать, что должно еще что-то невероятное произойти, чтобы злоба, разгулявшаяся в народе, испарилась или хотя бы притупилась... Этот злодейский приказ № 1!.. Сколько он бед натворил!.. Создать невероятно тяжело дисциплину, а разрушить, оказывается, можно за два-три месяца. А может, люди и не виноваты? Им говорят, создавайте комитеты и обсуждайте насущные дела — они и обсуждают... Кому охота идти в атаку?.. Вот и решают не ходить. А кто их зовет в атаку, тех считают злейшими врагами и силой оружия, и силовик накопившейся злобы расправляются с ними... И рушится армия. И гибнут люди, ни в чем не провинившиеся. И не понимает обезумевшая от стадного чувства толпа, что ее спасение — в дисциплине! В беспрекословном подчинении воле своих командиров. Парадокс — толпа как раз и считает офицеров злейшими врагами и при удобном и неудобном случае жестоко расправляется с ними... Чушь!.. Всю кашу заварили умники — один-двадцать, не больше их, разумников, воспаляющих толпу на разложение, дезорганизацию и дезертирство, на погромы и насилия во имя грядущего счастья. Но его на безумстве, жестокости и зверином отношении к миру не построишь, не создашь. Это Филипп Козьмич Миронов точно знает. Немилосердно потворствовать пьянству, мату, картам, животным инстинктам. Немилосердно лишать человека его Бога — добра, чести, совести, стыда. Обворовывать создаваемый веками духовный мир человека, превращая его в прозябающего нищего, с сознанием зоологического предела. Но об этом умники не думают. Они думают исключительно о «счастье» народа. А ведь от их опостылевшего словоблудия погибает Человек! Россия. Родина. Разваливается армия. Солдаты зазря пропадают — только из-за своей недисциплинированности и расхлябанности... На что уж батя Махно, с которым Миронову приходилось сталкиваться, был анархистом до мозга костей, но и тот к концу своей буйной деятельности по внедрению лозунга: «Анархия — мать порядка», стал наводить в своей войске дисциплину и понял, что без нее любое дело погибнет. И пришлось лозунг этот сворачивать...

Миронов ехал впереди двух сотен казаков по раскисшей от дождей дороге и думал, думал... И ему становилось жаль этих, потерявших человеческий облик, озлобленных, голодных, оборванных, грязных, обовшивевших солдат, которые в слепой ненависти к генералам не ведают, что творят. Они думают, что это генералы гонят их в окопы, заставляют отрываться от родимой земли и, разинув рот, захлебываться от осточертевшего «ура!», с расширенными от животного страха глазами бежать навстречу вражеской пуле... А каждого солдата ждут матери и невесты. И каждый из них не убийца, а — дитя-сыночек, ненаглядный, родимый, кровинушка. И — возлюбленный, единственный, чье прекрасное тело и дыхание вызывает восторг и наслаждение... Ну а генералы, которых только что провели по грязной дороге?.. Старых, мудрых, деливших с солдатами двойной страх войны — быть убийцей и быть убитым... Тоже жалко, но не как представителей власти, а как людей. За что их унижать?.. С человеком так поступать нельзя. Есть закон. Правосудие. Виноват — объяви ему об этом. Докажи вину. Закон, традиции, выработанные народом, помогут определить наказание. Но зачем же издеваться над людьми?.. Если они заблуждаются — убеди их в ошибочной оценке события и обстоятельств. Подскажи правильную дорогу из тупика. Личным примером... Сам-то он, Миронов, разве не личным примером всю жизнь указывал эту самую правильную дорогу?.. А каков результат?..

Но это же — чушь! — что произошло с ним. Он уверен, что как только Ленин узнает о таком вероломстве врагов Советской власти — он тут же прервет этот кошмарный сон. Надо немного подождать, только и всего. Терпение... Терпение...

Филипп Козьмич Миронов, кажется, и сам устал не от войны, которая накрепко засела в нем и вряд ли когда-нибудь освободит его из своих железных тисков, а от воспоминаний о ней... Ни допросами, ни дознаниями ему не докучали, и он продолжал с поразительной точностью восстанавливать, как и что в его жизни происходило. Может быть, удастся все-таки наткнуться на ту льдинку, на которой поскользнулся и неумолимо-безжалостное течение засосало его под лед...

Устал. Он плотнее прикрылся шинелью, дыханием согрел нос, почему-то похолодевший, как на морозе. Слишком длинный? Он этого не замечал, хотя и посмеиваются другие станицы, что у всех усть-медведицких казаков не только чубы длиннее, но и носы. Может быть, он поэтому и заснуть не может, что нос холодный? Собаки, кошки... прячут носы в шерсть и спят спокойно. Он же не собака... Наверное, такова привычка всех живых существ... Устал. С ним это часто бывало, когда уж очень сильно уставал, то никак не мог заснуть... Ага, есть лекарство!.. Миронов даже улыбнулся про себя, какой же он недогадливый. Вот сейчас чуточку побудет с Надей-Надюшей, совсем немного, чтобы и на следующий раз оставить, хоть на самом доньшке, драгоценного напитка — как скряга, маленькими дозами, бережно эти живительные мгновения отмеривал, трогательно прикасаясь к воспоминаниям о Наде-Надюше. И покой на душу опустится, будто незримый ангел-хранитель коснется крылом своим...

Вот только поудобнее уляжется...

«Так на чем же мы остановились?» — спросил Миронов Надю-Надюшу.

Своими нежными пальцами она проникла в его густые, волнистые волосы, и голосок-ручеек зазвенел над его ухом:

«Помнишь, мы приехали в Саранск. Ты формировал Особый Донской казачий корпус для Южного фронта. Обещал Ленину сформировать этот корпус к 15 августа 1919 года из трех дивизий. Так вот, первое время нашего пребывания в Саранске было для меня одним из счастливейших. Стояла теплынь. Мы жили в поезде. Он стоял на окраине города. К вечеру, по обыкновению, ты освобождался от службы, и мы ходили гулять на вокзал, потом шли на луг, уставленный неубранными копнами сена. Ты бросался под одну из них и молча смотрел в небо. Я тихонько садилась рядом. Мы дышали ароматом увядшего сена. Потом я начинала задыхаться

от нежности к тебе и желания... Потом ты рассказывал о своей жизни, начиная с детских лет... Строил планы на будущее, когда окончится гражданская война... Один раз ты вскочил в тревоге и закричал: «Гляди!.. Гляди, всадник на коне мчится?.. — потом тихо и грустно как-то добавил: — Без головы... Мой предок, донской атаман...» Вскоре прогулки прекратились, потому что кто-то начал мешать формированию корпуса...»

Все. Хватит. О неприятностях в следующий раз. Сейчас он побудет еще мгновение с Надей-Надюшей. Как она сказала: «...когда закончится гражданская война...» Она, наверное, для Филиппа Козьмича никогда не закончится. Но все равно, надо сначала рассчитаться с империалистической войной...

Филипп Козьмич понимал, что в обстановке всеобщего разложения, ничем не сдерживаемых низменных страстей, мрака, в котором находился мир, со стороны большевиков забрезжил рассвет: конец войне — немедленно! Землю крестьянам — немедленно! Фабрики — рабочим... Тогда как Временное правительство продолжало тянуть свою старую непопулярную песенку: «Война до победного конца!..» Не будет же он склонять казаков подтягивать эту мелодию. И он на многочисленных митингах снова и снова повторял: «...Если мы пойдем с большевиками, то каяться нам не придется, так как платформа! их ясна. С ними мы всегда договоримся словом, но основные завоевания революции останутся за трудящимися».

Миронов постепенно склонял 32-й Донской казачий кавалерийский полк на сторону большевиков, искренне верил в их лозунги. Значительно позже Филипп Козьмич узнал, что большевики стояли за созыв Учредительного собрания, хотели выступить против меньшевиков и эсеров. Потом вместе с левыми эсерами создать правящий блок и качать лозунги претворять в жизнь. Большевики думали мирным путем взять власть в свои руки. И только один-единственный человек был против такой стратегии — им был Ленин. Он один-единственный выступал за немедленное вооруженное восстание и насильственный захват власти. Его никто не поддерживал. Тогда он начинает слать письма в ЦК, в партийные организации Москвы и Петрограда, к большевистским фракциям столичных Советов: «...Участие в Предпарламенте — ошибка! Ожидание съезда — ошибка! Берите власть немедленно! Промедление — смерти подобно! Нельзя ждать, можно потерять все!!!»

Однажды что-то больно кольнуло сознание Филиппа Козьмича: «...смерти подобно!» Чего же он так пужался? Кого?.. Своей лично смерти? Или вооруженного восстания? Так оно несет смерть и разрушения. А если

Ленина?.. Так ведь никто о нем в России особенно и не знает и, стало быть, никому никакого дела до этого нет. Конечно, за исключением самого владельца этой жизни и его близких... Чего же он так мыкался с этим вооруженным восстанием?.. Хотел обязательно им осчастливить Россию? Но его, как видно, никто об этом не просил. Наоборот, даже собственный большевистский ЦК сопротивлялся. А вдруг если миром было возможно установить демократическое правление? Ведь позволительно такое допустить? А почему бы и нет?.. Тогда, выходит, россияне понесли напрасные жертвы?.. А кому от этого холодно или жарко?.. Вот, когда «смерти подобно», — идеи Ленина, или ему самому — это уже резон. А что залита кровью была вся русская земля — это, выходит, никого не касалось? Эксперимент, что ли, проводили на смерти народа?.. Однако большевистские лозунги в настоящий момент самые привлекательные для людей, и Миронов, искренне уверовав в них, бесстрашно будет их защищать.

32-й Донской казачий полк, как революционизированный под влиянием войскового старшины Миронова, по приказу министра-председателя Временного правительства Керенского, был отправлен на Румынский фронт, дабы не разлагать другие воинские части. Вместо полковника Ружейникова в командование полком вступил полковник Моргунов, с которым у Миронова с первых же дней не заладились отношения, переросшие затем в откровенную вражду.

Известие об Октябрьской революции Филипп Козьмич Миронов воспринял благожелательно и внутренне был готов оказывать ей всемерную поддержку. Не из-за корысти и чинов, не из-за голодного и бесправного отчаяния. Позже он вспоминал: «К идеям большевиков я пришел осторожным шагом и на протяжении долгих лет, но подошел верно и отдам свои убеждения только с головою. Когда большевики 25 октября 1917 года захватили власть, что, откровенно говоря, я встретил не сочувственно, я начал усиленно изучать программу социал-демократической партии вообще, ибо видел, что так или иначе борьба, в которой я участвую с 1906 года, потребует и моих сил. Чтобы отдать эти силы тому, за кого я их тратил около 12 лет, необходимо занять такую позицию, чтобы народное дело закончить полной победой и без большого числа жертв. И вот путем долгой работы над собой я к 15 декабря смотрел уже на большевиков так: ими, т. е. большевиками, можно запугивать только маленьких детей да строить на них затаенные замыслы, что рождаются в головах генералов, помещиков, капиталистов...»

В это тревожное время почти что единственной заботой Миронова

было: «Не дать казаков на службу генералам и помещикам. Не повторить ошибок 1905–1906 годов... Не дать возможности втянуть казаков в междоусобную бойню». Но как это сделать, если с Дона пришли сообщения, что наказной атаман Всевеликого Войска Донского генерал-лейтенант Каледин 22 ноября 1917 года объявил на военном положении Донскую область. Казачье правительство отказалось признать Советскую власть. Наказной атаман разослал телеграммы всем станичным и окружным атаманам, обязывая беспощадно расправляться самыми решительными мерами вплоть до... «применения вооруженной силы к подавлению малейшей попытки с чьей бы то ни было стороны произвести в Донской области выступления против Временного правительства». Вот ведь какая неувязочка получается: Временное правительство гонялось за Калединым, приказывало арестовать непокорного атамана, а теперь опальный атаман кидается на его защиту... И уж созданная Добровольческая армия вместе с контрреволюционными войсками при поддержке Антанты захватила Ростов и изгнала уполномоченных молодой республики...

Миронов, избранный командиром 32-го Донского казачьего полка, уводит его на Дон. 17 января 1918 года железнодорожную станцию Себряково огласила дружная казачья песня:

За курганом пики блещут,
Пыль курится, кони ржут.
И повсюду слышно было,
Что донцы домой идут.
«Ах, донцы-молодцы,
ах, донцы-молодцы,
ах, донцы-молодцы...»

Это казаки 32-го Донского полка прибыли в свой родной Усть-Медведицкий округ Всевеликого Войска Донского.

Часть третья

«Ах, донцы-молодцы. Ах, донцы-молодцы. Ах, донцы-молодцы!..»

Песня ворвалась в одиночную камеру Бутырской тюрьмы и оглушила командарма Филиппа Козьмича Миронова. От неожиданности он отбросил с лица полу шинели, вскочил на ноги — и сразу же его охватила мертвящая тишина каземата. Заметался — три шага в одну сторону, три шага — в обратную. Вот и вся его песня. Да гудящая голова от голода и мыслей..

Железнодорожная станция Себряково примыкает к слободе Михайловке, или слобода к станции, все едино, потому что расположены в одном месте, а почему разные названия, он и сам хорошенько не знает. Здесь, в Михайловке, его как раз и арестовали. 13 февраля 1921 года... А прибыл он с полком 10 января 1918 года. Прибыл... Это он памятью «прибыл»... Вернее, додумал до того времени и места, где он находился, по сути дела, три года назад. Значит, тогда ему оставалось жить ровно три года?.. Поверил бы, если бы кто-нибудь наворожил, отсчитав командиру 32-го Донского казачьего кавалерийского полка, войсковому старшине, блестящему офицеру Миронову такой мизер лет?. Чушь!.. Так он ц сейчас живет. Но разве это жизнь? Это — гибель. И надо в том признаться без страха и паники. Он что же, не надеется поправиться после голодовки? И не прекратит ее? Не прекратит до тех пор, пока не добьется ответа от... Ленина. А вот ответа, как видно, он и не дождетсЯ. Ему уже не нужны физические силы, работала бы мысль, память, — ведь надо додумать до конца эти оставшиеся три года жизни, да еще одно, может быть, последнее письмо написать Советскому правительству... Но разве бойцы, вольнодумцы, правдолюбЫ и гордецы сдаютсЯ? А от тоски по воле умирают донские казаки? А если к этой самой тоске примешалсЯ позор — и стыд? Стыд за всю прожитую жизнь. Может быть, рано примешивать сюда стыд? Ведь не так уж и плохо складывалась его жизнь в последние три года. Ведь он искрение верил в идеалы революции. Тогда в чем же его вина? Без тени сомнения, как говорится, без страха и упрека отдавал всего себя светлой мечте человечества. За что и поплатилсЯ?.. Чушь!..

Так чего же он себя казнит? Или умнее стал? И кое в чем на «досуге» разобралсЯ, благо времени свободного хоть отбавляй. Ему как раз всегда его не хватало. Если даже учесть, что он с восемнадцати лет пребывал в боевом седле. Только «чистого» времени на войне накопилось около десяти долгих и смертельно опасных лет. И все это время людям рубил... головы,

как капустные кочерыжки в осеннем огороде. А его голову до сих пор никто не сумел срубить. Может быть, потому, что у него закаленная, натруженная, жилистая шея и не поддается шашке врага? Или он ее уж очень трогательно берег? Во г этого, откровенно говоря, он признать не может, потому что всегда водил за собой казаков в бой. И даже будучи командармом, когда ему самому не положено было ходить в атаку, всегда неся впереди атакующей лавы... Чего доброго, начнет еще хвалить себя. А он уж не такой и безгрешный, как многие думают о нем. Где-то он совершил самый тяжкий, непоправимый грех. Только где, вот вопрос. Хотя у памяти свои законы помнить хорошее и забывать плохое. Но Миронов найдет свою роковую ошибку...

Филипп Козьмич, сколько ему позволяли силы, продолжал неверными, тяжелыми шагами мерить тишину одиночной камеры... Нет, о Михайловке и своем аресте он сейчас вспоминать не будет, хотя и момент удобный — полк высадился на железнодорожной станции, от которой ночью 13 февраля 1921 года его злодейски-предательски увозили в тюрьму. Не будет об этом вспоминать. Не будет! Запрещает себе. Потому что слишком все свежо, и окровавленная рана не думает заживать, а тут еще взять да и сыпануть в нее пригоршню соли и туго забинтовать — от такого рехнуться недолго. А ему еще предстоит к людям обратиться с последним прощальным словом — может быть, кому-то помогут его ошибки и на что-то новое натолкнет его мысль...

Михайловка... «Ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы...» Вдруг снова ворвалось в камеру, и мысль застопорилась... Мудрецы советуют, чтобы не думать о навязчивом, надо все-таки заставить продумать все детали нежелательных воспоминаний, тогда они отвяжутся от человека. Въехал Миронов в Михайловку победителем — героем гражданской войны, а выехал — арестантом. О ужас!.. Этот лязг буферов вагонов, прицепляемых к паровозу, и воровски-стремительный рывок по рельсам. Быстрее увезти арестованного командарма. За что?! Как они посмели, эти низменные души?! Потому, наверное, и посмели, что низменные. Высокие, благородные не дошли бы до такого вероломства. Да и не вероломство это было, и не подлость, потому что люди за годы убийств, не прекращающихся ни на минуту, уже подготовлены настолько, что уже переставали быть людьми, и все их поступки определялись звериной охотой за более слабым, иначе слабый найдет в себе силы, чтобы первым нажать на курок и убить «сильного». А человеческий язык стал убого-обделенным, в нем уже не оставалось ничего милосердного, а только бешеный лай, как у свирепых псов.

Железнодорожная станция Себряково для северных казачьих станиц — единственная транспортная артерия. От нее в сторону Новочеркасска — центра Всевеликого Войска Донского — степь. Четыреста верст. С гаком, шутят казаки. А в гаке сколько? Отвечают: столько, полстолько, да еще четверть столько... Вот на этом степном просторе и разгорелись кровавые игры, не прекращающиеся ни днем, ни ночью в течение трех лет. Более тысячи дней копытили ее быки и кони. А сколько раз люди на животах проползли по ней, поливая кровью — липкой и оскверненной, но святой, казачьей — девственно-пырейную траву?! Да четыре года — на империалистической. Но там была война с врагами Родины, а тут не война, а бойня на родине-матери. На ее груди сыны по-звериному сцепились и душили друг друга. Одичавшие, необузданные, жестокие и беспощадные.

Но ведь донские казаки всегда ценили дружбу — один за всех, и все за одного. Так почему такое случилось?

Филипп Козьмич страдальчески морщился, словно он чувствовал, как больно матери-земле: из ума и сердца ее сынов ушло все человеческое, и осталось только животное стремление — убить... Как же отец может убить сына?! Это крохотное тельце, которое он вынашивал на руках долгие годы, оберегая от малейших ушибов и царапин. Целовал, ласкал, вдыхал аромат... Потом гордился сыном, превратившимся в храброго, красивого и до боли родного казака — ну чисто как он в молодости... А там пойдут внуки род продолжать...

Теперь в звериной атаке более опытный боец-отец рубит острой шашкой голову сыну-юнцу и горделиво, по-сатанински усмехаясь, о полы своей шинели вытирает клинок от крови... сына. Чушь!.. Этого не может быть!

Но на Дону это продолжалось более тысячи дней: отец рубил голову сыну, сын — отцу, брат — брату и сестре... Конец света, что ли, наступил в самой благодатной долине для проживания человека?! Ужасом это назвать нельзя. Потому что на человеческом языке невозможно найти определение подобному деянию. Зверь вот не разговаривает, но зато, разорвав жертву и насытившись, других не трогает. Тем более — своих детенышей... Может быть, здесь потому свершалось такое глумление, что раньше в избытке было мудрости и добра?..

Что же надо сделать с человеком, чтобы заставить его поедать собственных детей? И как это сделать? Каким способом переродить природу человека? Цивилизация замерла? Или даже попятилась? Но ведь Родина своих сынов никогда не убивала! Людоедства тоже не знала Россия. Жребий ее — страшно непостижимый. Была бы вера у вновь

вылупившихся активистов, можно было б предположить, что наступил конец света и протрубили архангелы с вселенским призывом: «Вставайте, живые и мертвые, на страшный суд!..»

Даже хорошо, что он, Миронов, погибает — иначе, оставшись в живых, невозможно стыдно в глаза людям смотреть — ведь это он вверг Дон в братоубийственную бойню! Но ведь он же искренне верил, что вершит правое дело и завоевывает счастье своему родимому казачьему краю. Да кто его, благодетеля, просил об этом! Ах, если бы знать... Сейчас опамятовался, а тогда-то верил... Да кому оно нужно, это его вечное упование-оправдание, что он верил. Он, что ли, один такой верующий!.. Но в чем же он виноват, когда враги устроили на Дону дикий шабаш? Допустим, устроили, но почему люди потеряли человеческий облик? Он-то, по крайней мере, не участвовал?.. А не он ли усеял донскую степь черепами вместо лазоревых цветов, белеющих теперь на солнце?.. Надо разобраться — не так все просто.

Итак, 32-й Донской казачий полк с песней: «Ах, донцы-молодцы, ах донцы-молодцы, ах, донцы-молодцы...» — прибыли на железнодорожную станцию Себряково и начали выгружаться. Выводили застоявшихся коней из вагонов, устраивали им пробежку... Собрался полковой комитет, и начали думать-гадать, как им лучше всего поступить — остановиться в Михайловке или продвинуться до станицы Усть-Медведицкой? Всем ли полком или сотнями расквартироваться? Ну а как быть с родными куренями, куда ошалевшие от радости казаки рвались? Казак — воин-земледелец... Несмотря на многовековой образ жизни воина, сердце казака больше всего было привязано к земле. О г волнения он задышался, прикасаясь ладонями к ней, опирался на нее, шептал пересохшими губами: «Моя земля... Я вернулся к ней. Вернулся!.. Чтобы быть счастливым и счастье дать ей — матушке-земле...»

Судили-рядили долго и, наконец, приняли решение разъехаться на побывку по домам, но, как только Миронов подаст сигнал — всем полным аллюром прибыть в центр окружной станицы. Сейчас главное — не быть втянутым в братоубийственную войну и не поддаваться на провокации. Он понимает сложность обстановки — параллельно действуют или даже рядом сосуществуют Советы в некоторых хуторах и станицах и атаманское правление. И даже на одной и той же улице: в одном курене — Советы, а рядом курень занят правлением атамана. И каждый считает себя правым... Это очень опасное соседство, чреватое мгновенным взрывом. Не допустить его. Не допустить, чтобы революционно настроенная молодежь с фронта поднялась против стариков-отцов, исповедующих старые, веками

созданные порядки на Дону.

Двоевластие на Дону враждебно пыталось сосуществовать не только в хуторах и станицах, но и на самом, что называется, верху. В Новочеркасске — наказной атаман Каледин и Войсковое правительство во главе с Богаевским, выступавшие против Совета Народных Комиссаров РСФСР, и Военно-революционный комитет в станице Каменской, созданный 10 января 1918 года съездом фронтового казачества двадцати одного казачьего полка, двух запасных и пяти батарей, и принявший резолюцию: «Съезд и Военно-революционный комитет призывают все казачьи части, все трудовое казачество, все трудовое население Донской области отнестись с доверием к нему, сплотиться и организовать для поддержки Военно-революционного комитета, который воскрешает лучшие страницы истории вольнолюбивого Дона. Военно-революционный комитет, справившись при поддержке всего трудового казачества и трудового населения и при поддержке его успеха со стороны трудового казачества Кубани, Терека, Урала и Сибири и всех трудящихся, созвет съезд всего трудового казачества, рабочих и крестьянства для организации на Дону трудовой власти. Да здравствует трудовое казачество! Смело за свободу и счастье трудящихся! Правда на нашей стороне!»

И каждый из них — и наказной атаман вместе с объединенным правительством области Всевеликого Войска Донского, и Военно-революционный комитет, выступая от имени народа и расхваливая свои порядки — обещали в прекрасном будущем свободу и счастье. И для этого требовался суший пустяк — задушить друг друга. Военно-революционный комитет послал ультиматум Войсковому правительству, заседавшему день и ночь в Новочеркасске:

«1. Вся власть в области Войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего, 10 января 1918 г., переходит от войскового атамана Донскому казачьему военно-революционному комитету».

В ответ на этот ультиматум наказной атаман Каледин послал отряд под командованием полковника Чернецова и приказал разогнать эту «шайку самозванных правителей...».

В чем вина полковника Чернецова и офицеров отряда, идущих в бой с верой, что спасают православный Дон?.. Произошла жесточайшая схватка, в которой мало кто кому уступал в мастерстве и храбрости. Ведь казаки сошлись в смертельном бою. Он был первым между красными — несколько дней назад названными революционными полками, и — белыми — хранителями вековых традиций Дона. Между разрушителями уклада

жизни донских казаков и отстаивавшими традиции. А что это так, а не иначе, Миронов убедился воочию. По крайней мере, за три года, отпущенных ему судьбой и небом, он не наблюдал ни одного созидательного акта со стороны красных. Почему — красные? Цвет пожара. Цвет уничтожения. Гибели. А почему — белые? Белый цвет — цвет мира. Жизни. Вечности. Случайны ли эти бирки, навешанные войскам?..

Итак, первый бой. Кто и как себя проявил? Революционные войска дрались с особой яростью, как нарождающаяся свежая сила. И победили. В плен попали вместе с полковником Чернецовым многие офицеры. Он послал в Новочеркасск записку: «Я вместе с отрядом попал в плен. Во избежание совершенно не нужного кровопролития прошу вас не наступать. От самосуда мы гарантированы словом всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковник Чернецов». На этой записке поставил свою подпись и Голубов, благодаря которому и была одержана победа.

У станицы Глубокой, где происходило сражение, плененного Чернецова встретил проезжавший мимо Подтелков, который, кстати сказать, не участвовал в бою. В кожаной куртке, быстро перехвативший моду, он, бывший вахмистр, а теперь вождь революционных красных войск, свысока посмотрел на поверженного полковника казачьих контрреволюционных белогвардейских войск, снисходительно сказал: «Ну что, доигрался, кровопивец?!» Полковник что-то ответил вахмистру. Кстати, между этими двумя воинскими званиями расстояние, как от земли до звезд... Началась перебранка. Подтелков выхватил шашку и отрубил Чернецову голову. И во всем своем величии, доставшемся ему несколько дней назад, он заорал: «Руби всех!..» И всех офицеров порубили приближенные Подтелкова...

Филипп Козьмич, узнав об этой бесчеловечной акции, горестно задавал самому себе вопросы: «Имел ли право, без суда и следствия, вахмистр Подтелков на то, чтобы зарубить полковника Чернецова, и вообще поднять руку на пленного? Ведь это деяние запрещено не только всеми международными, цивилизованными правилами, но и традициями донского казачества. Надо разобраться и предать суду — он единственный имеет право определить наказание человеку. А нарушивший это правило сам подлежит суду. Так почему же не судили вахмистра Подтелкова и его приближенных?.. Или это называется «борьбой идей» и правосудия тут не существует?..

Эта была первая кровавая незаконная расправа. Отсюда пошел отсчет времени животной дикости и беззакония... И слово перестало быть

мерилом порядочности и чести. Ну что из того, что Голубов, опоздав на какое-то мгновение к месту этой дикой вакханалии, кричал на Подтелкова: «Сволочь!.. Подлец!.. Что ж ты наделал — ведь слово офицера дано!..» Что же ему отвечал неповоротливый Подтелков? Туго вращая шеей, будто туда кто-то сыпанул жменю мякины пополам с осотом, он заносчиво отвечал: «Хватит слов — надо кончать их всех...» Весело, ничего не скажешь... Почему кончать? Для чего кончать? Для счастья, которого ждут не дождутся донские казаки? Но ведь он, Миронов, хорошо знает, что Подтелкова вскоре повесили... И хорошо ли копаться в делах усопшего? Но ведь надо же разобраться во всем! По правде разобраться. Это же не где-то происходило на вражеской земле, а на родной матушке-землице. А иначе незачем и память теревить. Он, конечно, помнит, как из Усть-Медведицкой даже посылал помощь попавшему в беду отряду Подтелкова. Это же нормально, коли товарищ по борьбе за власть Советов оказался в трудном положении и требовалась выручка. И то, что Подтелкова повесили, конечно, жалко и бесчеловечно, но так решил суд. Уж какой он там был — правый, не правый, ему неизвестно, но суд был, и старики присутствовали, без которых ничего не решается. И только один суд правомочен выносить приговор. Миронов не знает, вменялось ли в вину Подтелкову убийство безоружных и беззащитных пленных из отряда полковника Чернецова... Но он убежден, что за зло, сотворенное человеком, его рано или поздно кара настигнет. От этого еще никому и никогда не удавалось улизнуть. Хорошо, если бы об этом люди знали и помнили...

Потом, почему на арену кровавой бойни донской всплыл такой вождь, как Подтелков? Что его отличало от остальных? Образования никакого. О начитанности нечего и спрашивать. Ум? Всю жизнь быкам хвосты крутил. Выказал храбрость на войне — это хорошо. Но почему-то дальше вахмистра не продвинулся. Его дружок вспоминает: «Глядишь, бывало, — обыкновенный казачий парень, фронтовик, веселый, с широкими жестами, шумливый говорун». А Френкель, чернявый и юркий, который все время возле него крутился, замечает, что «Подтелков чрезвычайно быстро развивался политически и морально, закаляясь в борьбе». Бог ты мой, а до того, как стать вождем революционных войск, он что же, был недоразвитым и аморальным?.. Или этому самому Френкелю и надо было такого вождя, чтобы вертеть им в нужную сторону? И опять же — «развивался...». А выбирали — то его, Подтелкова, за что, за какие качества и заслуги?.. Ну ладно, избрала. Зачем же он сразу же, буквально через несколько дней, совершает преступление?.. Кто на этот вопрос ответит?..

И потом, почему этот самый Френкель, один из подтелковского отряда, сумел сбежать из-под смертельного кольца казачьей охраны? Ведь скрыться от казаков невозможно — всем известно. А вот Френкель скрылся. Уж не подставил ли он сам отряд Подтелкова под расстрел и виселицу, а казаки в благодарность за такую услугу просто отпустили его?.. Ведь потом этот самый Френкель всплыл в роли комиссара и яро проводил рассказывание... Значит, все закрутилось так хитро, чтобы казаки сами себя уничтожали? И Френкель этому уж очень помогал?.. А Константин Абрамович Хмелевский пишет: «В вихре событий формировались их убеждения, приобретался политический опыт. Не всегда молодые казачьи революционеры умели разбираться в сложных перипетиях борьбы классов и партий, порою подводила их, особенно Подтелкова, наивная вера в «общеказачьи» интересы. Но они смело и без оглядки шли навстречу будущему». А как же тогда быть с Пушкиным? Он ведь утверждал, что только «дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим». А нас так лбами треснули друг о друга, что от боли аж в глазах потемнело и разум угас. И когда в моем очаге потухло пламя, я уже не знал, в какой дом идти за горячими углями... Через год хутор Понаморов, где совершилась казнь подтелковцев, был освобожден. На могиле установили обелиск с надписью: «Вы убили личности, мы убьем классы». Значит, миру не бывать на родной земле, потому что для уничтожения классов много потребуется времени...

И так день за днем... 27 января 1918 года в Новочеркасске собрался Войсковой Круг... Наказной атаман Каледин сделал последнее сообщение: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет. Сопротивление безнадежно... — генерал был чем-то взволнован и сильно нервничал. Видимо, до конца хотел побыть на заседании Войскового Круга, добавил: — Господа, говорите короче. Ведь от болтовни Россия погибла». На этом заседании Войскового Круга генерал Каледин сложил с себя полномочия наказного атамана Всевеликого Войска Донского. Поднялся в свой кабинет. Через небольшой промежуток времени раздался выстрел. Когда адъютанты вбежали, наказной атаман был мертв...

Новым наказным атаманом избрали генерала Назарова. Созванный малый Круг в отчаянии исторг клич: «Защищать Дон до последней капли крови». И объявил Донскую область на военном положении и всеобщую мобилизацию...

Донское правительство издало приказ о расформировании всех полков донского казачества, кроме номерных — 3, 5, 7, 9, 10, 13, 16, 17, 18, 21, 28,

29, 38, 40, 48, 49-го, двух гвардейских и формируемого в Сальском округе калмыцкого полка. Генерал-атаман Назаров мог рассчитывать только на эти преданные воинские части. Правда, попутно проходил еще один набор добровольцев в многочисленные партизанские отряды: Семилетова, сотника Грекова, хорунжего Назарова, подъесаула Боброва, студенческих дружин, Сибирского отряда, «дивизиона смерти», Донской военной дружины, семинарской сотни, польского уланского эскадрона имени Понятовского...

12 февраля 1918 года в Новочеркасске, который объявлен на осадном положении, под председательством войскового старшины Волошина открылся малый Круг, принявший постановление о введении «смертной казни для применения ее судами по законам военного времени».

Из Новочеркаска в Ростов перебирается штаб Добровольческой армии, насчитывающей в своих рядах 4000 штыков, 200 сабель, 12 орудий. Всем этим начинаниям отводилась короткая жизнь — чуть меньше месяца. 24 февраля революционные войска заняли Ростов. Спасаясь бегством, Добровольческая армия переправилась через Дон у станицы Ольгинской и двинулась в так называемый «ледовый поход»...

Войсковой старшина Голубов, командир 27-го казачьего полка, 26 февраля ворвался в зал заседания Войскового Круга, заседавшего в Новочеркасске, и, ударив плетью о стол, за которым сидели избранники народа, закричал: «Это еще что за сволочь здесь расселась?! В России социальная революция, а они, сукины дети, расселись, разговоры разговаривают. Встать! Пошли вон, сволочи!..» Все разбежались... Передача власти совершилась бескровно и даже легче, чем уход с исторической сцены Временного правительства или Учредительного собрания под председательством Виктора Чернова... Только отряд походного атамана Попова — полторы тысячи казаков при 5 орудиях и 40 пулеметах — успел целым и невредимым ускользнуть в сторону Сальских степей и впоследствии стать центром сосредоточения сил контрреволюции.

Задача 32-го Донского кавалерийского полка под командованием Филиппа Козьмича Миронова без его непосредственного участия была выполнена — ведь по прибытии в Михайловку они приняли резолюцию на полковом митинге: «Не расходиться по домам до тех пор, пока не ликвидируют контрреволюционный мятеж Каледина... Мы признаем власть Совета Народных Комиссаров и будем вести беспощадную борьбу до тех пор, пока власть на Дону не будет вырвана из рук Каледина и не передана трудовому народу». Теперь они как бы освобождались от своих обязательств перед революцией...

После одного кровавого события, происшедшего в Михайловне, Миронова кто-то в шутку сравнил с Голубевым. Оба войсковых старшины, перешедшие на сторону революции, оба храбрецы-удальцы и оба... опоздали. Дело было так. У Михайловки со стороны Царицына появился офицерский отряд имени Стеньки Разина под командованием есаула Лапина, родом из станицы Урюпинской. Он занят спиртоводочный завод... Тут их настигли революционные войска и перебили. Перебили и офицеров 5-го запасного Донского казачьего полка, расположенного в Михайловке... Священника Феоктиста убил Ефим Полевой. Священник, встав на колени возле часовни, попросил разрешения перекреститься... Ефим ударил его штыком в грудь и повернул штык винтовки несколько раз... А есаула Лапина убил Сашка Ткачев, мужик-красноармеец, из винтовки... Бессмысленные, бесправные убийства, просто потому, что власть наша и в руках оружие. А в голове помутнение от безнаказанности... Опоздал Миронов, это случилось за несколько дней до его прибытия в Михайловку. Не смог предупредить самочинства, но уж потом ни единого случая беззакония не допускал.

Председателю Войскового правительства, донскому бояну и златоусту с университетским дипломом, тридцатисемилетнему Митрофану Петровичу Богаевскому перед казнью разрешили поговорить с казаками. Он говорил ровно три часа и 10 минут, и казаки были готовы отпустить его с миром, но явились активисты и увели его в Балабановскую рощу под Нахичеванью и там прикончили... И так снизу доверху. Сверху донизу, будто богом проклятый на донской благодатной земле, никто не знал ни радости, ни покоя, ни христианского успокоения. Только пуля, шашка и штык имели силу и авторитет. Какая уж тут борьба идей... Не поговоришь — орудия убийства страшны безмолвием и неумолимостью.

В этой обстановке всеобщего разврата и ничем не сдерживаемых звериных инстинктов Миронову — человеку, наделенному мужеством, верой и добротой, честью и правдивостью, надо было найти свое место и попытаться спасти осколки погибающей родимой сторонутки.

...Да, а ведь он не зря вспомнил и сравнил свою судьбу с судьбой войскового старшины Голубова. Мятущийся Голубов побывал в революционных войсках, что-то там ему очень понравилось, и он вернулся в Новочеркасск. Несмотря на усиленную охрану, прорвался,

проник в кабинет наказного атамана Всевеликого Войска Донского, упал на колени, перекрестился и поклонился в ноги ему. Хрипло выдавил из себя: «Прости, если можешь...» Один из адъютантов атамана подошел вплотную сзади к нему и выстрелил в затылок Голубову. Волосы на затылке были седыми и беспомощными... От своих Голубов в конце концов получил пулю.

Так, наверное, свои поступят и с ним, Мироновым... Это сейчас он так думает, сидя в проклятом каземате, а тогда, в 1918 году, сильным, здоровым мечтал весь мир перестроить и наградить счастьем. Растолковать ему, как он плохо живет, этот старый мир, и как прекрасно будет жить новый. Значит, надо старый в порошок стереть с лица земли? Чтоб его и духу не было? Конечно, так Миронов не думал, но за счастье народа со всей присущей увлекающейся натуре страстью он кинулся его завоевывать. Теперь-то все может показаться наивным и даже глупым и стыдным, потому что он знает: нет общего счастья, оно у каждого свое, но тогда искренне верил. И кто посмеет за эту святую веру бросить в него камень?.. Он не только верил сам, но с первых же дней пытался растолковать, какие партии существуют в России, каждая из которых тянет на свою сторону казаков.

Советская власть на Дону победила. Казаки революционных полков разошлись по родимым куреням. Первый съезд Советов провозгласил образование Донской Советской республики. Но контрреволюционные силы разбрелись по станицам и хуторам, ушли в подполье и начали подтачивать из глубины молодое, неокрепшее дерево республики. А походный генерал Попов в открытую вышел на белый свет и белым днем заявился в свою родную станицу Константиновскую, всего-то войска у него было — два ординарца. Вошел в курень, где в это время проходил окружной съезд Советов и где делегаты в накуренном помещении сидели в шапках. Генерал высокий, цыганистого вида, с длинной, давно не стриженной бородой, обладавший мощной физической силой и бесстрашием, громовым голосом крикнул: «Шапки долой!» Все подчинились и поснимали шапки, по-видимому, вспомнив, что казаки всегда шапки снимали еще на пороге комнаты и сидеть в помещении в шапке считалось не только неприличным, но и греховным. А коли такое закладывается с детства, да вдобавок слышится властный командный голос, все покоряются. Генерал взял слово и в конце концов подбил весь съезд выбрать его атаманом и выступить против Советской власти.

Походный атаман Попов обратился с воззванием к казакам Дона:

«Настало время, когда уже нет сомнений, когда можно сказать, что не в силе бог, а в правде, и что разбои красной гвардии идут к концу. Наша маленькая горсточка казаков смело восстала на защиту своей чести, чести своих жен и дочерей и на защиту достояния станиц и хуторов. Донские казаки проснулись от угарного сна лжи, которой опутали их, и пошли за своим походным атаманом. Пусть каждый, кто живет в Донской области, знает, что походный атаман обращается к населению последний раз с требованием немедленно оставить ряды красной гвардии, сдать оружие и возвратиться к мирным занятиям, всячески содействовать очищению области от насильников. Пусть все знают, что на подкрепление верных сынов Дона с юга прибыла усиленная кубанскими казаками Добровольческая армия, которая с 19 апреля рядом с казаками Егорлыцкой станицы бьется против красной гвардии. С запада и с севера гонят по пятам красногвардейцев гайдамацко-украинские полки, причем гайдамаками уже заняты станицы Миллерово, Каменская. Красная гвардия сейчас поспешно пробирается через Ростов на юг, покидая Донскую область. Для того чтобы

у заблудших и слабодушных потом, после не было тяжких разочарований и горьких сожалений, штаб походного атамана уверенно объявляет, что все, кто в настоящее время искренне и честно, без всяких колебаний сдаст оружие и бросит ряды красной гвардии, — тот не будет подвергнут ни преследованию, ни наказанию. Донской казак не ищет мести и обращается еще раз с братским призывом ко всем.

В дальнейшем все отдельные лица и целые поселения, которые будут находиться в рядах красной гвардии, объявляются предателями общему народному делу всей Донской области и с ними будет поступлено безжалостно, как с врагами всего народа... Каждый казак, остающийся после этого воззвания в рядах красной гвардии, лишается казачьего паевого земельного надела, каждый крестьянин, входящий в ряды Донских войск, борющихся против красной гвардии, получит полностью все права казаков, ибо право в области должно принадлежать только тем, кто ее защищает. Братья, верьте, что желание мира и порядка для всех заставляет нас вести войну против красной гвардии со всею строгостью, которой заслуживают эти насильники».

Любопытен и такой факт. Родной племянник походного атамана Костя Булаткин, с такими же огромными кулаками, как у дяди, был начальником дивизии в формируемом Филиппом Козьмичом Мироновым Донском корпусе.

Зашевелились генералы: Краснов, Абрамов, Черячукин... Полковники: Денисов, Филимонов, Мамонтов, Коврин-Круковский, Растегаев, Гусельщиков, Голубинцев...

В апреле 1918 года вспыхнуло контрреволюционное восстание на Дону.

8 мая германские интервенты и белогвардейские войска захватили Ростов и молодая Донская Советская республика перестала существовать. Гражданская война вспыхнула с новой силой.

11 мая 1918 года в Новочеркасске собрался Казачий Круг спасения Дона. Он избрал атаманом Всевеликого Войска Донского Петра Краснова, генерал-лейтенанта.

Филипп Козьмич вместе с другими революционно настроенными офицерами сразу же откликнулся воззванием ко всем донским казакам: «Донские казаки, опомнитесь! Донские казаки, всколыхнитесь, сбросьте с себя обывательский сон, неподвижность! Вперед, пока не поздно, пока еще не все погибло! Теперь, родные донцы, в ваших руках спасение Дона от нашествия немцев! Не верьте генералу Краснову! Донские казаки и солдаты! Сердце русской матери-земли рвется на части. Седой Дон

Иванович умирает в страшных муках: проклятие всем нам, кто глух еще к
стонам родного всем старика!»

Не дремал и полковник Голубинцев, занятый подготовкой контрреволюционного восстания в Усть-Хоперской станице. В отношении Миронова он пошел на провокационный подлог, прислав ему приглашение прибыть в станицу, в которой уже вспыхнул мятеж против Советской власти. Но Филиппа Козьмича спасло то, что пакет с письмом прибыл с опозданием ровно на один день, когда уже всем стало известно, что Усть-Хоперская восстала под руководством полковника Голубинцева.

Вечером, когда, по обыкновению, вся семья была в сборе и при неярком свете керосиновой лампы сидела за чайным столом, раздалось в окно три выстрела — метили в голову Филиппа Козьмича, от прилолки отскочила щепка. Все кинулись на пол, лишь Миронов не растерялся; уже привычный к стрельбе, он выскочил во двор, но в темноте слышал только топот ног. Покушение на Миронова осуществляли гимназист Подольский и офицер Прозоровский, которые по приговору трибунала были расстреляны.

Усть-хоперские и вешенские повстанцы ночью напали на станицу Усть-Медведицкую, и Миронов с уцелевшими красногвардейцами переправился через Дон и скрылся в направлении слободы Михайловки. Но осталась семья его: отец, мать, жена, три дочери, одна из них с ребенком и десятилетний — последний сын, Артимон. Им было приказано покинуть дом, который тут же отвели под больных холерой, а семью в сопровождении вооруженной охраны препроводили в тюрьму. На другой день состоялся суд, решение которого нетрудно было предугадать: лишение всех казачьего звания, в том числе и самого Миронова — и расстрел всей семьи изменника Дона и Отечества Филиппа Козьмича Миронова.

Чтобы не возиться с рытьем специальной могилы, всех членов семьи Миронова, включая и малолетних детей, подвели к глубокому оврагу и поставили так, чтобы после выстрелов они падали в естественное углубление... Вот как об этой страшной минуте рассказывает сам Артимон Филиппович Миронов:

«...Выплывшее из-за горизонта солнце брызнуло золотом своих лучей. В последний раз для нас. Стали в ряд по бровке оврага, мать прижала меня к себе. Команда офицера, и с десятков винтовок уставились на нас концами дул. Ужасная минута, врезавшаяся в память. Сейчас будет конец. Но что это? Прозвучал одиночный винтовочный выстрел за спиной конвоя. Офицер скомандовал: «Отставить!» Казаки опустили винтовки. Было ясно

видно скачущего карьером всадника. Через две-три минуты с седла спрыгнул урядник и передал конверт конвойному офицеру. Вскрыв конверт, офицер прочитал какую-то бумагу. Это было распоряжение генерала Фицхелаурова, находившегося в Усть-Медведицкой, об отмене расстрела нашей семьи. Нет слов описать тот бурный восторг, который охватил каждого из нас при мысли, что мы будем жить.

Нас помиловали. Почему? Смягчилось сердце наших врагов? Отнюдь нет. Потом отец рассказывал, что в день перед нашим расстрелом у него было тяжело на душе, и мысли о семье не покидали его, мешая заниматься своими делами. Он задумался о возможной расправе с нами белых карателей, затем вызвал к себе преданного человека и поручил ему немедленно скакать в Усть-Медведицкую с его ультиматумом белому командованию. Написал он лаконично: «Если уничтожите мою семью, то станицу Усть-Медведицкую смету с земли, а имеющихся у меня пленных офицеров — перевешаю».

Белые знали по опыту, что Миронов на ветер своих слов не бросает. Вот почему мы уцелели...»

В Михайловке Миронов срочно разослал письма своим соратникам — казакам 32-го Донского казачьего кавалерийского полка: «Страшные, кровавые страницы истории начал писать наш Дон. Граждане казаки! Зову вас, как одного, собраться на хуторе Большом Етеревской станицы 31 мая, к 10 часам утра. Кто не явится, тот объявляется преступником своему родному краю, своим детям, самому себе. Наболевшим сердцем зову вас, зову всех казаков-фронтовиков других полков...»

По старинной традиции, извечной, казачьей, над станицами и хуторами понеслись тревожные удары больших колоколов всех церквей. Значит, снова настало время казаку седлать боевого коня и аллюром «три креста» вырываться из теплого родимого куреня, чтобы долгими проводами не рвать душу себе, и остающимся родителям, и жене с детьми... И хоть по-прежнему горделиво вскинута казачья голова, и будто там все как всегда в порядке, но с некоторых пор она, чубатая, стала какой-то затурканной и неповоротливой, с трудом перемалывая все эти письма, приказы, воззвания... Все они призывают откликнуться на призыв к спасению Дона, его традиций и векового уклада жизни, и все грозятся проклятием и расправой, если тотчас не поскачешь к кому бы то ни было из зовущих... Где же истина? Где же правда? Где свобода, наконец, где это самое счастье, к которому призывают и атаманы и большевики?.. И все бьют по чувствам и гордости казаков.

Атаман Всевеликого Войска Донского Краснов на Казачьем Круге

спасения Дона горячо и вдохновенно обращался к зачарованным слушателям:

«Казачий Круг! И пусть казачьим и останется. Руки прочь от нашего казачьего дела те, кто злобно шипел и бранил казаков, те, кто проливал казачью кровь. Дон — для донцов! Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни хозяева этой земли. Вас будут смущать обиженные города и крестьяне. Не верьте им. Помните, куда завел атамана Каледина знаменитый паритет. Не верьте волкам в овечьей шкуре. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся к ним. Пусть свободно и вольно живут на Дону гостями, но хозяевами — только мы, только мы одни, казаки!..

Да, мы казаки, демократы и аристократы в одно и то же время: демократы в своей казачьей среде, но доступ в эту нашу среду не открыт для любого встречного — латыша, хохла или еврея, а потому мы и не ко двору их демократии. Наш любимый Дон, свято хранящий заветы предков, должен, наконец, осознать эту неопровержимую истину и смело в открыто сказать: только конституционная монархия, обеспечивающая неприкосновенность казачьих прав, может рассчитывать на поддержку казачества, так как при всяком другом режиме — демократическом или самодержавном — казачеству грозит опасность исчезнуть. В демократическом режиме эта опасность несравненно больше, чем при самодержавии.

В этом убедил нас горячий опыт российского хамодержавия».

К Миронову в хутор Большой в атакующем стиле прискакал весь 32-й Донской казачий полк. Пополнение приходило из всех станиц, хуторов и слобод.

Был получен приказ № 24 от 25 мая 1918 года: «Командующим войсками Усть-Медведицкого округа вместо тов. Федорова назначить тов. Миронова Ф. К. Первому о сдаче, а второму о приеме должности донести. Главнокомандующий Донской Советской Республики В. Ковалев».

Через несколько дней поступил еще один приказ за подписью председателя ЦИК Донской Республики В. С. Ковалева: «Командующим войсками северных округов Донской Республики на фронте от Поворино до Калача назначается товарищ Миронов. Все отряды, расположенные на территории Донской Республики к северу от линии железной дороги Царицын — Лихая, находятся в непосредственном подчинении товарища Миронова».

Филиппу Козьмичу Миронову приходилось буквально день и ночь руководить боями, самому брать винтовку в руки и водить бойцов в штыковую атаку. Легко сказать — водить в штыковую атаку... Это значит идти впереди орущих от страха и отчаяния красногвардейцев, орать самому это проклятое «ура!», глядеть, как бы тебя первого не пырнули встречноатакующие, да еще и не упускать из виду общую картину боя... Смяв противника, вскакивать на коня и начинать преследование... А вообще-то способен ли такой напряженно-бешеный ритм жизни выдержать нормальный человек?! А он, что же, стало быть, ненормальный? Конечно, ненормальный! Это уж точно. Разве можно быть нормальным и каждый день убивать людей? Но по выработанным человеческим понятиям, на войне чем больше убьешь, тем больший героизм проявишь. И за это — почет, награды, слава... Такова биологическая сущность человека, подкрепленная системой воспитания.

Бывало, усядется за большой обеденный стол вся многочисленная семья Мироновых, и старик, Козьма Фролович, любясь старшим сыном Филиппом, у которого на офицерском мундире вся грудь в орденах, скажет: «Вот, Филька — офицер!.. Вот это я понимаю. А ты, Феофан, — он тыкал крючковатым пальцем в сторону младшего сына, — учитель. Шляпу нацепил. Разве же это казацкое занятие?!»

С высоты прожитых лет Филипп Козьмич теперь с превеликим

удовольствием уступил бы офицерский мундир со всеми орденами и всеми льготами, извлекаемыми из них, любому первому попавшемуся под руку, лишь бы только очистить свою совесть и память от потока крови, которую он пролил в своей жизни. Выплеснуть из себя усталость и страх войны. И стать бы — ну если не учителем, то просто-напросто хлеборобом. Ходить по пашне босыми ногами, чувствовать ее тепло и силу, смотреть, как возникают утренние зори и угасают вечерние... Но тогда, наверное, на тебя не обратила бы никакого внимания Надя-Надюша?.. Это уж точно. Как все сложно переплетено в такой тугой узел, что простому смертному и не под силу его развязать. Поэтому он будет стараться делать то, что в его силах: воскресить память, и уж потом можно будет и уходить. Потому что для таланта жить не остается воли и доброты. Хотя каждый проживает столько, сколько у него хватит ума. Святыня в душе есть — тогда живи...

Сейчас приближается бой под хутором Шашкином, тот бой, в котором погибли гимназисты вместе с прекрасной амазонкой Катрин Мажаровой. И чтобы восстановить все, как было на самом деле, ему нужны силы, и он их добудет. Каким образом? Самым простым и излюбленным — укроется потеплее солдатской шинелью и побудет хоть чуточку наедине с Надей-Надюшей.

Из любой атаки он мог не возвратиться к ней. В каждом бою его подстерегала вечность. Поэтому, вскидывая свое по-юношески легкое, упругое тело в седло, он говорил Наде-Надюше: «Прощай...» Она, до этого стоя на крыльце, притягивала его к себе и, расправляя на его лице смертельно усталые морщинки, целовала и лепетала: «До свидания». Ах, эти губы — милые и ароматные... Конь, ожидая конца традиционной процедуры, бешено косил глазом, бил копытами. И тогда хозяин еле уловимым движением ослаблял повод, он срывался с места и мчался в кромешный ад.

Филипп Козьмич возвращался с передовой усталый, выжатый до конца. Лицо осунувшееся, под глазами черные круги. Но вот руки Нади-Надюши прохладной водой освежали его и, успокоенного, укладывали в чистую постель: «Успокойся... Закрой глаза... Приди в себя... — струится ручеек-голосок. — А сегодня я тебе расскажу...» Она умолкает, а он приоткрывает глаза и смотрит на нее, и думает, почему у Нади-Надюши зрачки не прикрываются ни сверху, ни снизу. Даже белки видны снизу и сверху, обрамляя зелень глаз. Она смотрит на него и будто говорит: «Я — чистая. Я — открытая. Я — светлая. Я — влюбленная... Неужто он поступит со мною плохо? Или скажет неправду?..» Когда она так смотрит на него, он неожиданно даже для самого себя начинает стесняться: может

быть, он что-нибудь делает не так?.. А как спит Надя-Надюша?! В жизни, ничего подобного не видал! Садится, плотно прижимает к пяткам икры ног, наклоняется вперед и — спит. Сидя... Удивительно... А ноги у нее... поющие. Как бы это понятнее представить... Эх, жениться, так на королеве, а украсть — так миллион!.. «Ты, наверное, с утра все больше яблоки ела», — говорит он. «Почему?» — поет она. «Потому что красивой такой сделалась... Расскажи мне, как ты пришла....»

Она уже рассказывала сотни раз, и он уже все знает наизусть, но он — такой сильный и влюбленный, отчаянный и беспомощный, что она снова и снова начинает почти один и тот же рассказ, хотя он звучит по-разному, как и подобает рассказывать всем восхищенным и верующим. Ей же было всего лишь восемнадцать — самый прекрасный возраст для расцвета девичьей красоты. Она уже в полную меру начала чувствовать, что к ней тянутся... мужчины. И чисто — и не совсем... А ведь она-то уже знает, что хороша. И, когда на нее смотрят так мужчины, она понимает, что нельзя чего-то переступать. И боязно. И хорошо. И восторг откуда-то подступает. И страшно становится. И надо скрывать ото всех тайное желание за внешне безразличным видом. И черту не переступить с мужчиной... А тут еще все красногвардейцы голодными глазами пожирают. Все смотрят, и все видят... И спрятаться никуда нельзя от этих всезнающих, всепроникающих и всепонимающих взглядов. А тело горит. Мозг пылает от возбуждения и бьющейся крови... И тут явился он, лихой донской казак, и сопротивляться сил не оставалось... Рвать цветы весной любят все, а вот сажать их и ухаживать за ними — не каждый...

Филипп Козьмич понял, почему идут такие тяжелые бои. Во-первых, потому, что навалился подготовленный и хорошо организованный противник. Во-вторых, с Кубани вернулась Добровольческая армия генерала Деникина, которая придала дополнительную силу восставшим контрреволюционерам.

В последующих жесточайших схватках, в которых никто ли с кем и ни с чем не считался, тем более с общественным мнением, Миронова удивила сама постановка вопроса о начальных днях организации Добровольческой армии. Дело в том, что 18 января 1918 года в кабинет главы Войскового правительства Митрофана Петровича Богаевского был приглашен генерал Алексеев, которого просили дать ответ о делах, целях и задачах Добровольческой армии. И истории ее возникновения. И вот что рассказал генерал:

«В октябре 1917 года в Москве организован «Союз спасения Родины». Организаторы — представители кадетской партии. Этот Союз поручил мне в дальнейшем организацию дела спасения Родины всеми мерами и средствами, для каковой цели я приехал на Дон как единственное безопасное место, куда стали стекаться беженцы — офицеры, юнкера, из которых мною была образована Добровольческая армия. В последнее время, как вам известно, в совещание при мне вошли и представители демократии, а в настоящий момент ведутся переговоры с лидерами и других, кроме кадетской, партий, как, например, с Плехановым, Кусковой, Аргуновым... Конечно, с Черновым и его партией никаких переговоров быть не может — нам с ними не по пути... Представители демократии; Б. В. Савинков, К. М. Вендзягальский, П. М. Агеев и С. П. Мазуренко».

Вопрос Алексееву: «Почему тогда генералы свое презрение открыто выражают демократии, например, Совету рабочих депутатов?»

— Прежде чем судить добровольцев, нужно вспомнить, что они пережили и переживают. Войдите в их психологию, и вы поймете происхождение этих разговоров — ведь 90 процентов их буквально вырвалось из когтей смерти и по приезде на Дон, не оправившись еще от пережитого, вынуждены вступить в бой с советскими войсками. Из трех ночей мне приходилось спать только одну. Кроме того, я не понимаю, почему это вас так волнует? Ведь Добровольческая армия не преследует никаких политических целей. Члены ее при своем вступлении дают

подписку не принимать никакого участия в политике, не заниматься какой бы то ни было политической пропагандой.

— А скажите, генерал, откуда вы получаете средства для существования?

— Сродства главным образом национального характера, добровольные пожертвования частных лиц. Кроме этого, не скрываю от вас, что некоторую поддержку мы имеем и от союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обязательствам, мы тем самым приобрели право на эту с их стороны поддержку.

— Скажите, генерал, даете ли вы какие-нибудь обязательства, получая эти средства? — задал вопрос председатель областной управы Василий Васильевич Брыкин.

— При обыкновенных условиях я счел бы подобный вопрос за оскорбление, но сейчас, так и быть, я на этот вопрос отвечаю. Добровольческая армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели спасения Родины. Добровольческую армию купить нельзя».

Михаил Васильевич Алексеев, беленький, седой как лунь, маленький, тощенький, близорукий, в очках, — профессор истории военного искусства Академии Генерального штаба. Был начальником штаба при Верховном главнокомандующем Николае II. Поражал своей аккуратностью и безупречностью своих стремлений по спасению России.

Добровольческая армия собиралась покидать Ростов. Зима. Голодные, полураздетые, без запасов продовольствия и боеприпасов. Алексеев говорил: «Мы уходим в степь. Можем вернуться только если милость божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

9 февраля Добровольческая армия выступила из Ростова в направлении на станицу Аксайскую. Достигли ее к ночи, но казаки не пускали генералов на ночлег. Деникин и Романовский ровно два часа уговаривали атамана разрешить переночевать. Разрешили, но с одним условием, чтобы рано утром покинули станицу... Всего войска — около 4 тысяч человек. В пешем строю — седые полковники, юнкера, кадеты, гимназисты... Вместе со всеми грязь месили и генералы Корнилов, Романовский и Деникин, в рваных сапогах, с карабином за плечами... В цепи с винтовкой в руках был командир корпуса генерал Казанович...

Ужас сковал сердце Миронова, когда он узнал, как кадеты убегали от обоза, чтобы отдать свои мальчишеские жизни во имя спасения России. Кто-то же этих детей обманул в их святой вере?! А ведь у каждого были

отец и мать. Узнают ли они когда-нибудь, что стало с их детьми? Ну хорошо, про наших юных бойцов хоть песни сложили, а про тех, «белогвардейских», кто вспомнит и как? Сколько их полегло на просторах донских, кубанских, бесславно и бессмысленно?.. Погибали с улыбкой на устах, веря, что проливают кровь за Родину...

Казаки не вступали в Добровольческую армию, держали нейтралитет. Даже посмеивались над добровольцами: «Воюйте... Воюйте... А мы посмотрим, чья берет, тогда и решим, к кому примыкать...»

Добровольческая армия занималась «самоснабжением», а попросту говоря, грабежом и воровством. Бои. Убийства. Голод. Мародерство. Анархия. Ненависть к белогвардейцам, которых приравнивают к злым духам, мешающим добиться счастья народу... Неуловимость и безнаказанность совершаемых правонарушений и преступлений... Март. Вода и жидкая грязь. Одежда на всех мокрая. Все идут пешком, от генерала до кадета. Ударил мороз — тонкая корка льда образовалась на всем... На ногах — рваная обувь, внутри которой полно воды. Все больны, простужены и голодны. Раненые лежат в ледяной воде... В такой среде даже не постепенно, а почти сразу потерялась созданная воспитанием нравственность и дворянский лоск полетел в тартарары. Про это страшное время вспоминают сами участники так называемого «ледового похода»...

«Офицер ликвидировал рабочего только за то, что у него «морда самая комиссарская». У революции под красной шляпой вместо лица — рыло свиньи».

«— Я сюда пришел чай пить, а его к Духонину отправил». — «Застрелили?» — спросил кто-то. «На такую сволочь патроны тратить! Вот она, мушка-матушка, да вот он, батюшка. — Он приподнял винтовку, похлопал ее по прикладу, по штыку и захохотал».

«Три офицера во главе с подполковником и несколько солдат корниловского полка с винтовками лезли в вагон, отпихивали караул, ругались: «Чего на нее смотреть... Ее мать! Пустите!..» Пленную удалось отстоять. Подполковник, ругаясь матерно, бормотал: «Все равно не я буду, заколю».

Расстрел пленных в Лежанке — тридцать-сорок человек.

«Подполковник Неженцев подскочил, остановился: «Желающие на расправу!» — кричит он. Вышли человек пятнадцать. Прошла минута, долетело: «Пли!» Сухой треск выстрелов. Крики. Стоны. Люди падали друг на друга, а шагах в десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Штыками и прикладами добивали живых».

«— Захватили несколько пленных на улице. Хотели к полковнику вести. Подъехал какой-то капитан из обоза, вынул револьвер и раз-раз... всех положил». Да перебил другой офицер: «Позабыл сказать: знаете, этих австрийцев, которых мы не тронули, всех чехи перебили. Я видел, так и лежат все кучей».

«У Выселок взяли пленных. Подходит подполковник К., стоит с винтовкой наперевес. Перед ним мальчишка: «Пожалейте, помилуйте...» — «А, твою мать! Куда тебе, в живот, в грудь? Говори!..» — бешено, зверски кричит К. «Пожалейте, дяденька!..» — «Ах!.. Ах!..» — слышны хриплые звуки, как дрова рубят. «Ах!.. Ах!..» И в такт им подполковник К. ударяет штыком в грудь, в живот стоящего перед ним мальчишку. Стоны... Тело упало... На путях, около насыпи, валяются убитые, недобитые, стонущие люди...»

«Пленный доказывает, что насильно мобилизованный. «Беги!..» Он не бежит, хватается за винтовку, знает, что такое «беги»... «Беги, а то...» — и штык около его тела. Инстинктивно отскакивает и бежит, оглядывается назад и кричит диким голосом, а по нему бьют из винтовок. Мимо... Мимо... Бежит. Упал. Ползет торопливо, как кошка. «Уйдет!» — кричит кто-то. Подполковник Г. бежит к нему с насыпи. «Я раненый! Я раненый!..» — дико кричит ползущий. Подполковник в упор стреляет ему в голову».

«Капитан Ю. раненого застрелил. А другого ведут и договариваются, кому после расстрела достанутся штаны убитого».

«Хоронят Корнилова. Могилу роют пять красноармейцев. Их расстреляли, чтобы никто не знал, где он похоронен».

«Возвращаясь на Дон, корниловцы снова зашли в Лежанку. Четверг на страстной неделе. Из церкви нежными звуками вылетает пение и замирает в вечернем воздухе. «Тут служба, а на площади повешенные». — «Кто?» — «Сегодня повесили пленных комиссаров».

«Станица Мечетинская. «А я вот такую штуку придумал — пороть баб...»

«Группа солдат стоит, среди них женщина-доброволец Дуська. «Дуська, — обращается к ней курносый солдат, — а что с пленной милосердной сестрой сделать?» — «Что? Завести ее в вагон, да и... всем, до смерти... А потом в затылок...» — лихо отвечала Дуська. Солдаты хохотали».

«Расстрелы... Неприятная это штука. Пленный все твердит: «За что те, братцы, за что?..» А ему: «Ну-ну, раздевайся, снимай сапоги». — «Братцы, у меня мать-старуха. Пожалейте!» А тот курносый солдат наш: «Эх, да у него и сапоги-то дырявые...» — и раз его в шею, кровь так и брызнула...

Пошел снег. Мы пили чай».

«Священник Гниловской станицы с распятием на груди поднимал казаков в атаку, ходил с ними в бой. Но теперь они его не слушают: «Сами знаем, что делать — идем по домам».

«В одной хате подвесили за руки комиссара. Разложили костер и медленно жарили человека. А кругом пьяная банда выла: «Боже, царя храни...»

«Песню «Взвейтесь, соколы, орлами» Добровольческая армия сама переделала: «Взвейтесь, соколы, ворами». Грабили население немилосердно. Деревня вовремя не внесла контрибуцию: артиллерийскими снарядами по ней. 70 снарядов. Зачем так много? А куда их деть — мулы падают от голода... Паны не крали — были богатыми, а как обеднели, так сразу узнали дорогу к сундукам крестьян, как настоящие злодеи».

И вот эта Добровольческая армия вернулась на Дон, подкрепив Войско Донское. Газеты чуть ли не визжали от ликования и восторга по такому знаменательному случаю: «Вернулись герои духа!» «Титаны воли». «Горсть безумно храбрых». «Воодушевленные любовью к Родине». Пущен лист пожертвований в пользу «героев». От ростовского купечества собрано... 470 рублей. А только раненых прибыло около двух тысяч человек...

После таких мерзостей, творимых офицерами и генералами Добровольческой армии, о которых узнал Филипп Козьмич Миронов, он понял, что революционные войска должны очистить от этой скверны не только донскую землю, но и, что значительно сложнее, души людей. Он представлял все трудности борьбы, потому что в войска наказного атамана Всевеликого Войска Донского вливались, кроме озлобленных сил Добровольческой армии, еще и немецкие войска, которые оккупировали Дон и с которыми хорошо спелся генерал Краснов.

Миронов, выступая с обращением к казакам, гневно клеймит этот союз: «Генерал Краснов в приказе № 1 говорит: «Вчерашние враги, австро-германцы вошли в пределы Войска — родного Дона, союзники с нами против красной гвардии и за восстановление на Дону полного порядка». Этот казацко-немецкий союз основал генерал Краснов, бывший командир 10-го полка, а потом начальник 2-й казачьей свободной дивизии. Дико и страшно становится от этого приказа!

Казаки!.. Если кто из вас согласен с генералом Красновым, что австро-германцы наши союзники — для завоевания нас же самих, то он союзник немцев!.. Такому казаку не место на Дону среди милых станиц и хуторов!.. Я лично отдам оружие генералу Краснову и его союзникам — немцам

только вместе с моей головою, добравшись сперва до его и немецких голов... если 32-й полк поможет!..

Кто думает так — тот со мною и за мною и за теми, кто не хочет быть рабами немцев, генералов, помещиков, капиталистов и дворян, кто стремится укрепить народную власть — власть Советов.

Что же лучше: власть народа, власть Советов, власть, которую вы, казаки и солдаты, сами создали, сами исправляете, или власть генералов, капиталистов, помещиков и дворян?! Не думаю, что вы захотите последней власти, хотя генерал Краснов и обещает казакам порядок... Не будет порядка, пока вы, труженики земли, не возьметесь за винтовки! Не ругайте особенно красную гвардию!.. Она свое дело сделала — не дала контрреволюционерам съесть революцию, а с нею не дала еще генералам — власти, помещикам — земли, капиталистам — их капиталы.

Донские казаки, остановитесь!!!

Остановитесь, дабы весь трудовой народ русский не обратился на вас и не стер с лица земли... Борьба с большевиками нужна генералам Деникину, Краснову, помещикам, капиталистам и т. п. тунеядцам, а вам-то, казаки, нужна ли эта борьба?.. Ведь вы такой же трудовой народ, как и те, за которых борются большевики!. Довольно слепоты!!! К оружию и в ряды мобилизовавшихся товарищей фронтовиков на защиту прав трудящихся масс от жадных и голодных шакалов, генералов Краснова, Алексеева, епископа Гермогена и их союзников — немцев... Опомнитесь, сыны свободолюбивого Дона! Познайте, где ваши друзья и враги!

Командующий Хоперско-Усть-Медведицким фронтом Революционных войск, казак Усть-Медведицкой станицы — Ф. К. Миронов».

Теперь можно подступиться и к бою, который произошел возле хутора Шашкин. Но что Миронов может добавить к тому, о чем он уже вспоминал, кроме, может быть, такой детали... После гибели Катрин Мажаровой и большинства гимназистов какая-то часть их попала в плен. И получилось так, что они оказались в воде какого-то озера. Миронов, жалеючи, посмотрел на них и приказал не трогать, пусть, мол, они охолонут в воде, а потом отправить всех домой в Усть-Медведицкую. Пока Миронов был в зоне видимости, никто гимназистов не трогал. Как только он умчался куда-то, руководя боем, какой-то свирепый начальник приказал вывести гимназистов на сухое место. Вывели. Пустили на них конницу и всех... порубили.

Прискакал Миронов, увидел кровавое крошево, схватился за голову: «Что ж ты, подлец, наделал?!» А этот «подлец» только что вышел из боя весь в крови от ран... Сам бог... сам дьявол... не разберет тут, кто прав, кто виноват. Но Филипп Козьмич Миронов сам лично не расправлялся с военнопленными никогда и приказа такого не давал. Наоборот, берег пленных казаков и предоставлял им две возможности, от выбора которых зависело их дальнейшее существование на этой поруганной земле: или оставаться в войсках Миронова, или они расходятся по своим куреням. Как это расходиться по куреням? Он, что же, их отпускает домой? Безо всякого наказания? Да. Как ни странно, поступает гуманно и милосердно, оставляет не только в живых, но даже и выбор предоставляет. А ведь злостная молва идет про Миронова, что он никого не щадит — ни старого, ни малого, — всех под одну гребенку «стрижет». Иначе говоря, рубит головы всем без пощады. А на поверку выходит, все это брехня, и Миронов оказывается единственным военачальником, в котором еще сохранилось что-то человеческое... Когда все вокруг в этой братоубийственной войне озверели.

Часто Филипп Козьмич замечал, если мы кого-то уж очень сильно и незаслуженно обижаем и больно раним, то только своих близких, родных людей. А вот с чужими, незнакомыми бываем вежливыми, даже предупредительными. Не тут ли причина хоть какого-то малейшего объяснения ярости и беспощадности, с которой разыгрывалась гражданская война на Дону? Ведь он-то прошел, слава богу, много фронтов и войн, но нигде и никогда такого страшного озлобления не встречал.

Конечно, слов нет, страшно ходить в штыковую атаку, или конной лавой с шашками наголо нестись на встречную лавину, или на пулеметы врага, когда все вокруг гибнет от губительно-смертельного огня. Но потом-то, когда подобрали убитых, раненых, пленных — все, как говорится, входит в свои берега. И люди, оставшиеся в живых, памятью возвращаются в свои хутора, станицы, отыскивают свою усадьбу, курень, дорогих сердцу родителей, жен, детей... И человек восстанавливает в себе человеческое.

А сейчас тут, на Родине, оказались, как пауки в одной бутылке. Образовался зловеще-замкнутый круг. Некуда даже мыслью податься — ведь только что своими собственными руками убил своего... отца. А бородач отец убил своего... сына. Ужас! Убивший человека сам становится уже неполноценным человеком. А убивший своего единокровного отца, или сына, или брата?.. Этот уже совсем перестает быть человеком. Не человек. И никогда не станет им. Конец. Страшно... И тогда уж ему, нечеловеку, ни прибавить — ни убавить преступлений, ибо предстает он пред миром без стыда и совести. Из сердца и разума ушло понятие жалости и милосердия... «Дяденька, пожалей!..» — этот предсмертный крик жаждущего дыхания жизни никто не слышит. Все оглохли. Отупели. Взбесились от единокровных жертв. Пуля и штык — вот их боженька. Вот религия, которую они исповедуют.

Но как же он, Филипп Козьмич Миронов, остался не озверелым? Наверное, природа настолько сильна в нем, что одарила его не только безумством храбрости, но и великим милосердием к спасению себе подобных. Такое в едином человеке — исключительная редкость. И когда пришла пора тягчайшего испытания, Миронов не поддался соблазнительному искушению — быть сильным среди слабых, а остался человеком.

На Дону сошлись четыре вооруженные до зубов, злобствующие, непримиримые и беспощадные группировки — германцы, добровольцы, белогвардейцы и красногвардейцы. Слишком мягко будет сказано, что каждый из них тянул короткое одеяло на себя. Но, залезая под это самое одеяло, каждый с мстительным намерением прихватывал с собою оружие и патроны, чтобы убивать один другого, разговаривая только языком штыка и картечи. И все тот же звериный лозунг продолжал властвовать над умами людей: «Убей!..»

Всегда с началом цивилизации человека призывали: «Не убий», и за нарушение мудрого божеского нравоучения грозили немислимыми карами не только во временном пребывании на грешной земле, но еще большей карой в вечной жизни. И то случалось, что человек убивал человека. Но

теперь, когда ему не только не запрещают и не отговаривают его, но даже призывают к убийству как к деянию благородному и славному подвигу, — тут уж человек разгулялся... И растерял все святое, как раз то, что его отличало от зверя. И что самое поразительное, призывать начали не просто убивать врагов, а убивать... отцов. Сыновей, братьев... Это до какого же одичания можно дойти!.. Чушь!..

Ну а сам он, Миронов, не призывал к убийству. Вот уж чего не было, того не было. Изгнать контрреволюционеров с донской земли призывал, тут уж, как говорится, никуда не денешься. Ну а кто были эти самые контрреволюционеры? Да-а... Но пленных-то, по крайней мере, не расстреливал. Наоборот, помогал им обрести право выбора. Вот за мародерство наказывал — это точно. Да и как не наказывать, когда злобные активисты без зазрения совести с база последнюю коровенку уводили или забирали последний кусок хлеба — тут Миронов беспощаден. Ну, во-первых, должна быть дисциплина, без нее армии не существует, и, во-вторых, он знал, как эта коровенка наживается... Однажды, в бессилии что ли, приказ такой издал: «Обращаюсь к товарищам, совершившим насилие, не скрывать своего имени, чем они докажут, что совершили проступок по неосознанности, и только при таком условии они могут быть прощены именем Революции. Надо помнить, что мы защищаем интересы трудового народа и служим не для собственного обогащения, а только для общего блага Родины. Некоторые товарищи, не осознавая всю суть идеалов Революции, позволяют себе делать насилие над мирным населением, чем не только не помогают трудовому народу, а наоборот, разоряют его, позорят имя защитников Революции и увеличивают ее врагов. Если это будет впредь повторяться, если товарищи, сделавшие это преступление, не откроют своего имени, а товарищи, знающие этих безумцев, скроют их, то я в течение шести часов складываю с себя всякие полномочия и отказываюсь от командования такой армией».

В этом приказе, как видим, прослеживается милость к заблудшим...

Виновные явились... Из частей, которыми командовал Филипп Козьмич Миронов, никто не хотел уходить, потому что Миронов — это правда. Миронов — это победа. Ведь каждый понимал, что очередной бой — это или жизнь, или поражение — и смерть.

Благородно и милосердно Миронов поступал не только с пленными, но и с ранеными и убитыми. Приказывал убитых грузить на подводы и под охраной легкораненых пленных отправлял за линию фронта, предварительно снабдив их листовками собственного сочинения.

Приказ Миронова по случаю насилия над мирными жителями возымел

какое-то действие, но мародерство не прекращалось. Однажды разбушевавшийся Миронов для красноармейца, укравшего у одной казачки поросенка, требовал суда революционного трибунала. Красноармеец оправдывался тем, что взвод голодный, а у казачки остались еще поросята, он же не какой-нибудь несознательный элемент, чтобы последнего забирать... Во время этого шума дверь хаты, где происходила дискуссия, энергично отворилась и на пороге предстал... Виктор Семенович Ковалев, Конечно, друг друга узнали не сразу... Столько лет прошло, столько воды в Дону и Медведице утекло...

Разговор дружеский, взволнованный: «А что, сынок, я тебе говорил?..» — «Дядя Виктор, помоги, все страшно сложно... Побудь хоть денек, погостуй у меня». — «Рад бы денек, да не получится». — «Останься...» — умоляюще глядя в добрые, усталые глаза Ковалева, просил Филипп Козьмич. «Ну, так и быть, если уж очень просишь — то остаюсь... Остаюсь навсегда в твоей дивизии... комиссаром». — «Здорово!..»

Тут под руку подвернулся Иван, ординарец, и, подморгнув красноармейцу, обратился к своему грозному командиру: «...Разреши, я ему плетей ввалю, и на этом наказание прикончим». — «Ладно, — буркнул Филипп Козьмич, — только верните поросенка по принадлежности...»

— Ну как силушка? — Миронов прикоснулся к руке Ковалева, намекая на то, что Виктор Семенович, будучи полковым кузнецом (по-донскому, ковалем), мог один поднять лошадь.

— Не жалуюсь...

Не успели с одним браконьером разобраться, как привели другого — украл буханку горячего еще хлеба. И опять объяснение: «У казачки много буханок...» «Запомни, другой раз без спросу возьмешь, то есть украдешь, — накажу».

На пороге хаты появился очередной жалобщик Никифор Зенкин с хутора Бобры, это в пяти верстах от хутора Плотникова, где остановился штаб Миронова. Знали друг друга. «Что стряслось, Никифор Семенович?» — «Погутарить надоть». — «Гутарь, тут все свои». — «Быков угнали силком... А за то, что у меня штаны с лампасами, один активист плетью перетянул, да еще и обозвал контрой...» — «Делов — на кнут, да махнуть».

Активиста вскоре нашли; быков еще не успели зарезать; Миронов взял большую палку и подошел к провинившемуся, тот вовремя отскочил от Филиппа Козьмича. Чего он испугался — то ли выражения лица своего командира, не обещавшего ничего хорошего, то ли еле заметного движения рук, приподнявших палку... Во всяком случае, это осталось невыясненным, но зато другое стало достоянием чуть ли не всей дивизии. «На палку, —

сказал Миронов, — и отгони быков туда, откуда взял. А ты, Никифор Семенович, спокойно возвращайся домой — быки будут в целости и сохранности доставлены на твой баз». Дед подхватился рысью поперед быков. Все подумали, наверное, побежал предупредить старуху, чтобы не голосила на весь хутор — пропажа возвращается на баз.

Прошел час, может, два, — дед снова на пороге хаты, где Миронов находился. «Дедушка, что-то не так?» — «Да, кубыть, так. Но любопытство взяло — не пожаловался?..» — «Не понимаю...» И дед рассказал, что он побежал вперед почему?.. а чтобы встретить своего обидчика. Ну, значит, повстречал он его и заставил спустить штаны, ввалил ему по голому месту плетей и сказал, теперь, мол, возвращайся восвояси, а он уж как-нибудь, с божьей помощью, сам быков до дому догонит... И только затем и отмахал пять верст сюда и обратно, чтобы спросить, не пожаловался ли... Филипп Козьмич привычным движением расправил усы, пряча под ними скупую улыбку — казак, ну что с ним поделаешь. Нет чтобы обрадоваться, что быки нашлись и благополучно возвращены на баз, так он еще и захотел проверить, как его обидчик будет чувствовать, когда на собственной шкуре испытает прелесть казачьей нагайки. «Так, значит, не пожалился?.. Ну-ну...» — и дед заторопился в Бобры.

Справедливый. Ни перед кем не заискивающий, талантливый военачальник и неустанный пропагандист идей революции, Миронов говорил своему новому комиссару: «Земля — это вечная рознь между казаками и иногородними. Генералы хотят использовать эту рознь и направить казаков на удушение революции. Мозолистые руки казака и крестьянина должны преградить путь этим коварным замыслам. Но донское казачество предоставлено самому себе, и это есть большой грех революции. Никакого, буквально, политического воспитания в нем не ведется. Станицы и хутора заброшены...»

Эта удивительная любовь и тревога за родимый край будут вечными его спутниками, как крик совести, как крик измученной души.

Раньше с войны приходили вести о героических подвигах Миронова и быстро распространялись по всему Дону, так и теперь молва разнеслась по всем враждующим группировкам, что он неуязвим, что из самых невероятно трудных положений не только умело и неожиданно ускользает, но еще и победы одерживает над противником. Популярность среди казаков, белых и красных, с каждым днем росла. И он ни единым поступком не омрачил ее ни как воин, ни как гражданин-казак. Подписывая так приказы и воззвания, Миронов гордился и дорожил званием гражданина.

О популярности Миронова доносит наказному атаману Краснову Фицхалауров: «При взятии слободы Ореховки, когда группировкой войск генерала Татаркина намечался решительный и окончательный удар по Миронову, казаки Раздорской, Малодельской, Сергеевской и Егеревской станиц отказались выполнять боевой приказ. Некоторые казаки кричали: «Да здравствует Миронов!» Эти же казаки во время решительной схватки заявляли командному составу — зачем им воевать с Мироновым, им при Миронове жилось хорошо, пусть атакуют офицеры, которым больше надо. Казаки и старики Иловлинской и Качалинской станиц проявили еще больше мерзости и предательства... Дивизия Миронова окружена в районе Ореховки, и нет ей выхода — она в плену. Миронов, точно зверек, накрытый шапкой, и остается только протянуть руку, чтобы взять захлопнутого зверька Миронова.

Но когда рука была протянута, то под шапкой оказалось пустое пространство. Негодованию казаков не было предела. Тактика казаков, их боевые качества и сноровка были хорошо известны Миронову и всему комсоставу, как природным казакам и жителям Усть-Медведицкого округа. Будучи неоднократно окружен превосходящими силами противника, Миронов с победой выходил из этих окружений... В районе хутора Большого и слободы Сидоры дивизия Миронова была окружена со всех сторон 10–12 полками пехоты и кавалерии, с большим количеством орудий в пулеметов. Остаться в этом районе, будучи отрезанным от базы снабжения, было невозможно. Дивизия Миронова вынуждена была отойти на хутор Плотников, что Миронов и выполнил».

В ответ на эти неутешительные донесения Краснов объявил награду «за голову изменника Дона Миронова Филиппа Козьмича» — 200 тысяч рублей золотом. В кругу своих единомышленников однажды разоткровенничался: «Много у меня доблестных, храбрых офицеров, но нет ни одного Миронова...»

Трудно ли было Миронову завоевать авторитет у местного населения? Легко ни одно трудное дело не дается. Но он был, как сама природа Дона, — щедрый, искренний, соответствующий наиболее полно тому миру, среди которого жил. Намного сложнее складывались его отношения с красноармейцами. Голодные и злые, уничтожавшие «золотопогонников» просто так или только за то, что они офицеры. А тут их командир, оказывается, бывший царский полковник. Позор! Да к тому же бесконечные бои и отступления, потому что противник неожиданно напал на плохо подготовленные революционные войска. Красноармейские части отступают, значит — предательство и измена бывших царских офицеров, специально подставляющих их под удар. Тут уж Миронову нельзя было показать и тени сомнения в правильности принятого решения, надо на деле доказывать, что оно единственно верное. Но глазное, самому идти впереди наступающих цепей и первому принимать пули и штыки врага. Не дрогнуть. Не расслабиться. Не изменить самому себе. Не дать страху хоть на краткий миг сковать волю и оцепенеть перед мыслью о возможной гибели.

У станицы Скуришинской, возле кургана, рота, шедшая в цепи, была обстреляна ружейным и пулеметным огнем, дрогнула и обратилась в беспорядочное бегство. На коне, карьером, сопровождаемый только одним ординарцем, Филипп Козьмич врезался в бегущую толпу и заорал: «Стой!.. За мной!.. Вперед!..» Вражеские пули градом летели, но ни одна не задела. Миронову сначала удалось остановить роту, потом повернуть лицом к наступающему противнику и атаковать...

После успешно проведенной атаки один красноармеец, легонько потирая плечо, без обиды в голосе говорил другому: «Бешеный наш командир. Когда я драпу давал, так он перетянул меня плетью — я сразу пришел к памяти... Ну и геройский казак — первым под пули лезет...»

Командир роты высказал мысль, что-де, мол, не обязательно так рисковать, как это делает Миронов. Филипп Козьмич ответил: «Чтобы требовать от других, а требовать придется слишком много, надо уметь показывать самому пример и рисковать своей жизнью — таков закон войны».

Храбрый и совестливый, Миронов бесстрашно бросался в полынью братоубийственной войны и старался спасти погибающих. Мудрая

социальная логика, глубина и страстность призывов, с которыми Миронов обращался к своим землякам и однополчанам, и в наши дни не перестают волновать воображение исследователей. Трогали и они, брали за сердце казаков и в те дни. С добрым, мудрым словом Филипп Козьмич обращается к однополчанам Боково-Каргинского полка, выказывая незаурядные способности публициста-агитатора: «Братья-казаки Боково-Каргинского полка, пора опомниться. Пора поставить винтовки в козлы и побеседовать не языком винтовок, а человеческим языком, тем самым, которым каждый из нас говорит со своими родными благодаря этому языку. Ведь на что-нибудь он дан нам, а мы вот уперлись и лупим один другого, не зная, за что и за кого. Не сойдемся... Ну, тогда опять заберем винтовки из козел и будем добивать друг друга, а кто останется после нас, будет веселиться над нашими трупами, только не засмеются и не будут веселиться наши сироты. Так что же, друзья мои, винтовки в козлы? Давайте вспомним Карпаты, Двину, Пинские болота, немцев, австрийцев, болгар, турок, венгров... Крепко мы с ними бились, а все спрашивали по временам, да скоро ли конец проклятой войне, скоро ли домой, к своим родным? А кто поумнее был, так тот спрашивал себя: какой, допустим, немец или болгар мне враг? Что, он у меня взял что-нибудь или я у него? Или нам тесно жить на земле? Сроду не видели друг друга, да и не увиделись бы до самой смерти, а вот кто-то взял, подтянул нас одного к другому, дал винтовки в руки и скомандовал: «Пли!» И погибли от этого «пли!» десятки миллионов людей, другие десятки остались калеками... Больше четырех лет лилась человеческая кровь. Первыми пробудились от этого дурмана мы, русские. И главного виновника войны — царя, этого первого помещика России, взяли, да по шапке... Люди открыли глаза и увидели, что большевики правы, и пошли за ними. Вот почему мы сильны... Вот уже больше года бьются с нами генералы и ничего не могут сделать, загубив только темные казачьи головушки. Теперь большевики — это вся Россия. Краснов позвал на Дон немцев... Россия трудовая, крестьянская, казачья жива! Родные станичники, опомнитесь и помогите задушить генералов! Ваши станичники, что попали в плен под Глазуновской и Скуришинской в июле, служат у нас. А что ждет вас впереди? Смерть. А детей — сиротство. И за что? За кого? За генералов, помещиков... Зову и всех офицеров и заранее именем Революции обещаю неприкосновенность, а искренне раскаявшимся — службу. Службу труду, а не капиталу.

Опомнитесь, боково-каргинцы, еще не поздно. Еще есть время загладить страшный грех восстания в мае 1918 года и затушить пожар.

Начальник 23-й дивизии молодой Красной Армии, казак Усть-

Медведицкой станицы Ф. К. Миронов».

25 декабря 1918 года, в ночь под Рождество, 18 белоказачьих полков открыли перед красноармейскими частями Калачево-Богучарский фронт и разошлись по домам... Предварительно они выслали делегацию к Миронову выяснить условия сдачи в плен. Миронов гарантировал им сохранить жизнь и личную неприкосновенность в случае их лояльности к Советской власти.

Однако прошел всего лишь месяц после этих событий, как появилась страшная директива председателя ВЦИК РСФСР Свердлова. Миронов не мог отделаться от мысли, что он словно мстил донским казакам, отказавшимся служить генералу Краснову. Судите сами, когда познакомитесь с содержанием директивы, а она гласит — уничтожить всех их до единого (?!). Тех, кто открыл Калачево-Богучарский фронт и помог советским войскам! И будто подготавливая сей бесчеловечный акт по уничтожению людей, Свердлов еще 26 ноября 1918 года разослал такое директивное указание от имени партии:

«Центральный Комитет категорически предписывает всем членам партии:

Комиссарам, командирам, красноармейцам общими энергичными усилиями вызывать необходимый и скорый перелом в настроении и поведении частей. Нужно железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств. Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную Армию, в особенности на Южном фронте. Красный террор сейчас обязательнее, чем когда бы то ни было, на Южном фронте — не только против прямых изменников и саботажников, но против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против революционного духа и дисциплины не должно оставаться безнаказанным. Все части Красной Армии должны понять, что дело идет о жизни и смерти рабочего класса и потому никаких послаблений не будет. Командный состав должен быть поставлен перед единственным выбором: **Победа или смерть.** Центральный Комитет вменяет в обязанность всем членам партии установить на фронте подлинную революционную диктатуру, отвечающую размерам опасности, угрожающей социалистическому отечеству.

Председатель ЦК Я. Свердлов».

...Когда развалился Калачево-Богучарский фронт, генерал Краснов откликнулся приказом: «Вешенская станица и ее мятежники на этих днях будут сметены с лица земли!..»

Полковник генштаба Ситников обращается к казакам с «сочувствием»: «Родные мои, с приходом союзников (немцев) враг будет разбит, будут уничтожены и его приспешники, которые в трудную минуту изменили своим братьям-казакам».

В директивной вакханалии угроз, убийств и расстрелов, приказов советских руководителей и белогвардейского командования Миронов продолжал борьбу с контрреволюцией. В его призыве звучит голос воина и гражданина:

«Товарищи красноармейцы! Революция победоносно идет к осиному гнезду контрреволюции — Новочеркаску. Горе тем и несмываемый позор, если кто из вас заропщет на тяжесть переходов, голод и холод. Пощады враг не даст. Еще одно усилие выше человеческих сил, но это усилие необходимо, и победа будет за нами, а за победой торжество трудящихся масс и светлая жизнь наших детей. О себе забудем для счастья потомства и человечества... От всех красноармейцев и комсостава требую гуманного человеческого отношения к жителям, запрещаю самовольные реквизиции, грабежи, всякого рода насилия, прошу не класть позорных пятен на Красное знамя труда. Все насильники будут наказаны немедленно».

Миронов не связывал социалистическую революцию с террором. Он считал ее идеалом, так как изначально и она не ставила целью физическое уничтожение любой социальной группы людей, даже белогвардейцев, тем более — трудящихся. Пролетариат, считал он, обладает благородной, хотя и труднейшей формой классовой борьбы — перевоспитанием.

У меня есть все основания утверждать, что позиция Миронова, истинно и подлинно народная, позволяла ему умело организовать массы казаков на борьбу с контрреволюцией и выходить победителем.

Он к тому же хорошо знал обстановку на театре военных действий, знал среду обитания казаков, любил ее, переживал за судьбу родимого края. Его приказы и воззвания, полные сочувствия и милосердия к заблудшим темным массам казаков, находили отклик в их умах и сердцах, и они переходили на сторону Красной Армии. И, пожалуй, главным в поведении Миронова, кроме таланта полководца и простой человеческой мудрости, было то, что его слова не расходились с делами. Данное слово, сказанное устно или письменно, для него — закон. И — правда, с которой тяжело, но

оправданно жить.

Войска под командованием Миронова без поражения приближаются к центру контрреволюции — Новочеркаску. Филипп Козьмич награждается золотыми часами и шашкой в серебряной оправе. 28 сентября 1918 года Указом ВЦИК награждается орденом Красного Знамени № 3 (№ 1 — у Блюхера, № 2 — у Панюшкина Василия Лукича, матроса Балтфлота, чрезвычайного военного комиссара Поволжья, Приуралья и Прикамья по борьбе с контрреволюцией).

И вдруг, на первый взгляд по совершенно непонятной причине, Миронова, по приказу председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора Троцкого, отстраняют от командования и отзывают с фронта.

Миронов прибыл в Серпухов, где размещался полевой штаб, и неожиданно получил приказ о новом назначении — помощником командующего Белорусско-Литовской армией, а затем — командующим. Все в недоумении, ведь Миронов, командуя тремя дивизиями, за месяц прошел с боями более трехсот километров, загнал белогвардейцев за Северский Донец... Заставил генералов Мамонтова и Секретова отступить от Царицына и расчистил путь 10-й армии для контрнаступления... Враг в панике отступает. Еще одно усилие — и Новочеркасск будет взят... И как раз в такое напряженнейшее время Миронова отзывают с фронта?! Командующий 9-й армией, куда входила группа Миронова, Княгницкий ровно десять дней не отпускал Миронова — нельзя в решающий момент лишать войска такого командира!

Член ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Южного фронта Сокольников по прямому проводу связался с командармом Княгницким: «Сегодня, по приезде, (с фронта) узнал впервые о том, что Миронов вызывается главкомом. Считаю его отъезд в настоящее время невозможным. Прошу Вас от моего имени дать Троцкому следующую телеграмму: «Вернувшись с фронта, узнал вызове начдива 23 Миронова главкомом для нового назначения. Категорически заявляю, что настоящее время отъезд начдива невозможен. Прошу срочно отложить до момента, который укажет Реввоенсовет. Член Реввоенсовета Южфронта Сокольников». Копию этой телеграммы пошлите Гиттису и Вацетису».

За то, что Княгницкий не сразу отпустил Миронове, он был отстранен от командования 9-й армией. Вместо него Троцкий назначил бывшего полковника Всеволодова, вскоре переметнувшегося к Деникину... Воинские части, которыми командовал Миронов, начали разлагаться. И на Южном фронте все заглохло, белогвардейцы воспрянули, узнав, что самый талантливый советский военачальник Миронов, которого они панически

боялись, куда-то отозван, и перешли в наступление. За две-три недели Деникин захватил почти весь Дон.

А разгадка новому назначению Миронова имелась.

Филипп Козьмич, задумавшись о причине своего удаления с фронта успешно наступающих войск, даже повернулся на своем жестком ложе с бока на спину. Заложил руки за голову и, найдя на потолке какую-то точку, уперся в нее неподвижным взглядом... Ведь интрига, только, наверное, более масштабная и более трагичная, чем эта, уже совершалась на его памяти. Он даже непосредственно в ней участвовал. Миронов должен вспомнить ситуацию, сложившуюся на фронтах империалистической войны к маю 1916 года, которая разрешилась катастрофой не только для русской армии, но для всей России-матушки. А ведь разгром Австрии и Германии казался неминуем. Русские войска раздавили бы их, ослабленных, парализованных, выдохнувшихся. Людендорф писал: «Это было критическое время. Мы израсходовали все наши средства, и мы хорошо знали, что никто не придет к нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать». Но, однако, получилось так, что вместо поражения германцы оказались победителями и докарабкались аж до самого Дона. Значит, такое кому-то было нужно и выгодно?..

Тогда, в мае 1916 года, Юго-Западный фронт (главнокомандующий Брусилов) должен нанести вспомогательный, отвлекающе-демонстрационный удар. А главный удар поручался Западному фронту (главнокомандующий генерал Эверт). Юго-Западный фронт, взломав оборону противника, успешно продвигался вперед. Ждал, что вот-вот войдут в бой основные силы Западного фронта, предназначенные для главного сокрушительного удара. Но Западный фронт не только не нанес сокрушающего удара, он даже с места не двинулся и обрек на поражение не только известный в истории «прорыв Брусилова», но и всю Россию... Значит, кому-то это нужно было? Значит, кто-то готовил глобальную интригу и успешно проводил? Одно было несомненным — это были злейшие враги России.

И что же, он, Миронов, сидя в одиночном каменном мешке, додумался до того, что здесь можно провести аналогию с его удалением с фронта в самый решающий момент гражданской войны? По крайней мере, он попытается обосновать свою догадку. Нет такой тайны, которая в конце концов не стала бы явной.

Ведь если бы Филиппа Козьмича Миронова не отозвали с фронта, то группа войск, которой он командовал, смяла бы слабые, деморализованные заслоны белогвардейцев и овладела бы Новочеркасском. Что означало

разгром контрреволюционных сил и конец гражданской войны на Дону.

Но как раз в этот момент вступает в силу коварная интрига Ешуа-Соломона Мовшовича Свердлова (Якова Свердлова), Троцкого и К°. Их, видимо, не устраивал конец гражданской войны на Дону. Видимо, желательно, чтобы она не завершалась, а еще больше разгоралась. И чтобы казаки продолжали сами себя уничтожать. Эта дьявольская интрига осуществлялась двумя путями. Первый. Остановить продвижение советских войск к центру контрреволюции — Новочеркасску. Как это сделать? Убрать с фронта талантливого полководца, искренне верящего в идеалы революции и победоносное ее шествие. Тогда войска, лишившись твердой, властной руки, сразу же начнут разлагаться и дадут возможность Деникину опомниться, и некому будет гнать его с Дона.

Части Миронова самые дисциплинированные во всей Красной Армии. Сколько он вкладывал веры и страсти в каждое обращение к красноармейцам, заражая их своей верой и страстью:

«Республика превращена в военный лагерь. Именем революции, товарищи красноармейцы, я спрашиваю вас: как же вы и я должны выполнять обязанности по обороне страны от хищников генералов, помещиков, капиталистов, дворян и всей белокостной сволочи? И за себя и за вас отвечаю: трижды беспрекословно. В этом революционная дисциплина. Я не допущу никаких обсуждений по поводу оперативных приказов по дивизии, а тем паче их невыполнения. Не допущу потому, что я служу революции и ее именем отдаю все приказы. Вот когда я окажусь изменником революции, тогда вы, мои товарищи, можете не только не выполнять контрреволюционных приказов, но и судить меня. Но я себя знаю: революции не изменю. И трусом не буду, ибо знаю, что если я умру, то умру за величайшую идею — за лучшее будущее человечества, за лучшую долю для крестьянской и казачьей бедноты. Да живет среди нас, красные солдаты и казаки 23-й дивизии, революционная дисциплина на гибель Краснову и всей черной рати. Нет места среди нас трусам, шкурникам, саботажникам и тайным поклонникам буржуазии. Следите за ними, товарищи красноармейцы! Помните, что наша Республика есть военный лагерь и все в этом лагере отныне строится на беспрекословном повиновении и подчинении воле революции».

Никто не оставался безучастным, воспламеняемый его призывами и приказами, тем более видя, как он с шашкой наголо несется впереди атакующей лавы или с штыком наперевес первым кидается в бой, увлекая всех за собой. Да к тому же Миронов был «заговоренным» — его не брала ни шальная пуля, ни удар вражеской шашки. Командир неуязвим — будут и

бойцы живы... Все считали Миронова заговоренным. Колдуном. Кто-то злобную молву пустил, что его не берут простые пули, надо, мол, попробовать медные, уж от них ему пощады не будет. Для этой цели белогвардейцы у жителей конфисковывали самовары и организовывали отливку медных пуль...

И вот Миронова убрали с фронта, войска дезорганизовались, остановились в своем наступательном порыве. Деникин опаматовался, получил передышку. А ведь он стоял на краю гибели. Сам потом вспоминал, что войска разуверились в победе, что все потеряно, что еще одно усилие со стороны большевиков, и ничего поправить уже будет невозможно... Это усилие могли сделать только войска Миронова...

Командующий Донской армией генерал Сидорин подтверждает опасения Деникина: «Когда я впервые столкнулся с комсоставом, то увидел, что у всех офицеров опустились руки. Даже не делалось попыток, чтобы привести воинские части в порядок, и дело считалось совершенно проигранным...»

Оказалось, что поправить положение дел главковерха Юга России Антона Ивановича Деникина сумели Свердлов, Троцкий и К°. Им, выходит, это нужно было?.. Но на том они не успокоились — в коварных замыслах этой компании зрело еще одно «мероприятие»: им нужно было натравить казаков друг на друга, чтобы они еще злее, еще беспощаднее сами себя уничтожали... Как это сделать? Образно говоря, бросить зажженную спичку в стог сухой соломы — и сразу вспыхнет яркий столб огня. Ведь казаки — это гремучая смесь. Любое коварное действие со стороны властей они примут за смертельное оскорбление и взбунтуются. И начнется еще одна междоусобная драчка. Над этой злой проблемой недолго думали — ведь в их руках власть и исполнительная и законодательная, что сварганят, то и пусть кушают казачки? И сварганили они — Свердлов, Троцкий и К°, — так называемое «расказачивание». Но зачем они это делали — вот вопрос. Неужели затем, чтобы восстановить каганат на плодороднейшей долине, ограниченной Каспийским, Черным и Азовским морями?..

А почему бы и нет? Ведь — утверждают иудейские лидеры, как «... факт — присутствие иудеев на юго-западе России в конце первого тысячелетия нашей эры. Тогда части степи помечаются «Земля Жидовинская» на картах, а в былинах поется о богатырях-жидовинах. В XIX веке еврейское население Восточной Европы выросло восьмикратно, и возник эффект «парового котла»... Наши предки кинулись сразу во все стороны: в Германию за знанием, в Америку за богатством, в Россию — за властью. Ведь Россия — это не страна славян и такой никогда не была...

Восточно-европейское еврейство — это «на все сто» коренная национальность на том просторе, которое мы называем Россией».

Выходит так, что евреи и их лидеры пришли на Дон, чтобы вернуть исконно свои земли? Вот это — новость!.. Нарочно не придумаешь... Это как выстрел в затылок.

Значит, Октябрьская революция — это заговор против России? И русский лапотный мужик, не ведая об этом коварном замысле иудеев, простодушно и доверчиво, глаза на лозунги, бьющие в самое сердце — земля крестьянам! — взял винтовку в руки и пошел разрушать собственную страну? А на самом деле выходило, что под руководством евреев они отвоевывали эту вожделенную землю не для самих себя, а чтобы потом на ней обосновались потомки жидовинов? Об этом, не скрывая восторга, пишет М. Коган в харьковском «Коммунисте» № 72 от 12 апреля 1919 года:

«Нельзя забывать, что еврейский народ, веками притесняемый королями и царями, и есть истинный пролетариат, истинный интернационал, не имеющий своей родины.

Без преувеличения можно сказать, что великая социальная революция была сделана именно руками евреев. Разве темные забитые русские крестьяне и рабочие могли бы сами сбросить с себя оковы буржуазии? Нет, именно евреи вели русский пролетариат к заре интернационализма. И не только вели, но и сейчас советское дело находится в их надежных руках. Мы можем быть спокойны, пока верховное руководство Красной Армии принадлежит товарищу Льву Троцкому. Правда, евреев нет в рядах Красной Армии в качестве простых рядовых. В комитетах и совдепах в качестве комиссаров евреи смело и бесстрашно ведут к победе массы русского пролетариата. Недаром при выборах во все советские учреждения проходят в подавляющем большинстве именно евреи. Недаром, повторяем мы, русский пролетариат выбрал себе главой и вождем еврея товарища Бронштейна-Троцкого.

Символ еврейства, веками борющегося против капитализма, стал и символом русского пролетариата, что видно хотя бы в установлении «Красной пятиугольной звезды», являющейся раньше, как известно, символом и знаком сионизма-еврейства. С ним — победа. С ним — смерть паразитам-буржуям».

Но еще откровеннее был сам вождь Троцкий. В ночь с 25 на 26 октября 1917 года на экстренном заседании ЦИК, обращаясь к Гоцу, Дану и Либери, он сказал: «...вы займете место, которое вам по праву принадлежит, место хозяев земли русской».

Может быть, это была просто шутка вождя? Или заговор единоверцев, опьяненных легкой победой и решивших, что им уже стесняться ни к чему и они открыто могут теперь распоряжаться лапотной Россией, как своей вотчиной?

Трудно с этим смириться, но факты зримо, грубо твердят: из 22 наркомов Советского правительства оказалось 3 русских, 1 армянин, 1 грузин и 17 евреев. В Военном комиссариате — ни одного русского. Но зато 8 латышей, 1 немец и 34 еврея. В Комиссариате внутренних дел — 2 русских и 43 еврея. В Комиссариате юстиции — 18 евреев и ни одного русского... Среди журналистов центральной прессы — 41 еврей и один русский (Максим Горький)... Словом, у руля Российского государства оказалось всего лишь 30 русских, но зато 447 евреев!.. При таком соотношении сил им ничего не стоило сбить ореол с героя гражданской войны, авторитетнейшего военачальника, любимца казаков, Филиппа Козьмича Миронова. Тут они тоже ничего нового не придумали, а выказали свою собственную коварную душонку.

Вот как это было дело.

10 февраля 1919 года Миронов телеграфировал Реввоенсовету Южного фронта:

«Весь Усть-Медведицкий округ, за исключением 2–3 станиц и волости, очищен от контрреволюционных банд. Обстановка требует немедленного восстановления власти для урегулирования политической и экономической жизни округа, ввиду этого прошу об утверждении в должности чрезвычайного коменданта округа помощника начштадива-23 товарища Карпова (коммунист), который временно исполняет эту должность. Выдвигаемые политкомдивом Дьяченко товарищи Севастьянов, Федорцев, Рузанов в окружную власть не могут быть допущены по тому поведению, которое проявили в тяжкий момент революции. Теперь революция сильнее, все слизняки ползут на солнце и делают пятна на нем».

Суть в том, что Федорцев и Рузанов, будучи в бригаде Миронова, скрытно исчезли, и он, естественно, считал их дезертирами. А Севастьянов оказался в трудную минуту паникером... И теперь они должны возглавить всю полноту власти в Усть-Медведицком округе — с этим Миронов не мог согласиться.

Однако члены Реввоенсовета И. Ходоровский и В. Гиттис настаивали именно на таких кандидатурах. К тому же Федорцев начал назначать своих людей на руководящие должности, в частности, некоего Бирюкова. Миронов дает телеграмму Федорцеву:

«Прошу не вмешиваться в мое распоряжение, а вместе с

Севастьяновым, Рузановым прибыть на фронт и взять винтовки как сбежавшим с фронта дезертирам, помочь добить врага. У Бирюкова найдено 10 пудов сахара, что возмущает население. Рекомендация Ваша неудачна. Я Вас и Руднева видел пьяным, и Вам не думать об искоренении этого пьянства. Командующий группой войск Миронов».

Федорцев «смело» отвечает Миронову:

«Товарищу Миронову. На Вашу телеграмму — приказание выехать в Усть-Медведицу из Михайловки ревком сообщает для сведения, что он назначен политотделом Южфронта и Донбюро РКП (б), которым он всецело подчиняется и для ревкома действительны те приказы, распоряжения, которые исходят от вышеназначенных организаций».

Разъяренный и вспыльчивый Миронов, уязвленный «своим» же дезертиром Федорцевым, приказывает:

«Я, именем социалистической революции, протестую против Вашего пребывания у власти, а также Рузанова и др., и требую прибыть ко мне в штаб. Если этого не будет выполнено, я подвергну Вас и Вашу компанию личному задержанию и тогда буду объясняться по этому вопросу со штабом 9-й армии и со всеми теми учреждениями, на которые Вы ссылаетесь. Бойтесь революции, она Вас не простит за те минуты, которые Вам хорошо известны. Еще раз приказываю прибыть. Командующий группой войск — Миронов».

Федорцев обратился с жалобой в политотдел Южного фронта и в Донбюро, а те кинулись к Троцкому — уберите Миронова из Донской области! Казак Миронов не в состоянии воевать против казачьей контрреволюции. Поэтому следует удалить Миронова от родных станиц на другой фронт, хотя с повышением в должности.

Это, так сказать, чисто внешняя причина «повышения по службе» талантливого полководца Миронова. Глубинная же заключалась в том, что на Дону троцкистами затевалась бесчеловечная акция против казачества. И если прямолинейный и бескомпромиссный Миронов противится назначению на должность председателя ревкома одного нечистоплотного человека, то что же он предпримет, когда узнает о директиве Свердлова?! Он не только будет мешать претворению ее в практику «строительства социализма» на Дону, но и просто не допустит такого надругательства над донскими казаками и вышвырнет исполнителей. Поэтому троцкисты убирают Миронова за пределы Донской области и, как бы в «напутствие» в дальнюю дорогу, как злодейский удар в спину, организуют клеветническую публикацию в газете «Донская правда», № 6, 1 апреля 1919 года: «Волк в овечьей шкуре». Чтобы всенародно очернить имя

отважного командарма и тем самым разрушить в умах казачества подлинный образ Миронова:

«С первых дней своей работы районный ревком встретился с неожиданным затруднением в лице начальника дивизии (быв. войскового старшины) Миронова, считавшего себя вождем Усть-Медведицкого казачества. Он выступал с дикими речами против ревкома и коммунистов, говоря, что, когда покончим с Красновым, еще придется воевать с коммунистами. Некоторые темные казаки поддались влиянию дедушки Миронова и стали верить его провокационным басням. А кулачество между тем не дремало и уже начало поднимать голову. Теперь Миронова удалось ликвидировать. Ревкому немало потребовалось усилий, чтобы наладить работу и убедить население, что единственными друзьями бедняков-казаков являются коммунисты».

Выходило так, что «самоотверженные» ревкомовцы устанавливали революционную законность, защищали завоевания Советской власти, а такие закоренелые царские офицеры, как Миронов, ставили непреодолимые преграды на их пути.

Хитрая, с далеким прицелом тактика как бы авансировала ревкомовцев, убеждая, что они — совесть народа, во имя его счастливого будущего устанавливают справедливый порядок в донских хуторах и станицах. Так что, когда начнется осуществление директивы Свердлова и ревкомовцы станут творить зверства. — им отыщется оправдание...

И потом, что значит «удалось ликвидировать Миронова»? Убить? Расстрелять?.. Среди казаков, которыми командовал Миронов, кто знал его, ценил человеческие и командирские качества, поднялся такой возмущенный гул, который докатился до главнокомандующего, и он был вынужден дать телеграмму Донбюро и ЦК РКП(б):

«В номере 6 «Донская правда» помещена статья, где сообщается: «... теперь Миронова удалось ликвидировать». Такие легкомысленные по характеру и глубоко вредные по результатам печатные выступления недопустимы. Предлагаем в ближайшем номере на видном месте дать особую заметку о назначении Миронова на должность помощника командарма на Западном фронте, без политических выпадов, с указанием боевых заслуг на фронте. Полагаю: «Миронова ликвидировать» — значит убить?.. «Донская правда» подобными неудачными выражениями вводит общественность в заблуждение».

Газета попятилась назад и дала опровержение:

«В № 6 «Донская правда» в заметке «Волк в овечьей шкуре» напечатано, будто в Усть-Медведицком районе бывший начальник 23-й дивизии МИРОНОВ выступил с резкими речами против РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ; редакция считает необходимым заявить, что она была введена в заблуждение полученным из Усть-Медведицкого района неверным сообщением, и с полным удовлетворением отмечает, что за товарищем Мироновым в бытность его на Южном фронте имеются большие заслуги. В настоящее время тов. Миронов командирован в распоряжение главкома Западного фронта».

Гордый и честный Миронов не смирился с таким оборотом дела, он уже догадывался об истинных авторах клеветы и без боязни заявил члену ЦК РКП (б) и члену Реввоенсовета Южного фронта Сокольникову-Бриллианту: «Давно пора разогнать эту шайку политических авантюристов из Донбюро, а затем и Троцкого». Заявление Филиппа Козьмича вскоре стало известно крайне самолюбивому и трусливому «вождю» — Троцкому...

С болью и тревогой покидая родной край, Филипп Козьмич Миронов ни на минуту не забывал о его судьбе и предлагал Реввоенсовету республики, что надо делать, «чтобы казачье население удержать сочувствующим Советской власти:

1. Считаться с его историческим, бытовым и религиозным укладом жизни. Время и умелые политические работники разрушат темноту и фанатизм казаков, привитые вековым казарменным воспитанием старого полицейского строя, проникшим во весь организм казака.

2. В революционный период борьбы с буржуазией, пока контрреволюция не задущена на Дону, вся обстановка повелительно требует, чтобы идея коммунизма проводилась в умы казачьего и коренного крестьянского населения путем лекций, бесед, брошюр и т. п., но ни в коем случае не насаждалась и не прививалась насильственно, как это «обещается» теперь всеми поступками и приемами «случайными коммунистами».

3. В данный момент не нужно бы брать на учет живого и мертвого инвентаря, а лучше объявить твердые цены, по которым и требовать поставки продуктов от населения, предъявляя это требование к целому обществу данного населения, причем необходимо считаться со степенью зажиточности его.

4. Предоставить населению под руководством опытных политических работников строить жизнь самим, строго следя за тем, чтобы контрреволюционные элементы не проникали к власти, а для этого:

5. Лучше было бы, чтобы были созданы окружные съезды для выборов (между) окружных советов и вся полнота власти была бы передана исполнительным органам этих съездов, а не случайно назначенным лицам, как это сделано теперь.

На съезды должны прибыть крупные политические работники из центра. Нельзя не обращать внимания на невежественную сторону казачества, которое до сих пор не видало светлых политических работников и всецело находилось в руках реакционного офицерства, духовенства и т. д.».

Получив доклад Миронова, член Реввоенсовета республики Аралов написал: «Всецело присоединяюсь к политическим соображениям и требованиям и считаю их справедливыми. Член РВСР — Аралов».

Главком Вацетис тоже оставил свою резолюцию, короткую и одобряющую: «Согласен».

Зато Троцкий и его верные помощники — Сырцов, Ходоровский, Френкель — сделали вид, что письма Миронова и на свете не существует. Им Миронов был нужен, как «волк в овечьей шкуре», потому что они лихорадочно готовились к рассказыванию — выполнению директивы Свердлова, несущей смерть и унижение народу донских станиц и хуторов, которых не знала история нашего Отечества.

Расказачивание... Что это такое? По определению Миронова, революция сама вкладывала в руки генералов козыри к новому восстанию казаков... Ревкомы, которые после освобождения станиц и хуторов Дона возглавляли всю власть на местах, вели себя как завоеватели. Они творили невероятное — физически уничтожали казаков — расстреливали день и ночь по 40–60 человек в сутки. Задыхались от «работы», требовали присылки новых палачей, поскольку не успевают расстреливать. Расстреливали мужчин, женщин, стариков, детей...

Не разрешали употреблять слово «казак». Станицы переименовали в волости, хутора — в деревни. Казаков выгоняли из куреней, а в их дома селили людей, привезенных из Воронежской губернии. Запрещали носить фуражки и штаны с лампасами. Оскорбляли, насиловали женщин. Грабили мирное население. Казак не дал закурить комиссару станицы Боковской, тот его застрелил. Что-то не понравилось ревкому — ставят казака к стенке, и пулю в лоб. Или рубят шашкой... А другой ревкомовец, наблюдая экзекуцию, похваляется: мол, он с одного раза до пояса развалит казака. Зовут первого попавшегося — рубят его...

18 полкам, сдавшимся в ночь под Рождество 25 декабря 1918 года, Миронов гарантировал сохранение жизни. Но прошел месяц, и поступила директива ЦК РКП(б): всех казаков, ранее служивших у белых, хотя бы и добровольно перешедших на сторону красных, предавать высшей мере, — это и называлось РАСКАЗАЧИВАНИЕМ. Расстрел без суда и следствия по глаголу прошедшего времени: служил у белых — к стенке. А кто из казаков не служил? Все служили. Ведь перед расказачиванием генерал Краснов проводил насильственную мобилизацию казаков в возрасте от 18 до 50 лет под угрозой открытия пулеметного огня. Значит, ревкомам предстояло уничтожить все наиболее жизнеспособное население Дона!

Что же оставалось делать казаку, если его со всех сторон зафлажили, как дикого зверя? Дон вольный, широкий, плыви куда хочешь, но с обоих берегов стреляют в тебя, как в бешеную собаку...

Миронов 24 июня 1919 года пишет Ленину: «...Именем революции требую прекратить политику истребления казаков!..» Миронов любил свою родину до самопожертвования, преданно, рискуя головой за свою прямолинейность и правдивость.

Писатель В. Белов в статье: «Возродить в крестьянстве крестьянское» («Правда» от 15 апреля 1988 года) пишет: «Исторические факты вопиют о том, что троцкизм был врагом государства, но в особенности — крестьянства. Это Троцкий и его компания выдвинули идею расказачивания крестьян на Дону. И осуществляли ее, прибегая к репрессиям и

расстрелам... На мой взгляд, главным троцкистом являлся Сталин».

Конечно, сейчас можно все трагическое в жизни народа сваливать на троцкизм и Троцкого. Преувеличения тут не будет. В том числе и рассказывание.

Но ведь «крестным отцом» рассказывания был... Свердлов! Об этом красноречиво говорят документы — бесстрастные свидетели страшных событий из жизни донского казачества. И не надо нашу поруганную историю и гневно-скорбную память загонять в ложе заранее заданных стереотипов. Каждому, занимавшему командные посты во время революции, должно быть отведено истинное место согласно с его талантом, мудростью и добротой к тем, кто дал им самим возможность возвыситься и творить дела, то ли благородные, то ли низменные.

На поверку выходит, что Свердлов был не только активнейшим компаньоном Троцкого, но и главным «двигателем» рассказывания — этой бесчеловечной акции против русского народа. Да и можно ли допустить мысль, что Троцкий и Свердлов в силу своего служебного положения не обсуждали между собой вопрос о рассказывании? Наверняка обсуждали. Не могли не обсуждать. Троцкий — председатель Реввоенсовета республики и наркомвоенмор, а Свердлов — Председатель ВЦИК и руководитель Оргбюро ЦК РКП(б). Значит, в их руках была сосредоточена законодательная и исполнительная власть страны. И они могли ее использовать в корыстных целях. Хотя к рассказыванию такая мягкая формула, как корысть, не подходит. Ведь рассказывание — это преступное, физическое убийство ни в чем не повинных людей. Это последняя степень духовного омертвения «вождей».

Если «главным троцкистом был Сталин», как считает В. Белов, то деяния Свердлова как оценить?..

Рассказывание... Миронов выступил против директивы ЦК РКП (б) от 24 января 1919 года, лично подписанной руководителем Оргбюро ЦК РКП(б). Председателем ВЦИК Ешуа-Соломон Мовшовичем Свердловым. Нет никаких следов того, что этот документ предварительно обсуждался в ЦК или согласовывался с Казачьим отделом ВЦИК, или с Лениным. И только сам Владимир Ильич приоткрывает завесу над этим обстоятельством: «В этой работе (Оргбюро ЦК) мы были вынуждены всецело полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения». И еще: «Свердлов целиком и единолично ведал крупнейшими отраслями работы».

Директива Свердлова вызвала панику, растерянность и страх у всех здравомыслящих людей на Дону, потому что она противоречила всем

разумным постановлениям СНК РСФСР в отношении казаков. В постановлениях говорилось, что рядовые казаки и офицеры, добровольно перешедшие на сторону Советской власти, освобождаются от преследования и наказания, что никакого «расказачивания» не будет и посягательства на весь многовековой уклад донского казачества не будет... И вдруг эта директива!.. Жестокая, бесчеловечная по своей сути контрреволюционная.

Знал ли Ленин об этой геноцидной директиве Свердлова? На этот вопрос однозначного ответа нет. Но, судя по одному документу, Владимир Ильич не только зная, но и благословлял ее.

Вот что он писал своим Петроградским сообщникам: Г. Е. Зиновьеву, М. М. Лашевичу и другим членам ЦК РКП (б):

«Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского (М. М. Гольдштейна. — Е. Л.) массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоеенное. Надо поощрять энергию и массовость террора (т. е. убийства. — Е. Л.) против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.

Привет! Ленин».

Хотя он, Ленин, и вождь пролетарской революции (что означает — переворот голодранцев. — Е. Л.), но кто ему давал право убивать абсолютно ни в чем не повинных людей? Просто из-за того, что кто-то что-то о нем подумает... А если эти кто-то, допустим, даже и ничего не подумают — все равно — убивай! Но кого убивать за убийство Володарского? Всех подряд. Но особенно тех, кто по внешнему виду не похож на лапотного мужика — интеллигенцию, духовенство и всех казаков в придачу...

...Дьявольщина!.. Сатанизм!... Это называлось — нести счастье темному, забитому русскому народу...

Не мог не знать об этой директиве Свердлова и председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Потому что он все знал. Но ему, как и Ленину, нужна была невинная кровь, и как можно больше. Это становится понятным из протокола заседания Пленума ЦК РКП (б) от 26 сентября 1919 года: «Предложение тов. Дзержинского, чтобы ЦК, не объявляя официального массового красного террора, поручил ВЧК фактически его провести».

Ужас! Словно новоявленные властители соревновались друг перед

другом, кто оригинальнее придумает способ, чтобы как можно больше убить русских людей. В руках новоявленных властителей с извращенно-мстительной психикой, русские люди были даже не игрушками, которые можно побережь, пожалеть, а серой, безымянной массой — ее можно раздавить, размять, превратить в пыль, в навоз — и никакого не только спроса не будет за преступление, а наоборот, могут и награду всучить. Паразитство!.. Мир еще не рождал таких злодеев!..

Вот она, эта страшная директива Свердлова от 24 января 1919 года:

«Последние события на различных фронтах и казачьих районах, наши продвижения в глубь казачьих войск «вставляет нас дать указания партийным работникам о характере их работы в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлох иногородних с казаками в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливать каждого, у которого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

Центральный Комитет постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли. ЦК РКП (б)».

И сейчас, когда читаешь эти чудовищные строки о геноциде против русского народа, волосы на голове поднимаются... Можно представить, какой удар она нанесла всем идеалам и надеждам Миронова.

Однако он должен разобраться, по возможности объективно, не отвлекаясь от всего ужаса, содеянного на Дону.

Филипп Козьмич попытался сделать несколько предположений: чем она была вызвана, эта директива? Чем вызван этот «воспитательный» отстрел донских казаков?

Первое. Свердлов не представлял реально событий на Дону, не знал, что такое казачество, его статус и его психологию. Возможно, казачество представлялось ему в образе карательных отрядов царских войск.

Второе. Центральные власти получали ложные сведения от Донбюро о положении на Дону. Кто состоял в Донбюро, сказано выше и будет сказано дальше. Но в таком случае самое простое — выслушать самого Миронова. Но его не выслушали. Хотя несколько позже Ленин на докладе Миронова отметил: «Важно! Очень важно!.. Жаль, что я раньше об этом не знал...»

Третье. Троцкий и другие по горькому совпадению участники событий на Дону представляли революцию как террор, как социальную месть и считали подлежащим уничтожению все, что не вписывалось в их схемы. Лозунги: «Победа или смерть...», «Ценой каких угодно средств...», «Не останавливаться ни перед какими жертвами» — из директивного указания Свердлова от 26 ноября 1918 года вполне выражают суть установок. Вместе с такими директивами революция вступала в кошмар геноцида. Рассмотрев эти предположения, Миронов не может ни по одному из них оправдать появление документа Свердлова. Более того, в любом случае это преступление против народа и революции.

«Известия ЦК КПСС», «Из архивов партии»: «...к началу 1919 года на Дону казаки-середняки окончательно разуверились в красновском режиме и все больше стали переходить на сторону советской власти. Это в определенной степени облегчило успех боевых действий Красной Армии, которая к весне 1919 года освободила почти три четверти Донской области».

Так зачем же тогда потребовалась эта убийственная директива

Свердлова?! Чтобы, не дай бог, не закончилась гражданская война? И казаки вдруг перестанут истреблять друг друга? А это не в интересах Свердлова? Он, по-видимому, выполнял чье-то дьявольское указание, чтобы бойня на Дону не только не прекращалась, а разгоралась с новой силой?.. Здравомыслием, другого объяснения просто трудно отыскать: ведь казаки переходят на сторону Советской власти, Донская область почти вся завоевана Красной Армией. Как видим, все хорошо складывается, мир опускается на многострадальную землю. А главе «самого интеллигентного» правительства Свердлову, оказывается, эти благоприятные признаки как острый нож у горла... И ему надо срочно взорвать успокоительное начало на Дону. Ибо план по убийству мирного населения невыполнен? И Свердлов еще не по локоть погрузил свои руки в казачью кровь? Позже именем этого палача-убийцы назовут города, села, площади, улицы, университеты, колхозы, совхозы... Воздвигнут памятники, и эти сообщники Свердлова заставят потомков казаков молиться на него, как на икону. Кажется, в истории человечества трудно найти более унижающее и кощунственное надругательство...

Миронов не мог поверить, что директива родилась как злой умысел против казаков, перешедших на сторону Советской власти, и даже с долей наивности в письмах к Ленину пытается разъяснить, что представляет собой донское казачество, как живет и мыслит.

Нет никаких сведений, чтобы другие казаки, ставшие «вождями», как, например, Буденный, вступились за свой народ.

Даже член ЦК и РВС Южного фронта Сокольников-Бриллиант в панике отбил телеграмму Ленину и Свердлову 10 февраля 1919 года: «... Пункт первый директивы не может быть целиком принят ввиду массовой сдачи казаков полками, сотнями, отдельными группами».

Но адская машина массового истребления донских казаков была уже запущена на полную мощь.

Донбюро, в дополнение к январской директиве Свердлова, свою собственную директиву послало в ревкомы: «В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие Советские учреждения следующее:

Первое. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить их как заложников в районный революционный трибунал. (Уличенные, согласно директивам ЦК, должны быть

расстреляны.)

Второе. При опубликовании о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников.

Третье. В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания, некоммунисты.

Четвертое. Составить по станицам, под ответственность ревкомовцев списки всех бежавших казаков, то же относится и к кулакам, и всякого без исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания».

Директива породила чудовищное самоуправство и преступления против человечности не только со стороны членов Донбюро и ревкомовцев, но и среди военного руководства, которое откликнулось приказом РВС Южного фронта № 171 от 5 февраля 1919 года: «Реввоенсовет Южного фронта приказывает ввиду немедленного осуществления мероприятий по борьбе с контрреволюцией создать временные полковые Военно-полевые трибуналы на нижеследующих основаниях: при каждом полку учреждается временно военно-полевой трибунал, который движется вместе с наступающим полком. Второе: трибунал действует по пути продвижения части в местах ее расположения в данный момент, являясь органом расправы со всякими контрреволюционными элементами, не принадлежащими в данный момент к составу армии. Третье: трибунал состоит из политкома полка, двух членов и одного кандидата из состава парторганизации. Опрос свидетелей может иметь место в том случае, если трибунал находит его необходимым. Пятое: приговоры трибунала обжалованию не подлежат. Шестое: материалы по всем делам трибунала должны препровождаться в окружные ревкомы через политотделы дивизии. Приказ вводится в действие по телеграфу. Ревком Южного фронта — Ходоровский, Гиттис, Плят, Боротышсков, Дашкевич».

А ведь приказ имел в виду не белоказачьи части, не врагов, а непосредственных участников революции, ее движущие силы — рядовое казачество и крестьянство. Круги директивы Свердлова, узаконивая насилие и репрессии, расходились все дальше и дальше. Никто и ничто не противостояло им... Итак, расстрел. Расстрел. Расстрел. Без пощады и милосердия. И ни одного умного, доброго слова. И Миронову надо было идти не только против своей совести, но, по сути, быть палачом казаков тех 18 полков, которым он обещал неприкосновенность. Идти и расстреливать их — во имя революции?..

За короткое время уничтожили и разорили массу казаков, что и

вызвало ненависть к коммунистам, чего ранее даже и предположить было невозможно. Вершители судеб казачества знать не знали уклада жизни этого удивительного сообщества, в котором никогда не было духа преклонения перед насилием и подчинения несправедливости. А Свердлов, Троцкий, Донбюро и РВС Южного фронта своими действиями последовательно и систематически превращали друзей Советской власти в ее врагов, разрушали нравственное начало Революции.

Пленум РКП (б) от 16 марта 1919 года отменил январскую директиву Свердлова, как раз в день его «безвременной» кончины, но Донбюро не посчиталось с этим, и 8 апреля 1919 года обнародовало еще одну директиву: «Насущная задача — полное, быстрое и решительное уничтожение казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества и о формальной его ликвидации».

Руководитель Донбюро Сырцов, торопясь продолжить кровавое дело, телеграфирует предревкома станицы Вешенской: «Свяжитесь с отрядом 8-й армии т. Малаховского, выделенным для подавления контрреволюционеров, примите руководство политической стороной. За каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливайте сотню казаков. Приготовьте этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет включительно. Караульным командам приказать за каждого сбежавшего расстреливать пятерых, обязав круговой порукой казаков следить друг за другом».

И тут же с восторгом докладывает в вышестоящие органы: «... Крестьяне начинают расправу с казачеством. Станицы и хутора ревкомы переименовывают в волости и деревни. Выводится из обихода слово «казак»... Станицы в Миллеровском районе обезлюдели. Казаки с семьями ушли с отступающей армией, зная, что оставшихся ждет крутая расправа... Сделать крестьян своей опорой в деле ликвидации казачества!»

Кто же он такой, этот бешеный Сырцов, который садистски распоряжался судьбой донских казаков? Знал ли он, хоть бы понаслышке, обычаи, нравы казаков, их историю? Ничего подобного! С 1912 года по 1916 год учился в Петербургском политехническом институте, в 1917 году прибыл на Дон, было ему тогда двадцать четыре года от роду, и начал руководить, считая Дон «русской Вандеей...».

Другой «студент» — Иона Эммануилович Якир, сын кишиневского фармацевта, двадцатилетним прибыл на Дон после учебы в Базельском

университете (Швейцария) и Харьковском технологическом институте и, став членом РВС 8-й армии, приказывал: «Ни от одного из комиссаров дивизий не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией прочности наших завоеваний. В тылу наших войск и впредь будут разгораться восстания, если не будут приняты меры, в корне пресекающие даже мысль возникновения такового. Эти меры: полное уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно».

В главах из поэмы «Люди и тени» Расул Гамзатов («Огонек», № 50, декабрь 1987 года) пишет: «Антонову-Овсеенко и с громом, и с музыкой рано умирать, он зарубежным будущим ревкомам еще обязан опыт передать... Пусть гений ваш (речь идет уже о Тухачевском. — Е. Л.) опять блеснет в приказе и удивит ошеломленный мир. Федько пусть шлет к вам офицеров связи и о делах радирует Якир».

Невольно возникает вопрос: о чем мог «радиловать Якир»? Уж не о том ли, как он приказывал убивать ни в чем не повинных людей: стариков, женщин и детей на Дону, требуя «процентного уничтожения мужского населения»?.. От себя еще добавлю: упаси господь кому бы то ни было такой опыт ревкомовцев передавать!..

Я понимаю, что слово «мир» удачно рифмуется с фамилией «Якир», но автору следовало бы знать, какую неблагоприятную роль играл в рассказывании на Дону сын кишиневского фармацевта Иона Эммануилович Якир. Может быть, кое-кто теперь зря о Якире слезу пускает, как о невинном агнце — жертве 30-х годов?

Вспомним (хочу лишний раз подчеркнуть), как поступал Миронов с пленными, ранеными и убитыми белогвардейцами. Убитых грузили на повозки и под охраной пленных и раненых отправляли за линию фронта, домой. А кто из пленных изъявлял желание, того оставлял в своих войсках. И казаки верили ему, и шли за ним, и прекращали борьбу против красноармейских частей. И наступал мир. И наступил бы мир на Дону, если бы вновь испеченные «вожди» обладали государственной мудростью и элементарной добротой.

А теперь всех казаков ждало «физическое уничтожение». И Миронов, этот правдолюбец, поневоле оказывался лжецом? Ведь казаки, переходя на сторону красных, верили ему лично, верили, как самим себе, даже больше — Миронов не обманет, не подведет, убеждая, что Советская власть никогда не будет мстить заблудшим сынам Дона...

Мы теперь знаем, кому принадлежит инициатива этой резни, кто предоставил неограниченную власть, что само по себе является безнравственным, — ревкомовцам. Не рассуждая, не раздумывая, пьянея от крови и безнаказанности, они зверски принялись вырезать целый народ... Разве бывало подобное глумление в истории нашего Отечества, в истории мира?.. Не в бою, не в горячке сечи, а в обычной жизни?.. Кто дал право Свердлову, Троцкому, Френкелю, Ходоровскому, Гиттису... убивать ни в чем не повинных людей? Революция? Так она им прав не давала и не могла дать. Значит, право убивать они присвоили себе сами? А это уже преступление.

Приходилось наблюдать, как голодные, но сильные и свирепые псы рвут шкуру на своем более слабом сородиче. Когда же он падает на спину и поднимает лапы, что в человеческом понятии означает «сдаюсь», свирепые псы тут же отстают от жертвы, оставляя владельцу остатки шкуры...

Донские казаки по призыву Миронова сдавались сотнями, полками, дивизиями. Даже целый Калачево-Богучарский фронт сдали Красной Армии. Надо ли говорить, что этим они помогли укреплять Советскую власть на Дону?.. Так почему же их нужно было уничтожать? Можно ли уложить даже в логику здравого смысла такие деяния? И свирепая изощренность троцкистов сможет ли объяснить зверства кровавых оргий ревкомовцев? Не думаю.

Опять позволю себе отойти от эмоций и предоставить место бесстрастным документам, перед страшными фактами которых мои собственные рассуждения блекнут и кажутся наивно-интеллигентскими.

Как раз в это время коммунисты Москвы из Замоскворецкого и Сокольнического районов были посланы на Дон для разъяснения идеалов революции и укрепления Советской власти. О своей работе они информировали казачий отдел ВЦИКа, в частности, рассказывали, как на практике осуществляется директива Свердлова о рассказывании.

Слово М. В. Нестерову:

«Будучи командирован ВСНХ в Донскую область для организации Совнархозов, я имел возможность ознакомиться почти за 2 месяца не только с экономической жизнью завоеванной местности, но и политической. Я находился в станице Урюпинской, центре Хоперского округа. Зная казаков раньше, еще при царском режиме, свободолюбивыми, имеющими еще в то время свою выборную власть, привыкшими к коллективизму в работе (и сейчас можно встретить семьи в 25–30 человек, работающих на коммунистических началах, без найма рабочей силы и обрабатывающих большие участки земли), теперь я встретил забитого

казака, терроризированного, боящегося незнакомому человеку сказать лишнее слово, враждебно относящегося к местным порядкам, к местной власти, сидящего по хуторам и боящегося показаться в окружной станице, а то, чего доброго, отберут лошадь да и расстреляют. А расстрелы тогда были ужасные, ревтрибунал расстреливал казаков-стариков, иногда без суда, по донесению местного трибунала или по наговору соседей. Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые еле волочили ноги, расстреливались казачьи урядники, не говоря уже об офицерах. Все это, по словам местных властей, по инструкции центра. Иногда в день расстреливали по 60–80 человек. Руководящим принципом было: «Чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону». Не было ни одной попытки подойти к казаку деловым образом, договориться мирным путем, а подход был один — винтовка, штык. Можно было почти каждый день наблюдать дикую картину, когда из тюрьмы вели партию на расстрел. Здоровые несли больных, конвой с винтовками, револьверами разгонял с улиц, по пути шествия, прохожих. Все знали, что это обреченные на смерть. Часто мне приходилось видеть слезы у казаков, сочувствующих советской власти, при виде таких сцен. Они возмущались и спрашивали, неужели советская власть несет такой ужас, не верили этому...

При обысках агенты Ревтрибунала и власти отбирали всякую посуду: стаканы, ложки, и часто в свою пользу. Все это делалось на глазах казаков, которые возмущались, затаивали злобу против советской власти. Страдали и ждали какого-нибудь спасения от местного произвола. Некоторые ждали какой-нибудь ревизии из Москвы, некоторые ждали наступления донской белогвардейской армии.

Не лучше дело обстояло и с продовольственной политикой. Во главе продовольственного отдела стоял некто Гольдин. Его взгляд на казачество был таков: казаки его враги, нагаечники, зажиточные, а посему, до тех пор, пока всех казаков не вырежем и не населим пришлым элементом Донскую область, до тех пор советской власти не будет. Отсюда инструкция — быть беспощадным к казакам. Агенты с винтовками грубо врывались в хаты, не объясняя принципов советской власти, требовали хлеба, скота, масла, яиц и т. п. Вся эта реквизиция носила безответственный характер, неорганизованный. Иногда отбирались дойные коровы на убой... Был случай в станице, в которой реквизировали 30 голов на убой, из них 12 стельных коров; казаки предупреждали, что это стельные коровы, когда их стали резать. Можно привести еще много фактов несправедливого отношения к казакам местных властей, но все эти факты имели и имеют

единственную основу — неверный подход к казачеству.

Член РКП (б) Замоскворецкого района М. В. Нестеров»

Слово К. К. Краснушкину:

«Был целый ряд случаев, когда назначенные на ответственные посты комиссары станиц и хуторов грабили население, пьянствовали, злоупотребляли властью, чинили всякие насилия над населением, отбирая скот, молоко, хлеб, яйца и другие продукты и вещи в свою пользу; когда они из личных счетов доносили в Ревтрибунал на граждан и те из-за этого страдали... Отдел розысков и обысков при Ревтрибунале, а также те же комиссары при производстве обысков отбирали вещи, продукты — совершенно незаконно на основании лишь личных соображений и произвола, причем, как видно из переписок по дознаниям, отобранные предметы исчезали неизвестно куда. Эти отобрания и реквизиции производились сплошь и рядом, как можно судить по жалобам письменным и устным, с совершением физических насилий. Эти действия, в особенности отдела розысков и обысков, настолько возбуждали население района, что было признано необходимым возможно скорейший разгон этого отдела, что, однако, не было приведено в исполнение, потому что наступил момент общего восстания в Хоперском районе и необходимости срочной эвакуации ввиду наступления деникинских банд. Как будет видно дальше, одной из серьезных и главных причин всеобщего восстания в Хоперском районе была, несомненно, террористическая по отношению к мирному населению политика Ревтрибунала, руководимая неправильными указаниями из Гражданупра... Дело в том, что трибунал разбирал в день по 50 дел, а по этому можно судить, насколько внимательно разбирались дела. Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно невинные: старики, старухи, дети. Известны случаи расстрела старухи 60 лет неизвестно по какой причине, девушки 17 лет по доносу из ревности одной из жен, причем определенно известно, что эта девушка не принимала никогда никакого участия в политике. Расстреливались по подозрению в спекуляции, шпионстве. Достаточно было ненормальному в психическом отношении члену трибунала Демкину заявить, что подсудимый ему известен как контрреволюционер, чтобы трибунал, не имея никаких других данных, приговаривал человека к расстрелу... Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30–40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем, криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать...

Начало восстания было положено одним из хуторов, в котором Ревтрибунал в составе Марчевского, пулемета и 25 вооруженных людей выехал для того, чтобы, по образному выражению Марчевского, пройти Карфагеном по этому хутору».

Миронов, узнав о директиве Свердлова и вандализме ревкомовцев, чуть не стонет от боли. Он обращается к Ленину:

«Требую — прекратить истребление казаков!..

Вместо политической мудрости, политического такта, искреннего стремления к прекращению братского кровопролития, пришлось в газетах читать: «Новые губернии». И: «Все оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению». Хотел бы казак бросить белых и перейти к красным, но тут — подлежит истреблению. Значит, воюй, бейся насмерть?! Глупее, коварнее не придумаешь. Если уж смерть, так с оружием в руках; не подыхать же, как собаке?! Человечество должно жить, чтобы никакого насилия над человеком, который трудится, не было. Он свободно должен работать, хотя бы над тем, с чем застала его революция... Коммунистам надо не прекращение борьбы, а ее продолжение с целью уничтожения зажиточного... Такой политики я больше поддерживать не могу. Я борюсь с тем злом, какое чинят отдельные агенты власти. При всей кровожадности коммунистов, всей России им все-таки не перестрелять... Я не могу быть на стороне Деникина, Колчака, Петлюры, Григорьева и др. контрреволюционеров, но я с одинаковым отвращением смотрю и на насилия лжекоммунистов. Не могу молчать! И что коммунизм дело доброе — отказываюсь верить... Всей душой страдаю за трудовой народ».

Вешенский ревком возглавлял член Донбюро И. Решетников. Сырцов, руководитель Донбюро, как бы оправдывая действия своего выкормыша, доносил Секретариату ЦК: «Уважаемые товарищи, считаю для сведения Секретариата сделать несколько разъяснений... Расстрелянных в Вешенском районе около 600 человек».

Мол, неправду люди говорят, что много расстреливали в Вешенской станице, всего лишь 600 невинных душ.

Шолохов писал Горькому в 1931 году: «Некоторые ортодоксальные вожди РАППа, читавшие 6-ю часть, обвинили меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал действительность, предшествующую восстанию, причем сознательно опустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской 62 казаков-стариков, или расстрелы в станицах

Казанской и Шумшинской, где количество расстрелянных казаков в течение 6 дней достигло солидной цифры 400 с лишним человек».

Разве мог в то время М. А. Шолохов все знать о рассказывании и обо всем рассказать?!

Председатель ревкома станицы Морозовской Богуславский отличался особой «старательностью». Желая угодить вышестоящему начальству, которое прислало бумагу, что, мол, мало расстреливаешь казаков, мол, либеральничаешь. Тогда он напился пьяным, пошел в тюрьму, вывел толпу, состоящую из 64 человек, и всех расстрелял...

Январская директива Свердлова явилась причиной восстания казаков станиц Верхнего Дона в ночь с 11 на 12 марта 1919 года. Нельзя не упомянуть об этом факте: первой восстала станица Казанская, встречавшая Красную Армию хлебом-солью и многотысячным митингом, который принял резолюцию: «Советская власть показала себя честной и боевой защитницей интересов рабочих, крестьян в казаков. На страже этой власти становимся мы с клятвой дать беспощадный отпор приспешникам русских и союзнических капиталистов. Долой белых кровопийцев с нашего Дона!.. Горячий привет тебе, Владимир Ильич! Непреклонный борец за интересы трудящегося народа. Мы становимся бесповоротно иод Красное знамя, находящееся в твоих руках. Да здравствует политика осуществления идей, за которые выступил пролетариат в Октябре».

Все — правда! Вспомним, как 18 полков открыли Богучаро-Калачевский фронт перед Красной Армией, добровольно сложили оружие и разошлись по домам, а Филипп Козьмич Миронов дал уверение в их неприкосновенности... А по директиве Свердлова все они ровно через месяц подлежали уничтожению?! Да и не только они, но и все поголовно мужское население. Распыление донского казачества как социальной структуры. Такая продуманная политика уничтожения — геноцид — могла родиться в голове умственно неуравновешенного государственного деятеля. И вот теперь в ответ на зверства ревкомовцев восторженно писавшие Ленину казаки станицы Казанской восстали. Восстали казаки Вешенской, Мигулинской, Мешковской станиц, хуторов Дона, реки Тихой и Чира. Теперь уже их листовки и воззвания, обращенные к красноармейцам, дышат гневом, скорбью:

«Братья-красноармейцы, из-под штыков мобилизованные коммунистами или вследствие нужды и голода зачислившиеся в ряды Красной Армии, к Вам наше братское слово.

Знаете ли Вы, во имя чего мы, казаки, подняли знамя восстания против коммунистов, те самые трудовые казаки, за одним обеденным столом с

которыми многие из Вас еще так недавно вместе сидели, так недавно наши тощие лошаденки везли Вас на борьбу с буржуями.

Мы восстали потому, что вслед за Вами явились коммунисты, явились чрезвычайные комиссии, так называемые «чека», которые начали арестовывать и расстреливать неповинных ни в чем наших и Ваших братьев казаков и крестьян, начали заниматься грабежом и насилиями, называя нас военнопленными, избивая плетьюми и прикладами винтовок...

Мы, трудовые казаки и крестьяне, обещание дали выгнать насильников-коммунистов из родимой Донской земли. И мы выгоним их... Зарево народного восстания разгорается у нас с каждым днем все ярче и ярче.

Но в то же время мы клятву дали: ни единого выстрела, ни единого насилия не сделать не только над Вами, нашими братьями, но даже и над Вашими коммунистами-комиссарами, если они сдадутся добровольно.

Мы, трудовые казаки, бросили казачий фронт, протянули Вам братскую руку мира и разошлись по домам, поняв великую опасность, куда ведут нас наши атаманы, установившие за спинами нашими карательные отряды. Поймите же, товарищи, что гораздо хуже делают Ваши вожаки: они делают ужасное дело, у них злодейское «чека», более ужасные массовые расстрелы и заградительные отряды.

Знаете ли Вы, что коммунисты издали секретный тайный циркуляр о поголовном истреблении донских казаков и крестьян? Можно ли придумать большее злодеяние: стереть с лица земли население целой области!

Знаете ли Вы про письмо, в котором коммунист Решетков просит коммуниста Костенко прислать ему отряд палачей, ибо восемь палачей не успевают расстреливать. Если Вы это знаете, скорее бросайте фронт, скорее уходите по домам, ибо трудовой, мозолистый Донской народ, как казаки, так и крестьяне, твердо решили изгнать Ваших вожakov-коммунистов с вольных Донских степей.

Долой коммуну и расстрелы!

Да здравствует народная власть!

Вперед за правое дело народа!

Окружной Совет Верхне-Донского округа».

Казаки Мешковского полка обращаются к бойцам Красной Армии:

«Товарищи солдаты!

Вот уже другой год, как между нами идет гражданская война. Сначала она загорелась от пожара, воспламененного буржуазией и приверженцами царя, а теперь она продолжается; мы, трудовые казаки, скажем Вам отчего.

В декабре месяце прошлого года, мы, товарищи, — казаки, узнав об

обмане нас начальством своим и несправедливым и нечеловеческим злодейством какого-то появившегося, никому не известно от кого присланного карательного отряда, — решили:

- 1) немедленно бросить фронт и идти по своим родным домам,
- 2) пустить в территорию своих станиц советские войска для преследования контрреволюционеров,
- 3) сдать все оружие, имеющееся на руках у казаков, и
- 4) содействовать всем, кто чем может, советским войскам.

И что же мы, товарищи, в благодарность за наши услуги получили: сотни расстрелянных трупов наших братьев, чуть не поголовную конфискацию скота и всего имущества и разного рода насилия над мирными жителями.

Совершили все это, товарищи, люди не с человеческим сердцем, уполномоченные в «чрезвычайках и заградительных отрядах».

Вот, товарищи, скажите нам, какая разница между карательными и заградительными отрядами?

С нашей стороны — никакой!

Эти вот вышеизложенные мотивы и побудили нас к восстанию и продолжению гражданской войны...

Давайте, товарищи, уничтожим этих убийцев и мародеров, не уничтожая советскую власть, которая нам так дорого досталась.

Да будет, товарищи, между нами братство и равенство, при полном сознании человека!

Долой убийц-мародеров, надевших маску коммунистов!

Долой гражданскую войну!

Да здравствует братство и равенство!

Да здравствует трудовое казачество и крестьянство!

Да здравствует Советская власть!»

Восставшие станицы Вешенской обратились к хоперским казакам:

«Казаки-хоперцы! Снова аресты, грабежи, насилия, расстрелы... Все это без суда и следствия. И кто же это делает? Те, которые обещали нам все, и дали только расстрелы, коммуны, лентяев и больше ничего... МАЛО ЭТОГО, ЕЩЕ ОТДАНЫ ПРИКАЗЫ О ПОГОЛОВНОМ УНИЧТОЖЕНИИ ВСЕГО КАЗАЧЕСТВА.

Мы, казаки Верхне-Донского округа, не желая дожидаться, пока нас расстреляют в чрезвычайных комиссиях поодиночке, восстали с оружием в руках против этих беспощадных расстрелов... Мы восстали не против Советской власти, как об этом твердят ваши комиссары, которые, забыв бога, не стыдятся выдавать для расстрела своих же братьев-казаков...

Восстаньте и вы все против расстрелов, выберите сами Советы и дайте им спокойно работать, налаживать жизнь Дона.

СОВЕТЫ! Оставайтесь на местах и работайте — никто на вас не посягнет. Восставшими занято: КАЗАНСКАЯ станица с хуторами, МИГУЛИНСКАЯ, ВЕШЕНСКАЯ, ЕЛАНСКАЯ также с хуторами, и другие пункты.

Для сведения сообщаем: коммунистами расстреляно в МИГУЛИНСКОЙ — 250 человек, в ВЕШЕНСКОЙ тоже много, не выяснено.

Освобождено восставшими большое количество арестованных, находившихся накануне расстрела...».

Сами восставшие заявили:

«Мы идем не против Советской власти, а против беспощадных расстрелов, насилий и грабежей коммунистической партии. Мы восстали против расстрелов, а потому у себя полевых судов не вводить».

Директива Свердлова помогла генералу Краснову — север Дона бушевал в огне восстания. В строй встали все казаки от 16 до 60 лет. У женщин и подростков на левой руке белая повязка с надписью: «Долой коммунистов! За Советскую власть!»

Генерал-лейтенант Иванов пишет донскому атаману Краснову: «Счастлив поделиться с Вами радостной вестью, полученной мною от восставших казаков Верхне-Донского округа. Только что прилетел оттуда доблестный летчик хорунжий Татаринов, посланный мною 26 апреля с сотником Богатыревым, который сдался там. Восстание в полном разгаре, число бойцов у восставших до 25 тысяч. Имеются орудия, пулеметы, а патроны отбираются V красных. Настроение великолепное. Решили умирать, но не подчиняться еврейским комиссарам, которые в своей жестокости не щадили ни женщин, ни детей. Весть о прибытии наших летчиков быстро разнеслась по всему фронту восставших и окрылила их надолго».

Лето 1919 года. Конная группа генерала Секретова в районе северных повстанческих станиц соединилась с восставшими... Деникинские войска захватили Донбасс, Крым, Царицын, Белгород, Курск, Воронеж... И нацелились на Москву...

И хотя Пленум ЦК РКП (б) отменил контрреволюционную директиву Свердлова о расказачивании на Дону, троцкисты не отказались от нее. Френкель, член Донбюро, делегат VIII съезда РКП (б), с его трибуны вещал:

«Ввиду немедленного проведения террора, ввиду трений между

военными властями и ревкомами, ввиду допущения выборной власти, в которую проникли контрреволюционеры, в ночь с 11 на 12 марта в станицах Вешенской, Мешковской, Казанской, Мигулинской, в хуторах Солонце и Шумилине вспыхнуло восстание. Главари восстания мобилизовали казаков от 16 до 60 лет; есть в отрядах восставших и казачки. Восставшие раздобыли запрятанное оружие и захватили у нас оружие и склады, хорошо вооружились всеми видами оружия. Восстание идет под лозунгом борьбы «ПРОТИВ КОММУНИСТОВ-ЖИДОВ», которые чинят грабежи, убийства, насилия, причем в воззвании главарей предлагается «ВЗЯТЬ СОВЕТЫ В СВОИ РУКИ». Против восставших предприняты уже военные действия, и восстание будет подавлено. Но это восстание показывает, что одним террористическим методом физического уничтожения наибольшего количества казаков, когда нет на Дону еще железной Советской власти, не пособить, так как всех казаков не уничтожишь, а при таких условиях восстания будут продолжаться. Остается рядом с этим методом широко применять более радикальные террористические методы, указанные в той же инструкции ЦК, но еще не применяющиеся, а именно: экспроприация казачества (расказачивание) и массовое переселение их внутрь России с вселением на их место пришлых трудовых элементов. Это лучшим образом растворит казачество. Но эти мероприятия под силу только центру, где должна быть образована особая комиссия для разработки этого вопроса. И к этому необходимо приступить срочно».

В эти трагические для судеб донского казачества дни Миронов находился, как он считал, на чужбине. В ссылке. Рвался на Дон, ловил слухи, метался в беспомощности, не зная, чем и как помочь родному краю. Его деятельная натура не могла оставаться в неизвестности.

И словно услышав зов измученной души Миронова, а на самом деле зная, что без него не справиться с Деникиным, 10 июня 1919 года член Реввоенсовета Южного фронта Сокольников-Бриллиант телеграфировал в РВС республики:

«Предреввоенсовет Троцкому, копия Ленину. Козлов. 10 июня. Деникинский отряд в составе, по-видимому, трех конных полков прорвал Казанскую. Опасность переброски восстания Хоперский, Усть-Медведицкий округа значительно увеличилась. Задача экспедиционных войск теперь, когда фронт на юге открыт, поставлена занять левый берег Дона от Богучара до Усть-Медведицы, предупредить восстание северных округов. Хвесин обнаружил беспомощное состояние. Решительно предлагаю срочно назначить командиром корпуса Миронова, бывшего

начдивом-23. Состав войск гарантирует против отклонения от советской линии. Имя Миронова обеспечит нейтралитет и поддержку северных округов, если ив поздно. Прошу немедленно ответить. Козлов. Еду Эспед-дивизию-9. Командюж всецело согласен. Сокольников».

Миронов был вызван в Москву. 8 июля 1919 года произошла его встреча с Лениным. Вот как об этом событии рассказывает бывший ординарец Миронова, уроженец хутора Ольшанка, восьмидесятишестилетний Иван Львович Миронов (однофамилец Филиппа Козьмича), которого я с превеликим трудом разыскал и разговорил. (Он туговат на ухо.) Когда у меня пропал голос от крика и я уже шипел, как старый гусак, на смену мне приходит муж внучки командарма Александр Фастовец.

Лето разгуливало по казачьему хутору. Мы сидели на крыльце куреня и вспоминали события давностью в шестьдесят с лишним лет. Вернее, вспоминал Иван Львович, а я слушал да изредка подбрасывал ему вопросы.

— Каким я был в молодости? — переспрашивает Иван Львович и умолкает. Потом, постепенно оживляясь, говорит: — Кавалерист... Казак Всевеликого Войска Донского. Настоящий!.. — Иван Львович привстал, одернул полинявшую от солнца рубашку и большим пальцем плохо гнувшейся правой руки разгладил усы: — Серебряную сережку в ухе носил... Как и Миронов, на коня садился без стремян... Эх и конь же был у меня!.. На войне всякое бывает — паника, снаряд рванет... Кони шарахаются, вырываются, убегают... А мой стоит как вкопанный, только ногой передней бьет. Как только сяду в седло — он и пошел... Войду в конюшню — ржет, пощипывает плечо, мол, давай сахар. Нарочно не даю. Тогда он зашипнет побольнее. Однажды на смотре я пикой все чучела разбросал. Один шар на пике застрял — не могу сбросить. Конь зажал зубами, мол, дергай пику... Ах и умница! У Филиппа Козьмича тоже такой случай был... А конь его звончее моего был... Три дня я своего коня оплакивал — это когда нас арестовал Семен (Буденный. — Е. Л.)... Казаки уговаривают, а я реву — не могу забыть. Это когда нас арестовали за самовольный уход на фронт и забрали коней... Про встречу с Лениным рассказать?.. — Иван Львович откашлялся и продолжал: — Сидим в приемной, разговариваем: наверное, Ленин из себя — мушкетер!.. Оказался суетной, лысый. Волос немного, чуть-чуть. Роста среднего, даже малосреднего. Старичок, одним словом. (Ивану тогда было 23 года.) Спросил Ленин у Миронова: «Вы одни?» — «Со мною два ординарца». — «Пусть входят». Зашли. Дали стулья. Ленин говорит Миронову: «Хотим назначить Вас командиром особого корпуса. Вы стратег. Тактик войны...»

По карте начали разговаривать. «Надо дыру залатать», — говорит Ленин. И опять по карте лазают. «Кавалерия нужна», — говорит Миронов. «Нужна? Дадим. Сейчас же дадим». — «У вас в Москве есть кавдивизия, резервная, хорошая». — «Дадим»... Прощались за руку, Ленин руками берет, трясет: «Пожелаю Вам успеха». Погрузились, поехали... И сразу в бой. На 25 верст дыру залатали, потрепали одного генерала... Да, когда ехали из Москвы, Миронов часто задумывался, потом про себя говорил: «Какой большой человек... Как он умеет смотреть в самый корень вещей — точные, исчерпывающие ответы...» Сразу же, как мы вернулись, по всему Дону известие разнеслось — Миронов вернулся! Значит, будут громкие дела... — Иван Львович как-то сразу притих, посмотрел в глубину сада и будто начал прислушиваться, как изредка падают с яблонь спелые анисовые яблоки... — Миронов говорил честно. Несмотря ни на что — только правду. Ничего другого Миронов не признавал. А троцкисты победы Красной Армии не хотели, были против новых воинских частей. Хотели сорвать победу над белой гвардией. Людей оговаривали, талантливых особенно. Например, Миронова.

Иван Львович говорил это с горечью. Действительно, врагов у Миронова было много. Когда он с присущей ему энергией принялся за формирование Донского корпуса в Саранске, в политотдел корпуса было назначено 120 политработников, которые скомпрометировали себя в период рассказывания, находясь на постах председателей ревкомов. Тех коммунистов, которые расстреливали невинный темный народ.

Миронов знал об этом, был возмущен, видел, как они мешали формированию корпуса и во все концы слали клеветнические доносы на него. Троцкисты не собирались снимать «опеки» с Миронова. Тот же Френкель от имени Донбюро, трогательно заботясь о Советской власти на Дону, предостерегал ЦК РКП (б):

«Обращаю внимание ЦК на опасность Миронова (за это говорят его столкновения с партией и с ревкомом в прошлом) для Советской власти на Дону».

Резкий, бескомпромиссный, Миронов чувствовал, как сжимается кольцо провокаций, шантажа, обмана. Видел страдания казаков, которые ненавидели ревкомовцев, не верили лжекоммунистам.

Дон по разметам бескрайней поймы весь в изломах, и к станице Усть-Медведицкой ближе всего прислонился стремянной протокой. Так же круты и изломанны думы Миронова. Он пишет брату своему Фоме и другу Ивану Кратову:

«И вот спала пелена с глаз. Что делать, не знаю. Душа не мирится с

мыслью, что если теперь будем завоевывать Дон и смотреть, как начнут истреблять наше бедное, темное казачество, а оно, вынужденное свирепостью новых вандалов, будет сжигать свои хутора и станицы. И неужели сердце при виде этой адской картины не содрогнется и посылаемые несчастными людьми проклятия пройдут мимо нас? С другой стороны, Деникин и контрреволюция. Здесь рабство трудовому народу, против которого мы год проборолись и должны бороться до уничтожения. И вот стоишь, как древний русский богатырь на распутье: направо пойдешь — будешь убит, налево пойдешь — конь погибнет, прямо пойдешь — и сам, и конь погибнете... Что делать? Что делать? Помозгуйте сами, помозгуйте с верными людьми. А я, наверно, спасаться прибегу в 23-ю дивизию».

В этом письме проглядывает усталость, безнадежность или минутная слабость, мучительные раздумья о своей судьбе и судьбе казачества, а может быть, и судьбе революции.

Всего четыре месяца не был Миронов на Дону. Вернулся — и не узнал родимого края: обнищальный, поруганный, расстрелянный. В новой яростной агонии восстания, он это хорошо понимал, еще большая трагедия казаков. Оно захлебнется собственной кровью, и останется только лишь пепел... Как спасти от этой беды Дон и хоть бы частицу от векового уклада жизни казаков?.. Миронов искал решение задачи на путях революции.

Продолжалась самая страшная и беспощадная война — гражданская, — и Миронов находился в ее эпицентре. Человек отчаянной храбрости, он бесстрашно бросался в полыню братоубийственной бойни и старался спасти погибающих.

Всякая война — мерзость, а гражданская особенно. Надо было дойти до последней степени одичания и ненависти, чтобы брат пошел на брата, отец на сына, сын на отца и чтобы они один другому шашками рубили головы, как капустные кочерыжки на осеннем огороде. Гигантский плуг вкривь и вкось перепахал донское казачество, пробуждая в человеке злобу, насилие, вседозволенность. И люди словно забыли, что они сыновья одной матери-Родины. И ушло из сердца и сознания великое в человеке — милосердие. Владело только одно звериное желание — убить как можно больше «белых», убить как можно больше «красных».

Миронов мотался по станицам и хуторам, призывал казачество образумиться, вышвырнуть генеральские войска и спасти Дон. Писал листовки, воззвания.

«Граждане казаки и крестьяне!

В прошлом году многих из вас красновская контрреволюционная волна заставила оставить родные степи и хаты. Много пришлось пережить и выстрадать. Обратный революционный шквал в январе месяце растрепал кажущуюся мощь красновщины, и то, что он завоевал долгими месяцами и ценою десятков тысяч тел обманутого казачества, пришлось сдать в течение двух-трех недель. Вы вернулись в свои углы, правда, разоренные, но все-таки в свои. В своей-то хате и дым сладок.

Наша расхлябанность и разнузданность создали генерала Деникина, и вновь пришлось всем вам искать убежища в чужих краях.

Но этот второй раз будет и последним.

Если одолеет генерал Деникин — спасения никому нет. Сколько ни катись, сколько ни уходи, а где-нибудь да тебя ждет стена, где и прикончат тебя кадетские банды.

Но если одолеем мы, то я тоже вправе сказать, что сейчас мы ушли в последний раз, ибо и мы ведь с генералом Деникиным тоже церемониться не будем, как не будем церемониться с его белогвардейскою сворою, мы тоже прислоним эту милую компанию к стенке.

Ясно для каждого, что требуется понять и что нужно сделать.
ВЫВОД ЯСЕН.

И я в последний раз вас зову: все, невзирая на свои годы, лишь бы были крепкие руки да меткий глаз, все под ружье, все под красное знамя труда, которое вручает мне сегодня революция. Только дружным усилием, только дружным откликом на мой зов мы сломим тех, кто изгнал нас. Только тогда мы, а не они, прислоним их к стенке. Не надейтесь, чтобы кто-нибудь сделал это.

Итак, граждане изгнанники, все ко мне... Граждане с гражданской, а не обывательскою душою, все ко мне... Граждане, в ком не умер еще огонь свободолюбия, все ко мне...

Бойтесь, если мертвые услышат и встанут, а вы будете спать.

Бойтесь, ибо цепи рабства уже над вашими головами.

Жизнь или смерть — другого выбора нет.

Да здравствует чистая правда».

Миронов обладал редкими качествами, совмещающимися в одном человеке, — воина, трибуна, публициста. Его призывы и воззвания, написанные, что называется, «в седле», не потеряли актуальности и в наши дни ни слогом, ни мыслью. Особо выделяло его среди многих деятелей того бурного, жестокого и немилосердного времени то, что он обладал благородным даром хранить дружбу и быть справедливым, добрым и не терять высоких человеческих качеств. Говоря об этом, я хочу подчеркнуть, что Миронов, обладая огромной властью над людьми, не совершил ни одного недостойного поступка. Искренней любовью за это ему отвечали казаки — непокорное, своеобразное и свободолюбивое племя русского народа.

А вот высшие чины откровенно не жаловали Миронова. Может быть, даже потому, как он сам признавался, что для него, когда надо сказать правду, не существовало ни царских генералов, не существует теперь и красных генералов. Смелый, открытый, прямолинейный. Со всеми говорит либо языком друга, либо врага. Но все подчинено спасению Дона.

Боль за чужую вину не дает покоя мятущейся душе Миронова, и он еще раз обращается к Ленину:

«Именем Революции требую прекратить уничтожение казачества!..

Гражданин Владимир Ильич!

Я уже видел в главных чертах политику коммунистов по отношению к казачеству, виноватому только в том, что оно темно и невежественно, виноватого в том, что оно по роковой ошибке родилось от свободного русского крестьянства, бежавшего когда-то от гнева боярского и батов в вольные степи Дона, виноватого в том, что русский же народ при Петре I задушил ценою потока крови его свободу, виноватому в том, что после навязанного рабства царская власть стала в меру внимательною к казачеству и путем долгого казарменного режима вытравила из него человеческие понятия и обратила в полицейского стражника мысли, русской жизни; виноватого в том, что агенты советской власти оказали ему еще большее внимание и вместо слова любви принесли на Дон и Урал — месть, пожары и разорение. Чем оправдать такое поведение негодяев, сделанное в станице Вешенской, той станице, которая первой поняла роковую ошибку и оставила в январе 1919 года Калачево-Богучарский фронт? Это поведение и вызвало поголовное восстание на Дону. Если не

роковое, то, во всяком случае, грозное, чреватое неисчерпаемыми последствиями для хода всей революции. Только по пути 8-й армии трибуналами во благо социальной революции было расстреляно 8 тысяч человек!.. Невозможно, не хватит времени и бумаги, Владимир Ильич, чтобы описать ужасы «коммунистического» строительства на Дону... Нужно ли удивляться восстанию на Дону? Некто Д. Варов в № 136 газеты «Правда» в статье «На Дону» касается событий в станице Вешенской, боясь, видимо, обидеть коммунистов. События эти для него приняли только «неутешительный вид», а восставшие против насилия и гнета казаки переименованы в «белогвардейски настроенных»... А другой советский корреспондент, некто А. В. — все зверства, насилия и ужасы вылил в общей фразе: «Не всегда тактичные действия представителей власти». Подленькая душа писак самодержавия перешла в души писак советской власти. Слуги свободного слова в лакейской ливрее народу не нужны. Может быть, Владимир Ильич, Вы спросите меня, по какому праву я позволяю писать Вам. Не могу согласиться, не могу допустить, чтобы на все эти ужасы Вы смотрели бы поверхностно и чтобы это делалось с Вашего одобрения. Не могу далее молчать, нет сил выносить народные страдания во имя чего-то абстрактного, отдаленного...

Только при успешном закреплении тыла боевая линия фронта могла быть несокрушимой. Для закрепления тыла необходимо было знать его психологию, особенности, слабые места и т. д. К сожалению, такого знания у политических руководителей Южного фронта не оказалось. Наши части проходили вперед в полном порядке, ничем не вызывая ропота и возмущения у казаков, которым так много рассказывали и писали о «зверствах» большевиков.

Впечатление, следовательно, самое благоприятное... Когда же наши части прошли, за организацию взялись политотделы армий, дивизий и бригад, но, к сожалению, в силу тактической ограниченности и чисто бюрократической организации они не сумели выполнить ни одной из своих грандиозных задач. Тыл был предоставлен в распоряжение, может быть, и очень надежных коммунистов, но совершенно не знающих ни психологии казачества, ни его особенностей. Они его рассматривали как контрреволюционный элемент, опасный сверху донизу, и малейшее недовольство, вызванное теми или иными фактами, подавляли силой оружия, а не силой слова. При таких условиях не могло быть и речи о закреплении тыла. Наскоро сколоченные волостные и окружные ревкомы своих функций не знали, на казачество смотрели глазами усмирителей. И вот начались реквизиции, конфискации, аресты и т. п. Хуже всего то, что

это проделывалось без надлежащего разъяснения, без определенной системы. Растерявшееся казачество разводило руками, ахало, удивлялось и в конце концов пришло к такому выводу, что «коммуния» дело неподходящее, ибо коммунисты «дюже» свирепы. А вот советы, в которых сидят бедняки и правят по справедливости, вещь хорошая. А потому: «Да здравствуют советы и долой коммунистов». Отсюда все и загорелось. Все это вместе взятое, помимо того, что восстанавливало казачество против нас, разлагало также и южные армии. До них докатывались слухи о восстаниях. Некоторым частям приходилось даже усмирять повстанцев. Все это нервировало армию, армия видела наши ошибки, возмущалась и расшатывалась... Таковы плоды недоверия и коммунистического сомнения без знания самых элементарных принципов жизни... Делалось именно то, что должно было питать контрреволюционное течение на Дону, в казачьих массах. Делалось то, на что указывал генерал Краснов в своих приказах и воззваниях, зажигая пожар восстания на Дону в апреле 1918 года, и то, что казалось провокацией в условиях красновских, кадетских банд. Уничтожение казачества стало неопровержимым фактом, как только Дон стал советским. Само собой разумеется, что при такой политике коммунистов мира никогда не будет и контрреволюция будет жить... Не верю, чтобы честные рабочие фабрик и заводов примирились с фактом вырезывания честных людей и безвинных расстрелов таких же рабочих деревни, как они сами, хотя бы и во имя социальной справедливости.

Не верю, потому что рабочие больше всего страдали от произвола и произвол-то заставил их идти на баррикады, а произвол как таковой, во имя чего бы он ни совершался, всегда будет произволом; не верю, чтобы честный рабочий жаждал крови и согласился все разрушить до основания даже на хуторе, в станице, деревне, с которой он подчас еще не порвал не только духовной связи, но и физической... Как назвать эти деяния красных? Вся деятельность коммунистической партии, возглавляемой Вами, направлена на истребление казачества, на истребление человечества вообще... Но всей России коммунистам не перестрелять... В телеграмме к Вам, Владимир Ильич, я молил изменить политику, сделать революционную уступку, чтобы ослабить страдания народа и этим шагом привлечь народные массы на сторону советской власти и в сторону укрепления революции... С такими взглядами, повторяю, мне не по пути с коммунистами. Вот где кроется корень недоверия ко мне. И коммунисты правы: их политику истребления казачества, а потом зажиточного крестьянства я поддерживать не стану. Коммунисты, повторяю, правы. На безумие, которое только теперь открылось перед моими глазами, я не пойду

и всеми силами, что еще во мне есть, буду бороться против уничтожения казачества и среднего крестьянства... Теперь, Владимир Ильич, судите, кто я. Я не могу дальше мириться с насилием, с тем, анархо-коммунистическим течением, которое господствует в нашей республике, которое осудило многомиллионный разряд людей — казачество на истребление... Я сторонник того, что, не трогая крестьянство с его бытовым и религиозным укладом, не нарушая его привычек, увести его к лучшей и светлой жизни личным примером, показом, а не громкими, трескучими фразами доморощенных коммунистов, у которых еще на губах молоко не обсохло и большинство которых не может отличить пшеницы от ячменя, хотя и с большим апломбом во время митингов поучает крестьян ведению сельского хозяйства. Я не хочу сказать, что все трудовое крестьянство оттолкнулось от советской власти. Нет, в ее благо еще верит и не хочет возврата помещиков и капиталистов, но, измученные в напрасных поисках правды и справедливости, блуждая в коммунистических сумерках, оно только обращается к вам, идейным советским работникам: «Не сулите нам журавля в небе, дайте нам синицу в руки». И все-таки хочу остаться искренним работником народа, искренним защитником его чаяний за землю и волю и прибегаю к последнему средству, снимаю с себя всякую клевету коммунистов, с которыми я никогда не соглашался, с их узкопартийной политикой, губящей дело революции. Тот же обнаруженный дьявольский план уничтожения казачества заставляет меня повторять заявление на митингах, которое я делал при виде творимых коммунистами безобразий, что если будет так продолжаться, то придется кончить борьбу с Красновым и воевать с коммунистами. А теперь, раскрыв свои душевные мысли и взгляды, заявляю:

1. Я — беспартийный.
2. Буду до конца идти с партией большевиков — если они будут вести политику, которая не будет расходиться ни на словах, ни на деле, — как шел до сих пор.
3. Всякое вмешательство сомнительных коммунистов в боевую и воспитательную сферу командного состава считаю недопустимым.
4. Требую именем революции и от лица измученного казачества прекратить политику его истребления. Отсюда раз навсегда должна быть объявлена политика по отношению к казачеству, и все негодяи, что искусственно создавали возбуждение в населении с целью придирки для истребления, должны быть немедленно арестованы, преданы суду и за смерть невинных людей должны понести революционную кару. Без определенной открытой жизни поведения к казачеству немыслимо

строительство революции вообще. Социальная жизнь русского народа, к которому принадлежит и казачество, должна быть построена в соответствии с его историческими, бытовыми и религиозными традициями и мировоззрением, а дальнейшее должно быть предоставлено времени. В практике настоящей борьбы мы имеем возможность видеть и наблюдать подтверждение данной теории: для марксизма настоящее — только средство и только будущее — цель. И, если это так, то я отказываюсь принимать участие в таком строительстве, когда весь народ и все им нажитое растрачивается для цели отдаленного будущего, абстрактного. А разве современное человечество не цель? Разве оно не хочет жить? Разве оно настолько лишено органов чувств, что ценой его страданий мы хотим построить счастье какому-то отдаленному человечеству?! Нет, пора опыты прекратить. Почти двухгодовалый опыт народных страданий должен бы убедить коммунистов, что отрицание личности человека — есть безумие.

5. Я борюсь с тем злом, какое чинят отдельные агенты власти, т. е. за то, что высказано Председателем ВЦИК тов. Калининым буквально так: «Комиссаров, вносящих разруху и развал в деревне, мы будем самым решительным образом убирать, а крестьянам предложим избрать тех, кого они найдут нужным и полезным». Хотя, увы, жизнь показывает другое. Я знаю, что зло, которое я раскрываю, является для партии неприемлемым полностью, а Вы, представитель власти, тоже боретесь с ним. Но почему же все те люди, что стараются указать на зло и открыто борются с ним, преследуются вплоть до расстрела?! Возможно, что после этого письма и меня ждет такая же участь, но смею заверить Вас, что в лице моем подвергается преследованиям не мой индивидуальный протест против разлившегося по лицу республики зла, а протест коллективный, протест десятков миллионов людей...

6. Я не хочу быть в силу своих давнишних и революционных и социальных убеждений ни сторонником Деникина, Колчака, Петлюры, Григорьева и других контрреволюционеров, но я с одинаковым отвращением смотрю и на насилия лжекоммунистов, какие они чинят над трудовым народом, и в силу этого не могу быть их сторонником.

7. Всей душой страдаю за трудовой народ и возможную утрату революционных завоеваний, чувствую, что могу оказать реальную помощь в критический момент борьбы при условии ясной и определенной политики по казачьему вопросу и полного доверия ко мне и к моим беспартийным, но жизненно-здоровым взглядам. А заслуживаю ли я этого доверия — можете судить по этому письму.

Отражая этим письмом не личный взгляд на создавшееся положение, а

взгляд многомиллионного трудового крестьянства и казачества, — счел необходимым одновременно копии этого письма сообщить моим многочисленным верным друзьям.

31 июля 1919 г., г. Саранск.

Искренне уважающий Вас и преданный Вашим идеям комдонкор, гражданин казак Усть-Медведицкой станицы — Миронов».

Беспартийный... Филипп Козьмич Миронов обратился в политотдел 1-й Донской кавалерийской дивизии с просьбой принять его в члены РКП (б):

«В Политотдел 1-й Донской кавдивизии.

От комдонкора — гражданина Филиппа Козьмича Миронова.

Не имея сведений о бюро эсеров-максималистов, прошу содействия коммунистов о зарегистрировании меня членом этой партии. Лозунги ее:

«Вся власть — в лице советов рабочих, крестьянских, казачьих и других депутатов от трудящихся, которые должны быть исполнителями воли народа и его руководителями в создании новой жизни».

«Упразднение частной собственности на землю и все средства производства, хозяином которых делается народ».

«Да здравствует Российская пролетарско-крестьянская трудовая республика!»

Заявление это я делаю в силу создающейся вокруг меня клеветнической атмосферы, дышать в которой становится трудно.

Желательно, чтобы Реввоенсовет Южного фронта и ВЦИК, его Председатель т. Калинин, председатель Реввоенсовета Республики т. Троцкий и Председатель Совета Обороны тов. Ленин были поставлены в известность.

За такую республику я боролся и буду бороться, но я не могу сочувствовать борьбе за укрепление в стране власти произвола и узурпаторства отдельных личностей, кон во всяком случае, особенно на местах, не могут утверждать, что они являются избранниками от лица трудящихся.

1919 года, августа 8 дня.

К сему заявлению — Ф. К. Миронов».

Но Миронова не приняли в партию. Вдвойне было обидно, что не приняли как раз те, кто особенно усердствовал в выполнении директивы Свердлова по рассказыванию... Не приняли своего командира корпуса!.. Можно было представить, как обстановка накалялась в Саранске, где фактически прекратилось формирование Донского корпуса. Об этом правдиво доносил член Казачьего отдела ВЦИК Кузюбердин, побывавший у Миронова:

«Как личность тов. Миронов в настоящее время пользуется огромной популярностью на Южном фронте, как красном, так и белом. Также среди мирной трудовой массы крестьянства в тех местах, где был и соприкасался Миронов, имя его чрезвычайно популярно в самом лучшем смысле: его имя окружено ореолом честности и глубокой преданности делу социальной революции и интересам трудящегося народа. Все донское революционное и, подчеркиваю, красное фронтовое казачество чутко прислушивается к тому, где находится и что делает Миронов; от внимания красноармейцев не ускользает ни одна мелочь, которая так или иначе задевает или отзывается на тов. Миронове. За Мироновым идут и могут пойти массы трудящегося народа, потому что Миронов впитал в себя все мысли, настроения и желания народной крестьянской массы в текущий момент революции, и потому в его открытых требованиях и желаниях невольно чувствуется, что Миронов есть тревожно мятущаяся душа огромной численности среднего крестьянства и казачества и как человек, преданный Социальной революции, может и способен всю колеблющуюся крестьянскую массу и казачество увлечь в последний опасный момент на беспощадную борьбу с контрреволюцией. Миронов является единственным лицом, на которое смотрит с доверием и надеждой, как на избавителя от генеральского помещичьего гнета и контрреволюции, казачество. Миронова нужно умело использовать для революции, несмотря на его открытые и подчас резкие выражения по адресу «коммунистов-шарлатанов». Недоверие к Миронову — из-за его популярности среди преобладающей части казаков и крестьян, от имени которых он выступает... Корпус не сформирован и еле формируется. Красноармейцы вооружены против политработников, политработники вооружены против тов. Миронова. Миронов негодует на то, что ему, истинному борцу за социальную революцию, потерявшему здоровье на фронте, не только не доверяют, но даже стараются вырыть ему

могилу, посылая на него неосновательные, по его мнению, доносы и вследствие чего Миронов производит впечатление затравленного и отчаявшегося человека. В последнее время т. Миронов, боясь ареста или покушения, держит около себя непосредственную охрану. Политработники боятся Миронова. Красноармейцы в возбужденном состоянии и каждую минуту готовы к вооруженному выступлению на защиту Миронова от «покушения» на него политработников. Миронов, по моему мнению, не похож на Григорьева и далек от авантюры, но григорьевщина подготавливается искусственно, хотя, может быть, и не злоумышленно, и немалую роль в этом играют политработники. Миронов может быть ими спровоцирован и вынужден на отчаянный жест. Я довожу это до сведения Казачьего отдела ВЦИК и предлагаю принять немедленные меры. Если казачий отдел по-прежнему находит необходимым формирование Особого Донского корпуса, то в первую очередь необходимо заменить политработников и для постоянной связи и контроля над Мироновым выслать в качестве комиссара к Миронову одного или двух членов Казачьего отдела ВЦИК».

А вот что пишет сам Миронов в Казачий отдел ВЦИК 16 августа 1919 года:

«Шлю искренний привет Казачьему отделу. Глубоко тронут вниманием ко мне и к моей работе по созданию боевого корпуса, но, к сожалению, должен заявить, что творчеству моему в этом отношении ставятся непреодолимые препятствия, О них детально доложит Кузюбердин. Я первый раз жалуясь не за себя, а за дело, ибо эти лица не понимают, что творят. Я же одно скажу: «Дорогие товарищи! Я состою членом Казачьего отдела, и знайте, что Миронов до конца жизни своей будет нести крест свой и не изменит Великому делу социализации средств производства, а отсюда, следовательно, и социальной революции. Помогите мне рассеять черную хмару, нависшую надо мной. Это не мне нужно. Этого хочет фронт... Смею уверить, что массы идут не за личностью ко мне, а как за носителем определенных идей, которые лелеет трудовая крестьянская и казачья масса. И этой идее, повторяю, я не изменю. Кстати, командированные политотделу от Южного фронта в корпус состоят целиком из людей, подвизавшихся в Хоперском округе. Поначалу комиссаром дивизии был назначен Ларин, бывший председатель Хоперского ревкома. Он плохо реагировал на безобразия, которые творились в округе. Тот самый Ларин, который писал: «Основ кулачества, контрреволюционных сливок в округе не осталось. Осталась маленькая рыбешка, которую, по существу, надо было выслать из пределов округа в

рабочие батальоны. Однако разъяснением Южного фронта предписывались расстрелы». Мобилизованные казаки, что составляют главную массу в корпусе, ненавидят как его, так и всех политических работников, знакомых им по своим деяниям в их родных станицах. Ларин и теперь назначен членом РВС корпуса. Озлобленные на казаков, эти политические работники переносят на меня, думая, что неуспех их среди красноармейцев происходит от моего влияния.

Стремясь восстановить авторитет партии, люди эти прибегают ко всевозможным мерам и, впадая из крайности в крайность, окончательно дискредитировали и себя, и дела, коим они служат. Самое лучшее для социального равновесия — это уход всех политических работников из корпуса и замена их новыми людьми с более развитым политическим кругозором. Если Казачий отдел согласится с моим выводом, то мне было бы желательно, чтобы один из членов Реввоенсовета был бы от отдела, так как корпус почти казачий, или из уроженцев Дона. Я видел радостные лица казаков, что пришли с запада, когда они увидели тов. Кузюбердина. Это показатель знаменательный для нашего грозного времени, и понимая их психологию, их именем позволю выдвинуть его кандидатуру. Экстренным поездом прошу выслать обмундирование и обувь. Не допускайте, чтобы люди остались раздетыми еще больше 10 дней. Начнутся холода, и ручаться за их покой нельзя, да это и могут спровоцировать, а я так всего боюсь, ибо материал горюч... Пришлите мне казачьи брюки. Умереть хочу все-таки в них».

Но уже 22 августа на митинге резкий и бескомпромиссный Миронов, не видя помощи от Казачьего отдела ВЦИК, назвал его «собачьим отделом» и «червеобразным отростком слепой кишки».

А Казачий отдел ВЦИК, в свою очередь, откликнулся на это постановлением: «...Не желая иметь ничего общего с врагом Советской России, исключает Миронова из членов отдела».

Будто глухая завеса прикрыла все входы и выходы вокруг несформированного Донского корпуса и его командира Филиппа Козьмича Миронова. Инспектирующие и проверяющие сходились на одном — немедленно удалить из политотделов дивизий страшных ревкомовцев, которые проводили рассказывание, и дать полную инициативу таланту и организаторским способностям Миронова. Но троцкисты плотной стеной встали на его пути, а то еще, чего доброго, по своей горячности этот правдолюбец может добраться и до их персональных голов. А Миронов и вправду не мог им простить уничтожения казаков, восстания северных округов и теперешнего задерживания с формированием корпуса. А ведь

надо было спешить — революция в опасности и промедление смерти подобно...

8 августа 1919 года Миронов телеграфировал в Казачий отдел ВЦИК: «Мне доподлинно известно через преданных мне людей, входящих, одновременно в организацию политработников, что политотдел сообщил о расформировании еще не сформированного корпуса, или, де, мол, будет «Григорьевщина». С такой подлостью я мириться не могу и останусь всегда Мироновым. Мое политическое воззрение можно видеть из телеграммы от 24 июня гражданину Ленину, Троцкому и Южному фронту. Еще раз заявляю, что Деникин и буржуазия мои смертные враги, но моими друзьями не смогут быть и люди, вызвавшие поголовное восстание на Дону своими зверствами. Перед лицом трудящихся масс пролетариата и крестьянства заявляю, что я боролся и буду бороться за социализацию средств производства и за социализм.

Прошу открытой политики со мной и скорейшего формирования корпуса, в который чьей-то рукой приостановлен совершенно приток людей и который так жадно ожидается красноармейцами Южного фронта... Как честный гражданин и старый революционер, докладываю, что организация корпуса окончательно проваливается...

Комкор Миронов».

Комиссар Донского корпуса Е. Ефремов информировал Казачий отдел ВЦИК: «Видя скверное настроение Миронова, неопределенность положения и политику кумовства политического отдела под руководством Рогачева, я пошел к тов. Миронову. Он был не в духе. Мне хотелось узнать, что он думает. «Тов. Ефремов, — говорит он мне. — Вы, коммунисты, скажите ради создателя, почему не даете определенных отпоров и людей для формирования. Если вы мне не верите, скажите прямо, я уйду, не буду мешать, но не держите меня в заключении и неизвестности. Меня усадили на Западный фронт — это была ссылка, я смирился! Теперь позвали меня и в результате ссылка опять, в Саранск? Вот что делают коммунисты. Я знаю, кто это делает. Кажется, остается только застрелиться...» На одном собрании, собранном политическим отделом дивизии, произошел грандиозный скандал, в котором некрасивую, скажу, мерзкую роль, сыграл т. Рогачев и другие хоперские коммунисты. Все это произошло в присутствии Миронова. Скандал в конце концов принял характер скандала с тов. Мироновым. На это собрание следует обратить серьезное внимание, оно окончательно раскололо даже политических работников на две стороны и положило окончательную пропасть между Мироновым и политотделом. Назрел серьезный конфликт. Я встревожился и решил ехать в Козлов.

Предварительно для ознакомления с настроениями и мыслями тов. Миронова я зашел к нему. Он был мрачен. Возмущался, вспоминая прошедшее собрание, и волновался. Я успокаивал его и сказал, что понимаю все, что здесь делается, еду в центр и постараюсь там разъяснить создавшее положение. Миронов спрашивает: «Вы куда? В РВС Южного фронта? Ничего не выйдет! и т. д. К Ленину надо!» Я уехал в Козлов — тов. Миронов оказался прав, я успеха не имел... Революционные массы казачества и крестьянства, чувствуя к себе недоверчивое отношение политотдела, пошли за Мироновым. Политотдел во главе с тов. Рогачевым не понял масс, не смог привлечь массы на свою сторону, оттолкнул их от себя, и массы бросились к Миронову...»

Тогдашнее смятение, в какой-то даже мере затуманенное, но яростное состояние Миронова можно сравнить с состоянием вольной гордой птицы, которую поймали в небе и закрыли в клетке. Она, не понимая своей унижительной участи, стремится вырваться, бьется о железные прутья клетки — и ломает их. А без крыльев ей уже никогда не взлететь и не увидеть под собой голубой земли...

Честный, твердый, искренний Миронов не может дальше выдерживать провокационных уловок политотдельцев и пишет приказ-воззвание по Донскому корпусу: «22 августа 1919 года, г. Саранск, Пензенской губ.

Честные граждане Российской Республики. Город Козлов, где находился штаб Южного фронта, эвакуируется, Красная Армия под натиском деникинских полчищ, лишенная моральных устоев, отходит, как отходит она на Западном фронте под натиском польских легионов.

Кольцо вокруг русской революции, после страшных человеческих жертв, принесенных на ее алтарь, суживается. Земле и воле грозит смертельная опасность, которой не миновала венгерская революция.

Причину гибели нужно видеть в сплошных злостных деяниях господствующей партии, партии коммунистов, восстановивших против себя большое негодование и недовольство трудящихся масс.

Коммунисты вызвали своими злодеяниями на Дону поголовное восстание и гонят теперь русский народ на поправление своей злой ошибки. Кровь, проливаемая теперь на Южном фронте, — это кровь напрасная и лишняя, и проливается она под дикий сатанинский хохот новых вандалов, воскресивших своим злодейством времена средневековья и инквизиции.

Например: в станице Качалинской 2-го Донского округа коммунисты, пытая перебежавшего с кадетской стороны 22-летнего казака, ставили его босыми ногами на раскаленную сковороду, причем они еще и били по

оголенными ногам палками.

В станице Боковской из числа 62 человек невинно расстрелянных казаков есть расстрелянный за то, что не дал спичек комиссару Горохову.

В станице Морозовской ревком зарезал 67 человек. Эти злодеи приводили людей в сарай и здесь, пьяные, изощрялись над людьми в искусстве ударов шашкою и кинжалом. Всех зарезанных нашли под полом сарая.

В хуторе Севастьяновом Чернышевской станицы расстрелян председатель хуторского совета за то, что носил одну фамилию с кадетским офицером. А когда возмущенное население стало допытываться, за что, то убийцы ответили: «Произошла ошибка».

В хуторе Сетраковском Мигулинской станицы в силу приказа по экспедиционному корпусу об истреблении казачества во время митинга убито безоружных 400 человек.

В силу приказа о красном терроре на Дону расстреляны десятки тысяч безоружных людей.

Беззаконным реквизициям и конфискациям счет нужно вести сотнями тысяч. Население стонало от насилий и надругательств.

Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями.

Дон онемел от ужаса.

Теперь установлено, что восстания в казачьих областях вызывают искусственно, чтобы под видом подавления истребить казачье население.

Дон, если бы он не восстал, ждала та же участь, что и Урал.

В газете «Известия» от 10 августа 1919 года в № 176 мы читаем: «Помимо указанной выше причины нашей задержки у Оренбурга, нужно отметить также на редкость яростное сопротивление, оказываемое нам уральскими казаками. Отступая, казаки сжигают станицы, зажигают степь, портят воду и т. д.»

Спросим: что же заставляет уральских казаков ожесточенно драться и умирать, сжигая при отступлении свои родные станицы и хутора?

На это отвечает нам телеграмма некоего РУЖЕЙНИКОВА, посланного Казачьим отделом ВЦИК на Урал строить Советскую власть.

Он раз доносил, а над ним посмеялись. В отчаянии он телеграфирует вторично следующее:

«Москва. Кремль. Президиум ВЦИК. Совет Народной Рабоче-Крестьянской Обороны. Казачий Отдел.

Снова довожу до сведения о линии поведения Уральского областного ревкома. Его большинство ведет к окончательному срыву Советской власти

в области. Большинство членов ревкома слепо проводит крайнюю политику тов. ЕРМОЛЕНКО — самое беспощадное истребление казачества. Город и область разграблены. Возвращающиеся беженцы не находят своего имущества, часто не впускаются в свои дома. Началось самочинное переселение в дома беженцев крестьян пограничных уездов, захватывающих живой и мертвый инвентарь.

В подтверждение всего вышеуказанного привожу инструкцию советам:

§ 1. Все оставшиеся в рядах казачьей армии после, первого марта объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению.

§ 2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной Армии после первого марта, подлежат безусловному аресту.

§ 3. Все семьи оставшихся в рядах казачьей армии после первого марта объявляются арестованными и заложниками.

§ 4. В случае самовольного ухода одного из семейств, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учете данного Совета, и т. д...»

Что остается делать казаку, объявленному вне закона и подлежащему беспощадному истреблению?

Только умирать с ожесточением.

Что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а семья выгнана в степь, на выгон?

Только сжигать свои станицы и хутора.

Таким образом, в лице всего казачества мы видим жестоких мстителей коммунистам за поруганную правду, за поруганную справедливость, что в связи с общим недовольством трудящегося крестьянства Россия, вызванным теми коммунистами, — грозит окончательною гибелью революционным завоеваниям и новым тяжким рабством народу.

Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь: свалить партию коммунистов.

Лишь только это известие на Южном фронте дойдет до слуха казаков — они тотчас же остановятся и отвернутся от генералов и помещиков, за которыми идут только во имя поруганной правды.

Мне, вызванному 14 июня с Западного фронта в шестичасовой срок, где я принял в командование 16-ю армию, — спасти положение на Южном фронте, — 5 июля было поручено формирование корпуса из 3 дивизий, преимущественно из донских беженцев. Формирование должно быть закончено 15 августа, но к этому числу мы видим только три полка, почти

безоружных, раздетых и разутых людей, причем вооружение и снабжение и для этих людей искусственно задерживается, что в конце концов может привести к недовольству, а там на очереди опять карательные отряды и усмирения.

Остановка формирования произошла, по-видимому, вследствие поданной мною 24 июня со ст. Анна телеграммы, в которой я указывал на создавшееся положение на Южном фронте в связи со зверствами коммунистов, и рекомендовал сделать народу уступку и созвать народное представительство от трудящихся.

Как тогда, в телеграмме 24 июня, так и теперь, перед лицом корпуса и трудящихся масс рабочих и крестьянства объявляю:

«Я стоял и стою не за келейное строительство социальной жизни, не по узкопартийной программе, а за строительство гласное, в котором народ принимал бы живое участие».

В новой телеграмме от 18 августа за № 75 на имя Южфронта и Казачьего отдела в Москве я заявил такую политическую платформу, на которой останусь до последнего часа моей жизни:

«Еще раз заявляю, что Деникин и буржуазия мои смертельные враги, но моими друзьями не могут быть и люди, вызвавшие поголовное восстание на Дону зверствами и насилиями. Перед лицом трудящихся масс пролетариата и крестьянства заявляю: боролся и буду бороться за социализацию средств производства и за социализм».

Отсюда для спасения революционных завоеваний да будет лозунгом нашего Донского корпуса:

«Вся земля — крестьянам!»

«Все фабрики и заводы — рабочим!»

«Вся власть трудовому народу, в лице подлинных Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов!»

«Долой единоличное самодержавие и бюрократизм комиссаров и коммунистов!»

Граждане-казаки и солдаты Донской области!

Написав эти святыя слова на своих красных знаменах и гордо подняв их ввысь, — пронесем теперь же, несмотря ни на что, к славным борцам на фронте, истекающим кровью в неравной борьбе, и рядом с ними умрем за истинную свободу, за землю и подлинное счастье человечества, которое оно может выковать только само, но не кучка людей, не знающих жизни.

Своим появлением и именем корпус поднимет дух красных борцов.

Помните, вы не одиноки. С вами подлинная душа измученного народа. Если и погибнете в боях, то погибнете за правду. Любить же правду и

умирать за нее завещал нам Христос.

Лучше смерть на бранном поле, чем возмущение на печке при виде народных мук.

Командующий Донским корпусом, гражданин-казак Ф. К. Миронов».

РАЗГОВОР СМЛГ И МИРОНОВА

«... — Я МИРОНОВ.

— С Вами говорит СМЛГ. Я получил сведения, что вы собираетесь выступить со своими частями на фронт без ведома Южного фронта. Должен вам сообщить, что в связи с прорывом деникинцев на Тамбов, Южный фронт покинул Козлов. Тамбов сегодня нами взят. Я категорически настаиваю, чтобы вы своими несогласованными действиями не затрудняли бы положение наших армий. Доложите мне ваши намерения.

МИРОНОВ: Согласованности не может быть там, где начался саботаж по созданию Конного корпуса, формировать который я назначен и где всякий маленький коммунистик имеет большее значение, чем человек, доказавший верность революции своим поведением в течение почти двух лет.

Вокруг меня такая атмосфера, в которой я задыхаюсь. Фронт определенно нуждается во мне, и это звук не пустой. Никакого осложнения на фронт не принесу, а принесу только моральную поддержку и силу штыков дивизии».

Через два дня Миронов уводит части недосформированного корпуса на фронт.

23 августа 1919 года он пишет в штаб 9-й армии:

«Прошу передать Южному фронту, что я, видя гибель революции и открытый саботаж с формированием корпуса, не могу дальше находиться в бездействии, зная из писем с фронта, что он меня ждет, выступаю с имеющимися силами на жестокую борьбу с Деникиным и буржуазией».

Миронов понимает трагедию казачества и свое собственное отчаянное положение. Пытается исповедальными воззваниями оправдать решение идти на фронт и бить Деникина. Может, это был тоже, что называется, шаг за грань возможного, чтобы выполнить свой последний долг перед Родиной.

Но троцкисты, поднаторевшие в политическом иезуитстве и интриганстве, ловили Миронова на словах и поступках, провоцировали высказывание Миронова о коммунистах-шарлатанах. Донбюро, а также Троцкий, Ходоровский, Френкель истолковывали как выпад против партии вообще. Но такая точка зрения и есть проявление «зазнавшейся партии», как это явление оценивал Ленин. Обвиняя Миронова в измене революции,

Троцкий, Смилга, Френкель, Ходоровский, Гиттис тем самым подменяли понятие верности революции другим — верностью своим приказам и распоряжениям, идущим вразрез с интересами народа. А субъективизм и волюнтаризм Троцкого известны...

Чего, например, стоит чудовищный по форме и содержанию, лживый и высокомерно-наглый приказ Троцкого № 150 от 12 сентября 1919 года о задержании Миронова; он не мог не оскорбить казаков, а его злонамеренность — не вызвать противодействия.

Не случайно накопившееся недовольство действиями Троцкого и его окружения породило «военную оппозицию», и «военный вопрос» был включен в повестку дня VIII съезда РКП (б).

И Итак, Миронов увел части недосформированного Донского корпуса на фронт. Казаки верили ему и в едином порыве кричали: «Веди нас громить контрреволюцию!..»

Поразительно складывалась дальнейшая судьба Миронова: злейший враг среди чужих, злейший враг среди своих. Какие только угрозы и проклятия не сыпались на его голову! И все из-за того, что безоглядно любил Родину. Трудно даже представить жизненный путь этого правдолюбца и храбреца с ранимой душой. Небезынтересны приказы генерала Краснова, а также «вождя» Реввоенсовета республики Троцкого.

Наказной атаман Всевеликого Войска Донского генерал Краснов:

«Миронова, если кто его поймает, может повесить без следствия и суда». «За голову изменника Дону и Отечеству Миронова объявляется вознаграждение — 400 тысяч рублей золотом...» «...За еврейские деньги Лейбы Бронштейна (Льва Троцкого. — Е. Л.) Миронов продает казачьи души и гонит казаков на убой. Он лишает казачьих жен и детей пропитания и издевается над горем казачьим. Знайте, казаки, против кого вы воюете и от кого защищаете вы свои земли. Горе малодушным, поверившим в мир и добрые пожелания в отношении с красными! Скорее за винтовку и за шашку, напором спасите стариков-отцов от позора мироновского плена и мобилизации, спасите жен и детей от голодной смерти под владычеством продавшегося евреям тов. Миронова! Тихий Дон не простит изменнику Миронову!»

А вот приказ «главного» еврея, на которого ссылается Краснов.

«Приказ РВС Республики от 12.1X.1919 года. № 150.

Бывший казачий полковник Миронов одно время сражался в красных войсках против Краснова. Миронов руководствовался личной карьерой, стремясь стать Донским атаманом.

Когда полковнику Миронову стало ясно, что Красная Армия сражается

не ради его, Миронова, честолубия, а во имя крестьянской бедноты, Миронов поднял знамя восстания.

Вступив в сношение с Мамонтовым и Деникиным, Миронов сбил с толку несколько сот казаков и пытается пробраться с ними в ряды дивизии, чтобы внести туда смуту и передать рабочие и крестьянские полки в руки революционных врагов.

Как изменник и предатель Миронов объявлен вне закона. Каждый честный гражданин, которому Миронов попадется на пути, обязан пристрелить его, как бешеную собаку.

Смерть предателю!..

Председатель РВСР Троцкий».

«Вождю» Троцкому мало было приказа по войскам, он еще выступил и в газете РВСР «В пути»: «Миронов, как известно, клятвенно уверяет: Деникин ему не друг, а враг. Но какой глупец станет верить клятвам изменника Миронова? Нет никакого сомнения, что между ними уже натягиваются тайные связи. Что же будет далее? Предсказать нетрудно. Авантюра Миронова лопнет, как мыльный пузырь. В могилу Миронова история вобьет осиновый кол как заслуженный памятник презренному авантюристу и жалкому изменнику».

Вослед Миронову, уведшему Донской корпус на фронт, свою лепту внес еще один троцкист, член РВС республики, член ЦК РКП (б) Смилга, который приказывал живым или мертвым доставить ему Миронова: «Товарищи, казаки! На вас рассчитывает негодяй Миронов, вас хочет обмануть лакей Деникина. Смерть изменнику Миронову!»

И вся злоба трусоватых «вождей» была направлена не только против Миронова, но и против донского казачества в целом, которому было уготовано физическое истребление, а оставшимся — тюрьмы, лагеря, таежные глухие места... И все это в ответ на жертвенную любовь к своему родимому краю. Наверное, нет в истории Отечества трагичнее судьбы, чем у Миронова и донских казаков...

А ведь недопустимой тогда была даже мысль, чтоб Советская власть, революционные силы могли заниматься террором в отношении трудящихся, геноцидом в отношении целых социальных групп русского народа. И однако группа лиц во главе со Свердловым и Троцким и их приближенные сумели чудовищно извратить цели социалистических преобразований.

Но Миронов, продолжая верить в идеалы революции, стремится удержать ее завоевания хотя бы в рамках здравого смысла:

«Пенза. Члену Революционного военного Совета Республики

гражданину Смильге.

Копия — всему трудовому русскому народу.

От лица подлинной социальной революции заявляю:

1. Не начинайте со мною и корпусом вооруженной борьбы, ибо платформа наша приемлема: вся власть народу в лице подлинных Советов крестьянских, рабочих и казачьих депутатов, избранных на основе свободной социальной агитации всеми трудящимися.

2. Первый выстрел принадлежит Вам, и следовательно, первую каплю крови прольете Вы.

3. Доказательством того, что мы не хотим крови, служит то, что в Саранске остаются все коммунисты на местах.

4. Мною арестованы две недели назад два коммуниста за организацию покушения на мою жизнь — Букатин и Лисин, — но и в этом случае я их освободил бы, если бы не знал, что на совести этих бывших уголовных элементов лежит много невинно пролитой крови населения Михайловки. С первым выстрелом с Вашей стороны они будут расстреляны как элементы, способствовавшие восстанию на Дону и грязнившие партию коммунистов.

5. Все коммунисты по пути в Пензу будут мною арестованы и уничтожены в том случае, если мы не придем к соглашению, и когда Вы, в силу Вашей доктрины, захотите рассматривать меня и корпус как материал для отдаленного будущего.

6. Тогда я оставляю свободу действий за корпусом и буду рассматривать арестованных как материал для удобрения почвы для счастья современного и ближайшего человечества.

7. Опомнитесь и вспомните слова Михайловского, обращенные к марксистам: «Не сталкивайте лбами двух разрядов людей».

8. Если на этих пунктах соглашения возможны, клянусь, что генерал Деникин будет разбит и социальная революция будет спасена. Если нет — погибла она и погибло преждевременное, уродливое явление — коммуна и его вдохновители — коммунисты.

9. Не забывайте, что Парижскую коммуну зарезал мужик.

10. Донской корпус ждет от Вас политической и государственной мудрости, чтобы общими силами разбить Деникина. Но если он доберется до фронта — он сделает это один.

Командующий Донским корпусом гражданин Усть-Медведицкой станицы Ф. Миронов.

24 августа 1919 года, 6 часов, город Саранск».

14 сентября 1919 года Филипп Козьмич Миронов с остатками корпуса был окружен и арестован воинскими частями под командованием

Буденного. Эта «честь» выпала на долю 4-й кавдивизии (начальник дивизии О. И. Городовиков. Впоследствии заместитель командующего 2-й Конной Армии, командармом которой, как известно, был Филипп Козьмич Миронов).

Не могу не привести рассказа живого свидетеля тех событий — ординарца командарма Ивана Львовича Миронова: «О нашем пленении помню... Как нынче это было... Когда нас окружили и приказали сдать оружие и коней, вот тут-то и началось... Как это сдать коня?! Да еще такого, как у меня... Ревел, как последняя баба... Как себя вел Филипп Козьмич? Нормально. Только говорит Городовику, давай, выходи во чисто поле — стукнемся на чем хочешь: на шашках, на пиках или на револьверах... И кто одолеет — того и верх. Городовиков не согласился. Побоялся. Ведь молва про Миронова была, что он «заговоренный»... Миронов сидел в одиночке. После суда Филипп Козьмич попросил стражу побыть со всеми вместе. Перед расстрелом. Сидим, носы повесили... Тюрьма над Хопром. Ночь. «Когда расстреливают?» — «На рассвете...» Вошел Филипп Козьмич: «Чего сробели? Какие же вы казаки? Умирать надо с честью... Давайте песню сыграем». — «Какую?» — «Поехал казак во чужбину на своем добром коне вороном... Ему не вернуться в отеческий дом...» У казака ведь в песне все — и радость, и горе... Миронов завел, кто-то подхватил, а кто-то кричит... Комбриг Булаткин схватил зубами кожу на руке и вырвал кусок. Полночь. Загремели засовы. «Кто Миронов?» — «Я». — «Выходи!» Увели Филиппа Козьмича. Сидим, слушаем, ждем выстрела. Прошло, может быть, пять, десять... Пятнадцать минут... Не дай бог еще пережить такое...»

Иван Львович откашлялся, хотел закурить, но папиросу не зажег и молча уставился взглядом куда-то в гущину старинного сада, и не было никакой возможности вывести его из этого оцепенения. Пока в его памяти прокручиваются события тех далеких лет, обратимся к документам — они бесстрастные и памятливые свидетели всего, что творилось на белом свете.

Прежде одна немаловажная деталь. Буденный, памятуя, что Миронов объявлен вне закона как изменник и предатель и что всякий, кто поймает его, может убить его как «бешеную собаку», принял решение — расстрелять героя Дона, славу и гордость донского казачества. Был издан приказ-приговор и объявлен перед строем. Миронова вывели на расстрел... Но как раз в это время мимо проезжал «вождь» Троцкий, который приказал отправить Филиппа Козьмича Миронова в город Балашов, где его будет судить Ревтрибунал.

Вскоре в Балашове состоялся суд Чрезвычайного военного трибунала,

созданного специально по делу Миронова председателем Реввоенсовета республики «вождем» Львом Троцким.

Вокруг процесса над Мироновым троцкисты, верные своей иезуитской манере, вели закулисную игру. Небезынтересно в этом отношении и поведение самого Троцкого. Он будто действовал заодно с наказным атаманом Всевеликого Войска Донского генералом Красновым, объявившим очередную награду за голову «изменника Дона» и 400 тысяч рублей золотом... и разрешал каждому без суда и следствия убить Миронова, а Троцкий из себя выходил, добиваясь, чтобы Миронова непременно приговорить к расстрелу...

По прямому проводу. Шифром.

«Балашов. Смилге.

Отчет о мионовском процессе наводит на мысль, что дело идет к мягкому приговору. Ввиду поведения Миронова полагаю, что такое решение было, пожалуй, целесообразно. Медленность нашего наступления на Дон требует усиленного политического воздействия и на казачество в целях его раскола.

Для этой миссии, может быть, воспользоваться Мироновым, вызвав его в Москву после приговора к расстрелу и помиловав его через ВЦИК — при его обязательстве направиться в тыл и поднять там восстание. Сообщите ваши соображения по этому поводу.

7 октября 1919 года № 408. Предреввоенсовета Троцкий».

Будто по нотам, подло, исподтишка разыграли судьбу Миронова и всего донского казачества. Ведь действительно Миронова и его соратников приговорили к смертной казни, а потом — помиловали... В этих приказах и шифровках речь шла не об объективном выявлении вины или невинности Филиппа Козьмича, а о выгодном использовании судебного процесса, чтобы показать мнимую контрреволюционность донских казаков и их предводителя Миронова и хоть в какой-то мере обелить собственные злодеяния во время рассказывания — не зря, мол, казаков физически уничтожали, с этим диким племенем иначе и нельзя поступать...

Конечно же, Филипп Козьмич Миронов не знал гб этих закулисных троцкистских играх, в которых ему и донскому казачеству отводилась роль пешек... Но сейчас он хотел бы поподробнее вспомнить, как проходил суд над ним. Заседание Чрезвычайного революционного трибунала началось 5 октября 1919 года в здании Балашовской гимназии. Местная газета «Красный пахарь»: «Большой зал переполнен. Публика пропускается только по билетам. В 11 часов 40 минут входит суд и вводят арестованных. Впереди всех Мионов. Среднего роста, с черной густой бородой и

длинными усами. Высокий и умный лоб, живые, выразительные глаза. Несмотря на свои 47 лет, выглядит бодро. Одет в солдатскую шинель, казачьи шаровары, суконную гимнастерку солдатского покроя. На левой стороне значок красного командира. Держит себя спокойно, с достоинством.

«Живые, выразительные глаза...» Может быть. Но со старых фотографий смотрят глаза, в которых столько мук и боли — до крика... И чтобы не сойти с ума от унижения и обиды, пересохшие губы, кажется, шепчут памятные строки знаменитого писателя-земляка Федора Дмитриевича Крюкова:

О чем шумите вы, казачие знамена?
О чем поется в песнях прежних лучших дней?
О ратных подвигах воинственного Дона,
Про славу витязей донских богатырей.
Былые подвиги... Походы... И победы...
Смирялись гордые и сильные враги.
И, помня прадедов старинные заветы,
На подвиг ратный шли донские казаки.
Донские рыцари! Сыны родного Дона!
Ужель теперь, в годину тяжких бед,
Постыдно дрогнем мы, и рухнет оборона,
И не исполним мы священный свой завет?!
Нет, не бывать тому! Вы, вольные станицы,
Вы, хутора и села — бей в набат!
Мы грудью отстоим казачие станицы.
Скорей к оружию! Вперед и стар и млад!
Как кротко смотрит небо голубое,
Вы слышите протяжный чей-то стон
И в шелесте травы и рокоте прибоя?
То стонет наш отец, седой родимый Дон.
Вперед за Тихий Дон, за Родину святую,
Нам сердце воскресит забытые слова
Вперед, станичники, за волю золотую,
За старые исконные права.
Шумят казачие священные знамена,
И сила грозная на страх врагам растет.
Донские рыцари! Сыны родного Дона!
Великий час настал: за Тихий Дон вперед!

Председатель Чрезвычайного революционного трибунала т. ПОЛУЯН оглашает обвинительный акт.

На скамье подсудимых: МИРОНОВ, бывший командир Донского корпуса, и командный состав... Перед нами наличность явного предательства и измены. По материалам допроса бывшего Донского комкорпуса Филиппа Козьмича Миронова и других, обвиняемых в открытом восстании против военной власти Советской Республики, в агитации против государственной власти в лице партии коммунистов, в вооруженном столкновении с советскими войсками, в порче военных телефонных и телеграфных проводов, в расхищении народного имущества.

Миронову предъявляется обвинение в неоднократных выступлениях на митингах в г. Саранске, а также в пути следования из Саранска к месту расположения 23-й дивизии, в открытой агитации против существующей Советской власти, открытыми устными призывами свергнуть Совет Народных Комиссаров. Причем в своей агитации Миронов пользовался разжиганием национальной розни, называя нынешнее правительство «жидо-коммунистическим», употребляя такие же приемы против вождей Красной Армии в лице т. Троцкого...

Допрос подсудимых:

Председатель: — Подсудимый Миронов, вы слышали, в чем вы обвиняетесь?

Миронов: — Слышал.

Председатель: — Признаете ли вы себя виновным?

Миронов: — По всем предъявленным пунктам, за исключением некоторых деталей, признаю себя виновным, но прошу во время судебного процесса выслушать мою исповедь, что привело меня к признанию себя виновным, и раскаиваюсь во всем совершенном мною. Я говорю это не для того, чтобы подкупить суд, а чтобы уйти в смерть с определенным взглядом, что я очищен, и только это заставляет меня искренне раскаиваться и сознавать свою вину.

Председатель: — Вы можете воспользоваться данным вам временем. Что можете вы сказать в ваше оправдание? Предупреждаю: быть покороче.

Миронов: — Я человек беспартийный. Октябрьский переворот застал меня в Аккермане, в 32-м Донском казачьем полку. Я во многом не сочувствовал программе большевиков, т. к. не был знаком с ней во всем объеме, а по отрывкам не мог понять ее, но тем не менее я все-таки сочувствовал этой программе и видел для себя один исход после октябрьского переворота — бороться с контрреволюцией в революционных рядах, отсюда ясно и мое дальнейшее поведение. Я всегда выступал в защиту Советской власти, разъяснял платформу коммунистической партии, насколько я сам ее понимал, сперва в полку, а затем на Дону — населению. Ко всему этому я душевно стремился и, как известно Трибуналу, — это сквозит во всех моих речах, вплоть до 22 числа, до того рокового случая в Саранске. Здесь, после того как я был объявлен вне закона, у меня стали проявляться болезненные выступления против отдельных членов Советского правительства, которые своими поступками вредили авторитету партии и служили контрреволюции на руку. Вооруженная борьба, в которую мне пришлось вступить на Дону, началась с 1918 года 12 мая, и с того момента я не выпускал из рук винтовки до первого марта 1919 года, когда мне удалось занять станицу Урюпинскую. Я тогда вел объединенную группу из нескольких дивизий и, везде устраивая митинги, разъяснял истинное значение коммуны, ибо я был убежден, что то поведение, которое наблюдалось у отдельных лиц, могло сильно повредить делу и вызвать

нежелательные явления вроде восстания казаков, которых кадеты могли использовать в свою сторону. Я был не против идейного коммунизма, а против отдельных личностей, которые своими действиями подрывали авторитет Советской власти. Я обрисовывал все примеры очень рельефно, называл имена тех, кто совершал те или иные преступления, указывал на примеры и факты там, где они имели место. Я говорил, что если подобные безобразные поступки не прекратятся, то, закончив войну с Красновым, нужно будет оглянуться на коммунистов. И вот эти-то нападки на отдельных личностей приняли за нападки на партию коммунистов. И, судя по газетам, которые мне пришлось читать, я видел, что меня обвиняют в том, в чем я не был виновен и чего я никогда не делал. Прошу трибунал обратить внимание на то, что несчастья мои начались с первого марта. После занятия Урюпинской мне пришлось идти в слободу Михайловскую, причем надо сказать, что в этих боях погибли комиссар Ковалев и заведующий политотделом Чеботарев, и когда мне пришлось оставлять Михайловское, этих политических работников не было, я остался совершенно один. Мне приходилось выводить красноармейские части, уроженцев этого хутора с их женами, детьми.

Был еще один случай, в котором мне приходилось принимать также непосредственное участие при самой тяжелой обстановке. В слободе Михайловке с ее огромным населением был созван митинг по поводу убийства офицера пятого полка. И чтобы сгладить впечатление, произведенное кадетами, предложено было видеть меня. И я, опять повторяю, что в такой тяжелый момент не было ни одного коммуниста, который помог бы мне несколько ослабить сгустившуюся атмосферу. По прибытии своем в Саранск я должен был арестовать всех тех сотрудников, у которых были найдены деньги, взятые из казначейства. Впоследствии это дело было передано в соответствующие инстанции. Затем мною был арестован один немецкий колонист, и впоследствии было доказано, что он принадлежал к 23-й дивизии. Я его отправил в тюрьму, где он был убит.

Председатель: — Прошу вас не вдаваться в такие подробности и касаться мотивов, побудивших вас выступить на фронт.

Миронов: — Итак, я хочу указать на невозможно сложившуюся политическую атмосферу в Саранске вокруг меня. Затем распространился слух, что пал Тамбов. И зная прежнее состояние нашего фронта, мне казалось, что кадеты могут подойти при таком положении к Богоявленску; мне казалось, что деникинские войска вклинятся в наше расположение в направлении Рязска, тем более что последнее время распространялись слухи об эвакуации Козлова. И я, получив подтверждение от одного

довольно солидного железнодорожного служащего об эвакуации Козлова, решил выступить с наличными силами на фронт, убежденный, что я своим выступлением в любом месте остановлю фронт. Вот тот толчок, который заставил меня выступить на фронт, спасти его. Вот моя единственная цель и давно назревшая. В деле имеется мое письмо к Ленину. Это, так сказать, первая моя попытка спасти создавшееся положение. Затем я посылал телеграммы. Наконец, я хотел поехать и лично заявить о необходимости изменения политики на Дону и в казачьих областях. Я полагал, что со мной бы согласились. Главным обвинением против меня выдвигается неисполнение мною приказа Реввоенсовета Республики.

Надо сказать, что когда т. Смилга говорил со мной, первый раз я дал обещание приехать в Пензу. Но еще раз повторяю, что окружающая меня обстановка, вся политическая атмосфера до такой степени действовала на меня, что я тогда уже не был человеком, а был вещью; дав обещание приехать, я все же еще не мог решиться на это. Я метался от аппарата к аппарату, пытался заказывать паровоз, несколько раз приходил на станцию, уходил, снова возвращался. Наконец, 22-го вечером мною была получена записка, где говорилось, чтобы я уклонился от поездки в Пензу, так как могу быть там арестован и дело спасения фронта погибнет. Таким образом, потеряв душевное равновесие, я решил все-таки выступить, и выпустил приказ-воззвание. 23-го были переговоры со штабом Восточного фронта. Затем я говорил со Смилгой и просил его выяснить положение, т. к. неопределенность его волновала не одного меня. Я думал, что Смилга приедет в Саранск, но никакого ответа не было ни от кого. А потом сразу я был объявлен вне закона. Тогда мне стало ясно, что для меня один выход — идти на фронт, о чем я и объявил собравшимся частям, указав также, что я объявлен вне закона. Я предлагал полкам остаться, тем, которые бы не хотели идти со мною, сказав, что я отправлюсь один. Но они сказали, что они также пойдут сражаться за Советскую власть, пойдут спасать фронт. Такой ответ еще больше убедил меня в необходимости идти на фронт, что я появлением своим, если положение фронта было действительно критическое, спасу его. А потом у меня мелькало сознание, что победителя не судят, что поймут мои душевные страдания и объявят меня законным гражданином Советской Республики.

Председатель: — Вам сколько лет?

Миронов: — 47.

Председатель: — Какой станицы?

Миронов: — Усть-Медведицкой. При царском строе был офицером. Когда была объявлена мобилизация среди казаков для усиления полков, в

целях подавления революции, я выступал в станицах и протестовал против такой мобилизации, разъясняя казакам ее истинное значение. Ездил с наказом в Государственную Думу. По возвращении своем был арестован в Новочеркасске, где и просидел под арестом девять месяцев. После этого меня почти все время преследовали и, наконец, уволили со службы без права поступления на государственную и частную службу. В таком состоянии я провел до революции. На войне я потерял своего сына. Это так на меня подействовало, что я искал себе смерти на войне. В скором времени я получил второй чин — чин есаула и Георгиевское оружие.

После революции 17-го г. я все свои усилия приложил к тому, чтобы очистить казачьи части от контрреволюционных элементов, особенно от генералов и казачьих атаманов, деятельность которых была явно вредная. Я подготавливал свой полк к будущей революционной деятельности, объясняя им значение происшедшего переворота, знакомил их с самой совершенной демократической формой правления. Затем я был назначен военным комиссаром Усть-Медведицкого округа. После октябрьского переворота, как видно из вышесказанного, все время стоял за Советскую власть.

Председатель: — Вы в Государственную Думу прошли?

Миронов: — В Думу не прошел, а был выставлен кандидатом, как народный социалист, иначе я не мог пройти, так как казаки народ темный и отнесся бы ко мне недоверчиво, если бы я взял чуть-чуть влево. Казаков нужно было завоевать.

Председатель: — Вы грозили арестовать коммунистов?

Миронов: — Это был просто тактический шаг, т. к. я не хотел, чтобы кто-нибудь мешал мне на пути. Я сперва объявил, что Букатин и Лисин будут расстреляны, но затем отдал приказ, чтобы этого не делали, т. к. я в принципе против смертной казни; мною не был расстрелян ни один из арестованных коммунистов.

Председатель: — Когда была написана ваша декларация: «Да здравствует российское пролетарское трудовое крестьянство!»

Миронов: — В первых числах августа, когда мне на одном из митингов была подана записка с вопросом: «Что такое социальная революция и как должно жить человечество?» Вопрос был очень серьезный, и я обрисовал свой взгляд на соц. революцию. Взгляд этот был мною изложен в письме к Ленину. Это было мое святое святы. Затем я, познакомившись с программой максималистов, увидел, что мои убеждения не расходятся с этой программой, и в частной беседе заметил, что я считаю себя беспартийным, а оказывается, — принадлежу к партии максималистов.

Председатель: — Говорили ли вы, что коммунистическая партия поставила себе целью истребить казачество, что ком. партия послала политических работников, которые ехали на Дон, чтобы казнить, расстреливать и жарить казаков?

Миронов: — Да, в письме к т. Ленину я упоминал об этом.

Председатель: — В ваших материалах имеется обвинение против коммунистической партии, что она ведет революцию к гибели. Вы писали, что врагом соц. революции являются справа Деникин, слева — коммунисты. Вы писали, что прежде всего нужно остановить Деникина, разбить его, что можно достигнуть только единением народных сил, а последнее возможно лишь с уходом коммунистов, всех этих «Нахамкесов», «Анфельбаумов», по так как они добровольно не сойдут, то придется им скомандовать: «Долой». Так вот, как вы это понимали?..

Миронов: — Я касался лишь местных работников, отдельных членов партии, но не касался и не имел в виду центр, т. к. понимал, что если разрушить налаженный аппарат, то все завоевания революции погибнут. И я прошу здесь под всеми этими названиями понимать «лжекоммунистов», против же идейных коммунистов я никогда не шел. Я хотел только удалить вредные, нежелательные элементы. Особенно мне хотелось очистить фронт от таких вредных лиц.

Председатель: — Вы говорите, что имели в виду местных коммунистов, коммунистов на фронте, вредивших там. А что вы скажете, когда вы назвали Троцкого — Бронштейном?

Миронов: — Это особенный вопрос, Когда после октябрьского переворота я стал на сторону Советской власти, Краснов меня называл все время предателем; я же, будучи на Дону, все время разъяснял казакам о значении нового строя, говорил о Советской власти, о новой форме правления, в котором будет участвовать все трудовое население. И казаки, слушая меня, соглашались со мной и охотно шли на сторону Советской власти. Когда же увидел те безобразия и бесчинства, которые творились коммунистами на Дону, я почувствовал себя предателем по отношению к тем, которым я говорил про Советскую власть и призывал служить ей. Я считал, что Троцкий является руководителем такой политики на Дону, и мне стало больно, что в центре так относятся к казачьему вопросу. И, называя Троцкого Бронштейном, я не имел в виду разжечь национальную рознь.

Председатель: — Что же, вы приписывали такую политику Троцкому как политическому вождю или как еврею?

Миронов: — Как еврею. Я признаю свою ошибку.

Председатель: — Вы стараетесь доказать, что вы не были против идейных коммунистов, но, между прочим, вы писали, что причину гибели революции нужно видеть и в преступных действиях господствующей компартии, вызывающей общее недовольство широких масс, и поэтому остается единый путь — свалить эту партию. Так говорится в вашем «Приказе-воззвании» по Донскому корпусу. Как вы это объясните?

Миронов: — Я не заявлял прямо того, чтобы свалить центр. Приближаясь к фронту, я во многих местах слышал, как крестьяне прямо говорили, что они не будут защищать коммунистов. И, видя такое недовольство, я счел своим долгом довести это до сведения т. Ленина, который не был осведомлен об истинном настроении широких масс. И, посылая ему телеграмму, я был далек от мысли повредить революции, излагал т. Ленину лишь свой взгляд, указывал на необходимость изменения политики, создания прочного красноармейского фронта. Насколько наши вожди не осведомлены об истинном положении дел, я убедился, когда спросил: получена моя телеграмма Лениным? Оказалось, что она даже не была расшифрована. А такое отношение недопустимо в то время, когда я подал голос своей наболевшей души. В такой ответственный момент т. Ленину не было даже доложено о моей телеграмме. Я еще раз повторяю, что я не имел в мыслях свалить центр, а только нежелательные элементы.

Председатель: — Скажите, для кого вы предназначали ваши воззвания, для людей, читающих между строк, или для широких масс, неспособных разбираться во внутреннем смысле ваших произведений. Вы обнародовали ваши воззвания?

Миронов: — Приказ не был обнародован и распространен был только по полку.

Председатель: — Могли ли вы полагать, что казаки, прочтя ваше воззвание, будут понимать его между строк?

Миронов: — Конечно, они не могли читать между строк, но нужно понять мое состояние. Тогда я не принадлежал себе, я не был тем человеком, который в прежнее время силой своей воли заставлял поворачивать целые красновские полки. Я был вещью, которую можно было бросить в любую сторону.

Председатель: — Вы все время говорите, что вы были против лжекоммунистов, но ни в одном из ваших документов не видно ясного указания, что вы не подразумевали именно коммунистов.

Миронов: — Да, я виноват в том, что в моих приказах-воззваниях нет слова «лже», но, во всяком случае, во всех моих воззваниях я был далек от мысли свержения центра.

Председатель: — Не выражали ли вы сожалений, что, будучи на Западном фронте, вы написали прокламации против еврейских погромов?

Миронов: — Нет, не выражал.

Председатель: — Не было ли в ваших прокламациях выражений, что вы идете на «жидо-коммунистический фронт»?

Миронов: — Нет, такого выражения я не употреблял.

Председатель: — Не говорили ли вы, что с такими мерзавцами вы не будете иметь никаких сношений?

Миронов: — Нет.

Председатель: — В телеграмме Ленину от 24 июня вы писали, что необходимо создать народное представительство. Что вы понимали под этим?

Миронов: — А понимал я так: представители от трудового крестьянства имели бы близкое соприкосновение к советам и оповещали, и осведомляли массы о том, что там делается.

Председатель: — Вы такого мнения, что существующие советы не отражают голоса населения на местах?

Миронов: — Да, не отражают.

Председатель: — А в центре и подавно.

Миронов: — О центре я не берусь говорить и говорю только об окраинах.

Председатель: — Значит, по-вашему народное представительство должно заменить собой советы?

Миронов: — Нет, я понимаю не так. Народное представительство нужно для того, чтобы услышать голос народа с мест о его нуждах.

Председатель: — Что ж, по-вашему, между центром и местами есть какой-то разрыв?

Миронов: — Да, есть... Среди крестьянского населения большое недовольство. Они заявляют, что у них отбирают коров, лошадей, продукты и нельзя найти виновного.

Председатель: — Кого вы имеете в виду?

Миронов: — Черемушкина, который навел большую панику на население, отбирая у него скот, накладывая контрибуции и всячески терроризируя его.

Председатель: — Почему в декларации вы настаиваете на упразднении сотенных комиссаров с передачей всех функций ЦК?

Миронов: — Я полагаю, что одного ЦК будет достаточно.

Председатель: — Но вы понимаете, что это требование довольно серьезное?

Миронов: — Но это не окончательно санкционировано в декларации, это, так сказать, для самого себя.

Председатель: — В вашей декларации есть пункт об устранении смертной казни?

Миронов: — Да, я естественный противник смертной казни.

Председатель: — В вашей декларации требовалось установление свободы слова, печати, собраний, и вы это требовали для всех социальных партий?

Миронов: — Для всех.

Филипп Козьмич устал от нескончаемой вереницы бессмысленных вопросов-ответов. Но, как бы отбрасывая их в сторону, он пытался отдохнуть от нахлынувших воспоминаний. Но вдруг как будто встрепенулся, вспомнив, что, оказывается, его спальный вагон, где он почивал с Надей-Надюшей, называли «скворешником» и завидовали настолько, что даже хоть в мыслях, но пытались выбросить его самого оттуда... Конечно, никто бы этим недоброжелателям не позволил даже и близко подойти к нему. Но сам факт, что их уютное гнездышко, которое они облюбовали и свили с Надей-Надюшей, кто-то посмел иронически называть «скворешником», больно отозвался в нем...

А ведь у него тогда, как молния среди мрака ночи, были счастливейшие мгновения жизни наедине с Надей-Надюшей. В то благословенное время она рвала на лугу цветы и теплыми летними вечерами с букетом встречала его, возвращающегося со службы. Надя-Надюша безбоязненно подходила к Орлу, как будто сразу при виде ее вдруг дичавшему, и начинала вплетать в его роскошную гриву полевые цветы. Что-то говорила ему, и конь, испуганно и зло всхрапывающий, начинал успокаиваться и разрешал ей совершать вечерний ритуал.

Филипп Козьмич молодо выскакивал из седла и, похлопывая по непокорной, породистой шее своего любимца, доброжелательно, но строго говорил: «Веди себя прилично...» — «Будто он понимает...» — отзывается Надя-Надюша, продолжая вплетать цветы. «Думаешь, нет...» — отвечал Филипп Козьмич и глубоко и жадно вдыхал запах девичьей юности, цветов и Орла. От них шел дурманящий аромат, напоминавший вечерний закат солнца в родимой степи...

В один из таких блаженных вечеров, любуясь Надей-Надюшей, Филипп Козьмич негромко, но просветленно сказал: «Жить бы так век...» Надя-Надюша не разобрала слов, но по интонации его голоса о чем-то своем тайном догадалась и, оставив в покое гриву Орла, подошла к Миронову и молча прижалась к его груди. Наверное, чтобы не нарушать этого единения, он тихонько повел ее к ступенькам, ведущим в... «скворешник». Ерунда какая-то! Командиру Донского корпуса был отведен спальный вагон, и он, не подозревая о злонамеренных слухах, пользовался им, правда, может быть, с излишней неосторожностью, что ли... Но это никого не касалось, кроме него и Нади-Надюши. Но у других-то,

оказывается, это вызывало дикую зависть. Да и их можно понять по-человечески, если, конечно, задуматься — у казаков ведь не было рядом ни жен, ни тем более любовниц. Такую роскошь мог себе позволить только Миронов.

Он, можно сказать, чуть ли не у всех на виду спит с красавицей, то ли женой, то ли любовницей, да еще и моложе себя в два с лишним раза. Надя-Надюша не то что годилась ему в дочери, а чуть ли не во внучки. Молва есть молва...

Да, но его и Надю-Надюшу в этом спальном вагоне охраняет сотня так называемых «янычар». А им-то каково?! Не говоря худого слова, в сторожкой тишине ночи они чутко прислушиваются ко всем даже малейшим звукам, которые доносятся с брачного горячего ложа этого самого «скворешника»... Но Миронов не виноват, что в то время ничего не замечал вокруг, — все влюбленные и счастливые не только эгоистичны, но и вдобавок ко всему еще слепы и глухи.

...Почему-то Филипп Козьмич не понравился самому себе, как он держался во время допроса на суде. Может быть, поэтому дал повод неодобрительно отозваться о себе начальнику Особого отдела 9-й армии, в которую входил Донской корпус Миронова, Василию Ефимовичу Шумному: «Миронов на суде хитрил... Вспоминаю один случай, рассказанный Мироновым на суде: «В районе Ртищево мне сообщили, что батальон Особого отдела 9-й армии под командованием Черемушкина вошел в соприкосновение с частями моего корпуса. Я дал распоряжение послать навстречу одну сотню вправо, другую сотню по оврагу слева, устроил «платовский вентер» и смял Черемушкина». Причем это «смял» сопровождалось таким артистическим движением руки и легким поворотом головы, что некоторые товарищи, присутствовавшие при этом, забыли, что они партийцы и находятся не на театральном представлении, а в трибунале, где судят врага нашей партии и революции... Настоящая цель Миронова — уйти к Деникину. Этот предательский план...»

Да врет все Шумный, подумал Филипп Козьмич Миронов, никогда у него и в мыслях не было такого. «К Деникину». Чушь! Наверное, обозлился, что его отряд Особого отдела он разогнал, как несмышленных деток... Ну да ладно, надо послушать речи обвинителя, защитника... И — приговор... Да и самому продумать, что сказать в последнем слове.

Выступает обвинитель Смилга, член РВС Южного фронта, соратник Троцкого и его последователь:

«Я обвиняю бывшего казачьего полковника МИРОНОВА и всех его соучастников в том, что во время войны Советской власти с Деникиным

они, занимая ответственные посты в нашей Красной Армии, подняли вооруженный мятеж против Советской власти. Перед нами громаднейший следственный материал, из которого картина восстания-мятежа вырисовывалась достаточно ясно.

Анализируя весь материал по делу Миронова, я пришел к выводу все же, что перед нами не орел, а всего лишь селезень. Истинные вожди характеризуются правильным пониманием обстановки, задач своего класса и бесстрашным проведением своих планов в жизнь. У Миронова же не было этого понимания.

Я потом останавлиюсь на его письме-декларации. Я утверждаю, что никто за время нашей революции не создавал более путаной и туманной идеологии. Невольно напрашивается сравнение Миронова с блаженной памяти Керенским, который, задыхаясь, говорил: «Если вы мне не верите, я застрелюсь». Миронов обращается к своим казакам с такой речью, и наэлектризованная масса, конечно, кричит: «Мы за тобой, мы на все готовы» и т. п. Когда же Миронов увидел, что игра проиграна, он даже был готов покинуть свои части и бежать. Так настоящие вожди не поступают...

Главный соучастник Миронова Булаткин держит себя на суде трусливо, указывает, что он против Миронова и что он пытался даже его убить.

Он будто бы чувствовал себя в положении осла, находящегося между двумя возами сена, не знающего, к которому из них прикоснуться. Булаткин называет себя сочувствующим партии коммунистов. Значит, в совершенном преступлении он повинен вдвойне, как изменник своей партии и Советской власти. Этот человек, игравший двойную роль в выступлении Миронова, конечно, я думаю, никаких симпатий ни своим поведением в походе, ни на суде ни у кого не завоевал. В революционное время отношение к таким жалким слюнтяям, каким является Булаткин, редко когда бывает сочувственным.

Его показания, что он не соглашался с Мироновым, несколько не уменьшают вины Булаткина. Он должен был побороть свое малодушие и отчетливо сказать войскам: «Миронов изменник, вы должны оставаться в Саранске». Такое заявление, может быть, спасло бы нас от необходимости судить четырехста с лишним человек.

Здесь, в зале суда, не фигурируют остальные участники мятежа. Я подразумеваю солдат комендантской команды, так называемых «янычар» Детского корпуса.

Кроме этих «янычар», обвиняются все красноармейцы, которые пошли с Мироновым. Я вижу, что командный состав Донского корпуса не

заботился о красноармейцах. Идя на этот риск, на это опасное дело, они мало заботились о том, что будет с теми, кого они влекут с собой. В результате под судом находятся как те, так и другие, и я вынужден — ибо иначе я не могу — требовать и для них суровой кары.

Солдат Красной Армии не имеет права исполнять приказание своего начальника, если оно изменнически направлено против Советской власти...

Может быть, у кого-нибудь создалось ложное представление, что Миронов действительно боролся с «лжекоммунистами». После анализа всех его печатных произведений я пришел к выводу, что словечко «лже» приставлено просто для отвода глаз. Знакомясь со всеми воззваниями и декларациями Миронова, получаешь впечатление, что истинных, честных коммунистов нет.

Товарищи, вы все знаете, что уже почти два года смысл и суть нашей революции заключаются в борьбе крайностей: рабочего класса, партии коммунистов и Советской власти с одной стороны и буржуазной контрреволюции — Деникина, Колчака, Юденича — с другой стороны. Все попытки соглашательских партий, попытки учредиловцев, попытки сторонников всяких «рад» и т. п. найти какую-то среднюю линию до сих пор оказались тщетными. Мы знаем, и всякий это может проверить на тысяче фактов, что всякая борьба, поднятая против Советской власти, железной неумолимой логикой вещей влекла к Деникину и к контрреволюции. Против нас поднимали восстание чехословаки, левые эсеры, демократические группы меньшевиков и проч. Все эти группы оказались в конце концов в объятиях Деникина.

Далее, его, Миронова, социальный план насчет устройства государства в будущем. Здесь он развивает перед нами полутолстовскую-полусентиментальную мелодраму. Он, дескать, за такой строй, который вводился бы без каких бы то ни было насилий. Но кто поверит, что вы, старый казачий офицер, который в старой войне имел почти все воинские отличия, вплоть до Георгиевского оружия, искренне стали на такую точку зрения? В этом можно убедиться и из дела. Он же не стеснялся грозить расстрелом своим жертвам — заложникам. Возьмем даже его теорию государства. Он хочет немедленно полной свободы для всех граждан. Он не понимает, что путь к социализму лежит через диктатуру угнетенных над угнетателями. Он не понимает, что требование свободы для всех в эпоху гражданской войны есть требование свободы для контрреволюционеров. Вы говорите: «Я был против смертной казни при Керенском; против и теперь». Но нужно вспомнить, что при Керенском буржуазия расстреливала крестьян и рабочих, а при Советской власти расстреливают капиталистов и

дворян. Мне кажется, что некоторая разница здесь есть и всякий трудящийся человек, испытавший на своем горбу всю тяжесть прежнего режима, поймет эту разницу...

Перед нами не вождь, способный объединить массу, способный на революционные действия, перед нами развращенный политический недоносок, лишенный чувства ответственности, увлекающий за собой толпу, не отдавая себе отчета, куда он ведет и на что он ее ведет. Припертый к стенке, он, путая, говорит жалкие слова о коммунистах...

На Дону популярность Миронова росла тоже не вследствие его заслуг. Эту популярность он купил дешевой демагогией, дешевым приспособлением к темному казачеству, которое он отпускал домой с конями и седлами. Он говорил сумбурные речи о том, что нужно сперва освободиться от Деникина и буржуазии, а потом приняться за коммунистов. При помощи таких приемов ему удалось снискать некоторую симпатию в среднем, зажиточном казачестве, которое сбивалось с толку туманными обещаниями Миронова. Этот человек говорит, что он был бы согласен вместе с большевиками бороться против Деникина, если только партия откажется от политики, которую она проводила на Дону. Какая ирония судьбы! Выступление Миронова началось с чтения того манифеста к казачеству, подписанного Лениным и Калининым, где говорится о том, что Советская власть, уважая самобытность казаков, не станет рассказывать Дона, но идет на Дон помочь казакам освободиться от генеральского ига.

Что же делает Миронов? Видя, что всяким честолюбивым стремлениям его как «главы», так сказать, донского казачества приходит конец, что все его мысли стать народным вождем падут прахом, — он решается на преступное выступление против Советской власти. Он не хочет дать Советской России помириться с казачеством. Он спешит на Дон, не зная сам, что там будет делать. И тут ему наплевать на судьбы русской революции. Вся узость зарвавшегося честолюбца выступает здесь с полной очевидностью. Надо было спешить, ибо завтра казаки, ознакомившись с манифестом, наверное, не пошли бы с Мироновым...

Советская власть не стремится к истреблению казачества. Она только стоит за беспощадный террор против казачьих верхов и атаманов, организовавших контрреволюцию на Дону. Мы хотим мира с казаком-бедняком и казаком-середняком. Трудовое казачество в нашем лице найдет верных защитников его интересов...

Теперь о зверствах на Дону. Из следственного материала видно, что зверства имели место. Но также видно и то, что главные виновники этих

ужасов уже расстреляны. Не надо забывать, что все эти факты совершались в обстановке гражданской войны, когда страсти накаливаются до предела. Вспомните французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки, ужасные с точки зрения индивидуального человека. Поступки войск Конвента понятны лишь при свете классового анализа. Они оправданы историей, потому что их совершил новый прогрессивный класс, сметавший со своего пути пережитки феодализма и народного невежества. То же самое и теперь. Вы это также должны понять. Вы говорите о Марксе, но смею вас уверить, что вы ни одной строчки не читали. Приводимые вами цитаты из него чести вам не делают. Вам надлежало бы быть более скромным с цитированием авторов, которые вам не знакомы...

Перед нами преступник, болтающий о счастье человечества, а на деле открывающий Мамонтову дорогу на Москву. К таким людям у нас не должно быть жалости. Сор мелкобуржуазной идеологии должен быть сметен с пути революции и Красной Армии. Я считаю, что по отношению к Миронову и его соучастникам должна быть применена самая суровая кара. Ознакомясь со всем следственным материалом и судопроизводством, которое протекало здесь, я требую для Миронова, всего командного состава и всех комиссаров и коммунистов, шедших с ним, — расстрела. Для всех солдат комендантской сотни, так называемых «янычар», вину которых разобрать нельзя, но которые безусловно виновны: при помощи их Миронов вел свои войска, они составляли личный конвой его, — требую расстрела через десять, по списку. По отношению к остальным красноармейцам — расстрела через двадцать по списку...

Филипп Козьмич Миронов, слушая обвинительную речь Смилги, никак не мог понять главного его требования: «...Для всех солдат комендантской сотни, так называемых «янычар», вину которых разобрать нельзя, но которые безусловно виновны, требую расстрела через каждые десять по списку...» Что за доказательство вины? Это же глупость. Плоское невежество!.. или революционная справедливость, за которую он, Миронов, жизнь отдавал?.. Может быть, ослышался? Да вроде нет: «Вину разобрать нельзя, но которые безусловно виноваты...» И слова принадлежат не просто словоохотливому гражданину, а члену Реввоенсовета фронта. Что он, в своем уме, этот обвинитель Смилга? Как это — поставить в ряд людей, совершенно не виновных, и, отсчитав девять, десятому — пулю в лоб? Чушь... Да на нем креста нет? Какой крест? Он же инородец. Чего с него возьмешь?.. А о себе Миронов подумал? При чем здесь он? Он командир, командовал, а так называемые «янычары»

подчинялись, значит, даже только поэтому они не виновны, тем более что...» «что вину которых разобрать нельзя». Наказан должен быть Миронов, а невиновных надо освобождать от наказания. Если по правде. Правда. Только она одна есть мерило всех поступков человека.

Миронову ведь определил меру наказания Смилга, и он от своего кровожадного намерения не откажется, а он, Филипп Козьмич, по-прежнему будет толковать о правде, предаваясь заботе о своих теперь бывших подчиненных. По крайней мере, каждый десятый не нуждается в его заботе. Чушь!.. Не может быть такого несправедливого приговора!.. Это же благо, что бойцы выполняли приказ командира, — значит, есть дисциплина, порядок в воинской части. А теперь их расстреливать? Да причем еще так унижительно — каждого десятого по списку... Революция выдвинула новую форму наказания?.. Или Смилга с ума спятил? Или он взбесился от злобной ненависти к русским людям? Ведь зачем-то он сюда явился на «ловлю счастья и чинов...». Разве же нормальный человек может такое произносить: «вину нельзя разобрать, но которые безусловно виноваты...» Как же может в голове нормального человека родиться такая мысль, из-за которой человека можно посылать на смерть?! Пусть хоть он и Маркса читал... Но никто не давал ему права — «по списку...». Не на получение же обмундирования! А на смерть!.. Вместо доводов ума у него осталась одна сумбурная злоба. Даже бороденка и та трясется... Похожа на... козлиную. Да и головенка узкая и продолговатая, будто ее хорошими ладонями сдавили... Ей-богу, у Фильки Миронова в стаде, когда он был пастухом, был такой козел... Ну, точно. Ведь люди часто бывают похожи на птиц, собак и... козлов... Явился этот Смилга откуда-то из чужих краев и авторитетом своей должности доводит до абсурда здравую мысль — невиновных, но все равно... «по списку...».

Ивар Смилга вступил в партию в пятнадцатилетнем возрасте. Еще зеленый плод, совершенно не созревший. И что же, его так поразила идея, чтобы сразу кинулся вослед Марксу переделывать старый мир? Да и при всей допустимой гениальности в пятнадцатилетнем возрасте пацаненок еще такой глупый и несмышленный, что ему доступна только организация шайки подростков для воровства яблок в чужих садах. А ведь Смилга, наверное, возомнил еще с того зеленого возраста, что он предназначен судьбою для великого эксперимента на русском горбу... Откуда их, эту черпаю свору, господь посылает? Ну, был настоящим коммунистом, так бери винтовку в руки — и в цепь, защищай революцию. Защищай Республику. Так ведь нет, обязательно в начальство лезут, чтобы командовать, руководить русским народом. А то ведь он без инородного

вмешательства пропадет и не достигнет счастья, которое ему уготовано волею пришельцев... Да ведь Ешуа-Соломон Мовшович Свердлов тоже в пятнадцатилетнем возрасте вступил в партию, А что вышло из этого? Оказался убийцей всего Войска Донского... Вот они — незрелые плоды!.. Несъедобные... Но для русского плебейства сойдет... Покривится-покривится да и скушает... на беду себе.

Итак, Филипп Козьмич, вам первому пуля в лоб, а подчиненным — по списку... Послушаем, однако, что скажет защитник.

Речь защитника РЫБАКОВА:

«Товарищи, Революционному трибуналу угодно было поручить мне тяжелый долг защиты обвиняемого, а не явления, известного под именем «мироновщины». Так я понимал смысл защиты, в противном случае я отказался бы от защиты. Обвинитель прочел нам целую лекцию о мироновщине, он изложил нам взгляд господствующей коммунистической партии. Все это не ново. И если обвинитель, объясняя партийно это явление, обращался лицом к публике, а к вам боком (председатель останавливает защитника, указывая ему на неуместность таких выражении), то я, как защитник людей, обращаюсь к вашим сердцам. В чем обвиняется эта группа людей, защиту которых вы мне поручили? Я много думал над всем этим делом и в результате могу спросить: в чем они обвиняются? В дезертирстве?.. Но до сих пор обвиняли в этом бегущих с фронта. Теперь же обвиняем группу лиц, которая пошла на фронт.

Нет, перед нами не селезень, как назвал Миронова обвинитель. Перед нами — лев революции. С самого начала Советской власти он честно бился в рядах ее защитников. Правда, он не совсем представлял себе политическую программу партии коммунистов, он не мог разбираться во всех тонкостях политики, как в этом разбирается обвинитель, очевидно, старый партийный работник, которого нам было приятно слушать, но лев революции разбирался во всех этих вопросах сердцем. Он сердцем почувствовал, что партия несет то, что нужно обездоленному трудящемуся классу. И в доблестных боях эту свою сердцем воспитанную мысль он проводит в течение нескольких лет своей жизни. Где случится беда на красном фронте, где белогвардейские банды расстроят наш фронт, туда стремится этот селезень, в такой ответственный момент на него возлагают надежды, и он оправдывает их. Позвольте вам напомнить, в прошлом году, когда наши красноармейские части на Хоперском участке не могли прорваться через проволочные заграждения, вот этот селезень ударил в тыл неприятелю, прорвал его и очутился под Новочеркасском. Разве это селезень, который в дальнейшем своем движении дошел до Смоленска?

Как боец Красной Армии, был плохой политик, он плохо разбирался в той политической атмосфере, которая его окружала, и как боец был прям в своих поступках. Человек цельный, у которого что на сердце, то и на деле, не скрывающий своих мыслей. В беседе с Мироновым в камере № 19 он

выразил сожаление, что вся его переписка попала сюда. Я, между прочим, позволил себе нарушить его желание и прочел в его письмах одну замечательную фразу, в которой он весь. Он пишет любимой женщине: «Принадлежи мне вся или уйди от меня». В этой коротенькой фразе сказалась вся натура Миронова. Никаких темных, недоговоренных мыслей. В боях он отдавался им всецело, думая только о Советской России, он не изменил своим принципам, боролся за Советскую власть, стремился ее поддержать; когда же он оглянулся кругом и увидел, что на Советскую Россию надвигается большая беда, что в то время, когда Красная Армия и Красное казачество побеждает белогвардейцев путем страшных усилий, в тылу нарождается фронт, от которого Красная Армия может погибнуть, а с ней и вся Советская Россия. Беда, фактически доказанная здесь путем свидетельских показаний, что «на Дону со стороны внутреннего управления дело обстоит неладно», что там происходили большие бесчинства, от которых могли погибнуть все успехи нашей доблестной Красной Армии. Миронов, видя все это и чувствуя, что все эти ошибки необходимо исправить как можно скорее, пишет Ленину докладную записку, где указывает на творящиеся на Дону безобразия. Он кричит: «Беда идет». Но голос его слабо слышен. Ему говорят, что в центре не забывают Дона, издают приказы. Но дело-то ведь не в том, чтобы только издавать приказы, а в том, что все эти безобразия продолжают, несмотря ни на какие приказы. Верный себе, Советской России, Миронов из глубины души кричит: «Так нельзя дольше жить, помогите, сделайте что-нибудь для облегчения создавшегося положения!» — бросается туда-сюда, но его, верного сына Советской России, гонят с фронта, говорят ему: «Иди в тыл, сиди в Саранске на тыловой работе». Поручают ему формирование корпуса. Миронов не видел в этом поручении почетной ссылки, он еще верил и надеялся, что в нем ценят старого, опытного бойца и дадут ему возможность еще раз помочь Красной Армии своим опытом и знанием Дона. Он этого не понял, изумленный, нравственно истерзанный нечеловеческой борьбой, которая вконец расшатала его нервную систему; ряд свидетельских показаний говорит нам о том, что в Саранске Миронов производил впечатление нервно расстроенного человека. Миронов — эта цельная натура. Зачудил. Вот взгляд на то, что произошло с Мироновым по выходе из Саранска. Его сердце — сердце старого опытного бойца не могло быть спокойно, когда он видел, что положение на фронте опасно, что корпус его задерживается в тылу. Он пошел больной, непонятый; он не исполнил данного ему приказа — не выступить на фронт. И с этой точки зрения нужно понять все действия Миронова, а не подходить к ним с теми

широкими политическими предложениями, с какими подходил обвинитель. Какую же можно приписать Миронову борьбу с Советской властью, когда он с самого начала возникновения Советской власти защищает ее и борется за нее?! Достаточно только прочесть между строк во всех его печатных произведениях, и можно убедиться, что он все время говорит — любовно надо подходить к проведению Советской власти на местах, нужно подходить постепенно, не надо излишеств, крайностей и безобразий, и Дон, реакционный Дон, воспитанный самодержавием Дон, поймет Советскую власть и станет верным сыном Советской России. Вот причина всего этого дела, и не нужно искать здесь каких-то заговоров и скрытых поступков. А если вы поймете это и посмотрите с этой точки зрения, то вы и отнесетесь к нему не как к обвиняемому, а как к человеку, как к бойцу, набедокурившему скверное дело. Что же случилось после неисполнения Мироновым военного приказа?.. Миронов выступает на фронт, но, как он говорит, никаких стычек с войсками Советской власти, он всячески избегает столкновения с советскими войсками; он уходит на донской фронт, на борьбу с Деникиным, и все его декларации и заявления одним только и дышат, что нужно биться с Деникиным. Старый боец заскучал на покое, пошел служить Советской России, правда, не исполнив военного приказа — не идти на фронт. Он шел на фронт сражаться.

Нужно признать, что это движение, руководящее Мироновым, вызвано действительно исторической обстановкой на Дону, действительно тяжелыми событиями и безобразиями, творимыми на Дону. Из истории мы знаем, как лучшие сердца не могли молчать, видя вопиющие несправедливости в своей стране. Мы знаем, как наш великий мыслитель Толстой закричал: «Я не в силах больше молчать», так и Миронов, будучи не в состоянии равнодушно смотреть на безобразия, чинимые на Дону, закричал от всего сердца, и его услышали. И кто знает, не было ли вызвано этим криком известное обращение центра к казакам. И мы знаем, что за последнее время политика Советской власти изменилась по отношению к казачеству. Все это говорит за то, что Миронов был исторически прав, закричав, что дальше так не может продолжаться! Миронов закричал, и крик его пробудил к излечению одной из язв Советской России. В этом его заслуга, и за это его можно помирить».

Миронову казалось, что защитник зря просит судей помиловать его. За что, позвольте спросить, «миловать»?.. Если послушать злобного и кровожадного Смилгу, то Филипп Козьмич — злейший враг революции и Советской власти. Послушать защитника, то Миронов, оказывается, — «лев революции». Кто же он на самом деле? Каков его истинный характер? Мужественный и совестливый, пришедший в революцию не из-за корысти и чинов, не из-за голодного и беззащитного бесправия, а по убеждению, девиз которого в жизни — правда. За все годы войн — русско-японской, империалистической и гражданской — ни одного недостойного поступка не совершил. И в гражданскую? Да и в ней, братоубийственной, как это ни странно. Бой — тут с обеих сторон царствует беспощадность. Но после, когда люди приходят в себя и начинают в память приходить, ведь он отпускал домой раненых и пленных. А это что-нибудь да значит для людей, подготовившихся к смерти. А как поступал Якир, допустим, и его учителя — Свердлов, Троцкий, Ходоровский, Гиттис, Френкель? Убивать всех — и пленных и раненых. Даже процентное уничтожение казаков... До такой дикости могли дойти только инородцы! И за это им — слава и памятники от русского народа? Где же предел уничижения человека как такового?! И так целый народ, как на иконы, может молиться на своих палачей? Это что такое надо с ним сделать, чтобы превратить его в послушное стадо?!. Гордых, свободолюбивых, мужественных сынов Дона...

И вот судят одного из храбрейших и достойнейших. Судят, как бандита и изменника Дона. А он влюбленный в этот самый Дон и против него не совершил даже в мыслях ни одного недостойного деяния.

Какое-то дикое зрелище представляет этот суд. Честнейшего донского казака Филиппа Козьмича Миронова судят за то, что он вопреки запрету этого самого Смилги выступил на фронт. Рвался на фронт, а его за это приговаривают к смертной казни. Это равносильно тому, что портрет палача повесили в передний угол горницы и заставили на него молиться... Значит, троцкистам не нужна была победа над контрреволюцией?! Им нужно было продолжение бойни. Продолжение самоистребления донских казаков. Самоистребление русского народа. Как сам «вождь» Троцкий выразился, чтобы «железной рукой загнать человечество к счастью!!!». Разве не может быть подвластен народ этим извращенным человеческим натурам? Подвластен и он, казак Миронов? Вот сегодня или завтра на

рассвете шлепнут его, и поминай как звали... Где же та грань между борьбой за свободу и счастье народа и кощунственной оглупленностью великой идеи? Кто позволил инородцу Смилга устраивать счастье русского народа? Жестоко и прямолинейно спрашивал себя Миронов, потому что он являлся представителем этого самого народа, которому Смилга уготавливал «счастливое будущее». Да не хочет он, Миронов, из таких липких, волосатых рук получать счастье. Не хочет! И не будет. Уж лучше пулю в лоб, чем пресмыкаться перед инородцами. Он сохранит честь и достоинство и умрет свободным и несломанным. Придет время, и люди рассудят, кто был истинным борцом за свободу, а кто незванным явился загребать себе удачу. А почему приبلудившемуся Смилга не стыдно чужой хлеб есть, да еще и командовать хозяевами? Значит, он никчемный человек, и руки у него загребушие на чужое добро. Он что же, в России останется до конца дней своих и будет обучать «туземцев», как жить, дышать и быть счастливыми?.. Чушь. Было бы мудро и разумно прийти к народу и поучиться у него, как жить по совести. А он пришел и начал командовать. И не стыдится.

На Дону такому нахальному пришельцу, вошедшему в собрание почтенных стариков, — первый кнут. На соборную площадь, спустили бы штанишки — и кнута ввалили. Чтоб не смел рта разевать, коли его не спрашивают. Чтобы не засорял людям головы, а Дон — сквернословием... Ведь всем памятно событие, когда казаку, плюнувшему в реку, плетей ввалили, да еще батюшка эпитафию наложил. И Дон, и донская степь издревле оставались чистыми, как люди, населяющие эти благодатные места. Они творили дела и песни пели. Песня — это образ жизни казака: как дышать, говорить, работать... А теперь вместо песен инородцы принесли нам свист пуль и скрежет штыков... Что же произошло с духовным миром казаков? Но кто остановит кровавый разгул приبلудившихся пришельцев?..

Останься же ты в живых, Миронов, хоть жертвенной свечой, но помоги оскверненному Дону очиститься от скверны!.. Тебе предоставляется последнее слово в этом запутанном и кровавом мире. Последнее?.. Как последняя вспышка на небосклоне в «соловьиную» ночь... Как последняя любовь... О Надя-Надюша...

Последнее слово Филиппа Козьмича Миронова на заседании Чрезвычайного ТРИБУНАЛА 7 октября 1919 года:

«Граждане судьи, свои впечатления о пребывании в камере № 19 я занес на клочок бумаги, который останется после меня. В первые минуты диким казалось пребывание в этом каменном мешке. Когда захлопнули его дверь — не сразу понял, что произошло. Вся жизнь отдана революции, а тебя посадили в тюрьму; всю жизнь боролся за свободу — и в результате ты лишен свободы.

Обвинитель здесь приписывает мне какую-то скромность. Но я хочу, наконец, чтобы меня поняли не как скромного человека, спасающего свою шкуру, ибо я ее никогда не спасал там, где голос совести этого не требовал.

В том каменном мешке около меня впервые не было ни одного врага, ни одного человека, который помешал бы мне взять книгу более серьезного содержания. Смилга сказал, что я не знаком с Марксом. Да, я не знаю его, но там, в заключении; я впервые прочел небольшую книжку о социальном движении во Франции и напал в ней на одно определение, характеризующее подобных мне людей. Дело в том, что во Франции были социалисты, озабоченные мыслью о справедливости, всюду и везде искавшие ее. Эти люди были в высшей степени искренние, но лишенные научных знаний и методов.

Люди, лишенные научных знаний, идущие и стремящиеся к справедливости чувством и сердцем, называются социалистами-эмпириками. Таким как раз являюсь и я. В этом мое несчастье. Не стану много распространяться об этом, тем более что многое судебному следствию уже известно. Скажу лишь кое-что о тех революционных выступлениях, которые совершил в течение своей жизни.

1. В 1895 году, когда еще был нижним чином, один из начальников необоснованно вычел из моего 9-рублевого жалования 6 рублей. Я возмутился против этого произвола и сказал, что застрелю такую собаку. Создались настолько неприязненные отношения, что я был вынужден перейти на службу к мировому судье.

2. В 1904 году я имел чин сотника и был избран станичным атаманом. Тогда же пришлось отправлять на службу безлошадных казаков. И так как приобретение собственных строевых коней заставило б их влезать в большие долги, я, всегда горячо защищавший интересы казачества, во

время приемки лошадей сумел провести перед комиссией общественных, но окружной атаман всех их забраковал и приказал мне через три часа представить новых.

Узнать, почему забракованы эти вполне годные для службы лошади, мне не удалось, и тогда я решил представить их в назначенный срок вторично. На этот раз атаман выбрал из них 6, а остальных опять забраковал. Но через два-три часа я снова предъявил ему якобы новых, а фактически уже дважды признанных негодными, и наконец-то они были «приняты»... При этом я должен подчеркнуть то обстоятельство, что свидетелями моего поступка были представители 18 станиц Усть-Медведицкого округа.

3. В свое время я решил пойти в юнкерское училище с надеждой получить на казенный счет образование и найти под офицерскими мундирами честных людей. Но я глубоко ошибся; они, как правило, оказывались слугами самой тяжелой реакции. Даже на фронте русско-японской войны командный состав не прекращал своих бесчинств. И когда за совершенные преступления начальник 4-й казачьей дивизии генерал Телешов был посажен в арестантское отделение, я публично сказал командиру полка, что «так нужно поступать со всяким начальником, допускающим безобразия в нашей армии». За это «вольнодумие» меня «определили» в госпиталь для нервнобольных...

4. Из Манчжурии на Дон 4-я казачья дивизия отправилась после издания манифеста 17 октября, который русским народом был встречен как светлый праздник. Однако и при наличии этого дарования в Уфе за революционную деятельность арестовали инженера Соколова и приговорили к повешению. Защищая его, железнодорожники всей дистанции объявили забастовку, а наш головной эшелон потребовал дальнейшего продвижения. Тогда я стал разъяснять казакам, что настаивать на отправке поездов в момент, когда идет вопрос о спасении человека, борющегося за трудовые массы, нельзя. И казаки действия железнодорожников одобрили. Эшелон оставался в Уфе до тех пор, пока не помиловали Соколова.

5. На Дону я жил лихорадочной жизнью. По окончании войны с Японией на Дону стали мобилизовать казаков на внутренний фронт, иначе говоря — для борьбы с революцией. Я стал разъяснять казачеству смысл такой мобилизации. Затем окружной сход Усть-Медведицкого округа послал меня в Государственную Думу со своим приговором об отказе от полицейской службы и согласии о безвозмездном представлении земель живущим в казачестве иногородним крестьянам.

При возвращении из Петербурга в Новочеркасске я был арестован за антиправительственную деятельность...

Вообще 1906 год для меня был очень тяжелым. Из-за политической стычки меня «определили» на службу в Даниловской слободе. Потом, когда возник «Союз русского народа», я разъяснил казакам его реакционную сущность и вскоре после этого был сослан в 1-ю казачью дивизию под начальство генералов Самсонова и Вершинина, где пережил страшный в отношении меня произвол. При одном столкновении на этой почве со своим начальником я сказал ему, что он не человек, а зверь.

Таким образом, где бы я ни был, всегда, во всяком месте совершал революционные поступки, дабы дискредитировать власть. Все это я говорю с целью показать, что всегда стоял за справедливость, за правду и за интересы угнетенного народа...

Я опытный боец, и мне тяжело принимать на себя кличку «предатель», «изменник»... Так называли меня белые, так меня называет теперь Советская Россия, между тем я всегда боролся за нее и отстаивал ее интересы.

О своих детских и юношеских годах могу сказать, что характерным для моей жизни в те годы было: одежда — с чужого плеча, обед — с чужой кухни. Именно с тех пор мне, как выходцу из трудового народа, всегда были понятны его нужды. Потому-то с первых дней революции до сих пор я от него не отделялся.

Не вдаваясь в подробности множества эпизодов, которые лишний раз могли бы засвидетельствовать о том, что я всегда стоял за советскую власть, упомяну лишь о тт. Мордовине и Блинове, которые были моими учениками в военном отношении (председатель суда делает замечание: «Прошу не вдаваться в такие подробности, так как это не имеет никакого отношения к делу»). Я не буду вдаваться в подробности, но все-таки скажу, что когда Блинов служил под моим начальством, на него поступил донос о том, что он контрреволюционер. Я призвал его к себе и сказал: «Блинов, ты контрреволюционер». От страха и волнения он побледнел, затрясся... Но я не поверил тому донесению, под суд боевого товарища Блинова не отдал и тем спас его от неминуемой гибели. Конечно, впоследствии оказалось, что донос был ложным, но по горячим следам ловко сострепанной клеветы суд, несомненно, не оправдал бы его. Относитесь с таким же доверием ко мне и вы. Я прошу вас об этом не потому, что мне просто дорога жизнь. Нет. Без доверия советской власти она мне не нужна. Еще раз прошу вас об испытании: дайте мне возможность остаться на позиции революционного борца и доказать, что могу защищать советскую власть в ее самые

критические минуты.

Я закончил свое последнее слово. Вы видите, что вся моя жизнь была тяжелым крестом. И если нужно, я понесу ее на голгофу. И хотите верьте, хотите нет, но я, крикну: **ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!»**

Чрезвычайный трибунал приговорил Филиппа Козьмича Миронова и десять его сподвижников к смертной казни — расстрелу. В их числе: Булаткин, Матвеев, Фомин, Праздников, Данилов, Изварин, Федосеев, Дронов, Корнеев, Григорьев. «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, исполнение — в течение 24 часов. В силу вступает немедленно». Утром — казнь. И вот он — рассвет...

«После оглашения приговора в просьбе собраться нам в одну камеру, чтобы провести последние часы вместе, — отказано не было. Вот здесь-то, зная, что через несколько часов тебя расстреляют, через несколько часов тебя не будет, — крайне поучительно наблюдать таких же, как ты, смертников, сравнивать их состояние со своим. Здесь человек помимо своей воли сказывается весь. Все попытки скрыть истинное состояние души бесполезны. Смерть, курносая смерть смотрит тебе в глаза, леденит душу и сердце, парализует волю и ум. Она уже обняла тебя своими костлявыми руками, но не душит сразу, а медленно, медленно сжимает в холодных объятиях, наслаждаясь твоими душевными страданиями, выпивает остатки сопротивляющейся воли...

Больше всего мы старались найти забвение в революционных и казачьих песнях. Словами из песни: «Ах ты, батюшка — славный Тихий Дон» — мы прощались с теми, кого больше жизни мы все любили, из-за кого гибли... Но слышал ли нас наш родной Дон?.. Понял ли он нашу любовь, наше страдание за него?

...Вот что перенесли мы, находясь в камере смертников. Это не тот страх смерти, когда в пылу сражения, среди треска пулеметов, свиста пуль и скрежета снарядов человек играет с опасностью, зная, что смерть его — дело случая. Он предполагает свою смерть. И смерть поэтому в бою не страшна: один момент и... все кончено. Но ужасно для человеческой души сознание близкой неотвратимой смерти, когда нет надежды на случай, когда знаешь, что ничто в мире не сможет остановить приближающейся могилы, когда до страшного момента остается времени все меньше и меньше и, наконец, когда тебе говорят: «Яма для тебя готова...»

Живой свидетель — ординарец командарма, Иван Львович Миронов вспоминает о тех тревожно-страшных днях. Мы сидели с ним на крыльце. Беседовали... Жена Ивана Львовича принесла арбуз и села по правую сторону от мужа. Он строго глянул на нее: «Не знаешь своего места!..» Старуха быстренько приподнялась и молча пересела на другую сторону. Иван Львович пояснил мне: «Баба должна быть всегда и везде по левую сторону от казака, как и шашка... О Балашове помню, как нынче это было... Сидел Миронов в одиночке. После суда Филипп Козьмич попросил стражу побыть со всеми вместе. Сидим, носы повесили... Тюрьма над Хопром. Ночь. «Когда расстреливают?» — «На рассвете». Полночь...

Загремели засовы. «Кто Миронов?» — «Я». — «Выходи!» Повели Миронова. Сидим, слушаем, ждем выстрела — прошло, может быть, пять... десять... пятнадцать минут... Снова гремят засовы — входит Миронов, в руках какая-то бумага... Помиловали...»

Председатель Чрезвычайного трибунала по делу Миронова Д. Полуян опубликовал в «Известиях» статью «Почему Миронов помилован»:

«Кто такой Миронов? Представитель враждебного советской власти класса? Отнюдь нет, иначе мы не судили бы его, а просто расстреляли. Кто такие мироновцы? Тоже не наши классовые враги. Среди них нет ни одного банкира, помещика или буржуя. Больше того: если вы возьмете любого мироновца, то увидите, что каждый из них так или иначе пострадал от Деникина или Краснова. У одного семья вырезана, другой сам подвергнулся насилиям, у третьего дом разорен и т. п.

Миронов — типичный представитель середняка, трудового казачества. Он далек от последовательной, выдержанной, кристально ясной идеологии рабочего класса, но он не менее далек от идеологии помещичье-буржуазных классов. В Миронове скрещиваются, переплетаются, порою в неожиданных сочетаниях, самые разнообразные политические влияния, но с явным преобладанием (и это типично для середняка) того из этих влияний, которое можно назвать советским.

Как всякий середняк, Миронов постоянно колебался и метался между двумя крайними лагерями — пролетариатом и буржуазией. Он никогда отчетливо не сознавал той непроходимой пропасти, какая лежит между белыми и красными...

Перед Чрезвычайным трибуналом стояла следующая задача. С одной стороны, Миронов нарушил боевой приказ, вступил в стычки с красноармейскими частями, резал телеграфные провода, одним словом, действовал как мятежник. В условиях гражданской войны за такое преступление может быть положена только одна мера наказания — расстрел. С другой стороны, Миронов совершенно искренне раскаялся в своем преступлении и дал торжественное обещание впредь всю свою жизнь посвятить борьбе за Советскую власть. Кроме того, у Миронова имеются большие заслуги перед революцией. С самых Октябрьских дней он стоял в наших рядах, активно боролся с Красновым, занимал ответственные командные посты, все это говорило за то, чтобы Миронову сохранить жизнь».

ВЫПСКА из протокола заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 23 октября 1919 г.

Вопрос о МИРОНОВЕ.

1. МИРОНОВА от всякого наказания освободить.

2. Ввести его в состав Донского исполкома... Ввиду того, что настоящее постановление принято двумя голосами (КАМЕНЕВА, ЛЕНИНА) против КРЕСТИНСКОГО, предложившего назначить МИРОНОВА на командную должность, при воздержавшемся КАЛИНИНЕ, поручить КРЕСТИНСКОМУ выяснить по телефону мнение ТРОЦКОГО. До переговора с ТРОЦКИМ постановление в исполнение не приводить.

3. Освободить от наказания остальных осужденных по делу МИРОНОВА, поручив СМИЛГЕ как проведение этого в жизнь, так и распределение помилованных по различным войсковым частям и советским организациям.

4. Ввиду заявления МИРОНОВА тов. ДЗЕРЖИНСКОМУ о желании вступить в коммунистическую партию, признать, что он может войти в партию лишь обычным порядком, т. е. пробыв сначала не менее трех месяцев сочувствующим, причем при истечении срока вопрос об окончательном приеме в партию должен рассматриваться в ЦК.

26 октября 1919 года Политбюро снова, уже в третий раз, обсуждало вопрос о МИРОНОВЕ. По предложению Дзержинского оно поручило Государственному издательству напечатать «Обращение МИРОНОВА к казакам»...

Политбюро ЦК РКП (б) одобрило обращение Миронова к казакам, отпечатаало и разослало — на фронт борьбы с Деникиным и Врангелем и на Дон: «Донские казаки! Я хочу напомнить вам, братья мои, о прошлом. Не стремился ли я удержать вас от того, чтобы генералы, помещики, капиталисты, вообще буржуазия втянула вас в гражданскую войну за их интересы? Я говорил вам на митингах и в воззваниях: братья-станичники, давайте сами покончим с контрреволюцией, помещиками и генералами, давайте прогоним их с родного Дона, где они свили себе гнездо — на горе казачества. Не допускайте до того, чтобы для борьбы с контрреволюцией Российская Советская Республика послала свои войска из Саратовской, Воронежской, Пензенской и других губерний — тогда пропали ваши хозяйства, ваши хаты, ваши жизни, так как Дон станет ареной жестокой гражданской войны. И кто меня слышал в 1918 году, тот вспоминал не раз в 1919-м, когда мое предчувствие оправдалось. Вспоминал и охал, жалел, что не послушал.

Я обращаюсь к вам, донские казаки, как бы пришедший с того света. ОСТАНОВИТЕСЬ! ОПОМНИТЕСЬ, ЗАДУМАЙТЕСЬ, ПОКА НЕ ПОЗДНО, ПОКА НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО. ПОКА МОЖНО ЕЩЕ НАЙТИ ПУТЬ К МИРУ С ТРУДЯЩИМИСЯ РУССКОГО НАРОДА. Не для

нынешнего дня, не для себя вы должны найти мир, а для будущих далеких дней, для своего потомства, для своих детей и внуков. Не готовьте им таких ужасов, какие пережили сами. То, за что борется трудящийся народ, — неизбежно. Этого не остановить никакому генералу, ни помещику, ни капиталисту.

Эти враги трудящихся масс, а следовательно, и ваши враги отлично это сознают, но стараются хоть на десять лет оттянуть свой конец, конец своей праздной буржуазной жизни, хоть на десять лет вернуть свои участки земли и громадные имения, свои капиталы, свои дворцы, свое господство. Напрасно. Им не удастся это! Они будут жестоко разбиты. А вместе с ними и вы, казаки, если будете их поддерживать, за них сражаться. Так не обрекайте же, донские казаки, себя, своего имущества, своих детей на это истребление. Это сейчас в вашей воле.

ОСТАНОВИТЕСЬ! СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ГОТОВА ПРИНЯТЬ ВАС, КАК СВОИХ БРАТЬЕВ, ПРОСТИТЬ ВАС, ЧТОБЫ ВЫ В ЕЕ РЯДАХ СКОРЕЕ ПОМОГЛИ ПОКОНЧИТЬ С ПРОКЛЯТЫМ СТАРЫМ МИРОМ РАБСТВА И УГНЕТЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС, ЧТОБЫ НАЧАТЬ СТРОИТЬ НОВУЮ СВЕТЛУЮ ЖИЗНЬ, В КОТОРУЮ ВОЙДУТ И ВАШИ ДЕТИ, НЕ БОЯСЬ ЗА СВОЮ СУДЬБУ. ПОГИБШИХ ВАМ НЕ ВЕРНУТЬ, НО ОСТАНОВИТЬ ДАЛЬНЕЙШУЮ ГИБЕЛЬ В НАШИХ И ВАШИХ РУКАХ.

Бросайте ваших генералов и идите к трудовому народу, чтобы с ним рука об руку закончить борьбу труда окончательно.

Я торжественно заявляю, что те ужасы, которые были на Дону, больше не повторятся.

Я не могу умолчать и перед офицерским составом деникинской армии, особенно перед теми из них, которые вышли из рядов того же трудового казачества. Опомнитесь, остановитесь и вы! Вами уже достаточно пролито крови, чтобы с ужасом отвернуться от ее луж. Вы виноваты в этой крови и всех ужасах, пережитых Доном... Граждане офицеры, кровавое дело начинали вы. Вам же, если у вас еще есть остатки чести и совести, может принадлежать более великий почин — почин мира с Советской Россией. Искренне раскаявшихся офицеров, пришедших со своими взводами, полусотнями, сотнями и полками, Советская Россия примет как братьев и предаст забвению их прошлое против нее.

Казак Усть-Медведицкой станицы — Ф. Миронов».

В эти же дни Филипп Козьмич Миронов, доставленный в Москву для решения своей судьбы, начал писать воспоминания.

Пережив все оскорбительные перипетии с формированием Донского

корпуса, потом — «изменник, предатель...» «Убить, как бешеную собаку...» И финал. Приказ — расстрел... Приговор трибунала — расстрел... Помилование... От таких потрясений не каждый человек быстро оправится. Но у Филиппа Козьмича откуда-то явились силы обратиться к братьям-казакам с призывом вернуться под крыши родимых куреней и утверждать Советскую власть.

Хотя эта самая Советская власть только что дважды водила его самого на расстрел. Пусть физически она его не убила. Но мысль его уже дважды казнили!.. Но он с подкупающей искренностью и верой в святое дело Советской власти обращается к братьям-казакам последовать его примеру.

Пишет Миронов умно и проникновенно. Талантливо, как высокоодаренный публицист. Несмотря на давность написанного (более семидесяти лет), да и писались эти строки, как говорится, на ходу, на коне в седле, но и сейчас из его приказов и воззваний нельзя и слова выбросить — столько в них страсти, веры, ума. Невольно думаешь, что щедрая и расточительная природа будто бы бескорыстно в одного человека вкладывает уж очень много, но она и требует не меньшей отдачи. Судьба поднимала Миронова на самую высокую вершину славы и тут же опрокидывала до унижающего позора. Но какие-то невероятные, фантастические силы снова поднимали его, и он опять начинал карабкаться по каменисто-горной дороге судьбы. И все из-за сладкого и заманчивого, как мечта, слова «свобода». Но почему он такую дорогую цену платил за нее и так часто ошибался? Говорят же старые люди, что только дураки никогда не ошибаются и все им дешево достается. Утешиться этой присказкой?.. Может быть, все дело в характере? Такой характер — подарок природы или в нем заложен коварный смысл?..

«Итак, 12 дней жизни... — писал Филипп Козьмич Миронов. — 12 дней, как позади осталась уже приготовленная яма, засыпанная потом пустою... Эта яма для меня является символом смерти, перед лицом которой не лгут. Я хочу, постоянно оглядываясь на нее, быть искренним в этих моих записках, в этих воспоминаниях о 47-летней жизни, оставшейся по ту сторону засыпанной ямы. Короче, это исповедь многострадальной жизни, не понятой современниками, но жизни поучительной... Но особенно побудительной причиной, заставляющей меня теперь работать над этими записками, является необходимость рассеять мнение политических моих противников, как революционеров, так и контрреволюционеров.

...Вчера, 18 октября из Казачьего отдела ВЦИК мне доставлены (я ведь еще под стражею — в гостинице «Альгамбра») копия статьи Л.

Троцкого «Полковник Миронов» и копия статьи некоего белогвардейца А. Черноморцева «Красные казаки». Обе эти статьи пристрастны по соображениям личного и политического характера. Важно отметить в статье Троцкого ее конец: «В могилу Миронова история вобьет осиновый кол, как заслуженный памятник презренному авантюристу и подлому изменнику».

Слабость человеческая, хоть мне всего «12 дней», уже успела мною овладеть: льстит моему самолюбию, что осиновый кол будет вбиваться не руками человека, всегда пристрастного, а руками истории, а для этой старушки отказать в искренности и чистоте исповеди — преступно...

И вот, как бы воскресший по какому-то чуду для новой жизни, я хочу начать ее опять-таки с исполнения того назначения человека, для которого он посылается на землю, а именно, в наше страшное время — облегчить страдания ближнего. Как я понимал свое назначение среди человечества, скажут эти мои записки, но не статьи Троцкого, Черноморцева и др., приписывающих мне карьеризм, авантюризм и т. п. качества, которых я был чужд всю свою жизнь. Девиз моей жизни — ПРАВДА!

...Все несчастье моей жизни заключается в том, что для меня, когда нужно сказать чистую правду, — не существует ни генерала царской армии, ни генерала Красной Армии. Правда, как всем нам известно, — есть общественная необходимость. Без нее жизнь невысказана. Правда, являясь двигателем лучших возвышенных сторон человеческой души, должна чутко оберегаться от захватывания ее грязными руками. Она в своем голом виде — тяжела, и кто с ней подружится — завидовать такому человеку не рекомендуется. Для нее нет ни личных, ни политических соображений — она беспристрастна, но жить без нее невысказано. Правда, как говорит наш народ, ни в огне не горит, ни в воде не тонет. И всю жизнь я тянулся к этому идеалу, падаю, снова поднимаюсь, снова падаю, больно ушибаюсь, но тянусь... Совершенства нет на земле, но к нему мы обязаны идти, если живем не во имя личного эгоизма...

Круговорот жизни втянул меня на арену общественной жизни и политической борьбы, и во всем этом я принимаю участие постольку, поскольку переживаемый момент требует моих физических, нравственных и умственных сил. Чувствовать над собою чье-либо господство я не любил еще при Николае Романове. Это тоже одна из причин моих несчастий, если только борьбу за торжество правды, за социальную справедливость считать несчастьем. Став на путь борьбы за Советскую власть, на путь борьбы за укрепление за трудящимися массами средств производства, за их социализацию, — я искренним желанием имел одно: не дать генералам,

помещикам и капиталистам увлечь темное и политически невежественное казачество на контрреволюционный путь. Я стремился, чтобы увлечь казачество на борьбу за Советскую власть, за борьбу в союзе с трудовыми массами России...»

В этих страницах вся суть его миропонимания, диалектика его борьбы. «Девиз моей жизни — правда!» Этот девиз привел его в революцию, с этим девизом на устах он погиб. До рокового дня осталось всего лишь 15 месяцев... Как он ими распорядился?

Став членом Донисполкома, заведовал земельным отделом. Ездил по станицам, хуторам, улаживая острейшие земельные конфликты. Убеждал казаков больше сеять — республике нужен хлеб. Обязанности свои исполнял добросовестно, но тяготился ими, считая чересчур кабинетными. А тут еще неутешительные вести с фронта... И он снова обращается к разуму и сердцу своих братьев, донских казаков — бросить оружие и вернуться домой.

Снова та же страсть и горячность и вера в то, что именно от его призывов люди вдруг остановятся, придут в себя и задумаются о ненормальном, противоестественном житье-бытье, которое противоречит всем разумным началам. Услышат в самих себе человека разумного и доброго и начнут возрождать разрушенный донской край. А сколько раз он обращался с подобными призывами? И что-нибудь изменил? Изменил строй жизни донских казаков? Многовековой их уклад, сложенный из мириадов деталей и сколоченный такой силой, которая не подвластна никому и ничему. Даже несмотря на его бешеную энергию, неужели он не понимал, что его усилия тщетны?.. Но ведь он мнил себя героем, способным на великие свершения — разрушить старый мир и на его обломках построить новый. А разве великое свершение — разрушать?.. Да и потом, как это на обломках строить?.. Что же за строение получится?.. Но таков лозунг творцов революции! А Миронов сам-то, кажется, и не стремился разрушать фундамент здания, созданный поколениями донских казаков, считал его крепким и жизнеспособным. Тогда к чему же он в конце концов стремился? К свободе. Но это же... мираж. Помнит он, как в знойной, раскаленной полуденным солнцем степи возникают фантастические видения, но при приближении к ним исчезают и возникают уже в другом месте, заманивая усталого путника все дальше и дальше... в гибельную пустоту. Где только единственная реальность — зной. Его руками не возьмешь, чтобы испытать на упругость, на языке вкуса не остается, только сухость во рту... И все равно он не переставал гоняться за степным миражом — свободой. Ну и гонялся бы себе на здоровье, как за

собственной тенью, но зачем же в это дело надо было втравливать донских казаков, привыкших мозолистыми ладонями ощущать реальные предметы? А он все время только и делал, что силком пихал в их руки счастье-свободу. И представлял пред ними чем-то вроде искусного фокусника, поучавшего, как прекрасно ощущение, когда ладонями захватываешь воздух да как можно большими порциями и кричишь от восторга, что эта пища даже полезна для казачьего желудка?.. Ерунда какая-то лезет в голову! И как только он мог до такого додуматься... Но не может же он теперь отказаться от всех воззваний, с которыми носился по белу свету? Да его никто и не заставляет. Однако вместо мифического добра, о котором он без устали твердил, не вели ли его дела к... преступлению? Что?! Этого еще его больному воображению не хватало!.. Ему, что ж, казалось, что он взлетал над миром? А выходит, падал? Да и падал-то не летящей птицей, у которой ветер шумит в крыльях и хоть чуточку ее поддерживает, а тяжелым грузным камнем... Раскалываясь о жесткую, неласковую землю... Ну а «милость к падшим призывал»?! И в этом его оправдание? А в раскаленной ненависти, которая обуяла родимый край, его вины нет? И за когтистокостлявую руку злобы, перехватившую дыхание на шее матери-Родины?..

«Донские казаки и крестьяне! Много вас бродит в Грузии и по горам Кавказа, боясь вернуться домой.

Вернитесь в свои разоренные углы, к своим покинутым семьям.

Вас ждут!.. С глазами, наполненными слезами, с страшною сердечною кручиною ц душевною тоскою — твоя старуха мать и преждевременно высыхающая жена, окруженная голодными детьми, — целыми днями и ночами глядят за околицу, поджидая своего родного пахаря, своего кормильца.

Вернись, донской казак, в свой родной хутор, в свою станицу...

Вернись, донской крестьянин, в свое родное село, в свою слободу...

Советская власть, если вы искренне покаетесь, простит вас и предаст забвению ваше преступление пред трудящимися массами.

Член Донского областного исполнительного комитета, казак станицы Усть-Медведицкой Филипп Миронов».

Еще до конца не осознавая своей роли в общей братоубийственной войне, Филипп Козьмич Миронов с его всегдашней готовностью быть там, где трудно и опасно, пишет заявление в обком партии и в облисполком: «Сегодня 31 июля в «Советском Доне» я прочел две заметки: «Нужно ликвидировать Врангеля» и «Все силы для отпора Врангелю». В газете «Красный Дон» от 30 июля помещена статья «Опасная заноза» и заметка «Смерть Врангелю». Понимая эти статьи и заметки как клич, как тревогу, считаю преступным не отозваться на этот зов, как коммунист и военный специалист. В грозный и решительный час пролетарской борьбы я еще раз хотел бы испытать свое счастье в борьбе с Врангелем, не покидавшее меня на фронтах — японском, германском и последнем — гражданском. Прошу забыть недоразумения прошлого и разрешить отдать мои военные знания и опыт, а может быть, и жизнь на дело укрепления коммунизма, в рядах Красной Армии, первые шаги которой мне пришлось создавать на севере Дона в 1918 году против Краснова. Не откажите же донести куда следует о моем желании — пойти самому и повести рабочих и красноармейцев знакомыми дорожками для уничтожения барона Врангеля. К сему — Ф. Миронов».

Может быть, и не стоило бы акцентировать внимание на таком факте, что к этому времени Филиппу Козьмичу Миронову шел сорок девятый год, потому что над подобными людьми не властвуют годы? Наверное, права народная мудрость, которая утверждает, что женщине столько лет, на сколько она выглядит, а мужчине столько, сколько он может... Выходит, Миронов многое мог, если при вступлении в командование Второй Конной армией она насчитывала 2760 сабель, а через три недели их было уже 6288. Разбитую, дезорганизованную, недисциплинированную, не знающую простейших построений взводов и эскадронов ровно через три недели специальная комиссия Южного фронта отмечала: «Во Второй Конной армии с приездом Миронова произведена огромная организационная работа. Вторая Конная армия совершенно преобразилась и превратилась в стройную, организованную, спаянную сознательной дисциплиной».

Это какую же надо иметь бешеную энергию и талант, чтобы разгромленную Врангелем Вторую Конную чуть ли не заново возродить к жизни и заставить бойцов и командиров поверить, что они способны вернуться на передовую и победить своего заклятого врага — барона... Тут

на поверхность всплыла такая деталь, которую и нарочно не придумаешь. Подставил Вторую Конную армию под удар Врангеля не кто иной, как бывший командующий Ока Иванович Городовников, который вместе с Буденным задерживал идущие из Саранска на фронт войска Миронова и приговаривал к смертной казни. Первый раз... И Миронову пришлось принимать дезорганизованные части Второй Конной... И еще одна деталь: членом РВС Второй Конной армии был назначен... Полуян, бывший председатель, Чрезвычайного военного трибунала в Балашове, приговоривший Миронова к смертной казни. Второй раз... Старые знакомые Миронова.

Красноармейцы и командный состав Второй Конной армии с нескрываемым восторгом встретили назначение командующим Миронова. Потому что Миронов — это талант и надежность. Миронов — это жажда борьбы. Миронов — это победа. Из более чем тридцати крупных сражений он еще ни одного не проиграл. Отчаянный и предусмотрительный, такой и нужен был измученным неудачами бойцам командующий. Он никогда их не оставит в беде. С шашкой наголо Миронов вырвется впереди конной лавы и примет первый удар на себя. Все знали не только его отчаянную храбрость, но и удивительную интуицию, где, когда, в каком месте нужно его присутствие, чтобы победить. Потом о нем ходили легенды, будто он заговорен. Пули жалили его десятки раз, но напрямую с пулей-дурой он еще ни разу не столкнулся. Сабельных ударов тоже избежал, но уже по другой причине — не было ему равных во владении казачьей шашкой в бою.

Среди белогвардейских офицеров бытовала иронически-трусоватая присказка: если завтра бой с войсками Миронова, то сегодня надо исповедоваться и причаститься, потому что живым не вернешься...

Барон Врангель, узнав, что Миронов прибыл на фронт, прислал ему письмо, запрятанное в буханку хлеба. Предлагал чин генерал-лейтенанта и должность командующего всей русской армией. После этого Миронов с особым вдохновением бил барона Врангеля, хотя войска Врангеля и обладали такой силой, которой не было ни у кого — 44 тысячи штыков и сабель, 267 орудий, 1377 пулеметов, 6 бронепоездов, 25 танков, 35 бронеавтомобилей, 40 самолетов...

Эта страшная в своем отчаянии злобная сила, смяв части Красной Армии, кинулась из Крыма на правый берег Днепра, чтобы соединиться с польскими войсками Пилсудского и, зажав в железные клещи, уничтожить красных. Замыслу грандиознейшей задачи не суждено было осуществиться только лишь по одной-единственной причине: на пути Врангеля встала...

Вторая Конная армия. Но ведь он же разбил ее!.. Все верно — разбил ее Врангель, и поэтому, узнав, что перед ним снова эта жалкая Вторая Конная под водительством бездарного командования, Врангель смело и дерзко кинул свои отборные части. Ведь не могла же Вторая за несколько дней возродиться и стать серьезной помехой на его победоносном рывке на правый берег Днепра с целью соединения с армией Польши...

Филипп Козьмич Миронов, вспоминая эти бои, неожиданно вскочил с тюремного топчана и заметался по камере... Врангель наносил главный удар двумя пехотными дивизиями и кавалерийским корпусом. На таранном острие его войск оказались части Второй Конной армии... Командующий Южным фронтом Фрунзе и член РВС Гусев прислали приказ № 330 Миронову: «...Вторая Конная армия должна выполнить свою задачу до конца, хотя бы ценой самопожертвования».

В собственном приказе от 14 октября 1920 года Миронов писал: «... Действовать упорно и беспощадно к себе и к врагу».

Филипп Козьмич понимал: «Историческая правда требует беспристрастного освещения событий, имевших место в великие дни революции, и мы, непосредственные участники боев, постараемся сделать это по мере наших сил и умения, не отнимая ничьих заслуг и не переоценивая фактов...»

В памяти строки телеграммы Главнокомандующего вооруженными силами республики командующему Южным фронтом: «Вторая Конная армия, руководимая доблестным командиром тов. Мироновым, в боях 13–16 октября западнее Никополя разбила лучшие конные части Врангеля — корпус Барбовича, и этим ударом создала перелом во врангелевском наступлении на правом берегу Днепра, преследуя по пятам разбитого противника, вынужденного поспешно отойти за Днепр. Армия захватила большие трофеи».

Завершившийся разгром белых войск Врангеля по справедливости составит одну из наиболее значительных и красивейших страниц борьбы русского пролетариата и крестьянства с мировой контрреволюцией за победу Советской власти в нашей стране и торжество социализма. Начальный толчок разгрому и образованию первой трещины в белогвардейской лавине дала именно Вторая Конная Красная Армия — в своих четырехдневных боях с противником 11–14 октября 1920 года на правом берегу Днепра. Сюда, в район Никополя барон, легко расправившийся с 13-й Красной Армией на левом берегу Днепра, перебросил из города Александровска отборные части: марковскую и корниловскую дивизии, конницу генерала Бабаева, 6-ю и 7-ю пехотные

дивизии с конницей генерала Барбовича.

Филипп Козьмич обхватил двумя руками голову и усиленно начал растирать виски, словно желая в мельчайших деталях вспомнить, как он сумел натренировать бойцов и командиров, чтобы они не дрогнули в самый решающий и критический момент необычного тактического решения, еще никогда никем не применяемого. И может быть, главным было — убедить всех, что смертельный бой окончится победой. И еще, чтобы ни одна душа не знала о готовящемся «сюрпризе» врангелевским войскам, такого «гостинца» они еще не получали и вряд ли получат...

«Да, — писал впоследствии Миронов, — бог войны долго колебался над решением: кому уступить военное счастье — красным или белым? В конце концов ценою безмерного героизма и полного презрения к смерти, высокого сознания в исполнении революционного долга со стороны как командно-комиссаровского состава, так и рядовых бойцов Второй Конной армии, счастье было вырвано нами. В бою 12 октября 1920 года руководителями конных масс являлись — со стороны белых генерал Бабиев и со стороны красных — командарм Второй Конной. Оба они принимали непосредственное участие в боях: генерал Бабиев убит, Миронов ранен. Лошадь под ним была сражена осколком снаряда...»

Ну и удачлив же казак Миронов!.. Смерть Бабиева произвела удручающее впечатление на белогвардейцев. Газеты «Вечернее время» и «Голос фронта» отзывались статьями: «Имя генерала Бабиева неумолчно гремело во всех победных сводках, начиная с сентября 1918 года. Это был кавалерийский начальник, соединяющий в себе беспредельное мужество и чрезвычайную решительность своих действий с правильным пониманием основных законов военного искусства и исключительно развитой личной инициативой. Он всегда наносил врагу смертельный удар...» «Сражен Бабиев! Теперь Бабиев больше не скачет. Не видят казаки его огненного взгляда, не слышат незабвенного голоса. Но не сломен дух верных сынов...»

Почему Миронов вспоминает содержание этих статей? Чтобы самому лишний раз убедиться, кто ему противостоял? Противник-то был достойный...

Барон Врангель издал специальный приказ за № 3698 от 14 октября 1920 года: «Убит командующий конной группой генерал-лейтенант Бабиев. Еще одна тяжелая потеря, еще одна жертва на алтарь отечества. Пал один из доблестнейших сынов России. 17 ранений и ныне увенчавший несчетные подвиги свои смертью храбрых... Дабы увековечить память павшего богатыря, 1-му Лабинскому полку, в рядах которого покойный

начал службу, именоваться впредь 1-м Лабинским генерала Бабиева полком».

«Коня!..» — хрипло закричал Миронов, раненый его любимец Орел валился на землю. Верный ординарец Иван, ни на шаг не отстававший от командарма, подскакал с запасной лошадей, и Филипп Козьмич, выскочив из одного седла, перескочил в другое... Не замечая, как из раны на ноге хлещет кровь... С шашкой наголо помчался впереди атакующей лавы... Кто-то дико заорал: «Командарм с нами!..», и началась бешено-смертельная скачка навстречу врагу. Кругом — артиллерийская канонада, пулеметная и ружейная стрельба. Пыль. Мат... Стоны... Огонь противника рвал на части людей и лошадей...

Этот решающий бой, оперативно-тактический, можно теперь смело сказать, предопределил судьбу... России. Так уж и всей России? Может быть, с его, Миронова, стороны так думать — нескромно? Посмотрим... Итак, что решил этот бой? Во-первых, Миронов не допустил соединения польских и врангелевских войск. А соединившись, они могли бы выполнить глобальную и вождленную задачу — уничтожить Красную Армию. Во-вторых. И в-третьих, Миронов разбил главные, ударные части Врангеля, обескровил его, и он уже после памятного для всех боя не мог оправиться. Ну а теперь, люди добрые, мыслящие, пусть рассудят, что сотворил Миронов своим талантом и умением... Разве он спас Россию от разгрома? И — революцию... И было за что у изгнанников с родной земли — врангелевцев — дикой злобой ненавидеть командарма Второй Конной — ведь это по его милости они оказались на чужбине.

Итак, решающий бой.

Белые смяли красноармейские части... Конница генерала Барбовича, дроздовский и корниловский полки, состоящие из отборных офицерских кадров, которым оставалось или умереть, или прорваться к северу и зайти в тыл 6-й армии. Вслед за отступающими красноармейцами мчалась конница белых с обнаженными шашками, дикими криками и свистом, сметая на пути отступающих бойцов... Навстречу белогвардейцам появились лавы 16-й и 20-й кавалерийских дивизий Второй Конной армии. Но силы были неравны — на каждого красноармейца три белогвардейца... Лавы быстро сближались... До их встречи — тысяча шагов, семьсот, пятьсот... Сейчас скрестятся шашки. Вдруг лава Второй Конной армии делится надвое: одна часть отскакивает вправо, другая влево — тут уж опьяненный противник почувствовал зримую победу и рванулся в образовавшееся пустое пространство, чтобы по частям рубить красных конников... Но тут-то и вступал в силу знаменитый мионовский маневр. Расколовшаяся надвое

лава дала возможность пулеметным тачанкам мгновенно обнаружить себя, развернуться чуть ли не на месте на сто восемьдесят градусов и открыть ураганный огонь по белогвардейцам. А таких пулеметных тачанок было 250. Лучшая конница генерала Барбовича и Бабиева погибла... Что и стало началом полного разгрома Врангеля. Об этом говорят сухие строки приказа Южного фронта № 103 от 27 ноября 1920 года: «Выход противника на правый берег Днепра у Александровска и Никополя окончился поражением его первого корпуса и гибелью лучшей конницы, что явилось поворотным пунктом и началом разгрома Врангеля».

Бойцы при виде проезжавшего командарма с восторгом кричали: «Даешь Врангеля!» Это была редкая минута небывалого душевного подъема, как редки причины, рождающие такие подъемы. А что отвечал командарм бойцам? «Товарищи! Ваша кровь святая! Она дала сегодня пролетариату большую победу!..» А потом уже все покатило к морю. В Крым... И золотое оружие Миронову вручали с орденом Красного Знамени, впаянным в эфес шашки... В то время — высшая награда Родины. Ею были удостоены в республике только 22 человека.

Такие награды, конечно, лестны, но... Во имя чего Бела Кун и Розалия Самойловна Землячка (урожденная Залкинд) отдали приказ расстрелять в Крыму более 100 тысяч бывших белогвардейцев?! Расстреливали молодежь — офицеров, юнкеров, кадетов, гимназистов... Причем обманно, под видом перерегистрации. Коварство и подлость. Сначала даровали амнистию, да еще агитировали, чтоб бывшие офицеры не покидали Родину, им, мол, ничего не будет: война кончилась — все греки забудутся, если они будут себя вести лояльно по отношению к Советской власти. Но молодые офицеры, юнкера, гимназисты еще не успели даже в себя прийти после отгремевших боев, как их всех пустили под пулеметный огонь... Что за звери эти люди, которые стоят во главе коммунистов? Вампиры какие-то! Но не люди. Нет.

Всех офицеров, являющихся на перерегистрацию, задерживали, ночью выводили за город к специально подготовленному рву и уничтожали. Без суда и следствия.

Бела Кун — венгр. В империалистическую войну попал в плен. Революционизировался у нас; вернувшись домой, руководил восстанием. Потом венгерский народ изгнал его, и он, спасаясь от гнева, снова проник в Россию... «на ловлю счастья и чинов». Нахрапом пробрался в руководители русского народа... Почему мы, русские, позволяем нечистоплотным людям, неизвестно откуда вынырнувшим на мутной волне, властвовать над нами? Да еще и нас же уничтожать... Чушь!.. Плетей бы ему!.. Но ведь по рекомендации Ленина этот беглый Бела Кун был назначен членом РВС Южного фронта!

Миронов видел этого палача, запомнились бездушные, ничего не выражающие выпуклые глаза, будто его сильно ударили по шее... А даму в пенсне, Розалию Самойловну, Филипп Козьмич много раз встречал — она возглавляла политотдел 13-й армии, которую приходилось ему выручать из трудных ситуаций.

Один — венгр, другая — иудейка. Неужели — дело в крови? Может быть, поэтому им не жалко русских людей? Допустим. Но ведь Землячка — женщина! Неужели русская женщина могла так безжалостно уничтожать людей? «Из сердца женщины святую выну жалость и тусклой яростью ей очи ослеплю», — как сказал знаменитый поэт Максимилиан Волошин.

Филипп Козьмич Миронов встречался с поэтом, поразила его

благородная внешность, а еще больше — внутреннее обостренное, почти раскаленное чувство совести. А какие стихи он создал! Боль его — о России...

С Россией кончено... На последях:
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, и язвы, и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

Какая сила!.. Какая боль!.. Ну почему люди, подобные Максимилиану Волошину, не становятся избранниками русского народа?! И еще: «Мы выучились им верить и молиться за палачей». Как это верно!

Розалия Самойловна, палач обманутых офицеров, юнкеров и гимназистов, стала секретарем Крымского обкома партии. Как награду вручили эту высокую должность за убийство молодых и верующих. А Кун Бела — председателем областного ревкома. Этой влюбленно-коварной парочке восторженных от потока мученической невинной крови «вождь» Троцкий милостиво пообещал прибыть в Крым тогда, когда там не останется ни одного белогвардейца. И уж как ради этого старались хамовито-кровавые слуги. Вот кого надо сажать и судить!.. Неужели их не настигнет кара? И когда же кончится это самоистребление?.. Хотя плодить злое дело проще и легче: не надо ни ума, ни любви Но без этого и человека нет. Или прав Вольтер, изрекший: «Чем ближе я присматриваюсь к людям, тем больше мне нравятся собаки».

Память тревожащая встреча произошла на Перекопе с красавцами лейб-гвардии Его Императорского Величества казачьего кавалерийского полка. И может быть, виной тому, что Миронов в том бою совершил непонятный для многих, необъяснимый маневр своими войсками, был, как это ни странно, свадебный марш Мендельсона. Об этом никто и теперь уж никогда не расскажет, потому что последний свидетель только что ушел из жизни. От этого еще большая печаль ложится на сердце. Я могу только предполагать, что произошло с командармом в то мгновение — будто невидимая, но могучая рука властно наложила повод на шею коню и он, послушный, повел атакующую лаву чуточку левее лейб-гвардии казачьего полка. Какое-то поверхностное объяснение этому движению есть, потому что и с той стороны неслась вражеская конная лава, которую следовало смять и уничтожить. И все-таки, мне кажется, что-то дрогнуло в ожесточенном сердце командарма...

Лейб-гвардии Его Императорского Величества казачий кавалерийский полк был создан в 1775 году. И если донские казаки принадлежали к элитным войскам русской империи и были непревзойденными кавалеристами, то что говорить о лейб-гвардии, в ряды которой отбирали лучших из лучших. Традиции вырабатывались строгие и высокие, если даже учесть такую деталь, что полк имел постоянные казармы в Петербурге и Петергофе на протяжении чуть ли не полутора веков.

Гвардейские полки были всегда на привилегированном положении. А лейб-гвардейцы-казаки тем более, потому что они несли дворцовую охрану личной особы государя и членов его семейства. Один казак даже был своеобразной нянькой у цесаревича Алексея — на его руках он рос и переносил свой мученический венец... И хотя он болел неизлечимой болезнью — гемофилией, — но по традиции как наследник престола считался командиром лейб-гвардии казачьего кавалерийского полка.

Традиции... Это память и мудрость жизни человека. Стиснутый и возвеличенный традициями человек становится человеком.

Император Николай II и императрица Александра Федоровна приезжали в полк, обедали вместе с офицерами. Дочери — Ольга, Мария, Татьяна, Анастасия и наследник, великий князь Алексей — все в форме донских казаков сопровождали родителей... Играла музыка...

Лейб-гвардию посылали в бой только в самые критические и

решающие моменты, когда надо было спасти положение или переломить победу на свою сторону. Однажды на Балканах Александр II кинул в бой своих любимцев — лейб-гвардии кавалерийский полк. Залюбовался, наблюдая, как, сверкая отточенными шашками, они с радостью и, как показалось, даже с восторгом кинулись в атаку на врага. Будто на гулянье-игрище. Будто на свадьбу славы и смерти... А так как казаки-донцы больше жизни ценили честь и воинские подвиги, то император в какой-то мере был, может быть, и прав, думая, что они идут в бой как на праздник?.. И так как каждый лейб-гвардейский полк имел свой собственный гимн-марш, то, наверное, в то время у Александра II и возникла мысль присвоить донским гвардейцам, как марш полка, свадебный марш Мендельсона. Задумано — сделано...

И когда Филипп Козьмич Миронов перед этой самой последней атакой в боях за Перекоп выехал на небольшое возвышение, то лучи солнца, отраженные от серебряных труб духового оркестра лейб-гвардии казачьего кавалерийского полка, стоящего на противоположной возвышенности, ослепили его. И тут же до него донеслась музыка. Щемяще-тревожная, печально-торжественная. Он понял, что перед его войсками стоит лейб-гвардии казачий полк, цвет донской кавалерии. Значит, подумал тогда Миронов, плохи дела у Врангеля, коли для атаки приготовлены последние резервы... Филипп Козьмич знал этот свадебный марш Мендельсона и историю его присвоения казачьему полку. Бывал в гостях у земляков, обедал в офицерском собрании, где для него, как и для каждого офицера, подавали именной столовый прибор... Играл духовой оркестр. Свадебный марш Мендельсона по-особому был празднично-торжествен. И Миронову в какой-то момент даже хотелось остаться служить в этой необычно дружной офицерской семье донских казаков. Но его ждали другие дела, другие обязанности, и мечта осталась неосуществленной.

И вот теперь этот празднично-торжественный свадебный марш Мендельсона настиг Миронова не в офицерском собрании, где все сверкало чистотой и блеском, от нарядных мундиров до накрахмаленных скатертей и салфеток, а среди крови, грязи, смерти. И поэтому показался особенно печальным. Может быть, даже потому, что трубы полкового оркестра были из чистого серебра и выполнены по особому указу императора, и звуки, издаваемые ими, были чисты и трогательны.

Несмотря на кажущуюся радостно-торжественную самую мелодию марша, Миронов чутким ухом различил в них грустные нотки — ведь оркестр играл любимый марш перед смертельным боем. Играл в последний раз на земле Отечества. И настроение музыкантов вливалось в общую

мелодию скорби. И — отчаяния.

Филипп Козьмич представил, как рядовые казаки, юнкера и офицеры по старинной традиции переоделись в чистое платье и теперь, отчаянно гордые и смелые, ждут сигнала к атаке.

И вот он... Неожиданный, как всегда. Заглушая и как, бы принижая и пригибая к земле мелодию свадебного марша Мендельсона, резко и по-особому тревожно зачастил полковой трубач сигнал к атаке. Ожидавшие лейб-гвардейцы сейчас ослабят повод у пляшущих от нетерпения и страха коней и понесутся в последний бой. И будут чудиться им победа и слава. А уж если смерть, то и вечная память, которую будет хранить благодарная Россия...

Только безумствующая молодость может обольщаться такими надеждами. Такой верой. В полку не осталось ни одного офицера старше по званию и возрасту 24-летнего Бориса Федоровича Дубенцева, которому вне очереди присвоили высокое звание войскового старшины и приказали вступить в командование лейб-гвардии Его Императорского Величества казачьего кавалерийского полка.

Оркестр скорбно и зло доигрывал мелодию марша своего родного полка. Но они с такой непонятной силой ударили по сердцу 48-летнего бывшего полкового старшины, а теперь командарма Второй Конной армии Миронова, что непрошенная жалость поползла к его очерстневшему сердцу... Сейчас погибнет цвет казачьей молодости... Как тогда — гимназисты во главе с Катрин Мажаровой...

Смертельные враги... А ведь оба они, и молодой и старый, оба войсковые старшины, любили жертвенной любовью Родину. И чтобы любовь восторжествовала — надо убить друг друга!.. Отец и сын... Ведь Никодиму исполнилось бы ровно столько лет, сколько сейчас Борису... И от ожидания атаки, и от воскрешения памяти о сыне, и от этого проклятого, раздирающего душу марша можно сойти с ума!.. Уж скорее бы все кончилось...

И поэтому никто не узнает, почему Миронов отвернул свою атакующую лаву чуточку левее, чтобы сразу не смять лейб-гвардейский полк... Может быть, хотел окружить и взять их всех в плен живыми?.. Но молодой и горячий неопытный Дубенцев не понял благородного жеста командарма и ударил во фланг войскам Миронова. Значит, не судьба в смертельном бою играть в жалость... Миронов повернул лаву правее, обхватил лейб-гвардии казачий полк, будто черно-серым запыленным плащом закрыл. Прерывистыми ручейками замелькали блестящие парадные мундиры среди шинельной лавы мионовцев... Сквозь злобные

крики живых и стоны раненых, сквозь лязг отточенных клинков и ржание коней в последний раз оркестр серебряных труб лейб-гвардии Его Императорского Величества казачьего кавалерийского полка свадебно-похоронным маршем прощался с ненавистным Перекопом, частичкой русской земли, которой было отдано все святое и грешное в их кратковременной жизни.

Филипп Козьмич Миронов, командарм Второй Конной армии, после победы над Врангелем следовал в Москву, к месту нового назначения на более высокий пост — главным инспектором кавалерии Красной Армии.

Имя Миронова предполагалось быть достойно представлено в ряду национальных героев России.

Филипп Козьмич на несколько дней заехал в родную станицу Усть-Медведицкую. Всюду его встречали как победителя, как прославленного полководца.

И вновь будто разверзлось синее небо от колокольного набата в честь героя Дона, и огненной масти донской скакун нес горделивого седока в солдатской шинели мимо ликующей толпы земляков. Стальной, как удар клинка, взгляд теплел. Губы после бешеных, злобно-отчаянных и злобно-торжествующих криков войны, кажется, впервые раздвинулись в подобие улыбки. И может быть, хоть на миг он почувствовал на них аромат лазоревых цветов вместе с ранней росистой дрожью — будто седовласый пастушок вернулся под крышу родимого куреня в хуторе Буерак-Сенюткин.

Вдруг защемившее сердце толкнуло память с такой силой, что невольно на задубевшие, как кора старого дуба, щеки из уголков глаз поползли тяжелые, как свинец, слезы. Не облегчающие душу. Последние в его детско-молитвенном сне жизни...

Ах и удачлив же донской казак Миронов! Ровно девять лет он играл со смертью и сотни раз мог, как подобает воину, с честью погибнуть на поле боя, но то, что с ним произошло, нельзя было увидеть даже в самом страшном сне. Встречали на родимой сторонushке как героя, а провожали как... преступника.

Жизнь... Святая и грешная. Радости и пороки. Война, кровь, жестокость, алчность и дикость... Кто прошел через это, не растеряв уважения, любви к себе и ближним, и может еще дышать святым воздухом родимого края и любоваться спелыми колосьями хлеба, тот вправе считать себя человеком?.. Жизнь... Что это такое?.. Совесть?.. Честь?.. Честь и жизнь... Это как обмен кольцами новобрачных — самый светлый и желанный миг. Зачем он, Миронов, в этом мире? А если бы все сначала?.. Наверняка прошел бы тот путь — путь донского казака, стиснутого традициями. Служба в армии. Войны... И определяющим могла стать удача, собственная сообразительность и храбрость собственная. Все

прошло бы по заведенному кругу: ни прибавить, ни убавить. Потому что он принадлежал к роду-племени донских казаков и должен вместе с ними прошагать свой жизненный путь. Предначертанный предками. Судьбой народа. Он его песчинка и обязан быть истертым в порошок. Народ расстрелян. Уничтожен. Значит, и он должен погибнуть бесславно. И никаких трагедий! От народа, от его судьбы оторваться невозможно. Да и нечестно было бы... Традиции — вот корни, на которых покоится и судьба народа, и судьба отдельного человека. И судьба Отечества. Только дело-то все в том, что с жизнью расстается в этот миг не мифический народ, а он, конкретный человек — Филипп Миронов. И больно-то пока ему только одному... Да с ним ли все происходило и происходит?.. Сначала жизнь Миронова раскатывалась, как вольный, чистокровной донской породы конь, несущийся среди степных ковылей, в гриву которого упруго вплетались ветер, солнце, звезды и луна. И он кометой пролетал над миром, могущественным богом войны. Талантом богом наделенный. Справедливостью и милосердием. Но, видно, подобные люди отторгались вздыбленной русской землей, отягощенной страшным грехопадением, — сын убивал мать, дочь — отца. И вместе с ужасом грехопадения, мором и голодом на землю Русскую Бог проклятием выкинул черную, мракобесную стаю инородцев. Измазывая лица, руки и тела, они изголодавшимися ртами присасывались к своим жертвам и, захлебываясь от жадности, судорожно и суетливо пили кровь. Жирели. И лопались, как перекормленные пиявки...

Сможет ли Россия с бесстыдно заголенным подолом поползти до храма на исповедь и, встав на колени, принести покаяние? И допустят ли ее после всего случившегося к причастию?..

Люди, вы видите, что один из сынов России, бесстрашный и храбрый до безумия, встав на колени, готов покаяться и просить если не пощады, то хотя бы снисхождения к грехам своим и грехам своей Родины. Может быть, отыщется хоть крупица истины, которая примирит его с миром, в который он вошел как завоеватель?.. И не вините его за то, что он, переборов себя, с покаянием обращается к людям, не верующим ни в Бога, ни в черта.

*

Итак, последнее письмо-исповедь к властям предержавшим.

«Уважаемые товарищи и граждане!

В письме (№ 61, «Правда») Центрально-контрольной комиссии говорится:

«Партия сознает себя единой сплоченной армией, передовым отрядом трудящихся, направляющей борьбу и руководящей ею так, чтобы отстающие умели подойти, а забежавшие вперед не оторвались от тех широких масс, которые должны претворить в жизнь задачи нового строительства»... В другом письме ЦК РКП (б) ко всем членам (№ 64, «Правда»), между прочим, читаем: «События показали, что все мы слишком поторопились, когда говорили о наступлении мирного периода в жизни Советской Республики и что задача всех партийных организаций заключается в том, чтобы проникнуть поглубже в деревню, усилить работу среди крестьянства и т. д. Партия решила во что бы то ни стало уничтожить бюрократизм и оторванность от масс...»

Письмо это заканчивается восклицанием: «К массам... вот главный лозунг X съезда».

За 4 года революционной борьбы я от широких масс не оторвался, но отстал ли или забежал вперед, и сам не знаю, а сидя в Бутырской тюрьме с больным сердцем, чувствую, что сижу и страдаю за этот лозунг. Из доклада товарища Ленина на X съезде о натуральном налоге (газ. «Правда» № 57) я приведу пока одно место: «Но в то же время факт несомненный и его не нужно скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это политически и теоретически было необходимо».

Эту выдержку я взял, чтобы спросить себя и других: кто же, в конце концов, оказался оторвавшимся от масс и кто оказался забежавшим вперед? Но как бы я за себя ни решал этого вопроса, я не могу ни догнать, ни подождать коммунистическую партию, чтобы быть в ее рядах на новом фронте, объявленном партийным съездом в борьбе за лучшее будущее человечества, ибо лишен свободы.

В приветствии съезду работников водного и железнодорожного транспорта 23 марта (газ. «Правда» № 63),

между прочим, Калинин заявил: «...Советская власть говорит, что мы должны помогать везде и всюду истерзанным и усталым людям». Вот за этой-то помощью из Бутырской тюрьмы к Вам обращается один из самых усталых и истерзанных, что Вы увидите из такого медицинского свидетельства, выданного мне 29 марта за № 912:

«Дано сие заключенному Бутырской тюрьмы Миронову Филиппу Козьмичу в том, что он страдает хроническим перерождением сердечной мышцы, расширением сердца до конца; акцент П-тон, аорты Р — тяжелой формой неврастении».

К Вам обращается, тот, кто ценой жизни и остатков нервов вырвал 13–14 октября 1920 года у села Шолохове победу из рук барона Врангеля, но кого «долюшка» сохранила, чтобы дотерзать в Бутырской тюрьме, тот, кто в смертельной схватке свалил опору Врангеля — генерала Бабиева, и от искусных действий которого застрелился начдив Марковской, генерал граф Третьяков.

К Вам обращается тот кто в Вашем присутствии 25 октября 1920 года на правом берегу Днепра у села Верхне-Тарновское звал красных бойцов 16-й кавдивизии взять в ту же ночь белевший за широкой рекою монастырь, а к Рождеству водрузить Красное знамя труда над Севастополем. Вы пережили эти минуты высокого подъема со 2-й Конной армией, а как она и ее командарм исполнили свой революционный долг, красноречиво свидетельствует приказ по Реввоенсовету республики от 4 декабря 1920 года за № 7078.

К Вам обращается тот, кто вырвал инициативу победы из рук Врангеля 13–14 октября, кто вырвал в эти дни черное знамя генерала Шкуро с изображением головы волка (эмблема хищника-капиталиста) с надписью «За единую и неделимую Россию» и передал Вам в руки как залог верности социальной революции между политическими вождями и с ее вождями Красной Армии.

К Вам обращается за социальной справедливостью именно усталый и истерзанный, и если Вы, Михаил Иванович, останетесь глухи до 15 апреля 1921 года, я покончу жизнь в тюрьме голодной смертью.

Если бы я хоть немного чувствовал себя виноватым, я позором счел бы жить и обращаться с этим письмом. Я слишком горд, чтобы входить в сделку с моей совестью. Вся моя

многострадальная жизнь и 18-летняя революционная борьба говорит о неутомимой жажде справедливости, глубокой любви к трудящимся, о моем бескорыстии и честности тех средств борьбы, к которым я прибегал, чтобы увидеть равенство и братство между людьми.

Мне предъявлено чудовищное обвинение «в организации восстания на Дону против Советской власти». Основанием к такой нелепости послужило то, что поднявший восстание в Усть-Медведицком округе бандит Вакулин в своих воззваниях сослался на меня как на пользующегося популярностью на Дону, что я его поддерживаю со 2-й Конной армией. Он одинаково сослался и на поддержку т. Буденного. Вакулин поднял восстание 18 декабря 1920 года, а я в это время громил на Украине банды Махно, и о его восстании мне стало известно из оперативных сводок. Помимо восстания в означенном округе, таковые почти одновременно вспыхнули в других округах, под влиянием, как можно судить, антоновского восстания в Воронежской губернии. Ссылка Вакулина на поддержку Антонова была естественна, но ссылка на меня и т. Буденного — провокационная ложь.

Я не стану касаться здесь, как я прожил дарованный мне год жизни и как этот год научил и убедил меня не только чураться восстаний, но и подумать о них. Я прежде всего не кровожаден и не мстителен, да и 4 года непосредственной упорной борьбы чему-нибудь да научили. Успех социальной революции я видел всегда в лозунге: «К массам!», о чем имел честь писать 30 июля 1919 года к нашему уважаемому вождю В. И. Ленину в письме, цитированном во время моего процесса в Балашове 7 октября 1919 года. Я также писал о том, о чем с громадным запозданием (газета «Правда» № 65) в статье «Наш курс» говорит тов. Кураев: «Нужно соответствующим образом изменить приемы и методы работы среди крестьянства и подхода к нему. Старые приемы и методы работы могут быть вреднее агитации врагов».

Жизнь это нам жестоко доказала. Этот лозунг «К массам!» я не выронил из рук в интересах социальной революции за все время борьбы, что и подтверждается тем широким доверием, с каким шли ко мне массы до последней минуты перед моим арестом.

И если теперь пишут (газ. «Правда» № 65): «Лучшим организатором в наших рядах должен считаться тот, кто завоеует

наибольшее доверие и пробудит максимум самодеятельности крестьянских масс и с помощью убеждения сделает излишним принуждение», то я смею заявить, что сила моего авторитета в широких трудящихся массах казачества и крестьянства на Дону покоится именно на убеждении, но не насилии, открытым противником которого я был. Отсюда, я не способен ввергать народные массы на новые жертвы и цену восстаний знаю по Украине.

Это моя предсмертная исповедь. Люди вообще, а я тем паче, перед смертью не лгут, ибо я еще не утратил веры в моего бога, олицетворяемого совестью, по указке которой я поступал одинаково всю жизнь и с врагами и с друзьями.

«Чем ночь темней, тем ярче звезды, чем глубже скорбь, тем ближе бог». Вот почему я так мучительно прислушиваюсь к голосу моей совести. Правда, нелюбимая правда, подчас тяжелая, неприятная, ибо правда вообще неприятна злу — но — правда... За ней, как за надежным щитом, я вынес удары царских генералов, на нее и теперь моя надежда. Повторяю — это мой бог, и ему я не переставал молиться и не перестану, пока в брennem теле живет дух.

Еще раз позволю сказать, что не стану останавливаться на тех данных, почерпнутых в бытность мою членом Донисполкома, какие сделали меня противником всяких восстаний и их гибельности. Это направление я неуклонно проводил в жизнь на всех митингах. Я не хочу утверждать, что грандиозный митинг, проведенный мной 6 июня 1920 года в слободе Михайловке (пункт Вакулинского восстания) перед более чем двухтысячной массой пленных белых казаков, собранных со всех станиц, когда я исключительно звал их бояться всяческих восстаний против Советской власти, как огня, ибо за это по приказу фронта должны были уничтожаться огнем хутора и станицы, не был причиной, что казачество Усть-Медведицкого округа восстания Вакулина не поддержало а, наоборот, выбросило его за пределы Донской области.

Повторяю, не хочу утверждать, но смею сказать что сила призыва была огромна и чувствовалась всеми присутствующими.

В период гражданской борьбы на Дону белогвардейское командование признало эту силу и открыто заявило что «там, где побывал Миронов, поднять восстание против Советской власти

не пытайтесь». В своей печати они об этой силе говорили так: «Бациллы Миронова, если заражают, то заражают всю семью».

А теперь Миронов вдруг ошалел и организует восстание там, где 4 года звал на борьбу за Советскую власть. Еще тогда, в июне 1920 года, был горячий материал в Усть-Медведицком округе, материал, натасканный злою деятельностью бывшего председателя окрисполкома Еровченко (белогвардеец, выгнанный мной из Усть-Медведицкой в начале февраля 1919 года на хутор Большой), бывшего начальника окружной милиции Полежаева (белогвардейца), которого Еровченко и другие взяли на поруки из-под стражи и этим дали ему возможность скрыться от революционного суда, — это для честных коммунистов и граждан было ясно.

А деятельность районного начальника милиции Григорьева, спугнутого мной из Усть-Медведицкой, назначенною ревизией, Григорьева, убившего при его преследовании народного судью Ковалева.

О сгущенной атмосфере народного гнева и недовольства можно судить по такой сценке. 4 июня 1920 года я ехал из станицы Усть-Медведицкой в слободу Михайловку с инспектором пехоты Донармии. Видим, на полях работают крестьяне.

— Товарищ Миронов, это вы! — раздался вдруг голос одной казачки.

— Я.

Казачка повалилась на колени и, подняв руки к небу, отчаянным голосом закричала:

— Товарищ Миронов, спаси народ!

Сцена эта тогда на нас произвела тяжелое впечатление. Так жилось в вотчине Еровченко. Я думаю, что не покажется удивительным, если я на последующих митингах в слободе Михайловке 6 июня 1920 года, в связи с деятельностью местных представителей Советской власти, иллюстрировал свои слова вышеописанной сценкой, звал массы перенести и это зло, может быть, провокационное, имею основание так думать и верить, что центральная Советская власть чужда мысли быть врагом трудящихся — как не будет удивительным и то, что я привел этот случай.

На партийной конференции областного съезда во второй

половине июня 1920 года я говорил о развившемся бандитизме в Усть-Медведицком округе при благосклонном участии милиции и возможности восстания, но к моему голосу не только не прислушались, но лишили меня слова, ибо были еще люди, не напившиеся крови (их теперь нет, кроме одного). Прошу не подумать, что я хочу указать на кого-либо из членов бывшего президиума Донисполкома.

Я останавлиюсь теперь на том, что привело меня в Бутырскую тюрьму. В ее стенах, оглядываясь назад, для меня стало ясным, что охота за мной ведется давно. Я не стану распространяться о той тяжелой для меня минуте, когда я, встретив в станице Арчадинской бывшего белогвардейского офицера, моего пленника по 1918 году, бежавшего вторично к генералу Краснову 17–18 июня 1918 года под станицей Скуришенской, некоего Барышникова в роли председателя станичного исполкома Советов, вызванный провокационной дерзостью и насмешкой надо мной, я, потеряв душевное равновесие, ударил его, как белогвардейца — врага трудящихся. Конечно, в этом я глубоко раскаялся.

Я кратко изложу то, что было 8 февраля 1921 года в станице Усть-Медведицкой, где я пробыл всего два дня и за это «удовольствие» попал в тюрьму. Председателем тройки по восстановлению Советской власти в округе тов. Стукачевым мне было предложено по прямому проводу (разговор при деле) провести в станицах округа ряд митингов, на которых опровергнуть провокационную ссылку на меня Вакулина. Вечером 8 февраля после митинга ко мне домой пришли пять человек, из которых трех я знал хорошо, одного кое-как и одного видел впервые. Находясь под впечатлением арчадинского случая, под впечатлением провокационных воззваний Вакулина, начавшихся голодных смертей в станицах и селах, под впечатлением сотен словесных жалоб и письменных заявлений (какие я хотел представить Вам по прибытии в Москву), сопровождавшихся слезами и тяжелыми сценами, и особенно заявлением местной караульной роты (докладная отобрана при аресте), жаловавшихся на голод и холод (одеты нищенски) и, видя во всем этом горючий материал для восстаний, я решил, что не только население, но и красноармейцы утратили веру в местные органы власти и свое красное начальство, если, услышав о моем

приезде, эти люди, не зная меня, пришли ко мне искать помощи и защиты.

Эту помощь я обещал им от имени Предреввоенсовета Республики, лишь только доберусь до Москвы. Но поездка моя затянулась. Считаясь с четырехкратными вспышками восстаний на Дону, антоновским восстанием, сильно будировавшим массы, и повсеместным глухим ропотом широких земледельческих масс вообще, гул которого доходил до меня очень легко, ибо эти массы и их представители всегда шли ко мне с доверием, хотя бы только во имя моральной поддержки, которую я оказывал им в здоровых советах, я, не имея в виду ничего предосудительного и преступного и не допуская мысли о возможности создать какое-то преступление, откровенно высказал затаенную и мучившую меня мысль о грядущей контрреволюции изнутри, гораздо более опасной, чем Деникин, Врангель и вся мировая буржуазия. Лучшего экзамена моей верности пролетариату и политической благонадежности вряд ли можно придумать.

Ан нет... Иуда-предатель сидел тут же: о его провокационных приемах, с какими он начал, говорить мерзко! С того, что мучило и томило меня, я и начал говорить, закончив заявлением, что если политика правящей партии не пойдет навстречу требованиям жизни, каких без уступок преодолеть невозможно, то на весну возможны восстания, которые приведут страну к анархии. В своем выступлении я останавливался на выдержках из речей о роли профсоюзов товарищей Ленина, Зиновьева, Троцкого и других, но не с целью их критики, а указывал, что все это враги трудящихся используют в своих целях, чтобы поднять народное движение против Советской власти.

Я останавливался на письме ЦК РКП (б) по вопросу о продразверстке, для сравнения одного пункта этого письма с другим пунктом о мерах нажима, какие выработаны в Ейском отделе по выкачиванию этой продразверстки, пунктом, какой не мог бы придумать и злейший враг социальной революции. На всем этом, повторяю, я останавливался, как на фактах, играющих на руку контрреволюции. Так посмотрела и газета «Беднота» № 885 от 26 марта, то есть позже моего. Там сказано «Разногласие по отдельным вопросам враги старались (я 8 февраля говорил «постараются») изобразить как начало раскола и распада

партии».

Повторяю снова, что делал я это с целью оттенить серьезность переживаемого момента и что нужно предпринять, чтобы предотвратить всякую попытку к восстанию.

После обмена мнений, подчеркнувших опасность положения для Советской власти, я предложил, как уезжающий в распоряжение Главкома Республики, такой план. Они пятеро представят на первых порах основную ячейку, а по усвоении некоторых требований из брошюры «Республика Советов» организуют впоследствии побочные ячейки с целью:

- 1) Бороться организованным путем через комячейки, партийные и беспартийные собрания и конференции с примазавшимися к компартии и Советской власти белогвардейцами и другими вредными элементами.

- 2) В случае восстаний, наступления анархии, порыва связи с руководящими органами ячейки явились бы оплотом и защитой Советской власти на местах.

- 3) Если бы иностранные штыки поляков и румын, недобитый Врангель, подталкиваемые Антантой, стали вновь угрожать Москве, то все ячейки со всеми добровольцами, по моему зову, должны идти на спасение центральной Советской власти, причем я подчеркнул, что последняя задача может и не быть.

И всего этого не отверг и доносчик на допросе при очной ставке. Я лишь не смог дать точного определения этим ячейкам, но духовное их содержание вне всякого сомнения.

Газета «Правда» № 57 подсказала уже в тюрьме мне их название своей статьей «О советских ячейках». До сих пор были, как известно, лишь комячейки. Для более правильного понимания ячейками своей работы я передал товарищам по беседе брошюру «Республика Советов», обещая впоследствии выслать ее в достаточном количестве.

Так как борьба с местным злом в лице некоего продавца и других к цели не ведет, то было решено, что ячейка из пяти будет мне иногда секретно сообщать о злоупотреблениях, дабы я мог действовать через видных членов ВЦИК. Вот основные причины установленного между нами шифра. Все это и привело меня к тюремным мукам.

Где же тут хотя бы малейшее указание на организацию мною восстания на Дону против Советской власти?

Если я виноват, то виноват лишь в том, что как коммунист не должен бы был вне партии организовывать этой ячейки, но, повторяю, что не видел в связи с грозной действительностью ничего в этом преступного. Если я виноват, то только в нарушении партийной дисциплины. Ну а «Рабочая оппозиция»?

Скверное это слово — донос. В одних оно возбуждает страх, в других — презрение, как выстрел из-за угла или удар кинжалом в спину. Такое отношение к доносу не случайно. Оно унаследовано нами от мрачного прошлого, когда обвинение падало на человека внезапно, как громовой удар с безоблачного неба, когда не доносчику приходилось доказывать вину обвиняемого им, а последнему — свою невиновность.

В таком именно положении нахожусь я и прошу Вас восстановить истину.

Я находился весь во власти чувств исполненного мной долга перед рабоче-крестьянской революцией в борьбе с Врангелем. Я отдыхал, смыв позор за мое вынужденное выступление в 1919 году. И вдруг — снова тюрьма.

Если белым не удалось поймать меня и повесить «на сухой осине», как они писали в своих газетах, несмотря на состоявшееся премирование моей головы генералом Красновым — 22 июня 1918 года в 200 тысяч рублей и вторично в августе — 400 тысяч рублей (в золотой валюте), то теперь я сомнительным работником, шкурником предан для этого родной мне власти.

Ознакомьтесь с литературой белых, что отобрана у меня при аресте и что имеется в архивах революции, и Вы увидите цель предателей. Им жалко барона Врангеля и европейской буржуазии.

Не хочу допускать мысли, чтобы Советская власть по подлому необоснованному доносу гильотинировала одного из лучших своих борцов — «доблестного командира 2-й Конной армии», как сказано в приказе РВС Республики от 4 декабря 1920 года за № 7078. Не хочу верить, чтобы подлая клевета была сильнее очевидности моих политических и боевых заслуг перед социальной революцией и Советской властью, моей честности и искренности перед ней. Не хочу верить, чтобы подлая клевета затмила яркий образ ордена Красного Знамени, этого символа мировой пролетарской революции, который я ношу с нескрываемой гордостью. Не хочу верить, чтобы под ядовитым дыханием клеветы потускнел клинок золотого почетного оружия

и чтобы минутная стрелка золотых часов остановила свой ход, когда рука предателя сдавит мое горло под его сатанинский хохот.

Не хочу верить, чтобы старый революционер, ставший на платформу Советской власти с первой минуты ее зарождения — 25 октября 1917 года, — чтобы старый революционер из царских офицеров, гонимых за «красноту», помогший генералу Каледину оставить рабочих в покое, бывший Краснова, Деникина и Врангеля, был, томим в тюрьме на радость врагам.

Я хочу верить, что вновь поведу красные полки к победе к Бухаресту, Будапешту и т. д., как я говорил, в злополучное 8 февраля злополучной для меня «пятерке», в коей нашлись провокаторы.

Откуда же я черпал такую надежду?

Прежде всего в своей невинности перед Советской властью. Затем то, что заставляло страдать и неотвязчиво стучало в голову, признано Вами и X съездом партии; «Без сплоченного союза рабочих и крестьян победа невозможна. Что эти основные силы, на которых держится революция, — разлагаются, и наша задача снова сплотить и объединить их, чтобы каждый понял, что усталость грозит не только партии коммунистов, но всему трудовому населению республики». (Газ. «Правда» № 63.)

Я ратовал за самостоятельность трудящихся масс — смотрите показание следователю от 26 февраля, а 22 марта появляется статья в газете «Правда» № 61, где говорится, «что нужна самодеятельность земледельца». Отстал ли я или забежал и тут — не знаю.

Все вышеизложенное, в связи «с новым поворотом в хозяйственной политике Советской власти» (газ. «Правда» № 62), в связи со «взятым курсом на решительное сближение с массами» (газ. «Правда» № 58), дает мне веру, что ВЦИК по Вашему докладу ускорит мое освобождение, ибо я не признаю за собою никакой вины.

Режим тюрьмы пагубно действует на мое слабое, расшатанное тяжелою многолетнею борьбою здоровье. Я медленно чахну.

Что помогло мне сделать на протяжении месяца, с 5 сентября по 5 октября 1920 года, 2-ю Конную армию не только боеспособной, но и непобедимую, несмотря на двукратный ее перед этим разгром, несмотря на пестрое пополнение,

бросавшееся наспех республикой со всех концов? Только искренний голос души, которым я звал разбить Врангеля. Только таким голосом можно увлечь массу. Эхо его Вы найдете в моих мемуарах «Как начался разгром Врангеля», отобранных у меня при аресте.

«К массам» — главный лозунг X съезда. И если этот лозунг иллюстрировать декретом (газ. «Известия» № 67) о разрешении свободного обмена, продажи и покупки хлебных и зернофуражных продуктов, то, казалось бы, что для Советской власти как раз наступило время через меня как партийного и для партии претворить в жизнь во всей силе брошенный лозунг и решительно сблизиться с массами, — а меня вместо этого бросили в тюрьму. Этот новый декрет перенес мои воспоминания назад и заставляет поделиться с Вами весьма характерным явлением нашего бурного времени.

В числе отобранных у меня при аресте бумаг и документов имеется ряд заявлений на то, как население Усть-Медведицкого округа, гонимое голодом, вынуждалось ехать в соседний Верхне-Донской округ, где еще в отдаленных станицах и хуторах имелись запасы хлеба, чтобы на последнюю рубашку выменять кусок хлеба для пухнувших детей, и как оно там безбожно обиралось.

Приемы агентов власти на местах были просты. Если им нужны были вещи, то, не допуская обмена, они отбирали их; если нужен был хлеб, то они, дав возможность совершиться обмену, выпускали назначенную жертву в путь, а потом, нагнав, отбирали хлеб.

Страдания и слезы голодных, обираемых людей заставили меня поднять этот вопрос на окружной партийной конференции в Михайловке 12 февраля 1921 года и всесторонне его осветить, дабы принять какие-нибудь меры и против надвигающегося голода, и против чинимого над голодными людьми произвола, а также и в целях приобретения на весну посевного материала, чтобы не повторить осеннего опыта, когда из-за отсутствия семян поля остались необсемененными.

Предложение мое вызвало горячие споры близоруких политиканов, не замедливших бросить мне обвинение в тенденции к свободной торговле, то есть чуть ли не контрреволюции, что заставило меня сделать протест против пристрастного освещения моей мысли. Я думаю, что это было

зафиксировано протоколом для очередного доноса на крамольные мои мысли.

Отстал ли я тут или забежал вперед, но жизнь нам показала, что и центральная власть 23 марта 1921 года своим декретом о свободном обмене, продаже и покупке стала на ту же точку зрения, что и я.

И вот за эту прозорливость меня собираются судить. Советская власть фронт принуждения заменила фронтом убеждения, на котором я был так силен (разгром Каледина, Краснова, Врангеля), но стоять в ряду бойцов этого жизненного фронта мне пока не суждено.

Если протестующий гнев товарища Стеклова (№ 62, «Правда») против французской буржуазии, томившей четырех коммунистов в тюрьме 10 месяцев до трибунала и потом их оправдавшей, помещен не для числа строк в его статье «Обреченный режим», а как глубокий протест возмущения души, то Вам, Михаил Иванович, будет понятна моя уверенность, моя глубокая надежда, что Советская власть не последует французской буржуазии, не будет томить меня не только 10–12 месяцев, есть в Бутырке примеры, но даже и лишнего дня и не доведет до медленной голодной смерти, — ведь я тоже коммунист...

Еще раз повторяю Ваши слова: «Советская власть говорит, что мы должны везде и всюду помогать усталым и истерзанным людям»; льщу себя надеждой и глубокой верой в святость этих слов и хочу думать, что я именно принадлежу к этим людям, усталым и истерзанным в борьбе за Советскую власть, и на мне прежде всего они и должны оправдаться.

Республика Советов и ее мозг — РКП (б) еще далеко не разрешили своей задачи: «Новые пути, новые задачи и новые опасности открываются перед Республикой Советов», — говорит тов. Красин (газ. «Правда» № 62).

И еще раз хочу верить, что, освободив меня от клеветы и тяжкого незаслуженного подозрения, вернув мне вновь доверие, как перед разгромом Врангеля, ВЦИК найдет во мне по-прежнему одного из стойких борцов за Советскую власть. Ведь это испытание для коммунистов не за горами. В своей речи товарищ Ленин говорил: «Оказалось, как оказывается постоянно во всей истории революции, что движение пошло зигзагами...»

(газ. «Правда» № 57).

Острые углы этих зигзагов в 1918–1919 годах больно резали мою душу за темное, невежественное, но родное мне донское казачество, жестоко обманутое генералами и помещиками, покинутое революционными силами, заплатившее десятками тысяч жизней и полным разорением за свою политическую отсталость, а в 1920–1921 годах эти углы стали еще больнее резать за судьбы социальной революции при страшной экономической разрухе.

И теперь, когда всеми осознаны эти острые углы, когда сами вожди открыто признались в том, если бы я действительно был виноват, мое оправдание, что мы зашли дальше, «чем теоретически и политически было необходимо», когда произнесено, чтобы отстающие успели подойти, а забежавшие вперед не оторвались от широких масс; когда сказано, что «мы должны помогать везде и всюду усталым и истерзанным людям», неужели клевета восторжествует над тем, кто искренне и честно, может быть, спотыкался и ошибался, отставая и забегая, но шел все к той же, одной для коммунистов цели — для укрепления социальной революции.

Неужели светлая страница крымской борьбы, какую вписала 2-я Конная армия в историю революции, должна омрачиться несколькими словами: «Командарм 2-й Конной Миронов погиб голодной смертью в Бутырской тюрьме, оклеветанный провокацией».

Да не будет сей позорной страницы на радость битым мною генералам Краснову и Врангелю и председателю Войскового круга Харламову.

1921 год. 30 марта. Бутырская тюрьма.

Остаюсь с глубокой верой в правду — бывший командарм 2-й Конной армии, коммунист Ф. К. Миронов».

Наивный человек — Миронов... Он пытался им растолковать, что не виновен ни в одном из предъявленных обвинений. Что он чист перед людьми, Родиной и своей совестью. Но враги и без него это хорошо знали.

Им ведь нужна была кровь именно ничем не опороченного и не виновного. В этом страшная суть вампиров на теле России. Честность и правдивость всегда виднее на фоне зла — это и толкало врагов на скорейшую расправу с Мироновым.

Утром в теплый весенний день 2 апреля 1921 года его вывели на прогулку в тюремный дворик. Единственного. Небосвод был залит светом, и этот опаловый свет вздымался прямо, высоко. Тихое, светлое утро чем-то обнадеживало и ободряло. Какая-то птица взобралась на лучик солнца и что-то верещала. Неужто жаворонок?! Бывало, мальцами бегали под окнами куреней, держа в руках испеченных матерью «птенцов» и с радостными криками на вытянутых руках понукали их взлететь выше, выше в синее небо.

Филипп Козьмич не мог знать, что написанное им два дня назад письмо ни к одному из адресатов не попало и только ускорило развязку. Чьи-то неведомые уста процедили зловещий приказ.

До Миронова долетел теплый ветер, бродивший острым хмелем оттаявшей земли. Первый могучий порыв весны шумно и широко катился над суровыми полями.

Часовой на вышке вскинул винтовку. Прицелился...

Выведенный на прогулку Филипп Козьмич почувствовал, как терпко пахнет обогретая солнцем влажная зябь. Тепло. Беспредельное тепло разлилось по телу. Потомственный крестьянин, он чуял запахи просыпающейся земли. И словно увидел, как истлевает в пойме Дона последний снег, услышал скрип плуга, отряхивающего черный лоснящийся пласт от косм прошлогоднего желтого былья.

Глубоко вздохнул. Весна — это надежда.

Сухо грянул выстрел — мир оборвался... Миронов упал лицом в тающий, грязный снег. Будто исчез в нем. Будто никогда и не было его на белом свете.

Подбежали надзиратели. Торопливо, сопя и зло чертыхаясь, подняли и унесли безжизненное тело.

Удивительным свойством, несмотря на свою сверхпрочность и толщину, обладают неприступные тюремные стены — насквозь «просматриваются» и «прослушиваются», и никакая тайна в них не задерживается, становясь почти мгновенно достоянием всех ее обитателей. Объяснить этот феномен никто не брался со времен создания тюремных казематов и по сей день не берется, считая, по-видимому, что легче просто пользоваться этим «благом», чем заниматься неразрешимой загадкой.

По Бутырской тюрьме прошелестел зловещий шепоток: командарм легендарной Второй Конной армии Филипп Козьмич Миронов предательски убит часовым с тюремной вышки в прогулочном дворике.

Бывает судьба не только трагична, но и немилосердна к человеку — всю жизнь сражаться за Родину, любить ее до самопожертвования и в конце

концов быть трижды приговоренным к смертной казни, да еще и на посмертном имени нести клеймо предателя и изменника.

А какими доблестями обладал этот необыкновенный человек! Умен. Храбр. Мудр. Совестьлив. Правдив. Влюблен. Страстен. Только таким подвластны великие дела. И право быть истинно Человеком. И неожиданно жгучее недоумение — как же быть с посланием пророка: каждому дается по вере его? А ведь Миронов, как никто, верил в идеалы переустройства человеческого общества.

Значит, похоронить сны и молитвы? Славу и боль за Родину? Память и вечность? Дон и безбрежные степи вместе с серебром тоскующего ковыля и полудикими конями, в гривы которых вплетается солнечный ветер? И жизнь, кажущуюся вечной?.. Или он прозрел и понял губительность дела всей своей жизни? Или ложь, торжествуя, победила величие его подвига?..

И кажется, последним актом глумления над верующим, правдивым и истерзанным Мироновым явился документ, который утверждал, что командарм Второй Конной армии находится во внутренней тюрьме ВЧК...

«Заключение. 1921 года, августа 13 дня, я, Сотрудник по поручению 16 спец. отдела ООВЧК Копылов, рассмотрел настоящее дело по обвинению в организации контрреволюционных ячеек с целью свержения коммунистической партии бывш. командиром 2-го конкорпуса (Вторую Конную переименовали во Вторую конкорпус. — Е. Л.) Миронова Филиппа Козьмича, 48 лет, происходящего из казаков станицы Усть-Медведицкой.

На произведенном по сему поводу следствии выяснилось, что направлявшийся в распоряжение Главнокомандующего Всеми Вооруженными Силами Республики на основании приказа по войскам Кавфронта от 20.1. с. г. за № 160 § 1 и телеграммы заместителя Председателя Рев. Совета Республики от 4.XII — п. г. за № 7078 и имевший 10-дневный отпуск от Рев. Воен. Совета Кавфронта бывш. командующий 2-м конкорпусом Миронов 6 февраля проезжал в станицу У.-Медицическую через слободу Михайловку, не явился ни в Нарком, ни в Ревком, ни в штаб командующего У.-Медведицкого Военного округа, а остановился ночевать у кулака станицы Арчадинской, наказав в Исполкоме лошадей на утро следующего дня для дальнейшего передвижения. Утром 7.11, явившись в Арчадинский Исполком, Миронов в присутствии граждан избил предисполкома тов. Барышникова за неприготовление лошадей к просимому времени, избиевание тов. Барышникова Мироновым сопровождалось словами: «Неудивительно, что такие старые революционеры, как Вакулин, восстают против такой сволочи из коммунистической партии, где сапожники не делают дела, а управляют

государством». (Барышников — бывший белогвардеец, которого Миронов брал в плен в 1918 году. — Е. Л.)

2. 8.11 вечером на квартире Миронова после состоявшегося митинга в станице У.-Медведицкой, на котором выступал Миронов, восхваляя бандита Вакулина (явная ложь, потому что, наоборот, Миронов осудил действия Вакулина. — Е. Л.), состоялось собрание, на котором Миронов коснулся формы правления РСФСР и подчеркнул, что в данное время правит государством не народ, а маленькая кучка людей: Ленин, Троцкий и др., которые бесконтрольно распоряжаются достоянием и честью народа. Попутно Миронов останавливал внимание участников собрания на инородническом происхождении лидеров партии и наталкивал их мысль на то, что такое положение неустойчиво и ненормально. Для большей вескости и авторитетности своего мнения Миронов сослался на беседу с председателем ВЦИК Калининым, который якобы также не уверен в прочности существующего строя. Коснувшись международного положения Советской Республики, Миронов подчеркнул то обстоятельство, что блокада Республики не прорвана, рабочие Запада отвернулись от Российского пролетариата, и Антанта не отказалась от интервенции, и весной Врангель по главе 60 тысяч армии при поддержке иностранцев предпримет поход против Советской власти. Развивая дальше мысль свою, Миронов указал, что Ленин и Троцкий, разочаровавшись в революционности западно-европейского пролетариата, направляют свою агитацию на Восток, с целью зажечь его огнем революции. Миронов остановился на политике Советской власти в казачьих областях, стремящихся к тому, чтобы казаков из положения хозяев и господ обитаемых ими земель поставить в положение подневольное. Такая политика Советской власти в целом, по мнению Миронова, приведет Республику к краху, который произойдет весной или осенью этого года. Подготовив в умах участников собрания антисоветское настроение, Миронов предложил организовать ячейки и рекомендовал на первых порах не отходить от Советов, а работать в них. Задача этих ячеек — бороться с коммунистами и развивать в массах идею необходимости учредительного собрания. Для технической связи и конспирации Миронов ознакомил участников собрания с шифром, причем раздал каждому слепок сургучной печати и схему организаций контрреволюционных ячеек. На заседании Миронов доложил об антисоветских настроениях кубанских казаков, делегация которых жаловалась ему на свою судьбу, на что Миронов ответил, что если они будут восставать, то он их будет усмирять. Миронов тут же разъяснил, что кубанцы поняли его не в буквальном смысле слова, а

иносказательно, т. к. он их никогда не будет подавлять. По окончании заседания Миронов рекомендовал всем держаться конспиративно и не болтать о данном соседям.

3. На телефонограмму члена Донисполкома, председателя Тройки по восстановлению Советской власти в У.-Медведицком округе с сообщением, что именем Миронова злоупотребляют банды Вакулина, определенно утверждает, что в своих действиях против Советской власти встретят поддержку его, Миронова, и что демобилизованные из 2-й Конной упорно твердят о том, что с приездом Миронова начнется чистка, а посему просил написать воззвание к населению с опровержением этой клеветы, связанной с его именем, и указать преступность, провокационность подобных слухов и на митингах проводить эту линию. Миронов ответил, что к подобному роду слухов он относится безразлично, ибо его имя треплется повсюду.

4. 10 февраля Миронов явился на партийную конференцию в ел. Михайловка, на вопрос присутствующего на конференции члена Донисполкома, поручившего Миронову от имени Окрпарткома выпустить воззвание к населению с опровержением гнусных наветов в связи с его именем, выполнил ли он это поручение, Миронов ответил уклончиво: «Голова болит». В приветствии 2-й Конной Миронов на конференции подчеркнул свои персональные заслуги и высказал так: «Мы выполнили свой долг, а коммунисты на местах окопались и ничего не делают, и необходимо произвести чистку партии». Два раза Миронов пытался сорвать конференцию, но безуспешно. В посевной кампании Миронов выступил с предложением разрешения покупки семян на вольном рынке в соседних губерниях. Касаясь госразверстки, Миронов возмущался тем, что у крестьян силою оружия отнимают хлеб. По мнению Миронова, коммунисты должны честно признать, что из создавшегося положения они страну не выведут, и потому должны отойти от власти. По докладу хозяйственного строительства Миронов в своей речи заявил, что необходимо объявить свободную торговлю хлебом. Коснувшись на конференции Вакулина, Миронов не счел нужным заклеить его, как изменника, а, наоборот, обозвал его честным революционером и коммунистом, вынужденным восстать благодаря безыдейным коммунистам и ненадежности Советского аппарата. Характерно, что на конференции всех возражающих ему и инакомыслящих Миронов называл господами, Миронов противопоставил себя, пользующегося доверием населения, — коммунистической партии и органам Советской власти, к каковым население относится враждебно.

11 февраля начали прибывать на станцию Арчада части конкорпуса.

Высланною разведкою установлено, что красноармейцы определенно ждали Миронова, который должен сделать чистку их тыла и примазавшихся коммунистов и вообще установить новый порядок. Положение создавалось серьезное — запахло антисоветским душком среди местного населения. Достоверно подтверждается, что Миронов имел тайную связь с темными и подозрительными элементами.

На основании вышеизложенного и принимая во внимание, что организация авантюристов с целью свержения коммунистической партии является не первой авантюрой Миронова, полагал бы о применении высшей меры наказания обвиняемому Миронову... Что же касается арестованной Мироновой Н. В., жены обвиняемого Миронова, за отсутствием улик обвинения полагал бы о необходимости изолирования в пределы Архангельской губернии, ввиду возможности со стороны ее зловредной агитации, могущей пагубно отразиться на казачестве Донской области, среди коего имя Миронова популярно.

Справка: Миронов Ф. К. содержится во внутренней тюрьме ВЧК.

Сотрудник поручений 16 Спец. отд. В. Копылов». 13.8.21 г.

На этом «Заключении» резолюция: «Тов. Копылов. 1) Миронов расстрелян». 23.8.21 г.

Значит, Копылов не только зря старался подвести Миронова к ВМН (аббревиатура чекистов — высшая мера наказания), но и вообще не знал, что его подследственного давным-давно нет в живых.

Кто-то из убийц командарма пустил утку, что Миронов расстрелян по постановлению Президиума ВЧК от 2 апреля 1921 года. Откуда же могло появиться это постановление, если «Заключение» Копылова появилось на божий свет в августе 1921 года?

Не было такого постановления ВЧК!.. Это доказывают сами же чекисты.

В конце пятидесятых годов, когда коснулось дело о реабилитации безвинно убиенного командарма Второй Конной армии Филиппа Козьмича Миронова, они кинулись искать это самое мифическое постановление Президиума ВЧК от 2 апреля 1921 года и нигде не могли его обнаружить... Поднялась своеобразная паника и лихорадочная переписка на самом высоком уровне. Прочитав секретные и совершенно секретные документы, судите сами.

«Секретно. Экз. № 1. Начальнику Особого Отдела Комитета Госбезопасности при Совете Мин. СССР по СКВО генерал-майору тов. Мисюреву. Направляю при этом архивно-следственное дело № 115066 по

обвинению бывш. команд. 2-й Конной Армией Миронова Филиппа Козьмича, расстрелянного по Постановлению ВЧК от 2 апреля 1921 года, и жалобу его сына Миронова А. Ф., в которой он просит выяснить судьбу отца, прошу Вас произвести по делу и жалобе дополнительную проверку в порядке ст. 373 УПК РСФСР. При производстве проверки необходимо приложить к делу копию Постановления ВЧК от 2 апреля 1921 года о расстреле Миронова Ф. К., так как в деле этого документа нет...

Врио зам. военного прокурора СКВО полковник юстиции Кузнецов». 13 октября 1958 года.

«Комитет Государственной безопасности при Совете Министров СССР. Начальнику 6-го сектора Особого Отдела КГБ при Сов. Мин. СССР по Северо-Кавказ. воен. округу полковнику т. Бурдину. На № 6/1–6793 от 28.X.1958 г. сообщаем, что по сведениям 1 спецотдела МВД СССР Миронов Филипп Козьмич значится осужденным 2.4.1921 г. Президиумом ВЧК к расстрелу. Просмотром протокола заседания Президиума ВЧК от 2.4.1921 г., а также и других протоколов заседаний Президиума ВЧК за апрель м-ц 1921 года Миронов проходящим по указанным протоколам не значится. Для уточнения просим выслать в наш адрес архивно-следственное дело на Миронова за 1921 год, которое по миновании надобности будет возвращено. Начальник 8-го отделения учетно-архивного отдела подполковник Смирнов». 11 ноября 1958 года.

«Секретно. Экз. № 1. Начальнику учетно-архивного отдела КГБ при Сов. Мин. СССР полковнику т. Плетневу, г. Москва. В дополнение к нашему № 6/1–6798 от 28.10.58 г. В феврале 1921 года Миронов вновь был арестован и по решению ВЧК в апреле 1921 года расстрелян. Никаких документов о помиловании Миронова и подлинного решения ВЧК от 1921 года в его деле нет. Просим Вас дать указание проверить и сообщить нам:

...3) С ведома кого и на основании какого решения ВЧК Миронов в 1921 году был вновь приговорен к ВМН и было ли это решение приведено в исполнение. Заместитель начальника Особого Отдела КГБ при Сов. Мин. СССР по СКВО полковник Деркач. Начальник 6-го сектора Особого Отд. КГБ при Сов. Мин. СССР по СКВО полковник Будрин». 13–14 ноября 1958 года.

«Секретно. Экз. № 1. Зам. нач-ка 00 КГБ при Сов. Мин. СССР по СКВО — полковнику т. Деркач. В дополнение к нашему № 16/8–332611 от 11.9.1958 г. Возвращая Ваше письмо № 6/1–7164 от 14 ноября 1958 г.,

сообщаем, что интересующих Вас сведений на Миронова Филиппа Козьмича в УАО КГБ при СМ СССР не имеется. Зам. нач-ка учетно-архивного отдела КГБ СССР подполковник Федоров. Нач. 8-го отделения подполковник Будрин». 13–14 ноября 1958 года.

«Секретно. Экз. № 1. Зам. Главного военного прокурора полковнику юстиции т. Викторову Б. А. на № 6к — 3692 от 9 июня 1959 года. В протоколе заседания Президиума ВЧК от 2 апреля 1921 г. Миронов Филипп Козьмич не упоминается. При проверке были просмотрены все подлинные протоколы заседаний Президиума ВЧК за 1921 год. По этим протоколам Миронов Ф. К. также не проходит. Из Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров СССР сообщили, что у них никаких сведений о Миронове Филиппе Козьмиче не имеется. Начальник 3-го отдела Следуправления Комитета Госбезопасности при Совете Мин. СССР полковник Иващенко». 7 августа 1959 года.

«Совершенно секретно. Экз. № 1. Главному военному прокурору генерал-майору юстиции т. Горному А. Г. на № 6а — 3692–59. Согласно Вашей просьбе нами были просмотрены постановления Президиума ВЧК по уголовным делам за 1921–1922 гг. и архивы Ф. Э. Дзержинского. Материалов на проверяемого Гл. Воен. Прокуратурой Миронова Филиппа Козьмича не обнаружено. Начальник Следственного управления КГБ при СМ СССР генерал-майор юстиции Чистяков». 20 ноября 1959 года.

Все уперлись в глухую стену. Вор у вора дубинку украл. Преступники на месте своего злодеяния стараются следов не оставлять. В этом деле клика Троцкого — Склянского — Менжинского достаточно преуспела...

*

Победителей не судят. Но даже эта народная мудрость не спасла его. Спасла только память народа, которая всегда честна и справедлива, и никогда не предает своих истинных СЫНОВ-ГЕРОЕВ.

Долгие годы — целых сорок лет — висело клеймо предателя и изменника на светлом имени Филиппа Козьмича Миронова, висело до тех пор, пока народ не доказал, что все обвинения против него оказались ложью и клеветой. Правда восторжествовала! Память о нем воскрешается... Мужество и величие духа сынов России — это мудрый и строгий наказ нам, живущим и будущим поколениям: никогда не должны

повториться трагические страницы жизни народа Родины. Никогда!

Мы обязаны не только воскресить память о достойных сынах Отечества, но и закрепить ее для наших потомков, создав пантеон национальных героев России. У всех цивилизованных народов он есть У нас нет...

Миронов оставил нам неоценимую возможность понять, что значит разумное, гуманное общество без насилия и зла. Честь, благородство и достоинство. Долг, верность и высокий смысл жизни, отданный за верность Отечеству.

Да светится имя твое, чистосердечный, прямодушный, легендарный и глубоко несчастный донской казак Филипп Козьмич Миронов!

Основные даты жизни и деятельности Филиппа Козьмича Миронова

27 октября 1872 года родился в хуторе Буерак-Сенюткин Усть-Медведицкого округа, области Войска Донского (ныне Серафимовичский район Волгоградской области).

1880–1883 — учился в Усть-Медведицкой церковноприходской школе.

1884–1886 — учился в Усть-Медведицкой гимназии.

1890–1894 — проходил действительную военную службу.

1895–1898 — учился в Новочеркасском юнкерском казачьем училище.

1898–1903 — служил в 17-м Донском казачьем полку имени Бакланова.

1903–1904 — служил атаманом станицы Располинской.

1904–1905 — участвовал в русско-японской войне. За геройские подвиги награжден четырьмя орденами.

14 июня 1906 года на станичном сходе отчитывался о поездке в Государственную думу.

18 июня публично выступал против царского самодержавия.

30 сентября 1906-го за неблагонадежность уволен из армии.

1907–1914 — помощник смотрителя рыбных ловен в гирлах Дона.

1914–1918 — участвовал в боевых действиях на фронте империалистической войны. Командир сотни разведчиков. Помощник командира полка. Командир полка. Получил чин есаула, потом — войскового старшины. Награжден двумя орденами и золотым Георгиевским оружием.

17 января 1918 года избран командиром 32-го казачьего полка. В мае командовал войсками Усть-Медведицкого округа. В июле — Усть-Медведицкой бригадой. В сентябре награжден орденом Красного Знамени № 3. В ноябре — серебряным оружием и золотыми часами. С ноября по январь 1919-го командир 23-й стрелковой дивизии и группы войск.

1919 — врид командующего Литовско-Белорусской армии и 16-й армии Западного фронта. Потом командующий этими армиями. С июня член Казачьего отдела ВЦИК и командир Особого экспедиционного корпуса в Саранске. 8 июля встречался с В. И. Лениным. 24 августа без согласования с командованием Южного фронта выступил на фронт с недоформированным корпусом. 13 сентября остатки корпуса были

окружены войсками Буденного, а сам Миронов по приказу Буденного приговорен к расстрелу.

5 октября 1919 года состоялся суд в Балашове, который приговорил Миронова к смертной казни. 8 октября ВЦИК помиловал Миронова. 23 октября был избран в состав Донисполкома, где заведовал земельным отделом и противочумным кабинетом. 23 октября принят кандидатом в члены партии, в январе 1920 года получил партбилет № 755912

1920 — август — назначен командармом Второй Конной. Октябрь — Вторая Конная армия начала разгром войск Врангеля и завершила его 12 ноября. 25 ноября Президиум ВЦИК наградил Миронова почетным революционным оружием — шашка с впаянным в позолоченный эфес орденом Красного Знамени: «За доблестное руководство войсками армии при разгроме Первого конного корпуса противника, чем решил участь Мелитопольской укрепленной позиции».

30 января 1921 года выехал в Москву на должность Главного инспектора кавалерии РККА РСФСР. В феврале М. В. Фрунзе представил Миронова к награждению вторым орденом Красного Знамени: «За исполнительную энергию и выдающуюся храбрость, проявленную в последних боях против Врангеля».

В ночь на 13 февраля 1921 года арестован в слободе Михайловне и препровожден в Москву, в Бутырскую тюрьму. 2 апреля в одиночном прогулочном двореке был убит часовым с караульной вышки.

15 ноября 1960 года посмертно реабилитирован.

Краткая библиография

Ленин В. И. ПСС, т. 11, 13, 34, 38, 50.

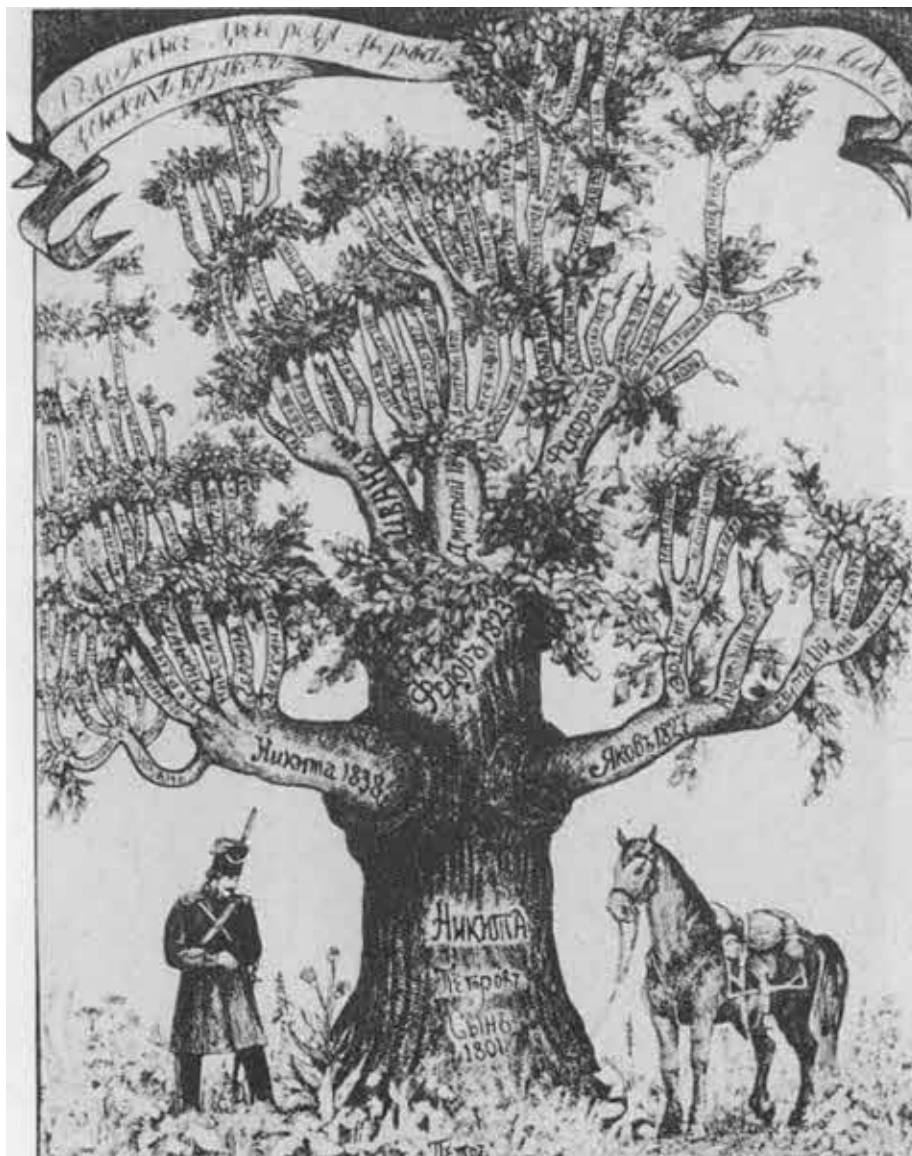
ЦГАСА, ф. 246, 1304, 100, 1258, 198, 33987, 7713.

ЦПА, ф. 17.

ЦГВИА, ф. 4, 2126, 5.

ЦГОАР, ф. 1235, 130, 102.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Родословное древо дворянского рода донских казаков.

Донской казак в отпуске.

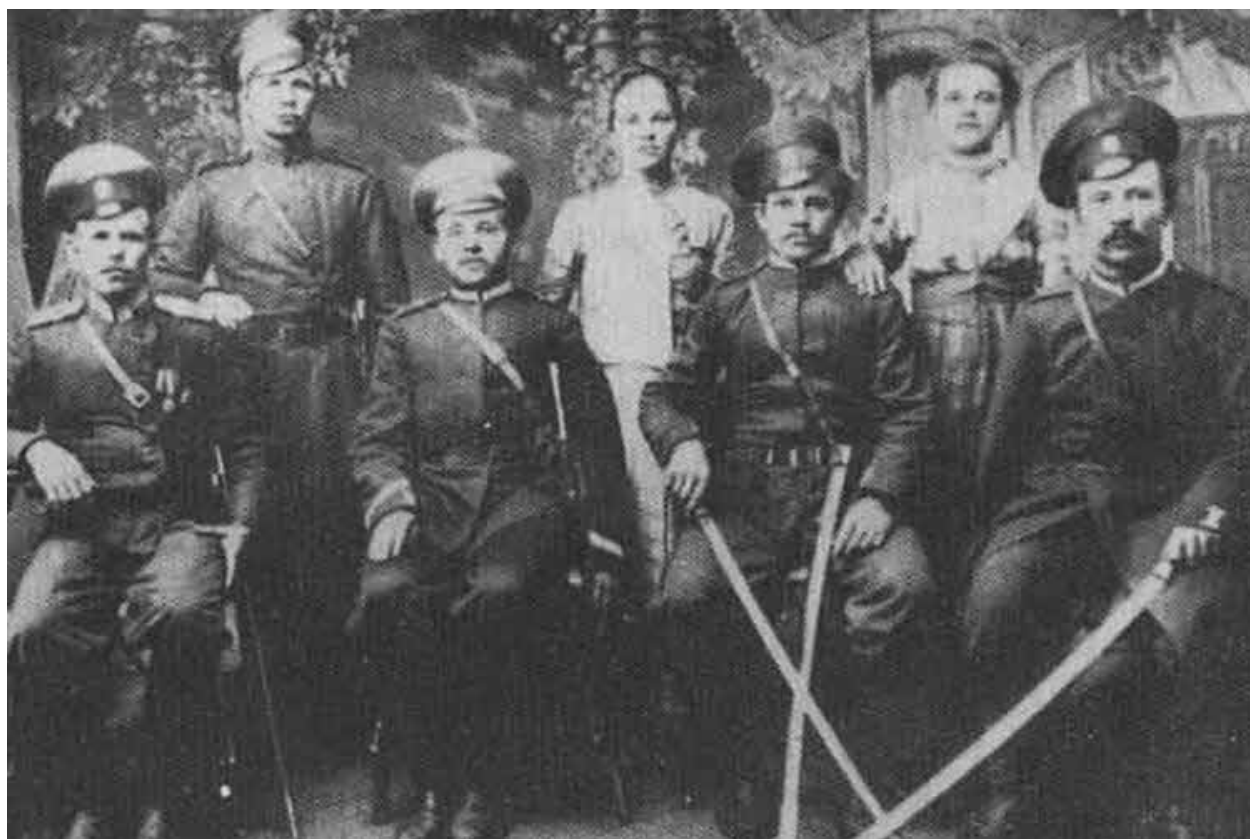
Урядник Войска Донского.

Семейство терского казака.

Донские казаки. Фотография на память.

Донские казаки. Фотография на память.

Знаменосец казачьего полка. 1915 г. Барановичи.

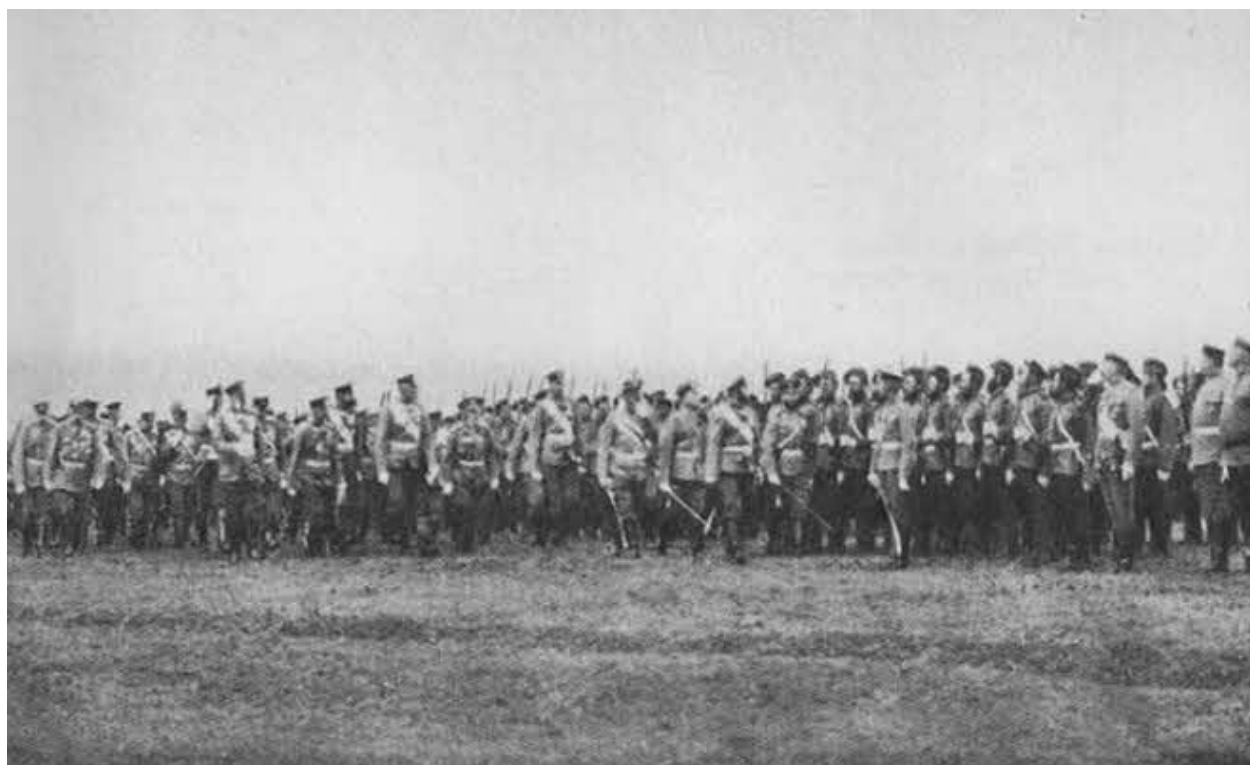
Подъесаул Ф. К. Миронов с женой и детьми.

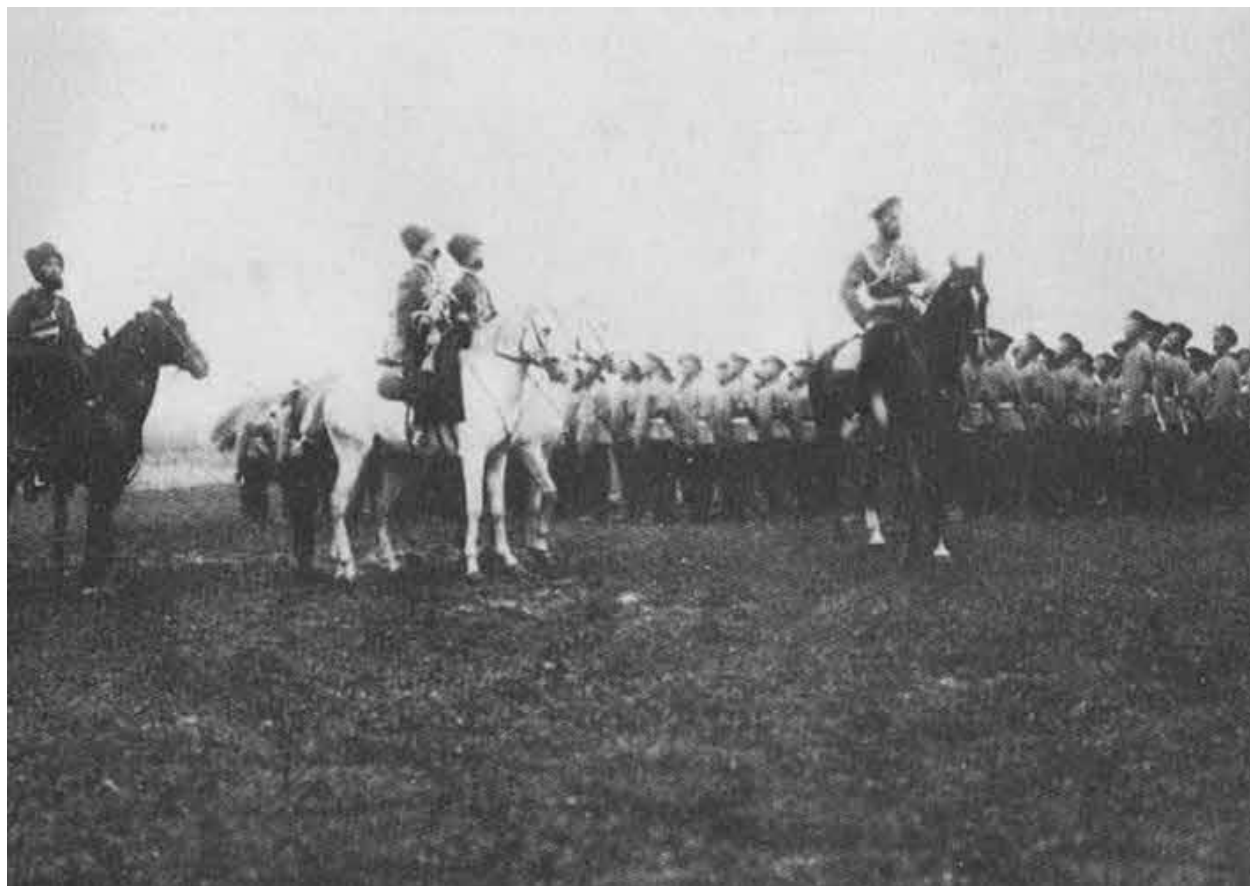
Казаки-урядники с женами и детьми.

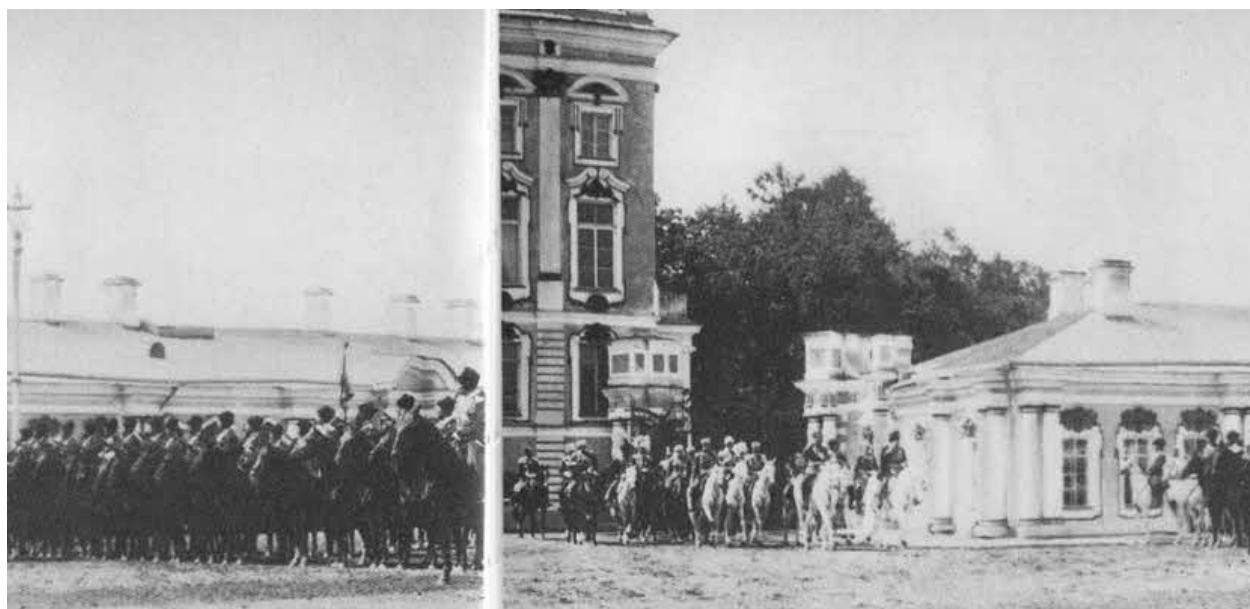
*Рядовые казаки станицы Нижне-Гниловской Мартынов Гавриил и
Мартынов Тимофей.*

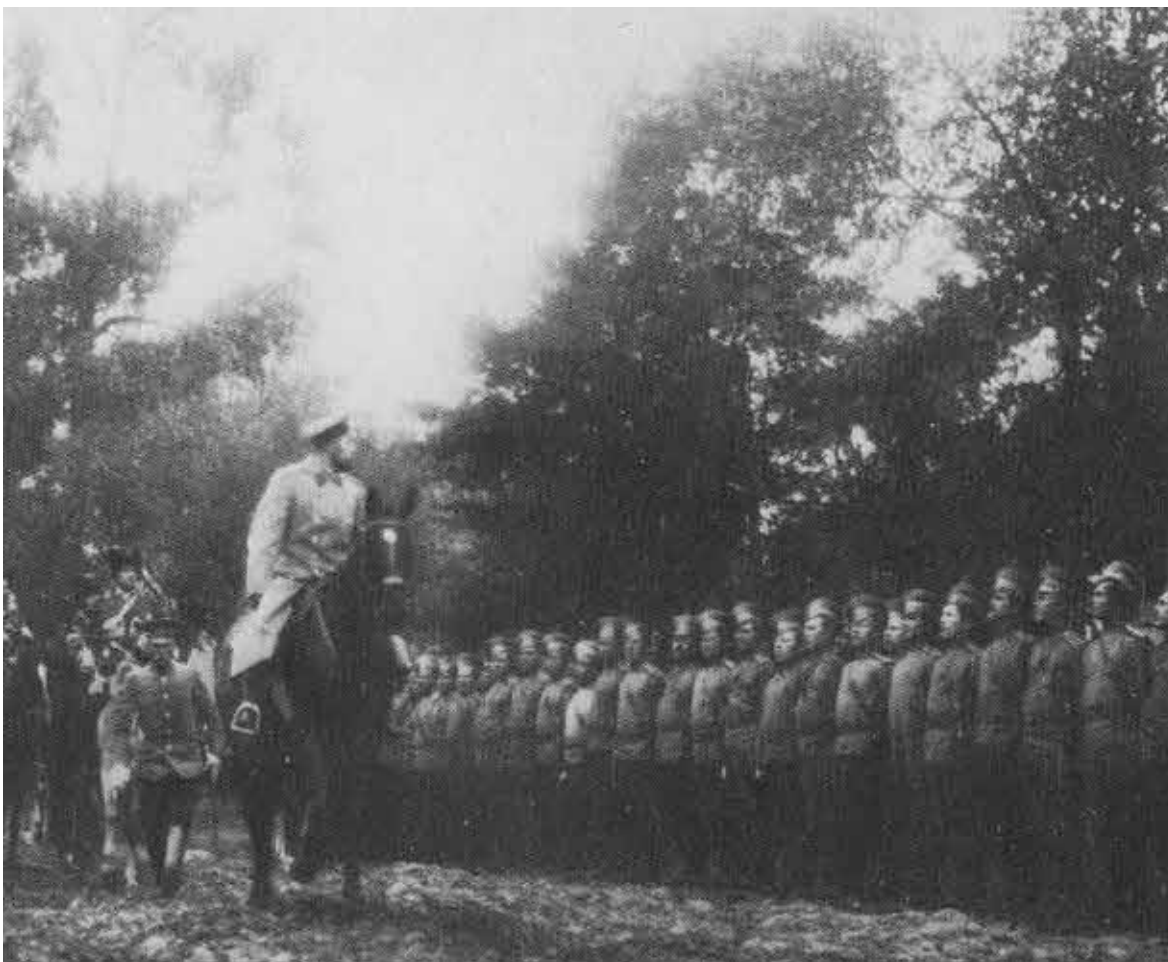
Приезд Николая II в казачий полк.

Донские казаки перед парадом.

Донские казаки в конном строю. Царское Село. 1913 г.

Николай II производит смотр молодых казаков.

Памятник атаману М. И. Платову в Новочеркасске.

Приходский священник Грачевской церкви Св. Николая Федор Стефанович Лосев с матушкой Пелагеей Ивановной.

Донские казаки.

Казакъ К. КРЮКОВЪ
рнколовшій 11 нѣмцевъ, получившій 16 ранъ

Герой первой мировой войны казак К. Крючков.

Есаул Ф. К. Миронов.

Донские казаки.

Казак с женой.

Лейб-гвардии казак с женой.

*Последний командир лейб-гвардии его Императорского Величества
казачьего полка войсковой старшина Борис Федорович Дубенцов
(сидит).*

Донские казаки

*Лейб-гвардии есаул Александр Никитич Губарев, уроженец станицы
Екатери́нинской.*

Красноармейцы с комендантом агитпарохода «Красная звезда». 1920–1921 гг.

Разведчики Второй Конной армии.

Донской казак

Войсковой старшина Ф. К. Миронов у гроба сына Никодима, убитого на фронте империалистической войны.

Ф. К. Миронов: подьесаул... командарм... Орден Красного Знамени № 3 и золотое оружие, которым был награжден Ф. К. Миронов.

Ф. К. Миронов передал свечу смертника своему адвокату.

Николай II вступает на землю Екатеринбурга...

Казаки вернулись с охоты.

Ф. К. Миронов с защитником в зале суда гор. Балашова. 1919 г.

Е. Ф. Лосев.

Боевой путь 23^й усть-медведицкой стрелковой дивизии 9^й армии Южного фронта в Гражданской войне с мая 1918 по апрель 1920 г.

Преобразование бригады в 1-ю Советскую усть-Медведицкую стрелковую дивизию - 10.10.1918г.

Р. бою под Бутурлиновом погиб смертельно герой командир кавгруппы Блинов М. Ф. - 21.11.1919г.

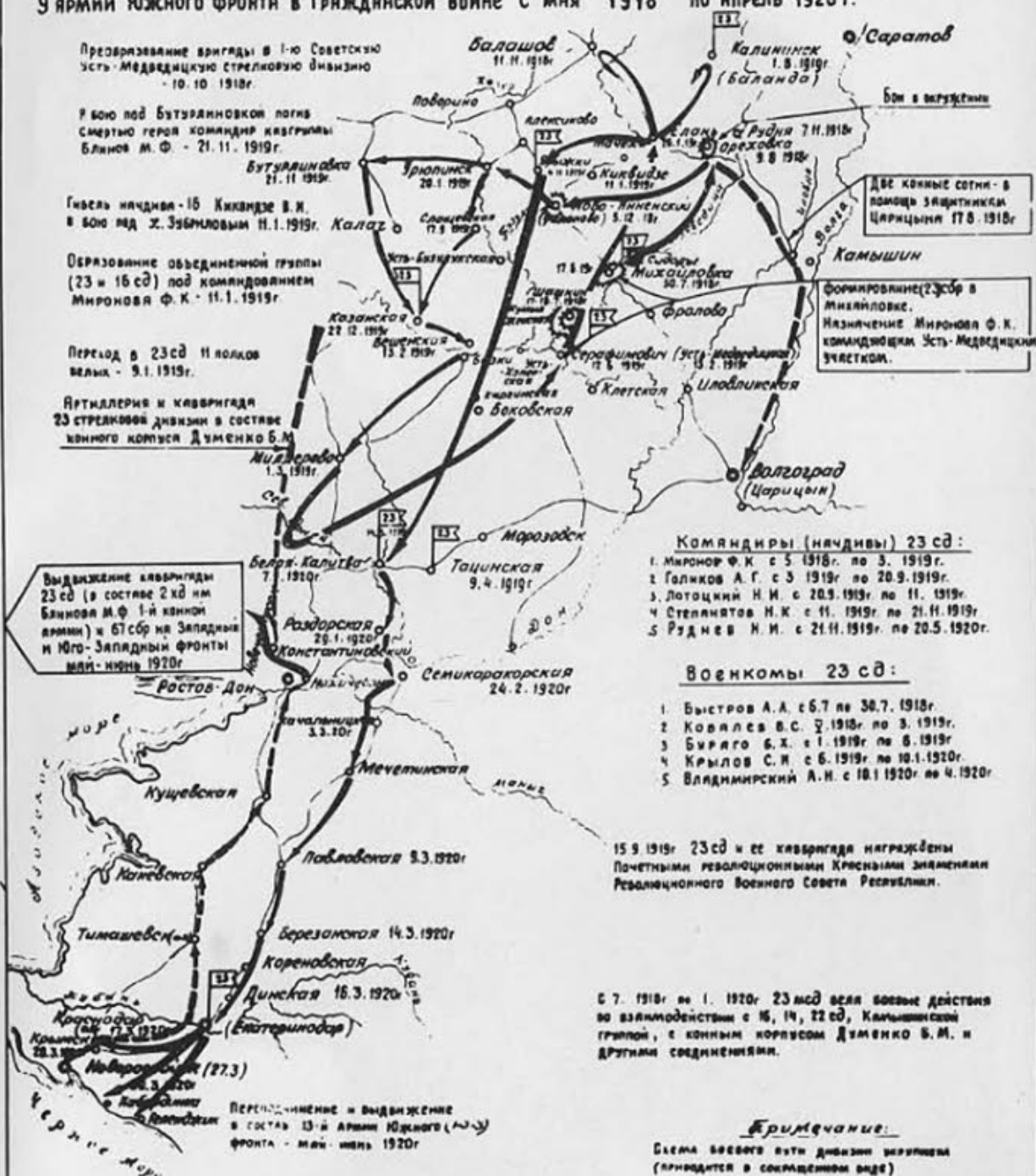
Гибель начальника 16^й Кавказе В. И. в бою под х. Забрыловым Н. И. 1919г. Калас

Образование объединенной группы (23 и 16 сд) под командованием Мирнова Ф. К. - 11.1.1919г.

Переход в 23 сд 11 полков войск - 9.1.1919г.

Артиллерия и кавбригада 23 стрелковой дивизии в составе конного корпуса Дюменко Б. М.

Выдвижение кавбригады 23 сд (в составе 2 кд им Блинова М. Ф. 1-й конной армии) и 67 сбр на Западный и Юго-Западные фронты май - июнь 1920г.

Две конные сотни - в помощь Западному Царскому 17.8.1918г.

Формирование (23 сд в Михайловке. Назначение Мирнова Ф. К. командиром Усть-Медведицкой устьемком.

Командиры (начальники) 23 сд:

1. Микрон Ф. К. с 5.1918г. по 3.1919г.
2. Голыков А. Г. с 3.1919г. по 20.3.1919г.
3. Лотоцкий Н. И. с 20.3.1919г. по 11.1919г.
4. Степанов Н. К. с 11.1919г. по 21.11.1919г.
5. Руднев Н. И. с 21.11.1919г. по 20.5.1920г.

Военкомы 23 сд:

1. Быстров А. А. с 6.7 по 30.7.1918г.
2. Ковалев В. С. с 3.1918г. по 3.1919г.
3. Буряго Б. Х. с 1.1919г. по 8.1919г.
4. Крылов С. И. с 6.1919г. по 10.1.1920г.
5. Владимирский А. И. с 10.1.1920г. по 4.1920г.

15.9.1919г. 23 сд и ее кавбригада награждены Почетными революционными Красными знаменами Революционного Военного Совета Республики.

С 7.1918г. по 1.1920г. 23 сд вела боевые действия во взаимодействии с 16, 14, 22 сд, Камышевской группой, с конным корпусом Дюменко Б. М. и другими соединениями.

Примечание:

Схема боевого пути дивизии упрощена (приводится в сокращенном виде)

Участие в разгроме и пленении 15 тысяч белогвардейцев, участие в Кавказской и Геленджикской.

(Краснознаменный Совет-Кавказский, 1971г., стр. 85).

Масштаб 1:2500000

Москва - 1976г.
Исследования по материалам Центрального Государственного архива СА Казань А. В., Комбаров А. С. и Яков Р. И.

Боевой путь 23-й Усть-Медведицкой СД.

Ревкомовец.

Казак Салов М. Г. — георгиевский кавалер.

Георгиевский кавалер — казак Зеленин А. В.

*Командир Донского казачьего корпуса Ф. К. Миронов перед расстрелом в
Балашовской тюрьме.*

notes

Примечания

1

Чирики — обувь.

ЦГВИА, ф. 4, 4-й отд., 1906, д. 158, л. 5.